

№ 2 (66). 2025

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2025 № 2 (66)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк
Дата выхода номера в свет: 23 апреля 2025. Тираж: по востребованности. Заказ № 617.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Александр Субетто. Ноосферизм как идеология России XXI века, обращённая ко всему миру	5
Юрий Горохов. Живая планета. Биосферная цивилизация. Биосферные Территории Проживания Человека	13

Проза

Григорий Блехман. Как хорошо мы плохо жили. <i>Ностальгические раздумья человека, рождённого в сороковых</i>	22
Иван Привалов. Звёзды, рождённые горами. <i>Документальная овесть. Заключение. Начало в № 6-2024 и 1-2025.</i>	37
Евгений Чебакин. «А ты, Рассея, когда за меня?!» <i>Глава из романа «Ковчег для Третьей мировой»</i>	58
Дмитрий Федотов. День, когда исчезла ложь. <i>Рассказ</i>	68
Эвелина Азаева. Скоро придёт Герой. <i>Рассказ</i>	79

Поэзия

Александр Орлов. «Проплыло солнце вдоль калитки...» <i>Стихи</i>	93
Сергей Пахомов. Снега. <i>Стихи</i>	96
Вадим Терёхин. Вино из Сучиань. <i>Стихи</i>	99
Дмитрий Филиппенко. «Предновогодняя Москва...» <i>Стихи</i>	101
Олег Мошников. Карельский берег. <i>Стихи</i>	104
Светлана Золотоног. «От моря до моря...» <i>Стихи</i>	108
Ольга Олейник. «Принеси мне вербу в изгиб дорог...» <i>Стихи</i>	110

Берега Великой Победы

Владимир Макаренко. Баллада о постовом Курицыне	113
Каспарс Димитерс. Стихи из сборника «80»	118

Берега юбилеев

Татьяна Грибанова. «Краснотал по-над речкою тощий...» <i>Стихи. К юбилею</i>	123
«Мне без Родины – никуда...» Валерий Кириллов беседует с Геннадием Сазоновым , отметившим 75-летний юбилей	127
Юрий Богомолов. Айсберг. <i>Рассказ. Продолжение. Начало в № 1-2025. К 85-летию</i>	131

Берега памяти

Анна Козырева. Памяти Валентины Мальми	135
---	-----

Берега прочтения

Эяна Суодене. Русский космос наследия Сэды Вермишевой. <i>О книге Лидии Довыденко «Бессрочный полёт» Сэды Вермишевой</i>	140
Людмила Воробьёва. Волшебство мгновения. <i>О судьбе и творчестве Натальи Советной</i> ...	152

Виктор Гужов. Буйвол-невидимка. <i>О творчестве Евгения Чебалина и его романе «Ковчег для Третьей мировой»</i>	157
Александр Нестругин. Выбор. <i>О книге Василия Килякова «Ищу следы невидимые»</i>	162
Вера Сытник. Рецензия на повесть Виктора Кустова «Вестник» (Роман-газета № 2-2022)	166
Ирина Казанцева. Детство как основа романтической сказки в «Городокском приволье» Г. И. Григорьева	174
Сухейль Фарах. Гений личности. Чингиз Айтматов: роль личности в развитии диалога цивилизаций	178

Берега переводов

Ахмет Мурат. Первый пост. <i>Стихи. Перевод с турецкого Елены Родченковой</i>	180
--	-----

Бережок

Николай Зайцев. Мужской поступок. <i>Рассказ</i>	182
---	-----

Наши друзья

О приобретении журнала	184
------------------------------	-----

Берега актуальности

Александр Субетто

Александр Иванович Субетто – профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, почётный профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (2016), доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ (2011), премии и серебряной медали Н. Д. Кондратьева (1995), премии П. А. Сорокина (2011), почётный президент Ноосферной общественной академии наук, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств, председатель Философского Совета Русского Космического Общества, полковник Космических войск СССР в отставке (служба в Вооружённых силах СССР с 1954 по 1992 год).

НООСФЕРИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ РОССИИ XXI ВЕКА, ОБРАЩЁННАЯ КО ВСЕМУ МИРУ

– 1 –

Ноосферизм как научно-мировоззренческая система и как научная идеология XXI века разрабатывается мною более 30 лет. Под моим руководством на базе Государственной полярной академии было проведено в период с 2009 по 2011 год три международных научных форума на тему «Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке». Была опубликована серия научных коллективных монографий по моей инициативе и под моим руководством как итог соответствующих научных конференций, в том числе на базе Военной академии тыла и транспорта имени генерала армии Хрулёва, Смольного университета РАО, Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и других вузов. Например, в 2013 году была издана 3-томная монография «Владимир Иванович Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке», под моей и профессора В. А. Шамахова редакцией. В 2001 году мной была опубликована капитальная монография «Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм». Я на это обращаю внимание только для того, чтобы подчеркнуть, что «ноосферизм как идеология России XXI века, обращённая к миру» теоретически уже существует и постепенно становится своеобразным направлением ноосферного научно-образовательного движения в стране.

Я передаю нашему научному собранию приветствия:

от Русского Космического Общества, в котором я возглавляю Философский Совет;

от президиума и коллектива Петровской академии наук и искусств, её президента Алексея Васильевича Воронцова;

от Ноосферной академии наук и её президента Виктора Васильевича Семикина;

от коллектива кафедры общественных наук Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, от заведующего этой кафедрой профессора Владимира Александровича Шамахова.

Мой доклад, с одной стороны, соответствует теме нашего научно-дискуссионного форума, а с другой – и выпадает из этой темы. **Тема моего доклада подкреплена моей монографией, изданной в прошлом году, «Ноосферизм – “идеология XXI века”, рождённая в России».**

В 2010 году я опубликовал научную работу-обобщение, посвящённую не только русскому гению, но и гению всемирно-исторического масштаба Владимиру Ильичу Ленину, его жизни, деятельности, политическому и научному творчеству, – **«Владимир Ильич Ленин – гений русского прорыва человечества к социализму»** (её объем – 500 страниц). Погружаясь в концепцию и логику движения своей мысли, когда я писал эту работу, я в ней сформулировал своё своеобразное кредо: **«Россия спасётся, только предъявив миру свою идеологию, спасающую этот мир от экологической гибели»**. Такой идеологией, на мой взгляд, и призван стать «Ноосферизм».

Многие современные аналитики, эксперты, общественные деятели, журналисты, следящие за динамикой международных отношений, в том числе и те, кто являются ведущими на центральных каналах российского телевидения, в том числе на таких «площадках», как круглый стол, ведомый Владимиром Рудольфовичем Соловьёвым, или дискуссионный стол «Большая Игра», или площадка «Право знать» с ведущим Дмитрием Куликовым, на которую приглашаются видные общественные деятели, эксперты, и другие, – в основном рассуждают, анализируют, делают обзоры в логике динамики «театра политических персонажей»: «Что будет с Америкой и развитием геополитической картины мира, когда станет президентом Трамп?», «Кто такой Байден и что за “глубинное государство” за ними стоит?», «Кого примерно набрал в свою команду Трамп и что сказал каждый из персонажей, вошедших в эту команду?», и список подобных персонально-ориентированных вопросов, которые звучат на всех «подмостках» СМИ, огромен.

Но почти отсутствует в публичной рефлексии не только в России, но и почти во всех странах на Земле понимание того, что мы смотрим на мир через призму кратковременных политических событий в то время, как мир живёт не столько событиями (превращающимися в «исторические факты»), сколько процессами (а события – это только кратковременные «информаторы» об этих исторических процессах).

Известный советский марксист **Владимир Георгиевич Комаров** нам оставил в наследие своё удивительное философско-теоретическое исследование, и обобщение одновременно, в виде монографии **«Правда: онтологическое основание социального разума»** (изданной после его ухода из жизни благодаря усилиям известного политэконома Василия Яковлевича Ельмеева в 2001 году). Это – фундаментальная научная работа, в моей оценке – серьёзная научно-теоретическая новация в философии обществоведения, в том числе в развитии теоретических основ марксизма-ленинизма. **В своей концепции раскрытия «логики истории» и основ бытия «социального разума» он вводит новые категории – «онтологическая правда», или «правда истории», и «онтологическая ложь», или «ложь истории».**

Так вот, по теоретической концепции В. Г. Комарова, «онтологическая ложь», или «ложь истории», существует. Она есть отклонение истории от своего магистрального пути, которое по времени может захватывать периоды в «10–20–30 лет». Такой «онтологической ложью», или «ложью истории», был «гитлеровский период» в истории развития Германии, такой же «онтологической ложью» стал и период, охватывающий последние 30 лет в истории России, – период рыночных реформ, породивших рыночный геноцид России. **На то, что на рыночном пути Россия оказалась в состоянии рыночного геноцида, я указал в 2013 году в монографии «Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика», а в 2014 году в книге «Экономика Сталина» известный политэконом В. Ю. Катасонов предупредил, что на рыночном пути Россию ждёт гибель.**

Величие Маркса и Энгельса состоит в том, что они попытались раскрыть фундаментальные законы, направляющие историю человечества по определённому «руслу», и вооружить общественные науки, в том числе и «историю» как науку, предсказательной, или прогностической, силой. Кстати, это превращение Украины в «Анти-Россию» происходило под идеологическим руководством империализма США, является реализацией войны Запада против России, в частности «Манифеста русофобии» Аллена Даллеса, озвученного им в США зимой 1945 года.

Вся история «учит»: народ может ошибаться в истории, подвергаясь искушениям потребительства, эгоизма, индивидуализма, «свободы-для-себя (любимого)», «власти над другими», наживы, и т. п., но «ложь истории» для такого народа затем оборачивается исторической трагедией, жестокой расплатой.

Зададимся вопросом: «СССР распался?»

Я отвечаю – «не распался» («он распался как «событие», а как «процесс» его «распад продолжается»), и процесс его распада идёт уже 30 лет. И частью этого процесса и является трагедия украинского народа, который под «давлением» идеологии национализма, да ещё в бандеро-фашистской, экстремистской и русофобской форме, исходя из ложной «формулы», что Украина – это «Европа» и «Анти-Россия» одновременно, которой расплачивается де-факто народ погружением в невежество, в логику ненависти ко всему русскому и собственным вымиранием, огромным потоком людей, «бегущих» из Украины и спасающих свою жизнь.

Вся «рыночная эпоха» в России вступила в конфликт с цивилизационными законами России, и значит – с логикой её исторического развития как евразийской цивилизации, превратившись в онтологическую ложь, или в ложь истории.

Вот «урок», преподанный Историей мыслящей части российского общества:

Вся история СССР, которая соответствовала законам бытия и развития российской цивилизации, как самой высокоэнергостойкой (из-за «холодного климата») и поэтому живущей по Закону Кооперации цивилизации, была Онтологической Правдой, или Правдой Истории, т. е. определила магистральный путь, направленность исторического развития не только России, но и всего человечества.

А вся история «рыночной демократии» в России, с доминирующей ролью Закона Конкуренции, с отказом от социализма, с культом «западной демократии», за которой, как за «маской», скрывался «хищный оскал» системы глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии во главе с США и ведущей войну против России, стала «отклонением» от магистрального пути истории России, определяемого её цивилизационными законами, т. е. Онтологической Ложью. И одним из её «показателей-вестников» стало сокращение населения России, в основном – русского народа, на 30 миллионов человек (эту цифру «озвучил» руководитель КПРФ Г. А. Зюганов в одном из выступлений в Государственной Думе).

– 3 –

Ставя вопрос об идеологии России в XXI веке, мы обязательно должны ответить на вопрос «В чём состоит цивилизационная уникальность России в истории человечества, по крайней мере в последние 500 лет, может быть, начиная с царства Ивана Грозного?»

Я ответу на этот вопрос посвятил целую серию книг, в том числе научных монографий, таких как «Россия и человечество в “преддверии” третьего тысячелетия» (1999), «Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке» (2005), «Эпоха Русского Возрождения в персоналиях – I. Титаны Русского Возрождения» (2008), «Битва за Россию: 1991–2008 гг.» (2009), «Слово о русском народе и русском человеке» (2013), «Ноосферная Россия: стратегия прорыва» (2018).

Титан Эпохи Русского Возрождения, великий русский не только поэт, но и мыслитель Александр Сергеевич Пушкин заявил, что «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой, история её требует другой мысли, другой формулы».

В чём же состоит особенность бытия и развития России как цивилизации? – В том, что она есть евразийская, общинная, самая «холодная» в мире, и поэтому с самой высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни населения на её территории, и поэтому (как следствие) с самой большой территорией проживания населения, и живущая по Закону Кооперации, – цивилизация. **Мной разработаны основы политэкономии России, и как их важный концептуальный «стержень» – теория закона энергетической стоимости и связанная с ней концепция цивилизационных законов России.**

К этим особым, цивилизационным законам России, развития её экономики относятся: (1) инфраструктурный закон, (2) закон централизации управления развитием экономики России, (3) закон существования достаточного сектора мобилизационной экономики, (4) закон плановой регуляции экономического развития, (5) закон общинно-государственного землепользования, (6) доминирование закона Кооперации над законом Конкуренции, (7) закон стратегического резервирования для сглаживания кризисов развития, (8) закон идеократии – власти большой идеи, указывающей дальний горизонт её развития («образ будущего») и способствующей объединению народов, на её территории проживающих.

Ограничусь только указанием на эти законы без их расшифровки. Они мной подробно раскрываются в монографии «Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке» (в разделах 6 и 7: «Экономические законы развития России» и «Закон энергетической стоимости как основание специфики экономического развития России. Энерго-номика») и в книге «Законы социально-экономического развития России (в контексте закона гетерогенности мировой экономики)», изданной в 2014 году.

К близким выводам пришёл и Андрей Петрович Паршев. Он в книге «Почему Россия не Америка?» (1999) показал, что если Россия живёт «по правилам мирового рынка», то каждое её предприятие становится неконкурентоспособным из-за холодного климата и большой энергостоймости товаров, т. е. его ждёт банкротство. Он даже сформулировал «горькую теорему». Почему так невыгодны подсоединение России к мировому рынку и её жизнь по «мировым ценам»? Потому что в России из-за суровых климатогеографических условий энергозатраты на воспроизводство единицы стандарта жизни в 5–7 раз больше, чем в Европе, которую «обогревает» Гольфстрим, и в 7–10 раз больше, чем в США (Нью-Йорк находится на широте Сочи). А мировые цены держатся на уровне производства, характерном для Нью-Йорка. Поэтому, по свидетельству А. П. Паршева, в 1988 году Маргарет Тэтчер, тогда будучи премьер-министром Великобритании, очевидно, заведомо зная, как «рыночные реформы» «ударят» по всем механизмам развития СССР – России, заявила, что в России может прожить, с позиции мирового рынка, только 15 млн человек. Вот и лишились мы, т. е. Россия, за 30 лет рыночной реформации, начиная с 1992 года, по оценке Г. А. Зюганова, 30 млн человек, причём это сокращение численности населения в России произошло в основном за счёт русского народа.

– 4 –

Поэтому Россия как кооперационная цивилизация, с ценностной системой «Правды» (знаменитые слова Александра Невского «Не в силе – Бог, а в Правде»), всегда стремившаяся к социальной справедливости, равенству, взаимопомощи, общинной форме земледелия (по Лосскому – «крестьянский социализм»), и поэтому – именно как антикапиталистическая цивилизация по своим ценностным основаниям – первой совершила во всемирной истории **Великую Русскую Социалистическую Революцию, которую я назвал в своих работах Великим Русским Прорывом Человечества из России, запустившим социалистическую историю человечества.** Кстати, Ленин и Сталин называли Великую Октябрьскую социалистическую революцию «русской революцией».

Оправдался прогноз Карла Маркса, который он сформулировал в письме к Вере Засулич 8 марта 1881 года, указывая, что Россия, вполне возможно, двинется к социализму от «крестьянской общины», минуя капиталистический путь. Ленинизм, т. е. учение В. И. Ленина о социалистической революции на основе союза рабочих и крестьян в такой крестьянской стране, как Россия, был одновременно не только развитием марксизма в эпоху империализма, применительно к цивилизационной специфике России, но и, как написал Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», был явлением чисто русским, развитием русской социально-гуманитарной мысли (декабристы, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и другие), которое можно назвать «русским научным социализмом (русским научным коммунизмом)».

И СССР, его история, как Русский Прорыв человечества к социализму, его значение для будущей всей истории человечества – так до сих пор современниками недооцениваются, более того – отражают непонимание того, что СССР, его история – это та онтологическая правда, или правда истории, которая уже заявила о себе в начале XXI века в форме Экологического Краха (в форме процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы) всей системы «мирового капитализма» (в определении Дж. Сороса), или «глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии» (в моём определении). И если человечество не продолжит Русский Прорыв к Социализму, но уже в новом Ноосферном качестве, – т. е. Прорыв к научно-управляемой Социо-Биосферной (или социоприродной) эволюции, то это обернётся экологическим самоуничтожением всего человечества к концу XXI века.

Но социализм – дело сверхтрудное и сверхсложное. Если Законом устойчивости капитализма является Закон расчеловечивания человека (роста его отчуждения от своей сущности и от природы), то Законом устойчивости социализма (как общества высокой субъектности) явля-

ется Закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования (образовательных систем) в обществе.

Социализм – это управление (на основе планирования) социально-экономическим развитием общества, т. е. он есть начало «управляемой» («подлинной», по К. Марксу) истории как формы диалектического отрицания «стихийной истории», как истории эксплуататорской («предыстории», по К. Марксу).

Но теперь, когда с ускорением уже 30 лет разворачиваются процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, и Природа, в лице Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов, предъявила человечеству императив экологического выживания, как императив его перехода к научно управляемой социоприродной эволюции, т. е. императив, соединяющий в себе социалистический и ноосферный императивы, **Социализм – и, соответственно, социалистическая человеческая революция, но в новом, ноосферном качестве, – становится единственной стратегией спасения человечества от экологической гибели на Земле.**

Ноосферизм как научно-мировоззренческая система и значит – как новая научная идеология – и есть обоснование этого вывода, и есть та идеология, рождённая в России и обращённая ко всему миру, которая необходима человечеству для его выживания на Земле в XXI веке.

– 5 –

За законом устойчивости Социализма – как Законом опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования в обществе – скрывается важное требование, обращённое к науке в целом и к общественным наукам в частности, – требование постоянной генерации «теории будущего», научно аргументирующей дальнейшие цели развития общества, и вслед за этим – синтез на практике государственного управления и науки, науки и власти.

К этому пониманию в 1952 году подошёл Иосиф Виссарионович Сталин, заметив, что без опережающего развития теории советскому социализму грозит «смерть». «Незнание теории нас погубит», – предупредил Сталин, и его слова оказались пророческими. Догматизация марксизма-ленинизма, «начётничество», ставшее особенно масштабным явлением после «антисталинской политики» Н. С. Хрущёва, после его отказа от «сталинской» бесприбыльной (и антизатратной поэтому) экономики, был порождён процесс роста мелкобуржуазного сознания в народных массах, и особенно среди художественной интеллигенции в Москве и Ленинграде (так называемое движение «шестидесятников»), которое через 30 лет после хрущёвского «антисталинского поворота» в идеологии партии привело к «горбачёвизму», а потом к «ельцинизму», т. е. к рыночно-капиталистической контрреволюции, готовившейся «идеологами-советологами» из США и Западной Европы, т. е. идеологами, отражающими своими установками и «советами» стратегию империализма мировой финансовой капиталократии на утверждение своего мирового господства над миром.

– 6 –

Необходимо осознать, что система капитализма воспроизводит себя не по схеме «Капитала» Карла Маркса (с критикой этой «схемы» выступила в 1908 году Роза Люксембург в книге «Накопление капитала»), а в соответствии с теорией империализма В. И. Ленина (книга «Империализм как высшая стадия капитализма», изданная в 1916 году).

Система строя власти капитала – капиталократии в Западной Европе, где она зародилась, и в США, в целом – англо-американском мире, только приблизительно на $\frac{1}{5}$ прибавочной стоимости воспроизводит себя за счёт эксплуатации рабочего класса в собственной стране, – а на $\frac{4}{5}$ прибавочной стоимости воспроизводит себя, т. е. получает эту «долю прибавочной стоимости» за счёт эксплуатации колоний. К концу XX века так называемый «мировой капитализм» (по Дж. Соросу; в 1998 году в России появилась его книга «Кризис мирового капитализма») предстаёт, по А. И. Субетто, как «глобальный империализм» и «экономический колониализм». Во главе системы глобального империализма находятся США, а вернее – мировая финансовая капиталократия США («хозяйева денег» – по В. Ю. Катасонову, или «глобократия» – по А. И. Фурсову, которым принадлежит Федеральная резервная система в США, «управляющая» долларовыми потоками в мире).

Строй мировой финансовой капиталократии предстаёт как «иерархия» («пирамида») власти Капитала, на «вершине» которой финансовые капиталовладельцы – владеющие капиталом в триллионы долларов, по мировоззрению космополиты, – наиболее отчуждённые от человечества и природы. «Пирамиде» власти Капитала соответствует «пирамида эксплуатации». Финансовый, наиболее отчуждённый, капитал на «вершине» этой «пирамиды» эксплуатирует промышленный капитал через «ростовщическую прибыль». И «явление Трампа» в США – это отражение обострения противоречия между «финансовым капиталом верхнего уровня», или «хозяевами денег», и «промышленным капиталом» в США на фоне экологической агонии всей мировой системы господства мирового капитала.

Россия как кооперационная, евразийская цивилизация, именно по своей «цивилизационной природе», противостояла и противостоит устремлениям мировой финансовой капиталократии США к господству над миром, и поэтому, по их уже давно сложившейся стратегии, должна быть уничтожена (через расчленение), чтобы поставить под прямой свой контроль её природные ресурсы. И в этой стратегии главный «удар» наносится по русскому народу как «скрепу» и созидателю российской цивилизации.

Скоро мы отметим 80-летие Великой Победы СССР, всего советского народа в Великой Отечественной войне над не только фашистской Германией во главе с Гитлером и его «подельниками», но и над той частью Европы, которая была им отмобилизована и воевала на советских фронтах против нашего народа (вспомним, что на этих фронтах воевали отмобилизованные гитлеровским вермахтом испанские, итальянские, французские, румынские, венгерские, чехословацкие, польские, финские части). На приёме в честь Победы в Кремле 24 июня 1945 года Сталин поднял свой знаменитый тост «За русский народ как “руководящую силу” в этой войне». А Аллен Даллес, возглавлявший в то время комиссию международных отношений в США, за несколько месяцев, очевидно понимая эту миссию русского народа как созидателя и объединителя советской цивилизации (Достоевский в своё время указал на «всечеловечность» и «всемирную отзывчивость» русского человека), провозгласил свой «антирусский манифест», поставив задачу убрать русский народ со сцены истории через подмену его ценностей и установок на фальшивые ценности и установки, которые и стали в «эпоху Б. Н. Ельцина» основой стратегии, под либеральными лозунгами, по духовному самоуничтожению русского народа.

– 7 –

Но в этот исторический спор между социализмом и капитализмом в XX веке вмешалась Природа. XX век предстаёт не только как век Русского Социалистического Прорыва – первого такого Прорыва во всемирной истории, – но и как век, в котором разразился глобальный экологический кризис. А к концу этого века глобальный экологический кризис, в соответствии с моими исследованиями и оценками, перешёл в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

Эта моя оценка подкрепляется рядом исследований ряда западных учёных. Барри Коммонер, американский эколог, в книге «Замыкающийся круг» предупредил в начале 70-х годов XX века: технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества – экосферу. А в 1991 году, когда в СССР, а затем в Российской Федерации царила эйфория рыночно-капиталистического реформирования, в Докладе Мировому Банку, написанном под руководством Роберта Гудленда, Германа Дейли и Салеха Эль-Серафи, был вынесен «нелицеприятный приговор рыночной экономике»: в экологической заполненной нише (моё замечание: а то, что экологическая ниша заполнена, и есть вхождение человечества в состояние глобального экологического кризиса), которую стало занимать человечество, рынок как механизм развития экономики исчерпал себя. Позже, приблизительно через 15 лет, известный американский философ, аналитик Иммануил Валлерстайн написал книгу «Конец (известного нам) Света», в которой указал, что «Конец» известного нам «Света», который есть «капитализм» или «рыночная экономика» и который есть «болезнь» общества, его разрушающая, – уже наступил, и перед обществами стран мира встал императив как можно быстрее избавиться от этой «болезни», т. е. патологии, олицетворяемой «коллективным Западом».

С 1991 года, можно утверждать, в условиях запаздывания «расставания» человечества с «рыночными формами» своего хозяйственного взаимодействия с Природой, развернулась «эпоха планетарного рыночного экоцида».

Этот мой вывод, который я обосновал в серии своих научных работ, подкрепляется документом «Предупреждение человечеству. Второе уведомление», написанным группой учёных во главе с Уильямом Рипплом из Университета штата Орегон (США), распространённым в Интернете в 2017–2018 гг. и подписанным более чем 15 тысячами учёных из 184 стран мира. В этом документе были представлены катастрофические параметры (де-факто) углубления глобального экологического кризиса за 25 лет (с 1992 по 2017 год) после Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро. Но слабостью этого документа, и я на это указал в «Открытом письме» Уильяму Рипплу и его коллегам, опубликованном отдельной брошюрой в 2018 году, является то, что не был указан «главный виновник» погружения человечества в процесс экологической гибели – «глобальный империализм строя мировой финансовой капиталократии во главе с США», т. е. капитализм.

Самое страшное, что процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы происходят не только во «внешней Природе», с которой человечество взаимодействует, но и «во внутренней природе» самого организма человека, в форме так называемого эндоэкологического отравления (В. А. Зубаков издал в 2002 году работу «Эндоэкологическое отравление и эволюция», в которой предсказывает массовую гибель людей на Земле из-за эндоэкологического отравления на клеточном уровне начиная с 2040 года). Нет понимания в «генетической науке» (генетике), что «ДНК-генетикой» управляют системогенетические механизмы высших уровней организации Биосферы, в том числе «популяционно-генетические механизмы», и за ростом гомосексуализма («ЛГБТ»-движением), за падением «плодородия» мужчин – в обществах США и Западной Европы – скрывается «реакция» Биосферы на эти процессы, «сигнал» мыслящему человечеству, что падение репродуктивного здоровья «западных обществ» – это «предупреждение» со стороны Биосферы как «гомеостатической системы» (своеобразного «Субъекта» – по Н. Н. Моисееву).

– 8 –

Спасение человечества от экологической гибели, таким образом, связано с единственной стратегией его развития на основе «рождения» в его лице «Разума», начинающего научно управлять всей Социо-Биосферной эволюцией, сохраняя всё богатство (разнообразие) жизни на Земле и соблюдая требования «законов-ограничений», отражающих действие гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов.

Возникает новая, ноосферная, философия Разума – как «разума управляющего», да ещё управляющего таким сверхсложным объектом, каким является Социо-Биосферная (социо-природная) эволюция.

Поэтому в рамках разработки Ноосферизма мной была осуществлена разработка целостных теории общественного интеллекта (по теории общественного интеллекта я защитил докторскую диссертацию по социальной философии в 1995 году на тему «Общественный интеллект: социогенетические механизмы развития и выживания») и философии «управляющего разума». Этому направлению я посвятил огромную монографическую серию: «Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?)» (2003), «Свобода. Критика “либерального разума”» (2008), «Критика “экономического разума”» (2008), «Роды Действительного Разума» (2014), «Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении» (2015), «Мегакосмическая проскопия Разума (общественного интеллекта) Человечества» (2015), «Синтез науки и власти» (2016) и другие.

Напоминаю определение коммунизма, данное Карлом Марксом в «Философских и экономических рукописях» и редко цитируемое. Воспроизвожу своими словами, по памяти, но достаточно точно отражающее сказанное Марксом. Коммунизм есть положительное упразднение частной собственности, и на базе этого подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, и благодаря этому действительное разрешение противоречия между человеком и природой.

Теперь за положительное упразднение частной собственности и рынка взялась Природа как Субъект (вспомним вышеуказанные мною выводы Б. Коммонера и в Докладе Мировому Банку Р. Гудленда, Г. Дейли и С. Эль-Серафи).

А марксовское действительное разрешение противоречия между человеком и природой в нынешнюю Эпоху Великого Эволюционного Перелома, когда разворачиваются процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, может обеспечить только Ноосферный

Экологический Духовный Социализм, реализующий научное управление социоприродной эволюцией, и соответственно – научно-образовательное общество, в котором образование есть «базис» базиса духовного и материального воспроизводства, а наука становится не только производительной силой, но и основой научного управления социоприродной эволюцией.

Ноосферизм выступает научно-мировоззренческим основанием и научной идеологией становления и развития такой ноосферно-социалистической системы и, соответственно, будущей Ноосферной истории человечества.

– 9 –

Онтологическая правда состоит в ноосферном отрицании всей рыночно-капиталистической системы на Земле как системы экологического самоуничтожения человечества и в Ноосферном Прорыве Человечества из России, который явится в новом, ноосферном качестве продолжением Русского Социалистического Прорыва человечества из России в начале XX века. Действует экологический приговор всей системе глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии во главе с США, т. е. «Западу».

В войне Запада против России, в том числе как одном из её проявлений – в «войне идеологий», Россия обречена на Победу. И одним из факторов этой Победы является предъявление всему Миру Ноосферизма как научной идеологии и одновременно как мировоззрения, основы новой, ноосферной парадигмы бытия и развития науки, образования и просвещения, уже рождённой в России, ей Ноосферной Научной Школой, не имеющей аналогов в мире.

На одном из диалогов на центральном телевидении России известный учёный и мыслитель С. А. Караганов как-то заметил, что на передний план в России выходит идеология, возвышающая человека, ставящего его в центр решения всех глобальных проблем.

Наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома и есть эпоха «Родов» Действительного Разума, и значит – действительного, ноосферного человека, выходящего из Экологического Тупика стихийной парадигмы истории и берущего на себя ответственность за Будущее не только всего человечества (которого И. Гёте назвал «истинным человеком», сказав: «всё человечество вместе является истинным человеком»), но и всей Природы на Земле, всей Мегасистемы Жизни, которую наука определила как Биосферу.

Россия поднимает «знамя» новой научной идеологии, определяющей Будущее для всего человечества как ноосферное развитие, в котором человеческий Разум возвышается на уровень «Разума-для-Биосферы, Земли, Космоса!», осуществляя эффективное управление всей социоприродной эволюцией, или другими словами – гармонией мегасистемы «Человечество – Биосфера – планета Земля»!

Берега актуальности

Юрий Горохов

Юрий Иванович Горохов – биосферный архитектор, член Союза архитекторов России, действительный член-академик Российской инженерной академии, почётный профессор Шаньдунского университета Цзяньчжу (Китай), советник Российской академии архитектуры и строительных наук.

*Тел., Вайбер, Ватсап, Телеграм: +7-910-562-84-70,
yi-gorohov@yandex.ru.*

ЖИВАЯ ПЛАНЕТА, БИОСФЕРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Биосферные Территории Проживания Человека

Аспекты Концепции

1. Биосферный купол

Истоки; технологии; практика; опыт воссоздания природы, близкой к изначальному состоянию на определённых территориях поверхности Планеты. Защита от ветровой и водной эрозии, лес-термос, пруд-термоаккумулятор, эффективное восстановление плодородия, природный баланс и замкнутая экосистема, уникальный микроклимат. Принципы создания поселений нового типа – поселения Родовых Поместий. Коллектив соратников и единомышленников. Биосферное планирование территорий. Реновация существующих мест проживания человека: деревни, посёлки, города, мегаполисы. Биосферные парки. Реновация территорий экологических и техногенных катастроф, пустынь. Воссоздание рек. Принцип пространственного взаимодействия. Квантовая механика. Связующее от микрокосмоса к макрокосмосу. Биосферный купол как часть строения мироздания.

2. Природообразные технологии и экономика, социальные отношения

Органическая и эргономическая архитектура. Экологическое и энергоэффективное домостроение. Этнофутуризм. Экологическое инженерное обеспечение, альтернативные и возобновляемые источники энергии. Природное инновационное ведение сельского хозяйства, выращивание экологических продуктов питания. Потребительские общества, поместная, или локальная, экономика. Народные промыслы и ремёсла. Самодостаточность и независимость. Благополучие.

3. Возвращение к человеческим ценностям

Возрождение культуры, традиций и знаний предков. Законы Мироздания. Образование, народный университет. Инфраструктура. Культурный центр. Реализация способностей и талантов Человека. Возвращение к истокам, к человеческим ценностям. Владимир Николаевич Мегре – серия книг «Звенящие Кедры России».

1. БИОСФЕРНЫЙ КУПОЛ

На сегодняшний день в России существует примерно 400 Поселений Родовых Поместий. Сама тема – что такое Родовое Поместье, что такое природное планирование, возвращение к истокам, имеет очень глубокие понимания и корни. За последние 50 лет потеряно 50 % природных ресурсов Планеты. Двигаясь такими «темпами», сколько ещё нам осталось лет жить? Что мы оставим своим детям, внукам?..

Что такое экология? Это наука о взаимодействиях живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. Задачи экологии – сохранить хотя бы то, что осталось. Достаточно ли это

на сегодняшний день? Спасём ли мы Цивилизацию? Нет. Время уже упущено. Есть второй подход – это воссоздать то, что было хотя бы 50, 100 лет назад... А есть ли ещё вариант, более эффективный и инновационный, по воссозданию и восстановлению Планеты? Есть! **Это – ВОССОЗДАНИЕ ПРИРОДЫ, БЛИЗКОЙ К ИЗНАЧАЛЬНОМУ СОСТОЯНИЮ.**

Мои исследования позволили сделать такой вывод. Как это сделать? Сказка это или быль? Возможно это или нет? Я архитектор. В моём понимании архитекторы работают не только с объектами, но и с пространством. Это пространство территории районов, регионов, стран, материков и Планеты.

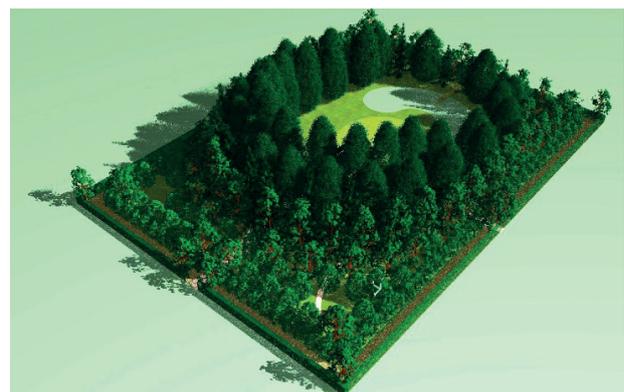
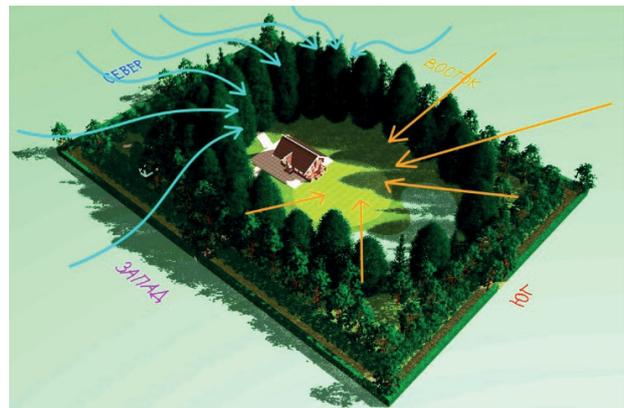
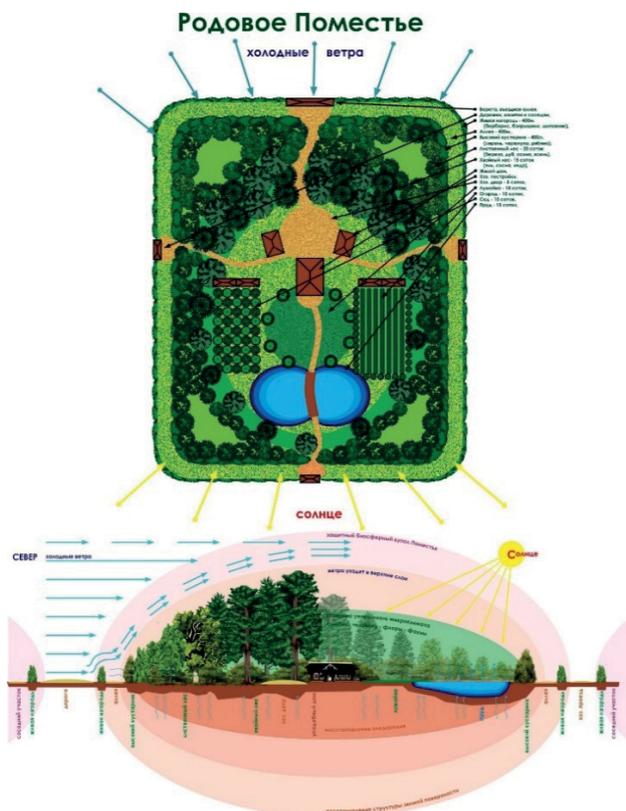
У меня 3 га земли в Теремках. Мы оформили землю на каждую семью в 2007 г... Можно на своём участке земли в Родовом Поместье создать природную среду, близкую к изначальному состоянию. На гектаре земли, по определённым принципам планируя свой участок, высаживая живую изгородь и лес, обустроив пруд, можно создавать свой уникальный микроклимат. Этим можно достичь очень серьёзных результатов, которых, по моим данным, пока не существует. Что такое Биосфера? Это тонкая прослойка поверхности Земли, где есть живая природа, живая материя, живые организмы, включая человека.

Основные моменты:

1. Защита от ветровой эрозии, управление ветрами.
2. Термозащита.
3. Защита от водной эрозии, водный ландшафт, термоаккумулятор.
4. Противопожарная защита.
5. Восстановление плодородия.
6. Природный баланс, замкнутая экосистема, симбиоз, уникальный микроклимат – Биосферный Купол.
7. Моно- или Пермакультура?
8. Создание Биосферного Купола Поселения.
9. Комплексное Воссоздание Природы, создание Биосферных парков и Территорий.

1. Защита от ветровой эрозии, управление ветрами

Это необходимо для защиты почвенного слоя и для здорового роста растений.

На примере Родового Поместья высаживание кустарников и деревьев по определённым принципам позволяет за 3–5 лет сделать эффективную защиту от неблагоприятного воздействия ветров. В самом начале освоения участка по периметру участка высаживается живая изгородь (барбарис, боярышник, пузыреплодник, шиповник или другие кустарники вашего региона), которая является первым барьером на пути движения ветров, она же является защитой от проникновения и визуальной защитой участка. Высота составляет 2–2,5 м. При правильной посадке уже через 3–5 лет она начнёт выполнять свою функцию. Целесообразно для ускоренной организации ветрозащиты высаживать быстрорастущие кустарники и деревья (в средней полосе это канадский клён, пирамидальный тополь...). Далее, двигаясь ближе к центру поместья, делается аллея шириной 3–4 м. После в два ряда высаживается высокий кустарник (сирень, черёмуха, рябина), 4–7 м высотой, потом лиственный лес (10–20 м) и хвойный лес (20–40 м, ель, сосна, кедр).

Посадка делается в порядке возрастания высоты кустарников и деревьев – низкие с края, высокие – к центру участка. Если смотреть сбоку, то получается очертание крыла птицы. За счёт такой формы мы направляем ветра в верхние воздушные слои. Размеры участка при возможности лучше принимать по золотому сечению, в соотношении один к корню из двух, или 1:1,414. Если участок 1 га, то соотношение сторон 85×120 м. В центре участка образуем открытое пространство – полянку, примерно 40×60 м, где жилой дом, хозяйственный двор, сад, огород, зелёная лужайка, пруд.

2. Термозащита

Кустарники и деревья, определённым образом посаженные на участке, создают своего рода термос, или термозащиту, которая препятствует проникновению с ветрами экстремально низких или высоких температур внутрь участка. К тому же с холодных ветреных сторон (север, северо-запад, запад) посадка кустарников и деревьев делается наиболее плотно, а с южных сторон – более разреженно, для лучшего проникновения в центральную часть участка солнечных лучей. Возникает своего рода «солнечная ловушка».

3. Защита от водной эрозии, водный ландшафт, термоаккумулятор

Защита от водной эрозии позволяет сохранить гумус – верхний плодородный слой. Во время больших дождей или весной, во время таяния снегов, образуются значительные водные потоки, которые смывают гумус и образуют овраги. Для предотвращения этого по периметру (по границе участка) делается межа (канавка) глубиной 30–40 см... Это позволяет разбить большие потоки на более мелкие, которые уводят воду от участка. Эти потоки можно по микроруслам направить в пруды, расположенные на участке. На участке обязательно делаются пруд или каскад прудов – водный ландшафт. Они имеют огромное значение для создания микроклимата. Большая водная масса даёт необходимую влажность на участке, к тому же она является, по сути, термоаккумулятором, т. е. в холодное время даёт тепло, в жаркое время – прохладу. На участке резко снижаются суточные и сезонные перепады температур. Пруд даёт приятные места отдыха детей и взрослых – пляжи. В пруде можно выращивать рыбу. Пруд нужно сделать «живым», т. е. создать микродвижение воды, тогда она не будет застаиваться и пруд не будет заболачиваться.

4. Противопожарная защита

Защита от пожаров имеет крайне важное значение. Представьте. Вы сами или со своей семьёй в течение многих лет обустраивали свой участок, сажали живую изгородь, лес – лиственный и хвойный, сад, огород, построили дом. И вдруг это всё в одно мгновение может исчезнуть, сгореть. К сожалению, леса на территории России горят каждый год. Выгорают тысячи, сотни тысяч гектаров. Вспомним тяжёлый 2010 год. Исчезло невероятное количество лесов, а также сёл, деревень. 2019 год: сгорели миллионы гектар в Сибири и на Дальнем Востоке. Вокруг своего поместья возможно и нужно создать максимально эффективную защиту от пожаров. При выполнении генплана поселения необходимо между участками предусмотреть хозяйственный проезд метра 3–4. Его засаживают плотной низкорастущей травой (например, белый клевер), которая не пропускает огонь. Слева и справа от хоз. проезда – живые изгороди по 1 м, за ними аллеи метра 3–4, которые тоже засаживают плотной низкорастущей травой. В итоге мы имеем эффективную противопожарную

полосу шириной 10–18 м, которая в разы снижает риск проникновения огня на участок. Добавим, что высокие деревья нецелесообразно высаживать в этих зонах. Через них огню легче перекинуться на соседние участки, к тому же высокие деревья на краю участка отбрасывают тень на соседние участки и ухудшают их инсоляцию.

5. Восстановление плодородия

Когда вы получили участок и начали обустраивать его, то в первое время на участке, как правило, начинает бурно расти жёсткий сорняк (пырей, полынь, чертополох...). Его ни в коем случае нельзя выкашивать. Жёсткий сорняк на молекулярном уровне перерабатывает, расщепляет всю ту химию, которую в виде удобрений или ядохимикатов многие годы вносили в землю. Переработав, он сам примерно через 2 года уходит. Появляется мягкий сорняк – одуванчик и подобные травы. Заметим, что в природе «сорняков» или «сорных трав» не существует. Каждая травинка или былинка имеет своё предназначение. Одуванчик и подобные травы ещё на более тонком уровне перерабатывают остатки химического воздействия на землю. Далее через год-два у нас появились поляны ромашек. Потом появилось разнотравье. Практически восстановилась почва. Появились грибы, полевая земляника и клубника, разнотравье. Грибы – маслята, подберёзовики, свинушки, волнушки. Местами появляются белые, лисички, рыжики, грузди. По некоторым подсчётам в 2015 г. можно было собрать более 100 вёдер грибов и более 20 вёдер полевой земляники и клубники. На соседних пустующих участках или где хозяева полностью выкашивали траву и садили кустарники и деревья не по таким принципам, появление такого разнообразия и микроклимата не произошло. Хочу отметить – всё, что делалось на участке в 3 га, очень реально и по затратам, и по силам, и по времени. Нам вдвоём удалось, по сути, сделать первый этап создания микроклимата и Биосферного Купола на участке, потратив всего 30 тысяч рублей для высадки элитного сада в 80 деревьев. Остальные саженцы брались не в ущерб окружающей среде, в питомниках и местах, где поросль была обречена на гибель.

За пять лет (2007–2012) на участке высажено более 4000 кустарников и деревьев. Удавалось вдвоём за два выходных дня (суббота и воскресенье) высаживать по 500 саженцев!

Далее ещё важный момент. На своём участке при посадке кустарников и деревьев было потрачено примерно 30 тысяч рублей, и то для посадки сада.

После выполнения вышесказанного, через 3–5 лет, начинает возникать природный баланс и уникальный микроклимат. Через семь лет он уже более ощутим. В своём Родовом Поместье в Рязанской области, в Рязанском районе, в Екимовском поселении, Поселение Родовых Поместий ТЕРЕМКИ, сделан Биосферный Купол.

6. Природный баланс, замкнутая экосистема, симбиоз, уникальный микроклимат – Биосферный Купол

Что такое Биосферный Купол?

Сосна, которую посадили в 2007 г.

1. Если за бортом засуха и температура плюс 30 градусов, то на участке на 5–10 градусов прохладнее, хорошая влажность, нет засухи. Если за бортом заморозки и минус 30, то на участке на 5–10 градусов теплее и заморозков нет. Суточный и сезонный перепад температур резко снижается. Крайне редко появляются или совсем исчезают засухи и заморозки. Возникает уникальный мягкий микроклимат, который благоприятно сказывается на здоровье проживающих в поместье.

2. Природа приходит в состояние баланса. Растения и животные приходят в гармоническое состояние. Уходят болезни. Восстанавливается плодородие. В первозданное состояние приходят и верхние слои земной поверхности.

3. Возникает пространство счастья, любви. МАЛАЯ РОДИНА. Позитивное информационное поле. Растения, посаженные вами с любовью, и земля начинают благодарить вас. Пространство насыщается ароматами трав и цветов. Оно защищает вас и дарит радость на долгие годы вам и вашим поколениям.

Так сейчас выглядит участок. Появились десятки, потом сотни полей полевой клубники и земляники. Разнотравье. Огромное количество грибов

7. Моно- или Пермакультура?

Мы попробуем внимательно разобраться в происходящем и сделаем некоторый подсчёт.

МОНОКУЛЬТУРА. Современные методы ведения сельского хозяйства. С гектара земли имеем в среднем 20 ц урожая (например, пшеницы), или 2000 кг. Цена за килограмм 6 рублей. Оборот в денежном выражении $2000 \times 6 = 12\,000$ рублей с гектара. Для простоты не будем учитывать все затраты.

Итого – 12 000 рублей с гектара.

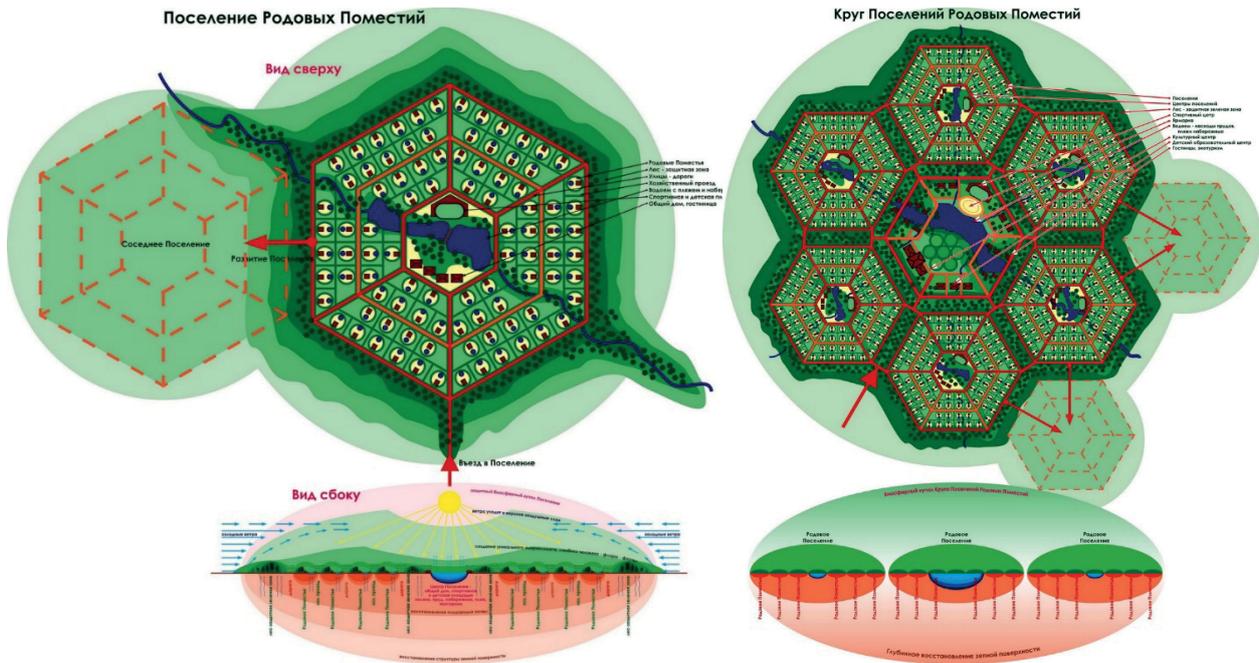
ПЕРМАКУЛЬТУРА. На своём участке в 2016 г. в августе за полтора часа собрал четыре ведра грибов, 30 кг, обойдя десятую часть участка. Если бы я обошёл весь участок, то собрал бы 10 вёдер, или 100 кг. Притом не тратя денег на полив, семена, посадку, удобрения, ГСМ, механизмы и т. д. Уверен, что 10 вёдер собирал бы каждую неделю. За сезон, по самым скромным подсчётам, я собрал бы 100 вёдер, или тонну грибов. Цена – 200 рублей за килограмм. $1000 \times 200 = 200\,000$ рублей.

Итого – 200 000 рублей с гектара!!!

Это в 20 раз эффективнее. А если мы ещё добавим огород с тёплыми грядками, сад, теплицы, вегетарий, вермефабрику и т. д. Можем представить, какой феноменальный эффект получим! Какой потенциал имеет создание Биосферного Купола! А это ещё самое благоприятное жизненное пространство Семьи, Рода и многих Поколений!

8. Создание Биосферного Купола Поселения

На примере обустройства своего поместья по концепции Биосферного Купола можно и необходимо создавать Биосферный Купол всего Поселения (поселение в виде шестигранника имеет условную форму). Возникает купол как бы следующего уровня. За границей поселения по всему периметру делается ветро- и термозащитная лесная полоса по принципу «птичьего крыла» шириной до 100 м. Кустарники – лиственный лес – хвойный лес. Это одновременно будет парком поселения. В центре поселения определяем территорию «общего пользования» для инфраструктуры и рекреации поселения. По возможности это делается в месте поймы ручьёв или рек. Здесь места отдыха – каскады прудов с пляжами и набережными, спортивные и детские площадки, парк – сквер, общественные здания – клуб, конференц-зал, гостиница, мастерские народного творчества. Можно создавать туристические базы отдыха «экотуризма».

9. Комплексное Воссоздание Природы, создание Биосферных Территорий

Когда человек бездумно и потребительски относится к природе, вырубает леса, высушивает болота, строит плотины и т. д., то очень сильно страдает природа и экология планеты. В последнее время человечество особенно близко подошло к экологической катастрофе. Многие природные ресурсы, запасы питьевой воды находятся на грани истощения.

За последние 50 лет потеряно 50 % Природных Ресурсов Планеты. Уничтожено 70 % мировых лесов. А 30 % из тех, что ещё остались, – раздроблены на части и деградируют. Вырубка в них идёт со скоростью 140 тысяч квадратных километров в год. Только за последние 10 лет площадь лесных массивов в мире сократилась на 1,4 млн квадратных километров. Для сравнения: площадь всех лесов в России – 8,5 млн квадратных километров. Около трети всех антропогенных выбросов диоксида углерода происходит из-за обезлесивания. Через питание от корней и последующее испарение через листья именно леса обеспечивают стабильный перенос влаги от океанов к центрам материков для наполнения рек, болот и грунтовых вод. Не станет лесов – центральные части материков превратятся в пустыни. Вместе с лесами уничтожено и более 45 тысяч озёр. За последние полвека уничтожено четверть всех известных видов птиц, а 11 % оставшихся находятся на грани вымирания. Только вдумайтесь: 40 % всех известных на данный момент организмов на планете относятся к классу вымирающих. Текущие темпы вымирания по разным подсчётам от 10 до 100 раз выше, чем в любой из предыдущих периодов массового вымирания в истории Земли.

Источник: <http://fishki.net/1477772-что-myunchitozhili-na-planete-za-poslednie-50-let.html>

Мной разработана программа КОМПЛЕКСНОЕ ВОССОЗДАНИЕ ПРИРОДЫ, 100 ДЕРЕВЬЕВ.

Пойма умершей реки. Здесь несколько столетий назад протекала река, о чём свидетельствует плоское дно поймы. Для увеличения сельхозугодий много лет назад были вырублены леса вдоль реки. Предлагается воссоздавать природу в поймах умерших рек. Действуя поэтапно (схемы 1–2–3–4–5), можно в короткие сроки воссоздавать природу, создавать уникальные Биосферные парки.

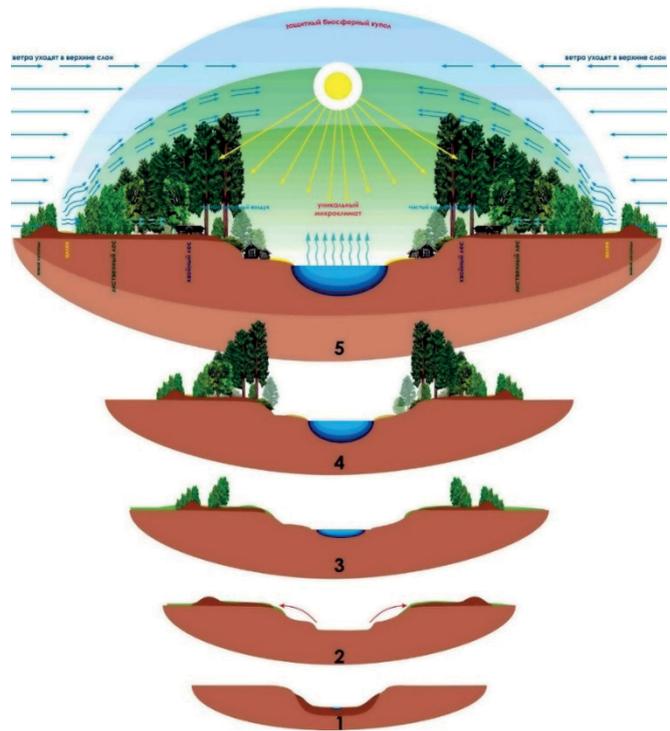
Почему 100 ДЕРЕВЬЕВ? Если нам вдвоём удавалось за два выходных высаживать по 500 саженцев кустарников и деревьев, то предполагается, что трудоспособный человек может посадить в год 100 деревьев. Берём расчёт, что в определённой местности, в сельских поселениях насчитывается 1000 человек, которые могут высаживать по 100 саженцев в год. Одно дерево занимает 10 м². Итого 1000 человек × 100 деревьев × 10 м² = 1 000 000 м² лесных массивов в год, или 100 га, или 1 км². Если не просто высаживать леса, а по схеме Биосферного Купола, включая каскады прудов, то получаем следующее. Ширина биосферного купола 300 м, из них в центре (100 м) открытое пространство с ка-

скадами прудов, пляжами, набережными... и по 100 м слева и справа – лесные массивы «птичье крыло» (200 м). Делим 1 000 000 м на 200 м = 5 000 м, или 5 км! То есть усилием 1000 человек за год можно создавать Биосферные Парки вдоль русел бывших рек протяжённостью 5 км! А если это 2000 человек и по 200 деревьев в год, то получаем Биосферные Парки протяжённостью в 20 км! За 10 лет это уже 200 км! Замечательно будет, что вместе со взрослыми и дети будут сажать леса, воссоздавать природу, создавать Биосферные парки и заповедники!

И в местах экологических, техногенных катастроф, и в пустынях, и на экстремальных климатических территориях создавая Биосферный Купол, мы можем воссоздавать природу, близкую к изначальному состоянию.

Мной сделано более 20 концептуальных Биосферных Проектов на территории России. Это Дальний Восток, Бурятия, Байкал, Иркутск, Саратов, Пермь, Рязань, Калуга.

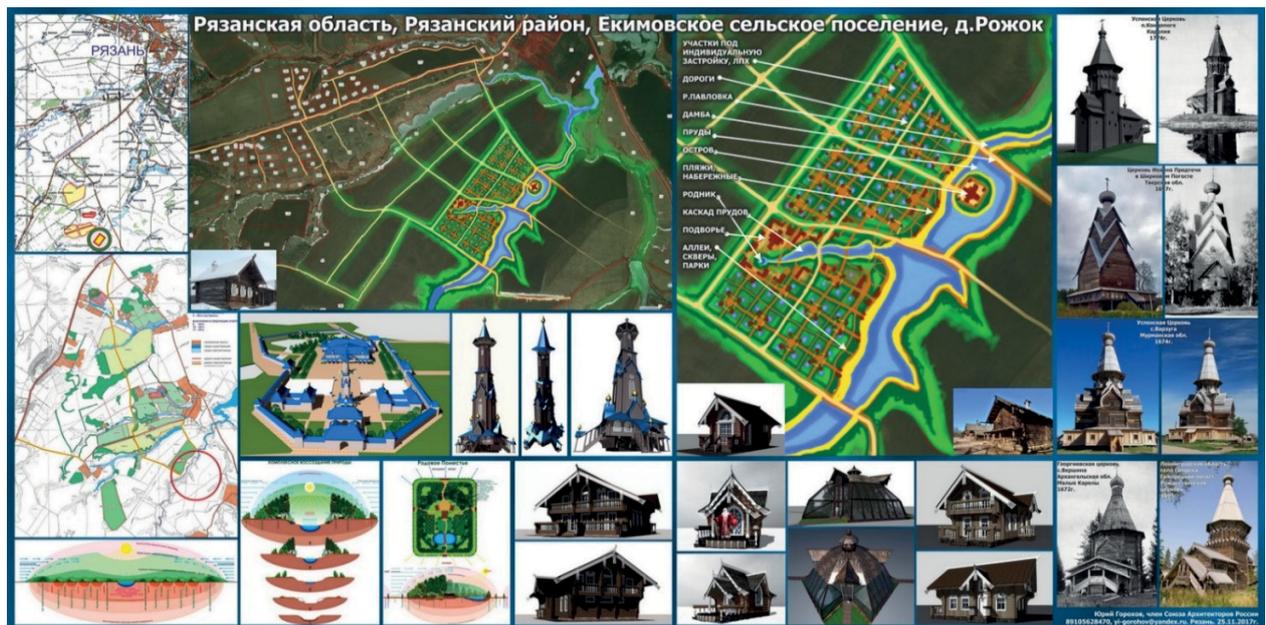
КОМПЛЕКСНОЕ ВОССОЗДАНИЕ ПРИРОДЫ

Рязань. Микромодель Будущей России ПРАВЕДЬ

Слева план наших пяти поселений общей площадью 500 га. Создаётся шестое поселение. Есть перспектива для ещё как минимум двух поселений. В центре наших поселений должна быть инфраструктура, а это – Дом культуры, город мастеров, ярмарка, площадь праздников и народных гуляний, школа, оздоровительный центр и т. д. На территории нескольких поселений мы можем создавать локальную или поместную экономику на основе потребкооперации. Можем создавать автономное инженерное обеспечение и возобновляемые источники энергии. Таким образом мы можем уходить от экологических, техногенных, экономических и финансовых мировых катастроф.

При создании таких поселений обязательно нужно учитывать культуру и традиции народов, проживающих на данной территории. Это возрождение культуры, знаний предков, человеческих ценностей, возвращение к истокам, возрождение законов мироздания.

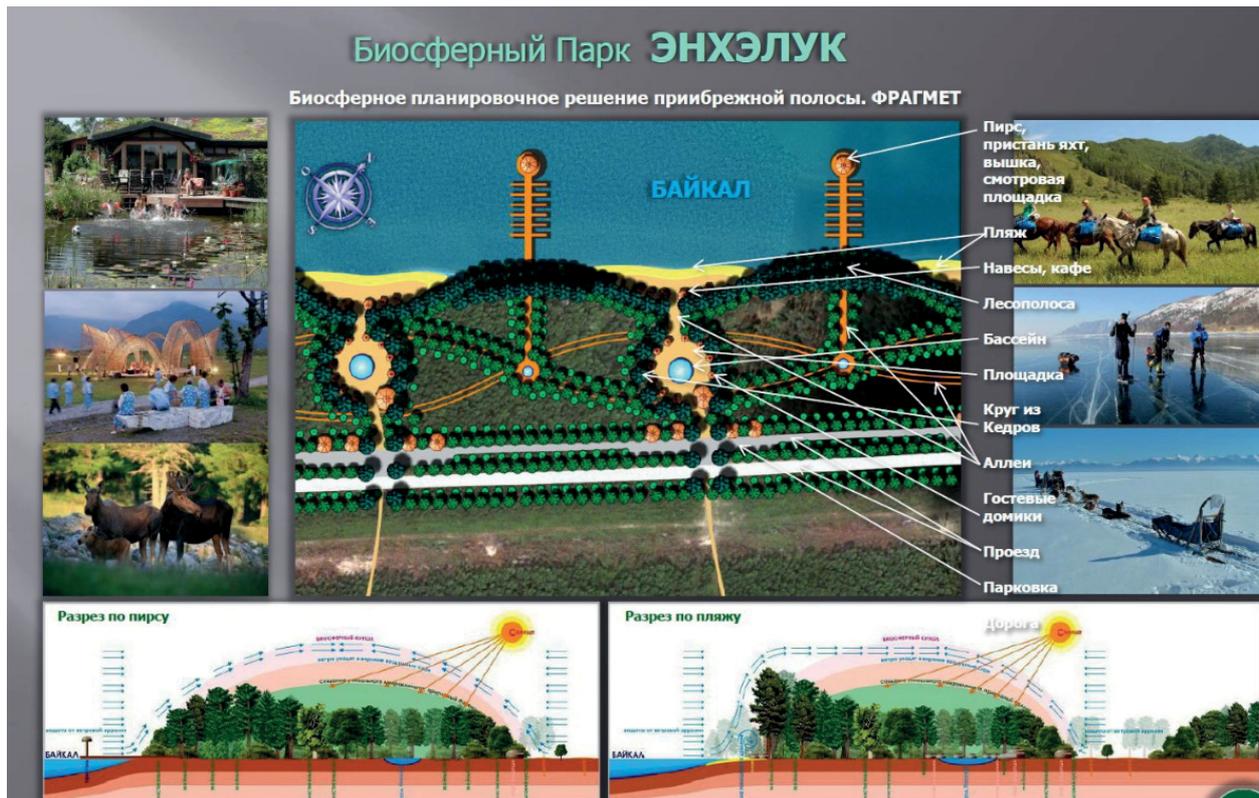

На наших землях предполагалось сделать Подворье Троице-Сергиевой Лавры

Далее проекты, наиболее значимые, сделанные на территории России.

**Казачья станица, Поселение Родное на Дальнем Востоке, в 50 км от Владивостока
Байкал-Ольхон. Парк Мира
Бурятия. Тункинская долина. Визит-Центр Биосферный Парк ШУЛУТЫ
Байкал. Биосферный Парк ЭНХЭЛУК
Пермь. Агропарк СТРОГАНОВСКИЙ**

На территории 2000 га, а я исследовал территорию 10 на 10 км = 10 000 га, Концепция как новый подход к Биосферному планированию территорий проживания человека.

Мы должны что-то делать в городах? Мы можем применять этот принцип, преобразовывая территории городов, создавать Природные Биосферные Парки. В одном из районов Рязани была пойма, где остались пруды. В одном из прудов круглый год живут утки уже 50 лет. Было предложено на этой территории создать Биосферный Парк ЧЕРЕЗОВСКИЕ ПРУДЫ.

Рязань. Культурно-Историческо-Туристический Центр СЕМЬ СОБОРОВ
Биосферный Парк ВОСТОЧНЫЕ ВОРОТА. Иркутская обл., г. Шелехов

БИОСФЕРНАЯ ПЛАНЕТА

Если желаешь, чтобы мир изменился, - сам стань ЭТИМ изменением
Махатма Ганди

ЭКОЛОГИЯ - СОХРАНЕНИЕ ПРИРОДЫ
- ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ
- ВОССОЗДАНИЕ ПРИРОДЫ БЛИЗКОЙ К ИЗНАЧАЛЬНОМУ

Планирование Биосферных Территорий - переход от принципов **СОХРАНЕНИЯ**, при ведении хозяйственной деятельности, к принципам **ВОССОЗДАНИЯ ПРИРОДЫ**.

Создание условий для быстрого, в рамках одного поколения, **Воссоздания Природы БЛИЗКОГО К ИЗНАЧАЛЬНОМУ**.

Поворот развития Цивилизации на ПРИРОДНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ:

БИОСФЕРНЫЙ КУПОЛ ПОМЕСТЬЯ
БИОСФЕРНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ
БИОСФЕРНЫЕ РАЙОНЫ
БИОСФЕРНЫЕ РЕГИОНЫ
БИОСФЕРНЫЕ СТРАНЫ
БИОСФЕРНЫЕ МАТЕРИКИ
БИОСФЕРНАЯ ПЛАНЕТА

В природе все мудро продумано и устроено, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости — высшая справедливость жизни.
Леонардо да Винчи

ВК <https://vk.com/id57400957> <https://vk.com/public186620658>
 Ютуб https://www.youtube.com/channel/UC2eEz8bHGo5GQ0bjiaQyBrw?view_as=subscriber
 Международный Байкальский Зимний Градостроительный Университет Лекции международных экспертов. Иркутск. 22.02.2012 г. https://youtu.be/fQYdDtXL_OU
 Конференция. Санкт-Петербург. 29 марта 2019 г. <https://youtu.be/LfXIGltNNw4>
 МГУ. 29 октября 2019 г. <https://youtu.be/GOa6-bocR58>
 Биосферные проекты и Конференции <https://yadi.sk/d/njxCaPhuECofsg?w=1>

Проза

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Автор 12 сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель» и «Вече». Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия».

Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат двух международных и многих всероссийских литературных премий.

КАК ХОРОШО МЫ ПЛОХО ЖИЛИ...

Ностальгические раздумья человека, рождённого в сороковых

Эту строчку из стихотворения Бориса Рыжего «В те баснословные года», которое поэт написал в 1997-м, Валерий Константинович вспоминает всё чаще.

И всё чаще переносит его память во времена сороковых и начала пятидесятых, когда ещё ребёнком, а потом и подростком вырезал из журнала «Огонёк» портреты Сталина, а любимой песней его детства, отрочества и юности был довоенный «Марш танкистов» со словами:

*...Когда нас в бой пойдёт товарищ Сталин,
А Ворошилов в бой нас поведёт...*

Вспоминает, как однажды сказал дома, что Сталин нравится ему больше Ленина. Родители, правда, объяснили ему, что Сталин является учеником Ленина.

И хотя Валерка родителям безоговорочно верил, на этот раз ему трудно было представить, что его любимый вождь мог быть чьим-то учеником. Ведь именно под руководством Сталина наша страна одержала не знающую в мире аналогов победу в Великой Отечественной войне практически над объединённой армией Европы.

Он хорошо помнит первые дни марта 53-го года, когда все вокруг ждали известий у репродукторов, а также как 6 марта всех учеников выстроили в школьном коридоре и директор срывающимся голосом объявил о смерти Иосифа Виссарионовича.

Помнит, как плакали учителя и ученики.

Ему тогда казалось, что плакали все. Хотя такого, конечно, не было. Да и сам он не плакал, потому что был убеждён – это не мужественно и товарищ Сталин не одобрил бы его слёз.

В тот момент он вспомнил, как ещё недавно воображал, что во время какого-нибудь парада на Красной площади будет совершена попытка покушения на Сталина и Валерка своей грудью заслонит «вождя мирового пролетариата» от вражеской пули.

Он, правда, не сумел до конца продумать, как сделает это, потому что нужно же было вбежать на мавзолей, добежать до середины ряда, где всегда стоит Иосиф Виссарионович, чтобы, раскинув руки, стать перед ним. Он воображал, что каким-то образом узнает или почувствует, когда готовится выстрел. Поэтому побежит заранее и успеет.

Это воображаемое действие настолько сильно поглотило Валерку, что все технические вопросы, например, как преодолеет охрану, положенную вождю и его ближайшим соратникам в такие моменты, отступали на задний план...

И вот теперь его мечта не осуществится.

Однако утешала мысль, что врагов ещё очень много – он каждый день слышит об этом по радио, – и у него наверняка будет возможность кого-нибудь из «наших» спасти или выявить скрытого врага и тем самым «продолжить великое дело Ленина-Сталина».

Валерка очень хотел это дело продолжить и был уверен, что принесёт много пользы своей Великой Родине...

* * *

Поэтому он никак не мог ожидать, что минует три года и с самой высокой трибуны прозвучит речь, казалось бы, соратника Сталина, ставшего во главе страны, которая шокирует людей всего Советского Союза.

Из этой речи следовало, что его кумир был якобы не великим главой государства, поднявшим его из руин Гражданской войны и сделавшим сверхдержавой, не вождём мирового пролетариата, а злым и очень жестоким человеком, который больше всего стремился к личной власти.

И в конечном итоге её добился «самыми грязными, циничными и коварными методами».

Услышит, что якобы и в Великой Отечественной войне, с которой не вернулись его дед, удостоенный посмертно звания Героя Советского Союза, и дядя Коля, погибший ещё к 41-му под Киевом, на которой была дважды контужена мама, служившая радисткой в партизанском отряде, а папа, удостоенный двух орденов Красной Звезды за оборону Северного Кавказа, в течение нескольких часов одной из боевых операций заметно поседел, мы победили «не благодаря, а вопреки» Сталину.

Он хорошо помнит реакцию родителей на ту речь Хрущёва – «абсолютная ложь, и ничего хорошего для страны это не сулит».

Они знали, о чём говорят, потому что и они, и их вернувшиеся с войны боевые товарищи помнили об отношении к Сталину и на фронте и в тылу. Помнили, как фронтовики, когда шли в атаку, кричали: «За Родину, за Сталина!» – потому что Родина Сталинского периода у подавляющего большинства людей действительно ассоциировалась с именем Вождя.

* * *

Эта речь Хрущёва расколола единство страны, которого в результате многолетней борьбы с троцкизмом и левыми эсерами добился Сталин и, собственно, благодаря чему мы сумели стать сверхдержавой и победить в Великой Отечественной войне.

Больше того, потом в невероятно короткие сроки – уже в 1948 году – не только восстановили уровень развития разрушенного в результате войны народного хозяйства, но и сумели превзойти его довоенный уровень, чего никто в мире не ожидал.

И вот теперь люди перестали понимать, для чего Хрущёв это сделал.

Причина станет проясняться по мере того, как он будет производить свои реформы, которые в сопоставлении с тем хозяйственным укладом, что был при Сталине, никуда не годились – они оборачивались людям во вред.

Сама же ложь Хрущёва по отношению к Сталину, а также его верному соратнику Берии – очень талантливому в самых разных областях государственной деятельности человеку – с течением времени будет изобличена историками, на основании сохранившихся, ранее засекреченных, но постепенно рассекречиваемых архивных документов.

В последние годы на эту тему активно появляются публикации видных историков и публицистов в разных патриотических СМИ. Больше того, появились уже и книги, где приводятся эти документы, а также воспоминания современников.

* * *

А пока начинают активно появляться антисталинские произведения: «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург (в самиздате), «Тёркин на том свете» Твардовского, который, к сожалению, поверил Хрущёву...

Поверит ему и часть молодёжи – молодёжи из той категории, которая не научилась аналитически мыслить и сопоставлять факты, а склонна лишь верить обещанному свободомыслию.

Валерку «свежий ветер перемен» не захватит. Он как раз был из другой категории молодого поколения: той, что предпочитала верить фактам.

И хотя, казалось бы, «пал железный занавес», который, как это звучало тогда со всех высоких трибун, «тормозил раньше наше развитие и не позволял общаться с миром», и хотя летом 1957 года в Москве прошёл Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, подаривший столько ярких красок, новых знакомств, а также звучавших отовсюду по-русски – «МИР», «ДРУЖБА», ставших символом фестиваля, что-то Валерку всё-таки смущало.

Скорее всего, передавшееся ему от родителей и их фронтовых товарищей недоверие к Хрущёву.

* * *

Но молодая жизнь продолжает бить ключом, присущим молодости. Видимо, таков закон природы.

В какой-то вечер пойдёт ливень, и он забежит в телефонную будку на улице Горького, где уже будет стоять девушка, прижимающая к себе мальчишку. Тот постоянно всхлипывал и жаловался, что очень болит нога. Как оказалось, жаловался не напрасно, потому что, когда они чуть раньше Валерки бежали к будке, паренёк подвернул ногу, которая уже заметно припухла.

Ливень перестал скоро, но Серёжка – так она его назвала – с трудом мог ступать. До Филатовской больницы было недалеко, и Валерка отнёс мальчика в приёмное отделение. Оказалось – небольшое растяжение связок. Положили мазь Вишневского и прописали три дня покоя, а потом – показаться доктору.

Марина – так её назвал Серёжка – сказала, что дом их совсем рядом, на Садово-Кудринской, и предложила «спасителю» зайти и попить чаю, а заодно высушить рубашку, которая настолько промокла, что практически не отлипала от спины.

Отсутствие Марины и Серёжки оказалось более долгим, чем рассчитывали родители, поэтому их папу увидели во дворе. Он выглядел взволнованным и уже собирался идти к памятнику Маяковскому, куда дочь на часок взяла брата посмотреть концерт кубинского ансамбля.

Испуганному папе, увидевшему Серёжку на руках незнакомого юноши, объяснили в чём дело и пошли в квартиру...

С этого дня Валерка – давно уже Валерий Константинович – и Марина – давно уже Марина Владимировна – стали практически неразлучны, потому что любовь с первого взгляда, конечно же, существует.

В том же 57-м оба поступят в МГУ. Валерка на мехмат, а Марина на факультет журналистики.

Студенческая жизнь – бурная. Тем более на журфаке, куда постоянно приглашают поэтов, прозаиков, музыкантов, артистов... Где идут модные в ту пору дискуссии между «физиками и лириками», в которых активно участвуют и наши молодожёны.

Повсюду витает декларированная Хрущёвым с трибуны XXII съезда КПСС фраза о построении в Советском Союзе коммунизма к 80-му году, то есть через 20 лет...

* * *

И хотя после XXII съезда с разного рода трибун эта фраза продолжает звучать, похоже, Хрущёв продолжает бояться Сталина даже мёртвого. Иначе чем объяснить организованный им вынос Сталина из мавзолея в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года. Причём это было проведено как-то поворовски – втайне от народа.

Сталина тут же захоронили у Кремлёвской стены, положив лишь надгробную плиту над его могилой, где были указаны только даты рождения и смерти.

Людям же после этого, уже свершившегося грязного дела по всем СМИ объявят, что такая процедура была произведена «по просьбам трудящихся». Хотя к тому времени подавляющему большинству трудящихся уже было понятно, что это очередная хрущёвская махинация.

Ведь к тому времени, как-то вроде бы ни с того ни с сего, начинают возникать перебои с хлебом, у колхозников зачем-то «обрезают» их приусадебную землю почти до окон домов, лишая возможности вести собственное хозяйство. Всюду стараются внедрять выращивание кукурузы вопреки здравому смыслу.

Проводится абсолютно бездарная денежная реформа, лишившая рубль независимости от доллара, в отличие от того, как это было при Сталине, когда прочность рубля была незыблема, так как обеспечена золотым запасом страны.

По инициативе Хрущёва была серьёзно сокращена армия. Это вызвало очень сильное недовольство в среде военнослужащих, что абсолютно логично, поскольку изначальная цель создания армии в любом государстве состоит в постоянном укреплении его обороноспособности...

В общем, такими вредоносными реформами, которых было немало, «доигрался» он до того, что в итоге всем уже стало ясно, если и дальше этот деятель будет у власти, то страна продолжит терять свои позиции и на внутренней, и на международной арене.

Поэтому в октябре 1964 года на заседании внеочередного Президиума ЦК КПСС Хрущёв был подвержен серьёзной критике за «субъективизм и волюнтаризм в управлении государством», после чего ему было предложено написать заявление об отставке, что он и сделал, поскольку почувал – деваться ему уже некуда.

На следующий же день – 14 октября – страна узнает из всех СМИ о причине этой отставки и о том, что теперь пенсионер Никита Сергеевич Хрущёв будет жить на своей даче.

* * *

Сменивший его на позиции главы государства Леонид Ильич Брежнев поначалу был всеми воспринят с надеждой, что под его руководством мы сумеем выправить курс своего экономического развития, а также вернём утраченные после Сталина позиции и на внешнеполитической арене.

Поначалу действительно страна, избавившись от вредоносных хрущёвских реформ, явно воспряла. VIII пятилетний план, разработанный исходя из директив XXIII съезда КПСС (1966), провозгласил *«переход от административных методов управления народным хозяйством к методам экономическим»* – собственно, вернулись к тому, о необходимости чего сказал Сталин на XIX съезде (1952), но ввиду скорой смерти не сумел сделать.

И вот это свершилось при первой брежневской пятилетке, приведшей к настолько сильному экономическому эффекту, что эту пятилетку стали именовать «золотой».

Важно ещё отметить следующее: та пятилетка настолько тесно была связана с именем председателя Совета Министров Алексея Николаевича Косыгина, что её в народе стали называть «косыгинской». И это соответствовало действительности.

Дело в том, что именно Косыгин сумел реализовать план Сталина – осуществил перевод большей части предприятий на хозрасчёт. Если подробнее, то суть такого перевода состояла в том, что перешедшие на эту форму работы предприятия получили максимальную свободу:

- 1) в выборе сотрудников,
- 2) установлении зарплат по соответствующим категориям работ,
- 3) в определении должной себестоимости конкретного вида продукции и т. д.

Больше того, при переходе на хозрасчёт обязательно, как один из важнейших его элементов, вводится учёт рентабельности и прибыли предприятия. Это даёт возможность выявить неэффективные производственные организации. В результате чего они перестают получать бюджетные деньги, так как их затраты не окупаются.

Прибыль же эффективных предприятий распределяется следующим образом: половина идёт государству и половина остаётся в полном распоряжении предприятия, которое тратит часть на расширение ассортимента и часть на материальное поощрение сотрудников.

Использование такой системы дало настолько впечатляющий результат, что к концу 1967 года на хозрасчёт были переведены пять с половиной тысяч предприятий, производивших треть всей промышленной продукции. А к весне 1969 года по принципу хозрасчёта работали уже 32 тысячи предприятий, производивших две третьих промышленной продукции страны.

Таким образом, переход на хозрасчёт позволил:

1) уйти от жёсткого планирования сверху и отдать инициативу тем, кто непосредственно производит; сверху же происходило лишь координирование пропорций этого производства, что тоже важно. То есть здесь был использован важнейший, а потому и универсальный закон обратной связи – наилучший для функционирования любого организма: экономического, социального, биологического...;

2) то, что предложил и осуществил Косыгин, позволило уйти от уравнивания талантливых и трудолюбивых людей с нерадивыми: безынициативными и ленивыми. Поэтому и получилось восстановить естественный экономический закон – кто лучше трудится, у того выше заработок.

В итоге экономический эффект той пятилетки оказался очень впечатляющим. Каждый это почувствовал на себе – жизненный уровень людей заметно вырос.

И ещё – подавляющему большинству было очень радостно оттого, что в ту пятилетку была восстановлена справедливость по отношению к имени Сталина:

1) вернули в документальные кинохроники вырезанные по воле Хрущёва и его поделщиков кадры выступлений Сталина с мавзолея во время парадов на Красной площади, которые он принимал, а также

2) в июне 1970 года поставили памятник Сталину на его могиле у Кремлёвской стены.

* * *

Однако, как станет известно позже, инициатива Алексея Николаевича Косыгина оказалась не по душе многочисленному партийному и государственному аппарату, непомерно разросшемуся после смерти Сталина – Иосиф Виссарионович создал такую структуру, где не было и не могло быть места увеличению численности чиновников хозяйственного и партийного аппарата. Он, в отличие от других руководителей государства, явно предвидел, к чему это может привести.

К сожалению, Иосиф Виссарионович и здесь «как в воду глядел».

И вот теперь это начало сбываться: аппаратчики, почуяв, что результаты «косыгинской» пятилетки сулят немалому числу из них сокращения с переходом на другую работу – работу в народном хозяйстве, от чего они стали отвыкать, сидя в своих креслах в уютных кабинетах, лишь подписывая бумаги, постарались убедить Леонида Ильича, что имя Косыгина стало чересчур популярным – значительно популярнее, чем имя Брежнева, чего нельзя допустить.

И им удалось его убедить. Шаг за шагом, вопреки здравому смыслу, победил смысл «подковёрной аппаратной борьбы» – «косыгинскую» реформу постепенно свернули. И это в конечном счёте привело к печальным последствиям: к началу восьмидесятых экономическое развитие страны замедлилось настолько, что в магазинах стали появляться пустые полки.

Этот процесс продолжал неуклонно расширяться и в конечном итоге через десятилетие дал свои разрушительные плоды – Великая держава под названием СССР, в заметной степени из-за этого, перестала существовать, распавшись на составные части, которые в Советском Союзе были её республиками, а с начала девяностых стали отдельными государствами.

Процесс распада нашей Великой Страны был инициирован главами трёх республик – Ельциным (РСФСР), Кравчуком (УССР) и Шушкевичем (БССР). Он произошёл келейно, так как антиконституционный документ, свидетельствующий о выходе этих республик из состава СССР, был подписан этими лидерами в беловежской баньке. По существу, на тот момент это была попытка антиконституционного переворота, поэтому три указанных главы республик становились государственными преступниками, которых президент СССР Горбачёв мог арестовать и предать суду.

Однако он этого не сделал, оказавшись слабым, безвольным да и к тому же, как станет известно позже, продажным американским властям.

Вскоре Горбачёв сложит свои полномочия главы СССР, и наша Великая Страна распадётся на пятнадцать независимых государств – бывших в Советском Союзе его республиками.

* * *

Довольно скоро в этих новоявленных странах (кроме Белоруссии, где на президентских выборах 1994 года Александр Григорьевич Лукашенко одержал убедительную победу над Шушкевичем, а потом наказал его пособников в развале СССР, оставив в своей теперь уже стране всё лучшее из системы развития экономики Советского Союза) люди ощутили, что жить по тем экономическим законам, какие дают возможность развиваться и процветать, как обещали новоявленные лидеры каждого из новых государств, они не стали.

Причина же, по которой, вопреки обещаниям с высоких трибун, процветать никто из «простых тружеников» не стал, состояла в том, что те самые «аппаратные люди», которые когда-то почуяли угрозу от предложения Алексея Николаевича Косыгина, а также их последователи – молодые партийные замы и комсомольские лидеры – сумели вовремя сориентироваться.

Аппаратная выучка их и тут не подвела. Они очень умело представили себя радетелями модной с середины 80-х тенденции к перестройке.

Многие из них публично сожгли свои партийные и комсомольские билеты, отрѣкшись от того, что ещё недавно их так хорошо кормило из «закромов Родины».

И они знали, что делали, потому что самый умный из них придумал такую бумажку, которая якобы давала возможность каждому человеку пользоваться его законной долей в этих «закромах».

Поначалу такой шаг производил очень сильное впечатление на соотечественников, поскольку до этого подавляющее большинство из них привыкли всё же ежедневно зарабатывать. А тут, оказывается, имеешь право уже и на бумажку, стоимость которой равна, оказывается, стоимости двух машин «Волга» – огромных по тем временам денег.

Эта бумажка была озаглавлена красивым названием «ваучер», что в переводе с английского означает «расписка». Такой «распиской» государство якобы гарантировало человеку в ближайшем будущем его «долю национального богатства».

Когда наступит это «ближайшее будущее», никто не знал, но многие надеялись, что оно «светлое» и не за горами.

Ведь с самой высокой трибуны было объявлено, что каждый из соотечественников может выбрать себе один из двух вариантов, как распорядиться этим «богатством» – либо обменять на акции любого выбранного предприятия, чтобы в течение долгого времени получать определённую часть его доходов, либо обменять на деньги, равные той самой стоимости двух машин «Волга».

* * *

Однако смущало то, что останавливались фабрики, заводы, закрывались лаборатории, КБ (конструкторские бюро), в одном из которых к тому времени уже в качестве руководителя отдела работал доктор физико-математических наук, профессор Валерий Константинович Дронов. . .

Смущало потому, что никто не знал, в какое предприятие вкладывать эту «расписку».

Были, правда, заманчивые предложения от неких алмазодобывающих, нефтедобывающих, газодобывающих. . . компаний. Но подавляющее большинство людей, вложивших туда свои «акции», получали через год отчёты о суммах собственных доходов, на которые разве что можно было купить несколько порций мороженого.

Тут же появились какие-то шустрые личности, получившие в народе название «жучки», предлагающие за ваучеры суммы, хоть и далёкие от объявленного номинала, но существенно превышающие первые «доходы» новоиспечённых «акционеров». И те, кто ещё не расстался с этими бумажками, уже зная результаты от их вложения, с удовольствием продавали, поскольку стали понимать, что о стоимости двух «Волг» не может быть и речи.

* * *

Но они ошиблись. Точнее, не ошиблись, а не знали и не могли знать, с какой целью «самый мудрый перестройщик» – непотопляемый и процветающий по сей день, правда, уже в другой стране – придумал эти ваучеры.

Дело в том что, если подавляющему большинству соотечественников они принесли лишь разочарование – чувство, что их обманули, то идеологам такой «перестройки» и людям к ним близким, то есть полезным, эти бумажки принесли «золотые горы», потому что их номинальная стоимость, о которой уже шла речь, формально для их сделок осталась прежней.

А поскольку это так, то человек, который приобрёл или скупил у разочаровавшихся определённое число этих ваучеров-акций, получал возможность стать владельцем или совладельцем какого-то предприятия: завода, фабрики, комбината. . .

И становился им, потому что определённым, довольно большим числом таких акций вроде бы формально вложил или, как уже стали это называть, инвестировал в предприятие серьёзные деньги.

В средствах массовой информации такие «инвестиции» подавались как благие намерения акционера способствовать развитию того предприятия, которое он приобретал.

На самом же деле никто его не обязывал развивать производство. Да и как можно было что-то развивать, когда подавляющее большинство фабрик, заводов и комбинатов с развалом СССР прак-

тически в одночасье лишились возможности что-то производить, потому что нарушилась годами до этого выстроенная в СССР система заказов, а следовательно, и продавать новое было некому.

Поэтому такие «акционеры» фактически становились владельцами недвижимости. И им оставалось лишь распродавать старое оборудование и сдавать помещения в аренду бесчисленным фирмам, которые с начала 90-х стали плодиться как грибы после тёплого дождя.

Суть работы почти всех этих фирм-арендаторов сводилась к продаже или перепродаже того, что только можно было продавать или перепродавать. А можно было почти всё...

КБ, которое возглавлял Валерий Константинович на одном из оборонных предприятий, тоже прекратило своё существование, потому что, как и многие другие оборонные предприятия современной России, хоть и назвавшей себя правопреемницей СССР, эта организация оказалась ненужной.

Новые «акционеры», получившие в собственность известным уже нам способом эту организацию, сначала пытались её перепрофилировать. Точнее, перепрофилировать частично. Сдав большую часть помещений в аренду, в некоторых цехах на имеющемся оборудовании стали делать предметы быта, которые можно было сразу продавать: вёдра, лопаты, грабли, лейки, а также решётки для кладбищенских оград и оград для коттеджей тех, кого стали называть «новыми русскими».

Но вскоре выяснилось, что жизнеспособны (самоокупаемые) лишь те цеха, где выполняют заказы «новых русских», поэтому остальные помещения тоже сдали в аренду.

Что касается «новых русских», то ими стали называть тех, кто с начала 90-х в немыслимо короткие для какой-либо другой страны сроки сказочно разбогател. А богатели они потому, что теперь спекуляция и воровство получили наименование «бизнес».

В зависимости от сумм, которые можно было уворовывать или отбирать, у бизнесменов, не обеспечивающих себе должную охрану, получившую название «крыша», бизнес подразделялся на «малый», «средний» и «крупный».

Поначалу, правда, среди людей, создававших предприятия малого, а иногда даже среднего бизнеса, были «белые вороны», поверившие, что успеха можно добиться в честной конкуренции – без воровства и «крыш». Но они быстро убедились, насколько это нереально.

Дело в том, что основатели «перестройки» были людьми, сформированными в стране государственных монополий, а монополия и конкуренция – понятия несочетаемые.

Да и бездельников – большей части чиновников, привыкших распределять заработанное другими, как мы помним, и так был избыток, а теперь с каждым днём становилось ещё больше.

Потому и довольно скоро рухнули надежды этих «белых ворон». Они были вынуждены либо оставить своё занятие, либо «уводить» доходы «в тень», понимая, что львиная их доля идёт не на социальные нужды и другие благие дела, а в карманы чиновников или бандитов, которые, по сути, занимались теперь одним и тем же...

Помещения КБ тоже сдали в аренду: одно – фирме, которая производила резиновые сапоги и калоши, другое – компании, долгие годы успешно продававшей в нашей стране гербалайф.

Это средство одно время широко рекламировалось у нас как пищевая добавка для сбалансированного питания, способного творить чудеса и с теми, кто хотел похудеть, и с теми, кто мечтал поправиться, и с желающими омолодить своё лицо и тело.

С начала 90-х соотечественникам, как это всегда происходит в «смутные времена», предлагали много чудес для быстрого решения их вопросов за «разумные деньги». Но, как известно, чудеса если и бывают, то чрезвычайно редко. И пока к человеку возвращалась эта хорошо известная ему мысль, его «разумные деньги» в суммах, приятных для тех, кто предлагал свои «чудесные» услуги, исчезали вместе с обещанными чудо...

* * *

Валерию Константиновичу повезло. В отличие от многих своих коллег, кто остался без работы по профессии и вынужден был искать заработок на любой неквалифицированной работе или в торговле – среди большого числа появившихся в ту пору «челноков», он получил предложение преподавать информатику в одной из элитных гимназий.

Эту гимназию открыл приятель его детства Арсен, теперь уже Арсен Борисович, который ещё в молодые годы устроился на овощную базу, успел дважды отсидеть за «экономические преступления»

ния», став в середине 80-х заместителем заведующего, а в 90-е он легко приватизировал овощной магазин.

Уже в зрелом возрасте Арсен Борисович оставил семью и женился на молодой красавице Инге, которую присмотрел на конкурсе «Мисс Москва», являясь одним из его спонсоров.

Красавица поначалу никак не могла родить, поэтому жаждала деятельности. И чтобы удержать её от желания стать профессиональной моделью, он сумел открыть для неё гимназию, купив все необходимые для этого разрешительные документы вместе с дипломом о её педагогическом образовании.

Кроме того, он купил – теперь уже купить можно было почти всё – документы, позволяющие Инге открыть при гимназии школу моделей для детей и подростков, где она сама преподавала один из предметов – дефиле.

Учебный же процесс был полностью на Валерии Константиновиче. Вместе с Мариной они набрали необходимых преподавателей, в частности, среди оставшихся без работы бывших коллег.

Марина тоже стала учителем словесности, уйдя из популярной московской газеты, где все эти годы работала обозревателем отдела культуры, а потом и заведующей. И где, как и во многих газетах, в ту пору началась «чехарда».

Гимназия была на хорошем счету. Туда стремились попасть дети обеспеченных родителей, и потому преподаватели были довольны заработками.

Однако 31 декабря 1999 года страна узнала, что её лидер – один из троицы «беловежской аферы» – решил извиниться перед соотечественниками, сказав, что ему «не всё удалось сделать так, как хотелось бы». И после покаяния объявил, что нашёл достойного преемника, который «безусловно доведёт начатое дело до конца».

* * *

В первые годы своего президентства «достойный преемник» действительно немало сделал, чтобы страна не рухнула в пропасть, на краю которой к концу века стояла. И ему удалось прервать этот хаос «перестройки».

Постепенно жизнь начала входить в некое упорядоченное русло, где ещё оставшимся бюджетникам стали выплачивать зарплату, задерживаемую перед этим месяцами. То же происходило и с выплатой пенсий, размеры которых с неприлично малых сумм увеличились в конечном счёте почти до *реального* прожиточного минимума. . .

Но самое серьёзное внимание преемник уделил силовым структурам и был, конечно, прав, потому что, заметно подняв жизненный уровень верхнему эшелону этой категории граждан, бывший подполковник КГБ обеспечил себе несвергаемое пребывание на высшей государственной должности.

А поскольку «новая метла метёт по-новому», то в какой-то момент в стране начинается передел собственности, под который попадает и здание гимназии, расположенное в одной из бывших школ-интернатов.

Все разрешения, какие Арсен Борисович получил, а точнее купил на аренду того здания, оказались «липовыми», и по окончании 2005 учебного года его отобрали, «перепрофилировав» в физкультурно-оздоровительный комплекс с тренажёрами, сауной, массажем и прочими недешёвыми и даже пикантными удовольствиями.

Арсен Борисович понял, что и с магазином может случиться нечто подобное. Поэтому не стал ждать и продал его. После чего вместе со своей красавицей Ингой и пятилетним сыном – ребёнком она ему всё же родила – перебрался в Испанию, где незадолго до этого купил виллу и небольшой ресторан.

А Валерий Константинович и Марина Владимировна оказались не у дел и попробовали жить на свои пенсии.

Они, конечно, слышали, что это непросто, но в какой степени непросто быть пенсионером в России начала 21-го века даже не подозревали.

Оказалось же, если очень скромно, то прожить можно. Точнее, выжить. Да и то не каждому. Потому что если требуются лекарства, а они с определённого возраста требуются в том или ином количестве и ассортименте практически всем, то пенсии не хватает. Тут или приходится подрабатывать, или помогают дети, что, конечно, унижительно.

Валерий Константинович и Марина Владимировна тоже подрабатывали, давая частные уроки. Хотя они могли и не делать этого. Их сыновья: старший – программист, младший – экономист, зарабатывали неплохо.

Однако получать от них помощь было неловко, поскольку родители считали, что, пока в состоянии подрабатывать, их дети должны заботиться о своих детях.

Деду с бабушкой тоже хотелось иногда побаловать внуков. И лишь подработка позволяла это делать.

Но они знали многих людей, у которых и дети не были в состоянии помочь, и здоровье не позволяло уже работать. На таких пенсионеров, если что-то до этого не накопили, а скопил мало кто, больно было смотреть.

Ну и, конечно, оставалось непонятным, почему человек, честно трудившийся «на благо отчизны» несколько десятилетий, не заслужил у власти своей отчизны должного уважения.

Валерий Константинович помнил, что в советские времена люди при его учёной степени, должности в КБ и правительственных наградах получали пенсию от 140 (республиканского значения) до 160 (всесоюзного значения) рублей в месяц, а средняя пенсия по стране была около 120 рублей в месяц.

Произведя несложные расчёты, он обнаружил, что если ориентироваться на Советский Союз, правопреемником которого, как мы помним, Россия себя провозгласила, то средняя пенсия по стране должна быть как минимум втрое выше.

Конечно, такое положение было позором для власти имущих, но если бы единственным.

Он знал, какие заработные платы у школьных учителей, преподавателей вузов, сплошь переименованных теперь в университеты и академии, врачей, учёных, инженеров, число которых за ненадобностью с каждым годом резко сокращалось...

Знал, как убого во многих школах и вузах (всё же он их так называл) стали учить и плохо, иной раз даже преступно, лечить.

Знал об аферах в ЖКХ, в строительном бизнесе... Да и куда ни глянь, сплошь возникали какие-то идеи по реорганизации, которые на словах были направлены на то, чтобы улучшить гражданам жизнь, а на деле эти реорганизаторы «уводили» у людей деньги, пользуясь очень изобретательными «схемами», позволяющими «спрятать концы в воду».

Валерия Константиновича всё больше смущало то, что он не понимал, куда идёт страна. Если во времена его юности, молодости и определённой зрелости, то есть до «перестройки», молодые люди стремились стать врачами, учёными, геологами, инженерами, конструкторами, космонавтами, журналистами... позже – с конца 80-х – юристами, экономистами, программистами... то теперь их подавляющая часть мечтает быть чиновниками, сотрудниками банков, рекламных агентств, пиар-компаний или попасть в систему шоу-бизнеса.

И если в Советском Союзе он в общих чертах понимал, чем занимается та или иная организация, то теперь никто не мог ему объяснить, какое благо стране приносят бесчисленные офисы, в которых непонятно чем занимаются бесчисленные клерки, именуемые «офисным планктоном».

Единственное, что он понимал, – идёт постоянная торговля или услугами, или товарами, но не замечал, чтобы что-то путное производилось, кроме ограниченного ассортимента бытовых предметов, в большинстве своём сомнительного качества.

В общем, ему, родившемуся и выросшему в другой стране, где существовала принципиально иная шкала ценностей, трудно было к этому привыкнуть.

* * *

Но не только экономический путь развития смущал бывшего математика и конструктора. Он не мог понять, для чего проводятся бесчисленные реформы среднего и высшего образования, суть которых в конечном счёте ведёт к атрофии логического мышления.

Если раньше в первую очередь обучение начиналось с основ любой области знания, её истории и логики развития, то теперь всё сводится к развитию способности нажать нужную кнопку, чтобы найти нужный ответ.

То есть получается, что сегодня важно научить не тому – ЧТО, а сразу – тому, КАК, не задумываясь – ПОЧЕМУ так и может ли быть иначе.

Поэтому теперь сплошь и рядом можно было видеть детей, подростков и даже молодых людей за нажатием кнопок, и всё реже эта «новая поросль» стала выказывать тягу к чтению книг, особенно авторов классической литературы. Если же и читают, то или примитивные детективы, или такую же фантастику.

Что касается гуманитарного образования, то на реформу в этой области вообще можно было смотреть как на преступление, поскольку программы меняли в сторону постоянного сокращения классики. То есть того, что время – наш самый беспристрастный судья – сохранило в веках.

А сохранило потому, что в таких книгах есть высокая культура мысли и способа её выражения, а также, что следует отметить особо – постоянное стремление героев «дойти до самой сути». Той самой сути, где главенствует глубинная философская мысль, ведущая в конечном счёте к понятию «совесть».

Меняются времена, степень развития цивилизации, формы, в которых художникам удобнее выражать свои мысли, и ещё многое, но со времён Библии не меняются основные вопросы и заповеди для каждого, кто мыслит и хочет быть человеком, а не его внешним подобием.

И именно в этом суть и бессмертие произведений классики при всём разнообразии их сюжетов и способов выражения.

Потому и так жаль Валерию Константиновичу, что теперь даже среди приятных и успешных молодых людей часто встретишь таких, кто понятия не имеет откуда «Друзья мои, прекрасен наш союз», «Я помню чудное мгновенье», «Быть или не быть», «Всё смешалось в доме Облонских», «Деточка, все мы немножко лошади», «Печально я гляжу на наше поколение», «Свежо предание, а верится с трудом» и ещё очень многое, что не так давно считалось неприличным не знать человеку даже со средним образованием.

То есть поколение перестройки очень скоро утратило черты того, что именуется культурой, и с каждым днём всё отчётливее становится поколением того, что именуется цивилизацией.

Хотя если вдуматься, то понятие «цивилизация» без наполненности культурой превращается в пустой звук.

А это значит, что происходит какая-то странная метаморфоза – глубина знаний уступает место стремлению к голой информации из Интернета, зачастую абсолютно дилетантской.

Оттого и упоминавшаяся уже, но чуть перефразированная строчка «Печально я гляжу на *ваше* поколение» всё чаще оживает в его мыслях, поскольку отражает теперь и печаль его поколения, которому хотелось видеть у детей и внуков иной труд души – такой, какой вёл бы их к настоящему, а не поверхностному интеллекту.

Но, может, размышляет он, им это и не надо. Пока им и так хорошо. Похоже, они начинают привыкать к тому, что называется обществом потребления. Развлечений сейчас много, и, если хорошо зарабатывать, видимо, можно не думать, куда мы идём.

Хотя думать, конечно, надо, чтобы когда-нибудь не оказаться здесь лишними...

Что касается слова «лишний», то оно в последнее время всё чаще посещает Валерия Константиновича.

Он пришёл к предположению, что все эти изменения намеренны. Что они продиктованы состоянием, в котором к сегодняшнему дню оказалась страна. А она оказалась в положении, очень напоминающем сырьевой придаток, поскольку почти всё, что было хорошего в Советском Союзе, разрушено.

Поэтому и строка знаменитой соотечественницы, написанная почти век назад: «*Всё расхищено, предано, продано*», точно отражает наш сегодняшний день.

А поскольку это так, и основной упор делается «на трубу» с её ограниченными отводами из недр – национального при Советском Союзе – богатства. Теперь же эти богатства «кормят» только тех, кто «удачно перестроился». Оттого и многие граждане стали с девяностых лишними для страны.

Особенно пожилые люди – потому и такая «забота» о пенсиях. А из не пожилых неуютны те, кто пытаются разобраться в сути происходящего.

Отсюда и понятны реформы в гуманитарном образовании. Ведь именно человек культуры может задумываться и задавать вопросы, подобные, например, тому: «Зачем нам вступать в ВТО?», или «Почему люди уходят из села, оставляя брошенными целые деревни?», или «Как бюджет страны может быть сопоставим с бюджетом отдельных её граждан, когда подавляющее большинство соотечественников едва сводят концы с концами?»...

Да и мало ли ещё на какие «неудобные» вопросы нужно отвечать перед очередными «демократическими» выборами, которые своей «системой подсчёта голосов» позорно прославились уже на весь мир.

Особенно наглядно такой позор проявился при выборах президента России в 2018 году, когда среди кандидатов на этот пост баллотировался Павел Николаевич Грудинин.

Дело в том, что с самого начала предвыборной кампании его рейтинг стремительно стал увеличиваться. Причём настолько, что, когда Путин со своим окружением увидели цифру ВЦИОМ, которая уже через пару недель значительно превышала ту, какая была у Путина, – около 70 % выборщиков хотели видеть президентом России Грудина, – то СМИ, подконтрольные власти, вылили на Грудина такой поток лжи, что страх Путина потерять власть мог не заметить только слепой.

Ну а в день голосования, конечно же, всю постарался ЦИК во главе с Эллой Памфиловой, ювелирно подогнавший процент якобы проголосовавших за Путина, чтобы эта цифра выглядела убедительной.

Причём даже несмотря на то, что очень многие избиратели в это не поверили, никакой проверки истинности этой цифры не было.

А ведь Павел Николаевич на примере возглавляемого им совхоза имени Ленина наглядно показал, как могут жить простые труженики при условии, если начальство (чиновники), начиная с главы организации, не воруют. Именно это он всякий раз и подчёркивал на встречах с избирателями, произнося: «Только не надо воровать».

Многие избиратели ездили к нему в совхоз, чтобы убедиться, что всё обстоит именно так, как Грудинин рассказывает. И убеждались.

Но... в стране ничего не изменилось по сей день.

Остались лишь вопросы к Путину и его ближайшему окружению, не нашедшие даже мало-мальски убедительных ответов.

Вот и получается, что люди мыслящие, не развращённые путинским режимом, неудобны, а значит, и неудобны для власти имущих. Оттого этим людям и создают такие условия, чтобы тут «не отсвечивали», а выбирали для своего места жительства другие страны.

* * *

Но не хотят ни Валерий Константинович, ни Марина Владимировна что-то выбирать. Слишком многое связано в памяти с тем, что было дорого для них здесь. Хотя, конечно, и не совсем здесь, потому что тогда страна их детства, юности и молодости была *принципиально* иной.

Да и инерция привычки, так же как эмоциональная память – категории стойкие.

Наверное, поэтому всё чаще вспоминает Валерий Константинович о кубанской станице, где прошло его детство. О том, что там постоянно – с весны до зимы – шла работа на полях, засеянных пшеницей, рожью, кукурузой, подсолнечником, засаженных огурцами, помидорами и арбузами. О гудящих день и ночь тракторах и комбайнах. О том, что отца с ранней весны до поздней осени практически не было дома. И о том, с каким уважением относились к тем, кто трудился на совесть.

И хотя жили скромно, уверенность в том, что *ВСЕ* станут жить лучше, и к этому стремились, он помнит отчётливо.

Вот почему трудно ему сегодня поверить в то печальное состояние станицы на его малой Родине – Кубани, о котором рассказывают земляки, и где он помнит землю, куда «воткни сухую палку, вырастет дерево».

Подавляющее большинство земляков переселились в города, а те, кто остались, вынуждены ездить туда на заработки. Да и не в каждом городе можно теперь найти хоть какую-то работу.

Примерно то же он слышит о судьбах жителей других станиц, деревень и посёлков не только Кубани и соседнего Ставрополя, а повсеместно...

Вспоминают они с Мариной и «их Москву». Он начиная с 50-х, она, поскольку коренная москвичка, – с 40-х.

Сейчас это сложно представить, но Москва до времён распада Советского Союза была красивым городом со своим лицом, черты которого в её центральной части определяли купеческие особняки.

Город был зелёным, москвичи приветливы. Садовое кольцо отражало своё название, потому что летом высаженные в два ряда деревья почти не позволяли пешеходам видеть идущие по кольцу машины.

Не менее зелёным было и Бульварное кольцо с многочисленными уютными скамеечками для влюблённых.

Зелёными были и дворы – знаменитые московские дворики, где, как и в домах, все друг друга знали.

Москва была уютной, и по ней можно было гулять ночью, любуясь приземистой архитектурой каждого особняка, многих домов сталинского ампира, московскими фонарями и улочками, которые не переставали удивлять своими неожиданными поворотами...

Они с Мариной часто гуляли до утра, читали стихи, среди которых всегда:

*Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.*

*Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окнах теплятся огоньки...*

Тогда ещё во многих местах города приходили на память эти строчки Анны Ахматовой о Москве, которую она – ленинградка – тоже любила.

Сейчас просто так ходить по ночной Москве вряд ли кому придёт в голову. И потому, что человеку, не владеющему искусством рукопашного боя, опасно, и потому, что смотреть на её необратимо изуродованные черты не хочется – очень уж отчётливо видна безвкусица архитектурных «изысков и композиций». Даже ночью, когда эту безвкусицу хотя бы немного приглушают огни «современных» зданий...

А ещё людям, сформированным в Советском Союзе, режут глаз многочисленные вывески разных торговых точек, всякого рода организаций и услуг, которые *почти сплошь на иностранных языках или на исковерканном русском*. Ведь не уважать свой язык в своей стране означает – не уважать себя, чего, похоже, «племя младое, незнакомое» совсем не понимает...

Вспоминают они, как любили ходить в кино, иной раз отстаивая длинные очереди за билетами на фильмы Герасимова, Шукшина, Хуциева, Тодоровского, Иоселиани, Германа, Данелия, Тарковского, Феллини, Антониони, Бергмана, Курасавы, Вайды...

В доме кино был кинолекторий, куда приглашали известных и молодых режиссёров, операторов, артистов, кинокритиков, которые до просмотра рассказывали о каких-то эпизодах работы над фильмом, а после сеанса обсуждали его со зрителями...

За билетами в театр «Современник», «Театр на Таганке» и на некоторые спектакли других театров стояли с ночи, и многие постановки смотрели по нескольку раз...

Фильмы и спектакли, как и публикации в журналах или книги, обсуждали на работе, среди друзей да и порой с незнакомыми при случайно заведённом разговоре.

В общем, литература и другие виды искусства занимали видное место в жизни людей.

Может, поэтому едва ли ни повсеместно, как сегодня, не говорили тогда: «Играет значение», «Имеет важную роль», «Очень прекрасно», «Зал переполнен до отказа», «едь», «ихний»... И много ещё подобных словосочетаний и слов, которые сейчас можно слышать не только на улице, но и порой в эфире от теле- и радиоведущих.

В ту пору радио- и телеведущими становились лишь люди высокой культуры, а то, что резало слух, встречалось порой только на улице и было предметом шуток.

И хотя страна была значительно более многонациональной, по-русски говорили лучше и чище, чем в нынешней России...

Несмотря на то что цензура была жёсткой, люди умели «читать между строк».

Может, потому и умели, что был должный интеллект. Относительно желания «глотка свободы», то, конечно же, не могли даже представить в ту пору, что доживут до того дня, когда получат эту «свободу» в таком виде, какой можно назвать свободой от совести. Потому что явно не о том мечтали и не к тому стремились...

* * *

Видимо, в период прежней несвободы мы потому и сохраняли человеческие черты, что были ещё живы те, кто сделал нашу страну сверхдержавой и кто отстоял её в период самой тяжёлой из всех войн – Великой Отечественной.

Они несли в себе какие-то высшие ценности, близкие десяти заповедям, передавая такие ценности всем, кто стремился это перенять. А стремилось подавляющее большинство, потому что в Советском Союзе, особенно во времена Сталина, это считалось престижным. Такова была атмосфера в стране.

А теперь их уже нет. Да и тех, кто перенял, осталось немного. Во всяком случае, наверное, недостаточно для того, чтобы удержать немалое число молодых всецело поклоняться денежному знаку и всё остальное ставить в зависимость от него.

Так думает Валерий Константинович, когда в очередной раз узнаёт о купле-продаже учёных степеней и званий, дворянских званий, кресел депутата и практически любой выборной и невыборной должности, а также земель, богатых природными ресурсами, которые, как уже отмечено, были в Советском Союзе общенародной собственностью.

А ещё он думает о том, что не было в его бывшей стране ни брокеров, ни дилеров, ни дистрибьюторов, ни риэлторов, ни продюсеров... а были русские определения того, чем человек занимается. И далеко не каждое из этих занятий являлось по своей сути престижным.

Вспоминает Валерий Константинович, что в СССР были прежде всего люди, которые назывались советскими. Это понятие включало в себя русских, армян, евреев, татар, узбеков, чеченцев, грузин, осетин, латышей, молдаван, украинцев... а также людей всех остальных национальностей и народностей.

Единственное отличие русских от людей остальных национальностей состояло в том, что русским языком старались овладеть, и как можно лучше, представители всех национальностей.

Такое стремление определялось тем, что иметь возможность читать в оригинале признанную во всём мире лучшей русскую классическую литературу и красиво говорить по-русски считалось престижным.

Поэтому многие родители хотели, чтобы их дети шли учиться в русскую школу, которые во множестве существовали в каждой из республик Советского Союза.

Сейчас же в современной России полно мигрантов, которые практически не владеют русским языком. Едут они сюда в поисках любой работы, поскольку там, откуда едут, не могут её найти. Да и в России теперь самим русским найти работу с заработной платой, позволяющей прокормить семью, непросто.

Поэтому многие из них (старшего поколения) с ностальгией вспоминают Советский Союз, где не было безработицы. А не было её потому, что работали на полную мощность заводы, фабрики, шахты, комбинаты... где производили собственную продукцию, а ту, которая нуждалась в видоизменении – доведении до необходимых кондиций, перерабатывали или соответствующим образом обрабатывали. Как, например, нефть, древесину...

Жили дружно, и, наверное, поэтому до конца 80-х – преддверья распада СССР – не было на территории Советского Союза межнациональных войн, страшнее и бессмысленнее которых может быть лишь гражданская война.

В общем, много чего из «достижений» нынешней «свободы и цивилизации» не испытывал Валерий Константинович до этого периода.

Могли ли они с Мариной Владимировной подумать, что такой – поначалу желанный «ветер надежд и перемен», повеявший со второй половины 80-х, приведёт страну туда, где она теперь окажется.

И что так многого им будет не хватать из той их прежней страны, которую они наивно мечтали изменить в лучшую сторону.

* * *

Конечно, русский человек терпелив и доверчив, как никакой другой.

Вот и на рубеже столетий, когда Ельцин отрёкся от власти, практически подарив её Путину, а тот в свой первый срок президентства не только на словах, но и на деле заметно приостановил падение России в пропасть сырьевого придатка Запада, подавляющее большинство россиян ему поверили. Поверили в то, что с этим человеком во главе мы вернём всё лучшее, что было в Советском Союзе.

Однако к середине второго срока его президентства постепенно становилось очевидным, что ничего подобного не наблюдается и вряд ли произойдёт; прежде всего потому, что Ельцинскую Конституцию Путин не изменил. А это означало, что не изменилось и не изменится *главное*: земля, луга, леса, реки, озёра и недра, бывшие до этой Конституции общенародной собственностью, ею так и не стали.

Поэтому и остались ельцинские олигархи, к которым добавились новые – путинские. Они-то вместе и продолжают править Россией во всех её аспектах внутренней и внешней политики.

То есть вектор развития России никаких *принципиальных* изменений со времён Ельцина не претерпел. Как был с помощью американских советников Ельцина внедрён здесь так называемый «дикий капитализм», так он, по существу, на сегодня и остался, что пагубно отражается на жизненном уровне подавляющего большинства Россиян. И за счёт чего продолжают богатеть олигархи, а также служащие не Отечеству, а этим олигархам крупные чиновники.

Если же называть своими словами тех, кто продолжает у нас определять внутреннюю и внешнюю политику, это – «воры в законе». Единственное различие между ворами девяностых и нынешними состоит в том, что «малиновые пиджаки», характерные для крупномасштабных воров девяностых, нынешние воруны заменили с нулевых на классические костюмы, оставаясь так же удобно пребывать в «высоких кабинетах» власти.

Поэтому Россия для них и сегодня не является Отечеством – она служит лишь средством обогащения. Отсюда и история нашей страны этим временщикам настолько не интересна, что доходит до абсурда: например, известное во всём мире название города-героя Сталинград отсутствует на карте, по прихоти троцкиста Хрущёва, и по сей день.

На месте Сталинграда ещё с конца 1961 года значится город под названием Волгоград. Хотя города под таким названием в Великую Отечественную войну не существовало.

Аналогичная история и с известным на весь мир блокадным городом-героем Ленинградом, который не менее позорно, опять же из шкурных интересов власти «перестройщиков», в том числе западника Собчака, при ком Путин играл далеко не последнюю роль, переименован в Санкт-Петербург.

А как понимать выделение из государственного бюджета денег на строительство в Екатеринбурге Ельцин-центра и его филиала в Москве, открытие которых Путин не просто посещал, но и принимал в них активное участие.

Или его участие в открытии памятника Солженицыну – человеку, оболгавшему историю Сталинского периода в Советском Союзе. Причём и там президент выступал с речью.

И чем объяснить позорное на весь мир зрелище, когда главнокомандующий принимает военные парады сидя, да ещё и у задрапированного с 2005 года мавзолея. Такого даже во времена Горбачёва и Ельцина не было.

Вот и получается, что бы Путин ни говорил, его слова явно расходятся с теми делами или процессами, какие происходят в стране. Причём как во внутренней, так и во внешней политике.

Что касается последней, то его, на первый взгляд, странное поведение особенно отчётливо стало проявляться с 2014 года, когда вместе с Крымом в состав России изъявила желание войти Новороссия.

Казалось бы, абсолютно логично было поддержать такое желание жителей этой территории не оставаться под властью бандеровцев. Хотя бы *для начала* просто признать их юридическое право на самоопределение, вплоть до отделения.

Вместо этого формальный лидер современной России пошёл на подписание лукавых Минских соглашений. Хотя их лукавство было настолько «шито белыми нитками», что виделось даже «невооружённым глазом».

И вот сейчас – с февраля 22-го – мы наконец-то вступили в вооружённую схватку с потомками бандеровцев, недобитых в Великую Отечественную. Но то, как организовал её нынешний главнокомандующий, больно видеть. На этой войне, лукаво названной СВО, с самого её начала и по сей день из-за бездарности военно-политического руководства неоправданно гибнет такое число людей, что это руководство явно выглядит преступным.

К тому же, если вспомнить начальный период Великой Отечественной, которая была на несколько порядков тяжелее нынешней, то абсолютно отчётливо видно, насколько порядков Сталин выше Путина. Причём во всех отношениях – и в организации дел на фронте, и в организации дел в тылу.

И это потому, что тогда была совсем другая атмосфера в обществе. Впрочем, почему так, понятно – ведь, как гласит известная пословица: «каков поп, таков и приход».

Отличие от нынешней России, фронт и тыл при Сталине полностью составляли единое целое. Сейчас же у нас явное разделение: на фоне лучших людей страны – наших профессиональных военных-фронтовиков и ушедших, а также продолжающих уходить на войну добровольцев – есть немало позорных «бегунков», которые скрываются от призыва в армию в странах ближнего и дальнего

зарубежья; существуют и такие, кто вообще не интересуется делами на фронте, живя по принципу: «моя хата с краю».

Вот и получается, что стабильным в современной России остаётся лишь воровство на всех уровнях. Причём при прошлом министре обороны – Шойгу – оно укоренилось даже в армии. Укоренилось настолько, что нынешнему министру обороны Андрею Рэмовичу Белоусову пришлось организовать специальную службу, чтобы избаловать этих высокопоставленных военных чиновников – бывших заместителей Шойгу – в крупномасштабном воровстве.

Больше того, как оказалось, это вопиющее воровство, о котором по сей день отмалчивается президент, выводя тем самым из-под судебного расследования своего дружка Шойгу, наверняка сказывается и на нынешней обороноспособности нашей армии, где очень нагляден пример позорнейшей для Путина потери исконно русской территории в Курской области. О чём он тоже предпочитает молчать, будто бы ничего серьёзного не произошло.

Хотя это и понятно, потому что в такой потере в первую очередь виноват именно он как главнокомандующий. Ведь в отличие от Сталина, Путин, похоже, очень мало интересуется делами на фронте, предпочитая присутствовать и произносить речи где угодно, только подальше от линии фронта, где настоящий главнокомандующий по своей должности в период войны обязан быть в первую очередь, чтобы постоянно «держат руку на пульсе».

Люди же всё это видят – их не проведёшь. Ведь что бы ты ни говорил, важен результат. А результат его работы, мягко говоря, не впечатляет – ни на фронте, ни в тылу.

* * *

В общем, куда ни глянь, современная Россия изуродована путинской властью во всех аспектах. И это очень болезненно отражается на состоянии души Валерия Константиновича.

Когда он думает об этом, ему порой кажется, что даёт о себе знать возраст: может быть, на девятом десятке лет уже трудно воспринимать какие-то положительные стороны нынешней жизни без ностальгии по многому из прежней. Потому и не всё хорошее замечает.

В таких раздумьях пришли ему как-то на память строчки Александра Блока:

*Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Вот он и старается, не являясь по своей природе скептиком, увидеть то, что так хотел бы видеть. Но пока не понимает, где эти «случайные черты». И случайны ли они.

Наверное, поэтому строчка Бориса Рыжего «Как хорошо мы плохо жили» звучит для него самым точным определением того, что он сегодня чувствует.

Особенно в сравнении с тем, как жили при Сталине. Хотя надеется, во всяком случае живёт мечтой дожить всё же до тех времён, когда во главе страны окажется человек Сталинского уровня.

Ведь только такой – во всех отношениях достойный – руководитель государства, каким был Сталин, и может ассоциироваться с Отечеством.

Эта надежда его и поддерживает.

2024 г.

Проза

Иван Привалов

Иван Привалов – прозаик, член Союза писателей Луганской Народной Республики. Выполнил служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований на территории Северного Кавказа. Награждён орденом Мужества, медалями «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степени, а также другими государственными и ведомственными медалями.

ЗВЁЗДЫ, РОЖДЁННЫЕ ГОРАМИ

Документальная повесть

Завершение. Начало в № 6-2024 и 1-2025

Горы просыпаются внезапно. Ещё вчера небо, лежащее на белых холмах облаками, устремляется вверх. К солнышку. Погреться. А уже снизу вверх, отрываясь от перемятых и взбитых в серую сметану дорог, ползёт к белому и чудесному жёлто-рыжее покрывало пробуждающейся природы. Обласканные весенними лучами, загораются и улыбаются солнышки мать-и-мачехи. В расщелинах, выбоинах, обочинах и разломах, укрытые длинными тенями, лежат зазевавшиеся полоски снега и ночной изморози. А на открытых участках курится земля. Горы отдают холод. Горы укрываются в шубке начинающейся зелени. Горы готовятся укутаться и спрятаться под ковром весны. А весна готовится спрятать шрамы и горе зимы. Готовится украсить страшное. Готовится стать укрытием для...

«...Секретно. 26 апреля 2003 г. СВР России. ... в Чеченскую Республику направлены офицеры специальных навыков особой оперативной группы ЦРУ США. Цель неизвестна, предположительно, физическое уничтожение значимых руководителей республики и силовых ведомств. Маршрут движения – Турция, Азербайджан, Грузия. Место дислокации в ЧР – Веденский район. Контактное лицо – Басаев. Установочные данные по информации и лицам прилагаются...»

– Викторovich! Ты мне скажи... Вот вы тут уже больше года. Скажи мне, как можно убивать и оставаться нормальным. Как можно видеть, как погибают люди вокруг, и оставаться спокойным? Скажи, как можно вынести это всё и продолжать работать? Скажи мне! Иногда меня охватывает чёрное и липкое. Настолько чёрное, что боюсь смотреть в зеркало. Когда словно током колотит. Когда... Ведь мы люди. И они ведь тоже люди. У них, как и у нас, есть семьи, жёны, дети. Что происходит? Как с этим жить и не сойти с ума? Скажи! Скажи, зачем нас убивают?! Зачем мы убиваем?! Кому это всё нужно?!

– Константин... То, о чём ты сказал, это страшно. Страшно, потому что это есть. И если честно, то очень рад, что ты спросил об этом. Это говорит о том, что мы прежде всего люди... И внутри нас человеческое... Зачем, зачем и зачем ты говоришь... Сложно и просто... Всё и вся – это ради Родины. Для неё. Мы её солдаты. Мы – стоящие впереди всех и первыми принимающие удары. Многие и многия неизвестны и не видны. Наша задача обезвредить, и в этом наша победа и счастье. Не в размахивании флагами, не в выкрикивании кричалок, не в митингах и собраниях. У тебя уже не раз проскакивает в разговорах об убийствах, жертвах и прочих вопросах... Знаю, тяжело. Верю, что плохо внутри и ночью... Скажу тебе, что сам через это прошёл. Оглянись назад. Посмотри. И скажи себе, спроси себя: кого ты убил? Как и когда? И ответу: в бою. Защищая. Защищаясь. Отражая. Спасая. Это та грань, которую нельзя и невозможно перешагнуть. Ты устраняешь угрозу. Ты спасаешь своих

родных и близких. Ты спасаешь Родину. Ты убиваешь врага! И не ради удовольствия, мести за павших друзей, не просто так, а во имя своей Родины и воинского долга. Нельзя жалеть врага. Ни в коем случае. Как и то, что нет места садизму и эмоциям. Ты спортсмен и ты знаешь, что оптимальное состояние в бою – это безразличие. Безразличие к себе и врагу. Нет места жалости в нашей работе. Жалость всегда вызывает страх, за себя в первую очередь. Наш страх – это цепи, сковывающие нас по рукам и ногам. Не дающие нам идти. Сковывающие движение. Оглушающие своим звоном. Стоит пожалеть себя, и всё – можно уходить. Горы не терпят страх. Горы не приемлют жалость. Тут как в рукопашной схватке. Нужно научиться переключать себя, своё сознание в нейтральное положение, спокойно переносить боль, пусть даже очень сильную – нельзя отвлекаться. Ты знаешь свою цель. Цель – это победа, и всё, что мешает и отвлекает, – в сторону. Нельзя оскорбляться, реагировать на пропущенный удар – виноват прежде всего сам. Учись двигаться, защищаться, уходить от атак. Ты ведь не ребёнок, не новичок, не первогодка, чтобы после пропущенного удара надуть губы, начать истерить и психовать, вспыхнуть желанием отомстить, наказать, отплатить противнику. Как опытный и культурный... побеждает тот, кто, пропустив удар, собирается, анализирует, становится более осторожным и собранным. Вот это нормальная, адекватная реакция, благодаря которой мы выполняем поставленную боевую задачу и сохраняем свои жизни, жизни товарищей и людей... известных и неизвестных... Соизмеряя... Тут мы на передовой, и если мы не уничтожим врага, то враг уничтожит нас, а затем уничтожит и страну... Громко? Да. Громко. Но это для тех, кто с флагами и транспарантами на площадях, убеждающих окружающих и себя в любви к стране. Для нас это повседневная работа – противостоять врагам, террористам и прочим, качающим и уничтожающим под лозунгами за демократию и заботу о людях. Без пафоса и прочей чепухи... Здесь мы бьёмся за свои семьи дома. Тот, кто думает и говорит, что это нам не надо, что это неправильно, тут без нас обойдутся – слепой демагог, ругающий врачей, а стоит заболеть, кричащий: спасите-помогите... А иногда доктор не успевает, потому что болезнь надо было лечить раньше, а не пытаться критиковать здравоохранение...

– Это понял. Но у меня иногда возникает стойкое... Мысль... Мысли... Вопросы...

– Какие?

– Простые... Вот мы тут работаем, работаем, а потом нас взяли и продали со всеми потрохами... В угоду не государственным, а чьим-то шкурным интересам... Взяли и бросили как... Как быть тогда? Как смотреть людям в глаза? В зеркало?

– А никак, Кость. Никак... Смотри с верой и надейся на себя, меня, товарищей и президента... Ты спать ложись. Тебе завтра пешком по горам. Обследовать разрушения после паводков. Мы тебя в комиссию включили. Прикрытие хорошее. Да и должность непростая. Плюс безопасное.

– Каким образом?

– Увидишь. У тебя беспрецедентная возможность пройти спокойно и под охраной по самым недоступным местам. Там есть такие, что и советскую власть помнят с трудом. Но жить им надо. Выплаты будут проходить два месяца. С первого августа. За разрушенное жильё и утраченное имущество – триста тысяч рублей – огромные суммы для неработающих. Списки нужно составить до первого августа. До этого нужно всё обследовать.

– Чего-о!?

– Ничего. За каждый дом будут платить. Вернее, за подпись. За неё же и охранять будут. Только сильно не ерещись. Подписывай, если попросят. Но заставь их ходить и смотреть. Принципиальность прояви. Ну, и вот на листочке тебе набросал, что нас интересует. Адреса и фамилии. Своих ты сам знаешь. Пройдёшь. Посмотришь. В клювике информацию соберёшь. А деньги пусть зарабатывают... И не вздумай им мешать! Если немного ценник поднимешь, это нормально. Но не сильно. Тут если не тебя купят, то тябя купят, имей в виду. Тебе деньги не нужны – ты для людей, жалко тебе их. Имидж у тебя – простой парень, бесхитростный. Денег не надо тебе. Ты за людей. Никому не мешаешь. Всё по-честному. Разрушен дом – подписываешь, не разрушен – не подписываешь. А то, что тебе будут показывать, так сильно не придирайся – ты же не эксперт-строитель, чтобы определить, от чего и когда что разрушилось. Ну, где-то так. И не забудь фотографировать. От начала до конца. На случай, если что упустишь... И посматривай, чтобы голову не отпилили...

– Так что получается? Люди будут платить деньги, чтобы мы описали их дома как разрушенные?

– Совершенно верно. И я тебе больше скажу, что половина этой суммы уйдёт боевикам. Сразу после получения. На руки им достанется от силы тысяч сто – сто пятьдесят...

- И что? Вы мне предлагаете стать пособником финансирования боевиков?!
- Ну, ты же умный. Конечно. Цель всего этого помочь действительно пострадавшим, но и ещё... Главное, дать пусть не совсем законно, но деньги населению. Будут деньги, будет работа, начнёт работать экономика – будет мир. И ещё... Новый начальник милиции... По району... Он местный и дерзкий... Очень принципиальный товарищ... Особенно по этим выплатам... Можете встретиться...
- Чего так?
- Разберёшься. Парень молодец, но крут... Может, так и надо... Можешь столкнуться. По данным радиоперехвата, им очень интересуется некто с позывным «Теслим». Посмотри. Может, что подметишь... Голову береги... Удачи...

«... 12 мая 2003 г. в 10 час. 00 мин. в н. п. Знаменское Надтеречного района, протаранив шлагбаум КПП (въезд на территорию расположения отдела ФСБ), осуществлён подрыв автомашины КАМАЗ цвета хаки, загруженной взрывчатым веществом, под управлением водителя в камуфлированной форме. По предварительным данным, взрыв в тротиловом эквиваленте составил около двух тонн. На месте эпицентра взрыва образовалась воронка глубиной около шести метров, диаметром около четырнадцати метров. В результате взрыва в радиусе до пятиста метров полностью разрушены здание ФСБ, шесть жилых домов, частично разрушено здание администрации Надтеречного района, расположенного в ста метрах от здания ФСБ, а также повреждён ряд жилых домов в частном секторе в радиусе одного километра от эпицентра взрыва. Количество погибших составляет сорок человек, раненых более ста, из них тридцать семь в тяжёлом состоянии. Точное количество погибших и раненых, находившихся в здании УФСБ и на территории, прилегающей к нему, устанавливается. Для оказания помощи пострадавшим задействованы все больницы Надтеречного и Наурского районов. Полные данные о погибших и раненых среди гражданского населения ЧР устанавливаются. Данные о пострадавших сотрудниках МВД и ФСБ уточняются. Работа по эвакуации потерпевших продолжается, мобилизовано достаточное количество транспорта и людских ресурсов. Приняты меры безопасности, выставлены дополнительные силы и средства от ФС и МВД РФ...»

– На майские праздники, из-за принятых мер, шансов пройти боевикам не было. Дождались, когда сняли особый режим, пошли отдыхать и дали. Что мы имеем кроме погибших товарищей и жителей Чечни? Путь – через Ищерскую. Полторы тонны взрывчатого вещества. Смесь из подручных материалов. Селитра, цемент, алюминиево-магниевого порошка. Прикрытие – цемент в мешках. Время – накануне открытия ассамблеи ОБСЕ в Берне. Кто? Басаев? Масхадов? По телевизору будет выступать с наибольшей долей вероятности Басаев, а вот исполнители – это люди, которых готовили в лагерях подрывников Абу аль Валида под руководством спецслужб других стран. Часть которых до этого обучалась за рубежом. Тут они проходили обкатку в местных условиях. Цель – отдел ФСБ и дестабилизация обстановки. Послезавтра в Гудермесском районе выступление Ахмад Хаджи. На мой взгляд, это главное. Знаменское – это отвлечение внимания. Усилить меры безопасности до абсолюта. Мне на стол всю информацию о лагере подготовки женщин-смертниц Басаева! Немедленно. Данные на них. Фотографии. Подготовить и срочно, бегом раздать всем, от постового милиционера до охраны президента! Всем!

– Товарищ генерал! Может, не будем горячиться? Два теракта за три дня – это даже для них много...

– Горячиться? Много? Ты посмотри информацию, полученную от смежников, от агентов. Ты скажи, почему прекратились занятия в лагере у Басаева? Куда вывезли половину смертниц? Зачем подготовлено пятнадцать?! Вы слышите: пятнадцать поясов шахидов?! Это что, просто так?! Вы предлагаете сидеть спокойно с такой информацией и слушать телевизор?! До этого сколько было? Помните? Или мне напомнить? От Москвы до здесь. От декабря по сейчас! Вы на что надеетесь?! Сколько им денег нужно освоить американских?! Миллион или два?! Или три?! Вот они и стараются, как преданные псы на коротком поводке. Хавчик надо отрабатывать, крутиться и выплясывать перед хозяевами. Да, я уверен на пятьсот процентов, что их цель – Кадыров. Лучшего способа дестабилизировать обстановку и обрушить достигнутые победы в пропасть нет и не будет! Лично я бы сделал именно так. И способ прекрасный. Пятнадцать бомб в толпе... Сколько ожидается людей на празднике?

– До пятнадцати тысяч...

– Вот... Понятно, что там будет его охрана. Нас к ней не подпускают. Тут понять можно. Там подготовленные и преданные бойцы. Больше преданные, чем подготовленные. Каждый, не задумываясь, отдаст за него свою жизнь... но пятнадцать бомб. Минимум по десять человек каждая, не считая раненых. Человек так с пятисот. Сколькo в панике затопчут? И изюминка на торте – самый реальный кандидат на выборах президента Республики... Песня! Да после такого – грош нам цена. Потому... Сейчас всю информацию по шахидкам на стол. Плюс справки-меморандумы. С выводами. По общей картинке и по каждой в отдельности. Где могут находиться. Под каким обличем пойдут. Мы обязаны взять их, не дожидаясь, когда они зайдут в толпу. И ещё... Подготовьте также всю информацию по вербовщикам смертниц. Не с бухты же барахты они пойдут взрывать ни в чём не повинных односельчан и соплеменников. Кто-то же привёл их в лагерь подготовки до тех пор, пока мозги окончательно не стёрли. Нужно вырывать с корнем. Навсегда. Продумайте, где может находиться их направляющий с пультом дистанционного подрыва. Должен быть такой для страховки. Должен! Они сейчас, окрылённые безнаказанностью, теракты на конвейер поставят. А мы обязаны этот конвейер взорвать. Должно и будет по-нашему... Так что несите материалы, а я пока кофе заварю... Будем думать...

«...14.05.03 г. в 14 час. 45 мин. в н. п. Белоречье (Илисхан-Юрт) Гудермесского района в ходе проведения мусульманского праздника “День рождения пророка Мухаммеда”, во время молитвы, на которой присутствовало примерно двенадцать тысяч человек, террористка-смертница с сумкой и микрофоном типа журналистского вошла в скопление верующих из числа гражданского населения и произвела самоподрыв. В результате подрыва, по предварительной информации, погибло тринадцать верующих, два сотрудника охраны главы администрации ЧР и три сотрудника ОВО при РОВД Гудермесского района, семьдесят получили ранения различной степени тяжести, из них госпитализировано тридцать три человека...»

– О чём и говорили... Семь смертниц задержали на подходе. Пять прошли. Одна подорвалась. Одна убита. Три задержаны практически сразу после теракта... Две в Знаменском... Где ещё одна? Или две? Или пять? Кто мне скажет точную цифру? Откуда они? Из каких аулов спустились?! Почему не отработали сразу Бачи-Юрт и Хиди-Хутор?! Почему?! Я спрашиваю ещё раз и ещё: почему?! Вы что, не знаете местных порядков?! Что вы там пытаетесь сказать?! О том, что там уже всех вырезали и вывезли? Или вывезли и вырезали? И родственников, и соседей? Или это не так? А ведь вы ещё могли спасти их. Виноваты или нет, разобрался бы суд. А сейчас и судить некого, и получить информацию не от кого. Про то, что смертники гуляют по Чечне, как в парке на прогулке, молчу вообще. Не понимаю вашей медлительности! Задача от первого: раскрыть и предать суду всех виновных и сопричастных террористов. Что не понятно?! В Улус-Керте установлены причастные к терактам? Установлены! Доказательства причастности к терактам, в том числе к Побединскому, есть? Есть! Так что сидим и думаем? Передать информацию и имеющиеся доказательства в комендатуру и милицию – пусть задерживают, проводят все необходимые мероприятия и в суд! Слышите? В суд! Чтобы все видели и знали, что закон есть и убийцы чеченского народа понесут заслуженное наказание. По теракту в Знаменском. Есть цепочка. Есть лица. Реальные лица – причастные, помогавшие, осуществлявшие. Это в Побединском, Радужном, Мекен-Юрте. Чего ждём? Пока их тоже не вывезут и не вырежут?! Вы же не забываете, что, помимо наших, там семьдесят процентов погибло местных. А они ни прощать, ни ждать не будут. У них разведка работает не хуже нашей. Вычислят и вырежут. Не дожидаясь судов. У них другие задачи и совсем другая отчётность... Ну, элементарные движения, неужели трудно сделать? До каких пор будем констатировать, а не выявлять, пресекать, уничтожать? До каких пор?! Или мне напомнить в очередной раз, зачем и где вы находитесь? Доработались... Боевики продолжают минную войну. Наши заклятые друзья из-за рубежа щедро её оплачивают. Не скупятся... И она будет продолжаться до тех пор, пока не появится работа, деньги и мир. До тех пор, пока каждый житель не поймёт и не получит гарантий, что прокормить свои семьи можно и нужно никого не убивая. А для этого – уничтожить главарей бандгрупп, прекратить финансирование терактов и убийств, подорвать экономическую подпитку войны, восстановить нормальную работу предприятий и госорганов. Пока это не сделаем, то ничего у нас не получится. Когда боевики свободно и открыто раздают о том, как они зарабатывают в различных иностранных газетах, дают интервью, бахвалятся... это край... Их цель – посеять страх, показать, что они сила и мощь. Стараются. Из кожи вон лезут... Кричат, что

сейчас проведут реорганизацию своих отрядов, объединятся, определятся с дальнейшей тактикой и в июне... Вы слышите, в июне начнут полномасштабные боевые действия против федеральных сил... Сейчас, благодаря работе наших смежных структур, на территории Грузии проводится операция по выявлению боевиков. Что там и как будет проходить, понятно. Ворон ворону глаз не выбьет. Боевики предупреждены, и им дано время перейти границу. Это группа Гелаева в количестве до ста человек, а может, и ещё больше. Все разрозненные группы сливаются в один поток. Цель та же, что и была – подготовка и проведение террористических актов на территории Чеченской Республики. А вот информация от службы внешней разведки. О том, что практически сто наёмников из арабских стран, по причине прекращения финансирования, а также из-за спецоперации грузин, перебираются к нам, в Чечню. А вот сообщение и списки сотрудников американской частной военной компании, которые также перебираются к нам поработать. Они пока в Азербайджане косточки греют, но, по всей видимости, не долго. А это профессионалы. В ней, судя по списку, треть бывшие разведчики, а значит, это штатное-нештатное подразделение спецслужб с понятными намерениями...

«...Секретно. Экз. ед. Справка о проведённом оперативном мероприятии. ...в период с десятого по семнадцатое мая сего года принимал легендированное участие в комиссии по оценке последствий паводка июня 2002 года в Веденском, Курчалоевском и Ножай-Юртовском районах. На восстановление, строительство и приобретение жилья взамен разрушенного на каждый район было выделено по семьдесят миллионов рублей. Всего на Чеченскую Республику выделено из федерального бюджета шестьсот миллионов. Сумма выплат до трёхсот тысяч на семью. Единообразно. Задача комиссии сформировать список семей, лишившихся жилья и имущества. Распорядитель денежных средств МЧС Чечни. Выплаты оказываются независимо от факта получения денежных средств на основании других законодательных актов. Состав комиссии – представитель комендатуры, МВД, МЧС и администрации района...

...в ходе работы получена следующая информация:

– начальник милиции Веденского района крайне негативно относится к работе комиссии. Считая, что выплаты выдаются не только пострадавшим. Списки не соответствуют действительности, а большая часть выплаченных средств идёт на финансирование боевиков. В настоящий момент у него на этой почве сложились неприязненные и враждебные отношения не только с жителями Ведено, но и с родственниками в Дышне-Ведено. Представитель комиссии от администрации в разговоре с жителями успокоил их фразой на чеченском языке: “Всё будет хорошо, не долго ему ходить по земле, деньги вы получите”...;

– в марте в Ингушетии состоялась встреча руководителей “непримиримых” бандформирований, объединённых на основе “кровной мести” против федеральных сил и правительства Чечни и не подчиняющихся никому. Общее количество бандгрупп от восьми до двенадцати тысяч человек;

– в начале апреля в н. п. ... Веденского района состоялась встреча, где присутствовали Масхадов, Басаев и другие полевые командиры, действующие на территории ЧР. Басаев требовал активизации террористических и диверсионных актов против российских вооружённых сил, их руководителей, мирного населения как на территории ЧР, так и на территории РФ. Планируется проведение терактов в РСО-А, Ростовской области, С.-Петербурге, Москве. Всем полевым командирам были розданы списки сотрудников МВД и ФСБ РФ, участников боевых операций в ЧР, подлежащих уничтожению как на территории ЧР, так и на территории РФ с оплатой по факту исполненного из средств, поступающих из-за рубежа. В списках есть также данные на чеченцев, ингушей, дагестанцев. Кроме этого, обсуждался вопрос по захвату русскоязычного населения, в том числе на территории других регионов РФ, для последующего обмена заложников на нужных для них лиц;

– установлено нахождение лиц, входящих в бандгруппы:

Дадаев (подрывник Шамиля Басаева) – Дышне-Ведено, ул. ...;

Садилаев Г. и Садилаев М. – Дышне-Ведено, ул. ...;

Хамизов А. – Дышне-Ведено ул. ...;

Манаев Л., Д. – Ведено, ул. ...;

Абаханов А. (начальник особого отдела боевиков по Веденскому району) – Мехкетты, ул. ...;

Салтахунов С. – Дышне-Ведено, ул. ...;

Ибадулаев Хатуни, ул. ...;

– в адресах... во время осмотров жилья были замечены следы пребывания групп боевиков: большое количество посуды, запах оружейного масла, окурки иностранных сигарет, обрывки газет и журналов на английском, французском и арабских языках, сушащаяся ношенная одежда подразделений НАТО. За домами, в посевах кукурузы, в адресах... скрывались люди. Признаки: свежесломанные стебли растений, следы подошв рифлёной обуви, звуки речи и стук металла... Капитан третьего ранга...»

– Вставай, Константин! Вставай! Чуть подзадержался ты со своей справкой и наблюдениями...

– Что случилось?

– Что обычно... Начальника РОВД расстреляли. Практически у дома. Из восьми человек странным образом убили только его... По официальной версии, наряд осуществлял ночное патрулирование. Был обстрелян. Бой продолжался около получаса.

– И?

– А и в том, что у нас снова всё как всегда. Твоя информация подтвердилась более чем. Более того, от него отказались родственники после его отказа уйти с должности. Семнадцатого в двадцать два у него с ними была назначена встреча. На встречу он пришёл с сотрудниками РОВД. С ними у него тоже, по разным причинам, отношения от сложных неприязненных до прямых угроз убийством. Поговорили. Разговор не получился. Вышли и через несколько домов – кирдык. Очень похоже на...

– Заманили и убили?

– Ну, что-то около этого.

– Почему около? Сотрудники по заказу родственников решили собственные проблемы...

– Может, и так... Но тут одна маленькая деталь. Минут тридцать назад был получен радиоперехват «Теслима» с «Баграмом», в котором «Теслим» сообщает, что «устроил засаду и убил начальника милиции»...

– А «Теслим» – это командир бандгруппы Бадиев, что живёт в Дышне-Ведено. И в его группу входят братья Тархашевы, живущие рядом. Вы же мне сами говорили об этом перед выходом.

– Так точно. Теперь осталось пообщаться с девушкой «Теслима», установить место его лёжки и взять... Пообщаться...

– Тут получается либо стечение обстоятельств, и всё просто обычно и скучно, либо...

– Либо в банду «Теслима» входят сотрудники милиции. Или наоборот... Займись. Это по твоей части. А мы пока посмотрим, что делать с твоей информацией, которую ты обозначил как «разное» – там работы непочатый край. Посмотри по убийству, что да как, и включайся. Пока тебя не было, Чечня уже дважды подпрыгнула. Отдохнул – и в бой! Твою информацию, с одобрения уже руководства, передали по назначению. Думаю, уже начали работать. В течение трёх-четырёх дней будем знать, что и как. Что у тебя? Из неофициального?

– Там Абаханов в Мехкеттах. Похоже, меня срисовал. Не простой. Очень умный и осторожный. Там надо быть поаккуратней. Чтобы чего не вышло. А то оставит после себя сюрпризов, и ребята могут нарваться...

– Не переживай. Мы им всю информацию, что есть у нас, передали. Разберутся. Твоя задача другая. Тебе надо будет подъехать в Шали к замначальника нашего отдела Олегу Чернову. В Шалих живёт некто Салиханов Тимур. Он является проводником и связником между бандгруппами нашего района, руководимыми, направляемыми и снабжаемыми разведками других стран и местным подпольем. Имеет тесные связи с Обществом чеченско-российской дружбы, финансируемым через подставные организации теми же разведками. Его нужно взять на пару часов. Думаю, нам этого хватит для вербовки. Тебе светиться нельзя. У нас на тебя другие виды. Долгосрочные. Собирайся. Пройдись по своим. Что там и как по начальнику отдела и езжай. Сопровождения тебе не дам, а в ССГ, мне кажется, ты уже нашёл себе товарищей.

– Так точно. Соболя из Калуги. Надёжные ребята.

– Ну, вот с ними и поезжай.

Поезжай...

И едешь.

Соберётся группа. Запрыгнет под тент «Урала». И пошли. С бэтээрами и сопровождением. Как положено. Куда пойдёт колонна, её конечная цель не важна. Важно то, что на каком-то из поворотов старший поднимет вверх руку с открытой ладонью, сожмёт в кулак и покажет, куда идти. И быстро, с ходу, бегом и в зелёнку, что вдоль дороги, в листья и заросли. Это, уже учитывая прошлые дни, месяцы и года. Учитывая промахи, поражения, успехи и победы. Задача – дойти к ночи. Обустроиться у предполагаемого места нахождения боевиков и ждать.

В кино всё как всегда – выскочили, постреляли, победили. Ура. В жизни одна маленькая операция – это титанический и ответственный труд десятков людей. И не один, и не два дня. Это обязательно работа по привлечению на свою сторону местных жителей, определение сторонников, их вербовка, получение информации. А информация нужна от и до. Агентура – это хлеб других, группе нужно перед выходом изучить местность. Изучить как собственную старую квартиру. От пятнышка на обоях до гвоздика в полу – дороги, расщелины, пещеры, источники воды, высоты и пути подхода. От любой мелочи может зависеть жизнь всех в группе. Плюс определение мест засадных мероприятий, путей отхода, как основных, так и резервных. Предусмотреть способы срочной помощи авиацией и эвакуации. Места встречи при рассеивании группы. А от агентуры что нужно? Место базы боевиков, сколько человек там может находиться, сколько видел своими глазами, что слышал... Вооружение, план лагеря с подходами и отходами, окопами, блиндажами, минами, колючей проволокой, способами охраны и сигнализации и прочее, прочее, прочее. Мало информации не бывает. Пригодиться может всё. Не забывая поправку на время и разные движения. Там-то тоже дураков не держат. Иностранцы товарищи многому научили местных, а поэтому от них весь набор противодействия: на ночь минируются подходы, применяются приборы ночного видения и небольшие засадные группы. Чтобы нельзя было применить миноискатели – разбрасывают гвозди. По тропам и не только. Растяжки, те самые растяжки, которые путаются и находятся под ногами, – ставят на деревья. На высоту человеческого роста. Знаешь – пригнёшься, пройдёшь, а нет, так...

Так что задача наших проста – дойти, перекрыть пути-дорожки боевиков, предусмотреть возможность помощи им извне, чтобы в спину не ударили, и всё. А дальше что надо? Уничтожить, взять в плен, получить трофеи? От этого и танцуешь.

Идешь.

Отошёл от дороги, и всё!

Здесь все места опасные, тут везде может быть враг.

Вперёд разведку, а сами цепочкой, в интервал десять-пятнадцать метров. В села к домам – никак. Их вообще нужно обходить с подветренной стороны, чтобы случайно не услышали ни случайных звуков, ни запахов. Собак нет, но запах спецназовца отличается от запаха местного жителя, как отличаются запахи нашатырного спирта от зарубежного парфюма. Тут слышат всё. И время такое, и место. Здесь это вопрос выживания. А дойти и разместиться надо до темноты...

Дошли...

Упали на расстеленные коврики. Нужно спать. Часовых, дозорных не выставляли. Раньше было по-другому. С караулом и сменой каждые два часа. В итоге кто-то обязательно не выспится, а значит, часть группы боеспособна не в полной мере и реакция будет не та. Да уж...

А на помощь пришла «Росинка» – маленький такой приборчик, со спичечный коробок. Внутри катушка с ниточкой, тоненькой, словно паутинка. Зажигалкой поджигаешь кончик ниточки, завязываешь на ветке и побежал вокруг устраивающихся на отдых. Чтобы только радиус был побольше. Как можно больше. Оббежишь-прибежишь – и со всеми спать. А коробочку к дереву. Стоит кому-то порвать ниточку на периметре, так коробочка взвонит писком препротивным, и сна как не бывало. Маленький сторож.

Уже и разместились. И дыхание ровное. А никак. Не спится. Да как тут уснёшь? Когда вокруг горы, и уже темно, и они со всех сторон. Только дальние вершины ещё белеют. А те, что рядом, уже обступили, и всё ближе и ближе, и ты смотришь с надеждой на свет вдали. Верой и волнением – может, пусть будет так?!

Но свет погас, и темнота со всех сторон. С теплом дня начинает ёрзать и мельтешить в траве нежный еле уловимый ветерок. Дыханием ребёнка. Хорошо тут. Там, внизу, – пыль и жара. Тут лёгкие упиваются каждым глотком чистоты и свежести.

С темнотой просыпаются вездесущие цикады. Гремящие наперегонки с падающей с гор водой.
В ночь.

С темнотой горы расступаются. Посмотрели, рассмотрели – не кусаешься, так и лежи, отдыхай.
У вас свои дела, у них свои. Отходят. Чёрные на чёрном. Картина.

Не спится.

Купаешься в этой прелести, словно мир, словно всё будет хорошо... Словно наступит завтра...

Завтра это будет завтра. Задача поставленная будет выполнена. Это закон. А сейчас...

Горы словно прижались ко сну и, засыпая, выплеснули из себя звёздочку. Маленькую. Одну. Затем ещё одну, затем две, три, пять... Справа, слева, поборов все смущения и тревоги, выбрасывая каскады и потоки, по одной и горстями, горы вывесили гирлянду, каскады, грозди звёзд. Каждая вершина, каждая расселина пыталась вывесить, подарить свою, единственную и неповторимую.

И чем яростнее и темнее становилась ночь, тем ярче и ближе вспыхивали огоньки. Далёкие и близкие. Расцветая всеми цветами радуги...

Освещая...

Многоцветье...

И уже нет темноты...

И не будет её до утра.

Тьма не придёт.

Звёзды, рождённые Кавказом...

– Ну что, Костя... Пока ты отдыхал в Шалях да Курчалое, у нас тут сплошная мясорубка. Да и тебя чего понесло в Ножай-Юртовский район?! Устал мозгами работать?

– Товарищ полковник! Я же по приказу. Первого. Вы же знаете. Обеспечивал отход группы, а тут басаевские. Мы им честно предложили сдать. Ну, а они не захотели. Пришлось нейтрализовать. Навсегда. С нашей стороны ребятам тоже досталось. Немного. Но это сыграло нам на руку. Правдоподобней вышло.

– Да в курсе... Молодец. Тут ещё какое дело... По твоим адресам пробежались... Ну, про автоматы-пулемёты да бомбы-гранаты говорить не буду. Задержаны братья Садилаевы, Дадаев. Абаханов и Ибадулаев ушли, но найден огромный архив, записные книжки, аудио- и видеоматериалы... Часть посмотрели... Первый приказал готовить на тебя представление к госнаграде...

– Спасибо, конечно, но, наверное, не стоит.

– Это не твоё дело. Приказали – значит выполним... От себя... Чтобы ты знал... Личное спасибо...

– За что?

– За что?.. За что... За что... На одной из плёнок запись... Как выдаются деньги боевикам... За работу...

– И что?

– И что... На ней запись, как получают деньги сотрудники охраны Джабраила. С именами и лицами... Кому, от кого и за что... Америкосы всё записали на плёнку... А она теперь досталась нам. Спасибо...

– И что теперь? Будем брать?

– Зачем? Будем ждать. Их время ещё не пришло. Посмотрим, что и как. Дальше, как руководство решит...

– Вот так!? И у вас хватит сил?.. Пусть ходят, живут, дышат?..

– Пусть...

– А причины? Скажите мне, чтобы понять. Как, зная, что и как, и ваше отношение к Ямадаеву, можно позволить им жить?

– Можно по одной простой причине, что всё решает кто-то сверху, на небе или космосе – не важно. Не я дал жизнь, не мне её забирать. Ну, и ещё, и ещё, и ещё, буду тебе говорить, что есть интересы страны, а это важнее личных амбиций, мыслей и помыслов. Эту карту можно разыграть так, что если говорить об отмщении, а именно этого ты от меня ждёшь, то немного погодя результат будет намного сильнее простой и банальной вендетты. По хвостам бить много ума не надо. Надо ударить в сердце. И думаю, что это и будет сделано. Пусть даже не через год или два. Может, через десяток лет. Мы с тобой этого, может, и не узнаем. Как никто до конца и не узнает о результатах нашей работы.

Как, впрочем, и о нас. Может так статья, что в отчётах перечисление изъятого у того же Абаханова займёт в десятки раз больше места, чем сообщение о нашей гибели. Тьфу, тьфу, тьфу... Если ещё будет это сообщение... Так что узнал и забудь... Кому показать и когда эти записи, не нам решать. Пусть живут... С этим... А ты молодец. И главное, что снова вернулся... Знаешь, когда вы уезжаете на «природу», сердце останавливается...

– Чего это вы расчувствовались? Что, опять родину нужно спасать в горах? Не пугайте...

– Ну, вот... Ладно. Лирику в сторону. Работа сделана. Мы разворошили осиное гнездо. Плюс денежки американские подошли. Плюс время зелёное, тёплое и благодатное. Сейчас начнутся ответные мероприятия. Июнь для них шикарный месяц. Надо подготовиться. А как? Мы уже давно и навсегда в полной боевой готовности. Нам оперативности не хватает. Пока сформируешь колонну, танки и бэтээры... Они уйдут и ещё поджидать будут. Или ещё вернее – там пошумят, чтобы колонна туда выехала, а сами на дороге сядут ждать. Дорога-то одна на всех. Это тропы для каждого и для них, а у нас... Так что включаем режим ожидания и боимся падающего листа. Тем более надо обработать всё полученное за эти дни. Так что езжай в свою группу. Только прошу, никуда не лезь! Хотя, что я говорю... прошу тебя – побереги себя. Мы за месяц только, сам знаешь, сколько наших ребят потеряли. А вы с Князевым лезете, куда Макара только ослов гонял. Сделайте паузу...

– Отсиживаться, товарищ полковник, не собираюсь...

– Да не собирайся! Бог с тобой! Сделай паузу, тебе говорю! Это же как в рулетке. Везти-то не всегда получается. Белое – чёрное, белое – чёрное... Пропусти чёрное, сделай шаг в сторону! Чуть помедленнее!

– Есть, товарищ полковник! Так точно, товарищ полковник! Будет исполнено, товарищ полковник!

– Прекрати смеяться! Не шутики шутим. Ты сейчас один десяти стоишь. За десятерых и работаешь. Отдохни... Хотя... езжай, работай... Да! Подготовься к подведению итогов...

Складывается...

Иногда так получается... устаёт человек.

Усталости бывают разные – от физической до невозможности.

Самая страшная – это та усталость, которая копится, закручивается снежным комом с горы.

Вроде ерунда.

Подумаешь!

День прошёл с его суетой, трудностями, засадами, обстрелами, задержаниями, постоянными размышлениями и расчётами.

Копится. Что-то глухое. Недоброе. Незаметное. Тут посторонний, не побывавший, не прочувствовавший на своей шкуре напряжение постоянного сопротивления и поиска решений поставленных задач, не справится. Да и не увидит. Не увидит встревоженность, напряжённость и остроту. Признаков миллион, а не увидит. Сколько народу сломалось и ушло только потому, как не распознали. И ведь не слабые и умные бывали. Психолог нужен. Настоящий. А где его возьмёшь? Тех, что с дипломами да тестами, – их меряй не перемеришь. А вот правильного – пойдти найди. Говорят, что в России самый-самый – это водка. Так можно, но нельзя. Не даёт она ясности ума, да и проблемы-то не решаются, а чуть-чуть отодвигаются во времени. Стресс, говорят. По-умному. А по-простому – так башню сносит. И если крыша поехала, то остановить её практически невозможно. Приехавшие воевать и бороться – делают своё дело. Грамотно и как учили. А учили и учат на совесть. Как для себя. А вот безжалостный быт стреляет и убивает почище боевиков. Пружину крути и закручивай, сожмётся, скрутится... И потом или развернётся со свистом и жужжанием, или лопнет. Предел прочности есть у всего.

Когда понимаешь. Когда видят. Когда рядом и вместе, то всё хорошо.

Изначально был старый отдел в Ведено, но переехали. И администрация рядом. И площадь побольше, как, впрочем, и этажность. Просторней. И помыться – в городской бане. Один моется – другой с автоматом охраняет. Напряжённо и пусто. Не для русского человека, когда баня – это ритуал, очищение и возрождение. На бегу, скорую руку и мочалку – осадок. А сзади место. Пустырь. Вот хозяйский глаз Казанцева и приземлился на нём. Сначала было слово. Расчистка территории. Потом подарок от руководства Пермской области в виде бревенчатого сруба бани. Миша Мараев и товарищи в свободное время, вырванное из отдыха, выкапывающие траншеи, прокладывающие арматуру,

вымешивающие раствор, заливающие бетоном фундамент. Затем чеченцы, помогавшие собрать этот самый сруб да законопатить его пермяцким мхом, как положено, по технологии. Печь. Задымилась, запыхтела. Пахнула банька свежим запахом сосновых брёвен, вывезенными-привезёнными вениками эвкалиптовыми из далёкого Моздока. Само собой напросились из досок лавочки да стол.

Кто-то вкопал столб, на который ребята стали прибывать указатели-направления с названием своих городов и километров от и до. Посмотришь в начале командировки на табличку с надписью «Балтийск – 3100 км» и грустно на душе – далеко. А пройдёт месяца три-четыре, смотришь: «А подумашь! Всего-то три сто!» Приедешь, посмотришь, найдёшь глазами родное название, хлопнешь по столбу в знак приветствия-возвращения – и в баню. Смыть с себя пыль и усталость дорог.

А потом соорудили бассейн, сделали врезку в проходящие с водами, горячими и холодными, трубы. Зажурчала водичка, по камушкам булькая, шепча и напевая.

Из Дарбанхи, из целебных и горячих источников, привезли болотных черепах. Вечно голодных. Залезут друг на друга, превратятся в живую пирамиду и ждут свой кусочек свежего мясца. Живой уголок.

Кто-то привёз гитару.

Стало традицией собираться всем и приглашать гостей. Из администрации, из отдела милиции, комендатуры.

Серые и тревожные вечера стали импровизированными творческими встречами. Песни под гитару, под аккомпанемент автоматных очередей. В горах слышно далеко. А сами горы прижимаются поближе. К русским, украинским, озорным и свободным песням. Послушать и насладиться. Тут и азартный стук костяшек нарда, и решительное молчание шахмат, и хулиганские щелчки чапаевских шашек. Заглянул в этот добрый уголок на час – словно неделя отпуска дома. Забываешь, где ты и что. Переключаешься в мир добра.

Заряжаешься...

Традиции рождаются людьми.

Кто-то принёс встречать вновь прибывших огромной сковородой жареной картошки с луком да настоящим кислым молоком. Ароматами дома, тепла и уюта. Так повелось. Как и стало традицией и необходимостью встречать всех вернувшихся из поездок «на природу». Шашлыками и коньячком. Загонят в парилку счастливых, и, пока одни вениками выбивают из них всю дорожную пыль, другие уже дымят и дразнят ароматом запекающегося на углях мяса. Тут нет ни чинов, ни званий. Тут братья. А посему:

– Идите мужики в баню! Завтра на совещание, в Грозный. Отдохнули – и работать!

Время безжалостно стирает людей и события, а память вцепится в эти безмятежные часы после пройденных смертельных дорог оперов. В минуты, когда все были вместе, когда были счастливы. В секунды-награды подаренного счастья. Песней от сердца. Когда пришёл. Когда не опоздал.

Что может быть печальней и ужасней не успеть? Не успеть сделать предложение любимой девушке, поиграть с сыном в мяч, посмотреть с мамой её любимый фильм, сказать нужные и необходимые слова, когда они нужны и необходимы, не успеть спасти друга и товарищей...

Не успеть...

Не опоздать спеть свою песню...

Время.

Вчера и завтра.

И только сегодня и тут.

В оазисе счастья и добра, с мечтой о мире и доме...

– Добрый день, товарищи и коллеги. Хотел в этот раз обсудить с вами общее положение дел. Прежде чем приступим к разбору конкретных ситуаций и событий. Пять месяцев. В целом поставленные нам задачи выполнены. Прекратились крупные боестолкновения между федеральными силами и боевиками, перестали громить колонны. Тут есть наша заслуга. В том числе. Но ситуация остаётся сложной и напряжённой. Благодаря общим усилиям удалось достигнуть определённого контроля за ситуацией. Бандформирования потеряли ряд серьёзных позиций. По-прежнему остались обстрелы, подрывы, теракты, убийства сотрудничающих с нами. Вот сводки только за июнь. Дышне-Ведено – ворвались, расстреляли. Махкеты – обнаружили труп, труп, труп. Дышне-Ведено – вывели, застрелили. Махкеты –

вывели, застрелили. Вывели, застрелили. Октябрьское – схрон. Хатуни – скрытый госпиталь с американским оборудованием. Моздок – смертница, двадцать погибло, четырнадцать ранено. Аргун – банда, тридцать человек. Ранения, не совместимые с жизнью, – один. Ранения – четыре. Госпитализированы. Вытеснена. Пять боевиков уничтожено. Четыре ранено. Заблокированы. Уничтожены. Харачой. Восемьдесят человек. Убили. Убили. Убили. Сожгли пять домов. Убили. Забрали. Сожгли. Дышне-Ведено. Фугас. Аргун. Три трупа. Машина. Пулевые. Дышне-Ведено. Подрыв. Погибло – два. Ранено – девять. Госпитализированы. Правобережное. Вооружённое нападение на сводный отряд милиции. Тридцать человек. Вертолёты. Огневой контакт. Мобильная группа. Блокированы. Уничтожены. Киров-Юрт. Вывели. Убили... словно в парке на прогулке. Смотрите! Женщины, старики. Сотрудники администраций, учителя, милиционеры... Они уже просто беснуются. Детей угоняют в свои банды. Ничего святого. Не слушают ни старейшин, ни аллаха. Работают под русских. Типа это русские убивают местных. словно никто не видит и не слышит, на каком языке они говорят между собой. Чеченский, арабский, английский и французский. Это чтобы вы понимали кто, с кем и зачем. А ведь это только начало. Они понимают, что осенью выборы президента республики. И тогда всё станет на свои места. Уже сейчас началась массовая сдача боевиков. Да, многим не нравится, что люди, ещё вчера стрелявшие в нас, начинают с нами работать. Да, тяжело. Но на настоящий момент мы не можем по-другому. Надо понять и простить. Мы должны остановить войну. Мы должны предотвратить гражданскую войну. Это наша задача. Мир должен прийти на эту землю. И он придёт. И мы всеми возможными средствами будем помогать в этом. Исходя из сказанного – сейчас мы владеем территорией, но не ситуацией. Во всяком случае, в ночное время и в горах. Численность боевиков в республике сейчас составляет около двух тысяч. Около двадцати процентов – это наёмники из зарубежных стран. Большинство арабы. На востоке республики обстановка внешне спокойная и боевики в основном заняты сбором информации, запасом вооружения и всего прочего, что предполагает активизацию диверсионно-террористической деятельности. Центр – Гудермес. Та же ситуация происходит в Грозном. Центр активности – Октябрьский район. Ну, может, ещё и Заводской. Боевики пытаются установить контроль над начавшими работать предприятиями. Наиболее тяжёлая и тревожная обстановка в горных районах. Я ведь не просто процитировал сводку за июнь. Там в основном звучат горные районы. А там находятся базы боевиков. Там они отдыхают. Пополняют запасы. Там около половины всех боевиков республики. Разбились крысёныши на мелкие группы и терроризируют местное население, администрации, сотрудников правоохранительных органов. Запугивают... В настоящее время сохраняется угроза совершения новых терактов с использованием уже подготовленных боевиками автомобилей, начинённых взрывчатыми веществами. Дальше. Смертницы. Уже надоело. Понятно, женщины. Понятно, что в этом кишасщем боевиками районе могут работать лишь отморозки или личные враги боевиков. И мы... Понятно. Как и всё прочее. Очередная информация, что очередная партия с промытыми мозгами, накачанная наркотиками, вышла в люди. Почему до сих пор не получена информация о местонахождении этого притона по производству роботов?! Требую провести широкомасштабную операцию по поиску и нейтрализации, по возможности возвращения в нормальную жизнь женщин-смертниц. Да и не только их. Назовите её хоть Петрушкой, хоть Фатимой, но это необходимо сделать. Работать немедленно. Нарботки есть. И ещё. Посмотреть нужно, почему нигде не освещается, какие цели преследуют те, кто встал на путь самоуничтожения? Мы с вами знаем, что продвигается идея веры, глубоко верующих людей, фанатиков-защитников веры... А на деле? Деньги, деньги и ещё раз деньги. А на самом деле – нужда! Им обещают, что родственники будут обеспечены. И даже что-то дают. Но ведь потом как дали, так и забрали... Так что, планируя операцию «Фатима-Петрушка», прошу предложения по восстановлению экономики республики. Выявляя смертников и прочих, мы ничего не добьёмся. Это по хвостам. Поэтому этот план должен быть одним среди планов по восстановлению экономики, подрыву экономической составляющей бандподполья, пресечения поставок зарубежной финансовой помощи боевикам, пресечения поставок оружия оттуда же.

С начала года совершено более двухсот диверсионно-террористических актов, это более полуста подрывов и ста пятидесяти обстрелов и боестолкновений. Каждый день что-то да происходит. В день мы теряем минимум одного человека. Это что касается федеральных сил. А сколько МВД и других подразделений? Молчу про наши потери. Все знаете, что и как. Поэтому приходится принимать суровые и подчас жёсткие меры. Иначе нельзя. Такова обстановка. Обстановка, которая требует нашей полной выкладки и напряжения сил в борьбе с преступностью. А проще – с бандитизмом. В связи с этим позволю себе выделить и подвести итог и констатировать, что мы добились стабилизации оперативной

обстановки. Вопреки всем и всему. Сейчас наиглавнейшая задача – обеспечение безопасности выборов всех уровней. Надо понимать, что выборы – это устранение боевиков и прочих от влияния на политические и экономические процессы. Если говорить об экономике, то руководство бандформированиями уже сейчас пытается подмять под себя банки, нефть, строительство. Они уже сейчас думают наперёд. Уже сейчас понимают, чем всё закончится, и тут у них жёсткая война с некоторыми чиновниками и представителями силовых структур. Отсюда и запугивание данных лиц. Хотя, впрочем, не только их. Отсюда уход ряда сотрудников и чиновников со службы и, как правило, замещение их амнистированными боевиками, зачастую оказывающимися внедрёнными с определёнными и понятными целями. Мы владем цифрами и знаем, кто, где и как работает. Одно из важнейших направлений нашей работы – это борьба с преступностью. Хочу напомнить ещё раз. Одно! Помимо других. И поэтому считаю необходимым спросить при всех: чья информация была по Киров-Юрту. По Закиеву?

– Лейтенант Князев. Веденский отдел!

– Садитесь. Не надо прыгать. Этот вопрос был риторическим. Хорошая информация. Просто замечательная. Что вы там изъяли, а?! Аппаратуру засекреченной связи ЗАС, радиоэлектронные приборы, спецаппаратуру... Молодцы... и кто мне скажет: зачем?! Я спрашиваю: какого чёрта или аллаха вы попёрлись в этот адрес?! Что у вас там загорелось?! Где!? Где Закиев?! Я спрашиваю: где Закиев и для чего нам эта куча лампочек и проводов?! На кого он работал? Не знаете? Так я вам скажу – на командира исламской бригады. Позывной «Сидик»! Того самого, что работает с и на господ из других разведок. Сидящих, между прочим, на наших каналах. Каналах засекреченной связи ФСБ. Это о чём-нибудь говорит?! Как же тяжело с вами! Вы даже сами не представляете, что сделали. Вы своими собственными руками уничтожили канал поставки нами информации для западных спецслужб и боевиков. Когда у нас будет ещё такая возможность? Найдите Закиева. В Грозном, Науре, в Гудермесе, в банде, в Грузии, в Израиле – где угодно. Найдите. Убедите, что всё хорошо, и пусть он вернётся на родину, получит от западных друзей ещё один комплект по прослушиванию-перехвату наших закрытых каналов связи. Пусть работает! Сделайте так, чтобы он вернулся и даже мысли не возникло у него, что мы рядом! Думаю, понятно всем. Потом обсудим, как и что. Идите и работайте!

– Да. И ещё... Пойдите... Касается горных районов... Хотя и всех, но горных особенно... Вы молодцы, ребята. Работать в таких условиях, как работаете вы, это верх героизма и мужества. Это говорю, потому что вижу сделанное вами. Сказал, что в горах могут работать только отморозки... Вы нормальные, а результаты вашей работы просто впечатляют. За полгода вы горы не перевернули, но сделали так, что мир постепенно, но возвращается туда... И ещё... В горах одна дорога... А я не могу вам приказывать ездить колонной, как того требуют наши руководители. Не могу, потому как понимаю, что в колонне шансов выжить немного. И ваша «нахалка» на машинах-одиночках – это реальный шанс выжить в этом змеином клубке. Перед Новым годом, помните, наверное, в Шатойском районе. Шли колонной... Обстреляли. С гранатомёта. Да, на днях задержали того, кто это сделал. Но трёх наших уже не вернуть... А пошли бы одиночной машиной, может быть, и проскочили бы... Просто будьте внимательны. Прошу как детей своих... Посматривайте по сторонам... А теперь идите с глаз моих! Я за вас свою работу делать не буду!

...«Секретно. ...Обстановка в Веденском районе ЧР остаётся сложной... В соответствии с проведённым анализом оперативной информации и радиоперехватами, в настоящее время на территории района действует сорок бандгрупп общей численностью до восьми сотен.

Общее руководство ими осуществляет полевой командир Хайрула.

Командующий Веденским сектором – заместитель Хайрулы по общим вопросам – Солтаханов («Ханиф», «Гариб»).

Заместитель по разведывательно-диверсионной деятельности – Бидиев («Теслим», «Кана»).

Начальник контрразведки БФ Басаева – Тахаев «Джафар».

По населённым пунктам:

Дышне-Ведено – Мискен, Хаким, Баграм, Жестокий, Муджаид, Султан, Посланник, Джамбулат, Джафар, Иорданец;

Элистанжи – Ясир араб, Дунга;

Сельментаузен – Ясир;

Хатуни – Магомед, Абу-Саяф;

Центорой, Мехкеты – Усман, Кавказ, Абдул-Гафур, Абу-Саяф;
Харачой – Абу-Вахид;
Ца-Ведено, Первомайское – Багиев, Коршун, Иорданец;
Ведено – Кана, Охотник, Дунга, Ислам...

Кроме перечисленных бандгрупп, на территории района работает до пяти групп, полностью состоящих из граждан США, Великобритании, Франции, Германии, Польши и арабских стран. Состав групп – сотрудники американской частной военной компании, сотрудники спецслужб (действующие и бывшие), частные лица и местные проводники. Данными лицами проводится активная работа по вербовке и насаждению агентуры. Боевиками активно используется тактика “минно-подрывной” войны. Обстрелы и теракты направлены на моральное подавление сотрудников федеральных сил, а также уничтожение коммуникаций жизнеобеспечения. Кроме этого, для дестабилизации обстановки боевики используют тактику, имеющую цель запугивания и физического уничтожения граждан, оказывающих содействие ФС, и сотрудников правоохранительных органов. Цель спецгрупп иностранных наёмников – организация и осуществление значимых, резонансных диверсионно-террористических актов, контрразведывательная деятельность, противодействие работе спецслужб различными методами.

...получена информация о встрече начальника контрразведки Басаева с одним из руководителей такой группы по оказанию помощи по физическому уничтожению сотрудников ФСБ по Веденскому району...

...Участниками бандгрупп и их пособниками ведётся непрерывное наблюдение за деятельностью федеральных сил, спецподразделений и ФСБ, перемещениями людей и техники с целью...»

И снова утро.

У каждого оно своё. У кого-то яркое и солнечное, а у кого-то тёмное и ревушее хриплыми и чихающими голосами проснувшихся двигателей мощных машин. Когда вместо пения заблудившихся ранних птичек топот ног, лязг металла, русский мат, отрывки команд, построение, задачи и утренняя тяжёлая пыль, выбитая подошвами ботинок из-под сдобренной утренней росой земли. И пусть эта земля молота и перемолота в цементную невесомую пыль, но ведь это же земля. Скрипящая и кричащая, удерживающая и скрывающая. Терпящая, надеющаяся, ждущая. Земля.

Опять и снова утро.

Сколько их таких?

Только на неделе было семь.

Выезды, выезды, выезды.

Это только в кино – сели, поехали, победили.

В жизни по-разному. А на войне тем более.

Особенно когда твой враг ходит рядом, улыбается, может быть, даже здоровается и разговаривает.

Он ждёт.

Ждёт, когда ты дашь слабинку, когда испугаешься и притормозишь.

Ждёт, когда ты скажешь, что ты уже много сделал и теперь пусть кто-то другой. Когда ты будешь бояться каждого дня, когда от дома тебя отделяет неделя. Одна или другая. Не важно. Ты лёг на «сохранение» и лежишь себе в тёплой палатке и под треск горящих дров в буржуйке считаешь вычеркнутыми числами в календарике дни до дома, до встречи с родными. Когда по-тихому, чтобы никто не видел, достаёшь билеты на самолёт и сверяешь дату вылета с сегодняшним ещё не проснувшимся утром...

Сверяешь.

Гладишь...

А он пусть ждёт...

Не дождётся.

Неделя была непростой, но быстрой.

Так бывает всегда, когда работаешь. Когда видишь результат своей работы, воплощение твоих мыслей, реализации оперативных мероприятий. Когда радуешься, что капелька твоей работы насытила огромную реку мира. Приблизила минуту победы.

Неделя...

Пять выездов «на природу» – пять задержаний.

Грузовик оружия и взрывчатки – изъято.

Тридцать стволов не выстрелят.

Десяток фугасов не взорвётся.

Четыре подготовленные, зомбированные смертницы-ваххабитки, семь боевиков – задержаны.

Люди.

Много людей останется в живых.

Четыре обстрела.

Три подрыва фугасами...

Горе в семье не вернувшимися жизнями...

А останавливаться нельзя! Тут это слабость. Стоит остановиться и что ещё хуже – повернуться назад. Не показать, а обнаружить страх. Увидеть его самому, а тем более показать свету...

Это конец!

Это не для нас и не про нас!

Вперёд и только вперёд. Бог не выдаст – свинья не съест!

А потому и пошли. Эшилхотой. Хорошо, что с ребятами из внутренних войск. Хорошо, что с ССГ.

Обнаружили. Попали. И бой.

От заката до рассвета...

Снова и снова утро.

Уже четверг. Всю неделю – не покладая рук и ног.

Точечными проверками.

Работая.

Заставляя боевиков метаться и перемещаться. От кукурузы к кукурузе. От дома к дому. От ямы к яме.

Заставляя отходить, уходить, прятаться, скрываться...

По улицам, дворам, схрамам, речкам, посёлкам, горам...

А у них встреча!

Словно какой-то бермудский треугольник.

Речная.

Садовая.

Ленина.

«...30 июля 2003 г. ...в вечернее время в н. п. Дышне-Ведено прибыла группа боевиков (до пятнадцати человек), в состав которой входят: араб по кличке “Мискен”, Элдаров и Багиев. Бандиты остановились в доме по ул. Садовая. В данном доме второго августа должна состояться встреча представителей Басаева, руководителей крупных бандформирований, в том числе руководимых сотрудниками иностранных спецслужб. Для обсуждения вопросов взаимодействия, подготовки и финансирования крупных терактов...»

– Что думаешь, Кость?

– А что тут думать? Они настолько обнаглели, что ведут переговоры прямо из дома, где будет встреча.

– Обнаглели... Обнаглели...

– Практически там же, где наших расстреливали... Глазкова... Пепел Клааса бьётся в мою грудь!

– Расстреливали... Ты не Уленшпигель... И мстить тебе тут никто не даст... Мстить... Знаешь, а не напоминает ли тебе эта ситуация сыр в мышеловке.

– Каким образом?

– А вот смотри. Мы на эмоциях. А тут у них встреча. Они нам скидывают информацию о ней. Затем несколько радиопереговоров. Из точки встречи. И они знают, что мы их слышим и пеленгуем. Нанести ракетный удар мы не можем, так как рядом больница, администрация и мечеть. Да и время боевых действий, войны прошло. А значит, мы захотим накрыть всю шайку полностью. Правильно?

– Правильно! Только тогда я бы скинул информацию о проведении встречи, а её провёл на день раньше. Или два. А на месте оставил бы засаду. Вокруг места сбора. А сам дом заминировал бы сверху до низу.

– Вот и я об этом. Ты сейчас по телевизору пробегги. Посмотри, какая там есть информация. Агентура что говорит?

– В дом прибыли люди. Во дворе никого не видно. Сосед ездил на рынок закупал еду. Понемногу много в разных местах. Женщины ушли к родственникам...

– Просмотри, что там по радиоперехватам. И ещё... Крота мы нашли, который прошлый раз подставил наших... Поэтому... Дай команду всем подготовиться. Сегодня. Машины заправить, боеприпасы получить. Подготовить людей, которые поедут на задержание. И дать всем два дня отдыха. Обозначить время выезда – второе число. Четыре утра. Только по большому секрету. И пусть он погуляет на рынок. Так информация быстрее распространится. Секреты – это такое тонкое дело. На рынке узнают, куда, кто и зачем. Поэтому команду секретную дали, и никому больше ни слова. Даже своим. Чем больше тумана, тем вернее. И пусть он бежит и докладывает. А мы...

– На какое число выходим?

– На какое-какое?! А на завтра и выйдем. В четыре утра. Но сначала пеленг! И знаем: ты, я и вонком. Всё.

Опять и опять утро.

Слажено, подготовлено. Взревели моторы, на прогрев минута и две на загрузку. Ещё три на шлагбаум и объезды блоков, лежащих на дороге. И совсем чуть-чуть на доехать. Рассыпаться горохом вдоль улицы, за домами. Подойти к адресу встречи.

Собак нет, потому никто и не гавкнул.

Часовой. Один.

А он был. И жаль, что один – снайпер снял тихо, резким щелчком по ушам в спящее утро. Только стук автомата и прибора ночного видения на асфальт.

А был и второй.

Но по лестницам, через высоченные заборы. И в адрес и близлежащий дом. И только уже когда совсем рядом, метнулась в темноту двора очередь. Оборванная другой...

Операция началась.

Темнота расступилась, а свет не пришёл. Только вспышки разрывающихся гранат в доме, только практически не слышное тарыхтение автоматов.

Очереди. Переплетающиеся и параллельные. Длинные и короткие. В пустоту и навсегда. Только смешивающиеся в один клубок крики на русском, чеченском, арабском, английском.

Мат. Русский. И только русский. Наш и не наш. Вместо света.

Смерть вместо рассвета.

И тишина...

Свалилась, как кавказская ночь.

Ведром в глубокий колодец.

Переключкой звеньев раскручивающейся цепи.

Звенящий напев, рокот, стук раскрученной ручки и большой далёкий бултых.

И тишина.

Скрип барабана.

Постанывание мокрых цепей.

Плач дырявого, мятого, старого ведра капающей водой.

Зависшая и не желающая ложиться на землю пыль распушённых, взбитых в завесу туманом кирпичей, штукатурки, краски, пороха, смерти...

Жар ночи.

Но холод пробежавшей, в белом, с косой, тут и где-то там, за проявляющимися домами, деревьями, кустами, уже выбивает стук зубов.

Бой прошёл.

И дрожь. Крупная такая. Что волосы на теле дыбом: «Живой! Живой, мать вашу!»

Мимо...

«...31 июля 2003 г. ...сотрудниками КМ ВОВД Веденского района, ФСБ и в/с ВК в результате проведения засадных мероприятий в н. п. Дышне-Ведено, по ул. Ленина, Ветеринарная, Садовая, в шесть часов утра – произошло боестолкновение, в ходе которого уничтожено девятнадцать активных участников НВФ. Среди опознанных: два личных охранника Басаева – оба участника нападения на г. Будённовск; три гражданина Великобритании, США...; три члена бандгруппы эмира ваххабитского джамаата, убитого во время вооружённого сопротивления во время задержания 21.07.03... Среди неопознанных пятеро боевиков с ярко выраженными арабскими чертами. С места происшествия изъяты: автоматы АКС – семнадцать штук, три прибора ночного видения иностранного производства, радиостанции “Кенвуд” – семь штук, РПК – две штуки, патроны в большом количестве, ручные гранаты – пятнадцать штук, три пояса “шахида” с пультами дистанционного управления, РПГ-7 – три штуки, рюкзак с деньгами в размере ста шестидесяти тысяч долларов США и коробочкой с тремя ампулами, заполненными жидкостью розового цвета, ёмкостью около ста миллилитра. На каждой ампуле надпись на иностранном языке и изображение черепа со скрещёнными костями. Сумка с семью видеокассетами от минивидеокамеры. Блокнот с обложкой зелёного цвета с записями на иностранном языке. При проведении спецоперации никто не пострадал. Документы, записи и обнаруженное вещество переданы сотрудникам ФСБ. Проверку проводит прокуратура Веденского района».

– Дмитрий Викторович! Товарищ полковник! Операция по выявлению и уничтожению членов незаконных вооружённых формирований проведена успешно!

– Костя! Мишка! Вы просто молодцы! Спасибо от меня. От всех... За ребят наших... Молодцы! Но лирику в сторону. Теперь нужно дёрнуть лучшее из того, что получили. Пошли изучать, что там у них вы нашли интересного. В радиоэфире у боевиков творится что-то невообразимое. Судя по всему, там ещё раненые. Но ушли. Часть ушла. И опять рекой. Видимо, где-то есть подземный выход к реке. Жаль, Багиев ушёл да наш араб. Да ещё кое-кто. Но ничего. Доберёмся и до них. Только вот в эфире прозвучали ваши фамилии и награда за ваши головы. По двести тысяч долларов. Так что думается, что надо вам быть поосторожней. Солдатская удача, как футбол – после забитого мяча жди ответной атаки.

– Не переживайте, товарищ полковник! У нас замечательная охрана! Соболя из Калуги. Сколько мы с ними вместе уже покувыркались! Надёжные профи. Сергей да Гена опытные – они же каждый пятерых стоят...

– Вот об этом и говорю... Вы стоите, они стоят... На пол-ляма тянете со своей развалюхой. Будьте осторожней, мужики...

– Ага... пожалел волк кобылу...

– Чего?!

– Всё понятно, товарищ полковник! Будем беречь себя!

– Слушайте! Взрослые мужики, а ведёте себя как дети. Пошли чаю попьем да будем работать...

Разбор ситуации и задержания всегда.

Осмотрев изъятое. Обед. А потом глядя на зевающего Костю:

– Может, останетесь?

– Да нет, поедем. Дома поспим.

– В сопровождение кого возьмёте?

– Не. Могут подловить ребят на возвращении.

– А сами что не возвращаетесь?

– Мы на оперской удаче. Нам, как и ей, деваться некуда.

– Легли бы вы на сохранение. Хотя бы на недельку. В жизни-то всё как на качелях. То вверх, то вниз. Так и с удачей тоже...

– Пробьёмся, товарищ полковник. Нам сегодня ещё бы по одному адресу проскочить нужно. Очень. А там можно и подумать за отдых... часов на пять...

– Смотрите. Приказывать не могу. Сам такой. А вы по сторонам-то башкой крутите. Всяко разню они не бараны... За сегодняшнюю операцию буду звонить о представлении вас и всех участников к госнаградам. Если бы эти ампулки оказались в питьевом водоёме да в речке, то жертв было бы не сосчитать... Хорошо сработали. Хорошо.

– Да что мы! Это ребята тоже поработали. На совесть. Да агенты. Знаете кто?

– Стоп! Не надо! Сколько раз говорено, не называйте данных своего агента, ни себе, ни мне, никому другому! Забудьте его имя, фамилию. Озвучьте, по надобности, только псевдоним. Помните о том, что за вами всегда кто-то наблюдает, смотрит и подслушивает. Не надо облегчать жизнь и помогать своим врагам. Беспечность, наивность, легковерие – это путь к провалу. Это финиш. Это несёт за собой раскрытие государственной тайны, нанесение ущерба стране с понятным итогом. Наша работа – это постоянная и непрерывная война, которая не прекращается ни на секунду. В атмосфере расслабона, видимого благополучия, умиротворения, всеобщей любви и братства, лозунгов и прочей эмоциональной фасадной суеты люди не замечают и не вспоминают о неумолимых фактах другой, жестокой и суровой жизни. Не хотят... Люди устают от постоянного давления на психику страхами и ужасами. Они выполнили свой долг – переживали, плакали, страдали... Но так устроена наша психика. Палку гнуть постоянно нельзя – сломается. А тут всё обострено. А палка-то трещит... А люди устали, и им хочется праздника. Они хотят вернуться в прежнее состояние безмятежности и относительного покоя. И потому всё, что происходит здесь, сознание просто затирает. То, что происходит тут, было интересно первые недели. Нужна разрядка. Это же как качели... А сейчас, по большому счёту, многим нет никакого дела о происходящем. Сознание автоматически блокирует ужасы и пытается найти возможность привести систему в состояние равновесия. И дальше разные причины. Противоядие в виде... Потому что не касается. Потому что не с ними. А не с ними – это не значит, что не идёт к ним. Идёт. Бежит семимильными шагами. Тянет свои щупальца, и наша задача их рубить и искать сердце этого монстра. Чтобы одним ударом. Ибо, отрубив щупальце и успокоившись, мы получаем угрозу, может, большую, чем была. Потому прежде, чем рубить конечности, считать, пересчитывать и просчитывать! Когда больно, оно приспособляется быстрее. Дураков нет нигде. Нельзя! Не можно расслабляться. Критика. Самокритика. Не замыленный свежий взгляд. Это наши помощники и друзья. Ибо, погрузившись в туман-пучину своих успехов, теряешь пульс и уже не видишь того, что происходит вокруг, не ориентируешься в окружающем. Отрываешься и возвышаешься. И получается два мира – твой и их. Призрачный, головокружащий – свой, и их – реальный и убивающий. Им так легко и просто наносить удары в наиболее чувствительные места. Расслабят тебя мнимыми успехами и ударят. Тут, на этой земле, всё обострено. И видно. На большой земле то же самое, только там самый большой успех – это тишина, как, впрочем, и тут. Всё великое рождается в тишине...

Начальник отдела остановился, выпил воды из бутылки, не наливая в стакан.

– Перебежчики, если их можно так назвать, да и не только они, имеют доступ во все места наших органов управления. Они основные объекты наших потенциальных противников и друзей. Потому бдительность, бдительность и ещё раз бдительность. Наша задача – это понять их практики, методы и технику. Наша задача – ясное и правильное представление о задачах и целях организаций, групп, группок, одиночек, а также о методах, способах, приёмах, которые они, наши враги, используют для борьбы с нашим государством и нами. И не надо забывать, что это понимают и они. Уже сейчас в своей работе они используют тройки и единички. Шифруются. Цепочки, где боевик или пособник знают и контактируют от одного до трёх участников бандформирований. При задержании одного из звеньев он держится до захода солнца. После заката ему разрешено рассказывать всё о своих контактах. О местах их жительства. Месте нахождения схронов. Так определено ими. Но при проведении адресной зачистки в адресе никого нет, потому что тактику нашу изучили и знают, что в ночь никто не пойдёт в адрес. А неявка одного из тройки домой означает, что остальным двоим нужно прятаться в другом месте, что они и делают. До рассвета. А схрон, который сдаёт задержанный, ничтожен по сравнению с масштабами, проплаченными господами из-за рубежа, и представляет из себя фугас, систему подрыва, пистолет и триста долларов. И хорошо, если это не ловушка. Надо помнить, что эти ребята делают всё, чтобы притупить бдительность, усилить беспечность, фальсифицируют и предьявляют очевидные факты, деморализуют и перенаправляют внимание и действия людей. Внедрённые глубинные агенты разведок других стран работают системно, организовано. Их задача нанести наибольший урон нашей обороноспособности и создать наиболее благоприятные условия для нападения на страну, её расчленения на составные части. Принцип разделяй и властвуй работает, как и раньше. Разведки мира работают искусно и целеустремлённо. Манипулируют сознанием и поведением толпы. Тщательно изучают людей, их слабости. Ищут, находят, развивают их слабые струнки, которые

нужно затронуть, чтобы добиться успеха. Людям-то намного легче поверить в пугающую ужасную ложь, чем в то, что мир наполнен тупостью, глупостью, невезением и злом...

Вода в бутылке закончилась. Казанцев, не глядя, бросил её в мусорное ведро... Попал...

– И ещё. Не надо думать, что враг будет проявлять себя тем или иным способом. Совсем нет. Он, может, и живёт обычной жизнью. Ходит, дышит, наблюдает. До тех пор, пока не поступит указание. После чего он идёт стреляет, закладывает фугасы, взрывает наших ребят. Потому в беседах, разговорах, шутках – строжайший контроль. Из разговора с вами любой должен извлечь ровным счётом ничего, кроме того, что вам необходимо передать в эфир. Только то, что нужно для дела. Пусть идёт и гуляет, но для дела. Они делают всё возможное для подрыва политической и экономической жизни страны и республики. Любыми средствами. В том числе и тем, с чем мы сейчас боремся – террором. И если отбросить эмоции и говорить профессиональным языком, то это активная разведка разведслужб наших заклятых друзей. В нашем случае они используют ваххабизм как способ для достижения своих целей. Не наших, не народа Чечни, а своих. Производят подмену понятий и норм. Незаметно, ювелирно насаждают то, что позволяет им с лёгкостью манипулировать сознанием и действиями людей. Они ввергают их в омут войны. Они делают для них войну источником доходов. И рождается поколение людей, не представляющих и не видевших другой жизни. И из них, озлобленных, обманутых, они создают диверсионные, шпионские, террористические группы, которые под знаменем мира и добра, на деньги и за деньги разведок мира, фактически по найму, делают работу под названием «Смерть». Вы же посмотрите, как всё хорошо начиналось. С идей свободы, чистоты веры... Кто и где они, кричащие с трибун? А вот они! Катились себе, катились и докатились до ручки. Кем были? А стали бандитами обычными. Разбойниками с большой и малой дороги. С благородства белых и пушистых скатились к прямой измене и продаже родины. В истории разведок Запада это одна из успешнейших операций плюс получение целой сети, хорошо обученной и глубоко законспирированной сети шпионов, диверсантов и убийц. Те, кто ведут активную войну, убивая и запугивая, – это ширма. Рано или поздно она сожрёт сама себя. А вот нам работы не убавится... Будем искать и выискивать. К сожалению, нет и не будет готовых схем, решений, способов и методов. Разведка – это искусство, умноженное на искусство. Одно преступление можно раскрыть многими способами и приёмами, но всё решает, как правило, сумма удачных способов. Всё решает умение анализировать, добираться до самих истоков. Умение вскрывать и делать определённые выводы. Без политической и эмоциональной окраски. Помня о величайших способностях и разнообразиях приёмов иностранных разведок. А опыт у них огромный, вековой. Особенно против нас. Всегда надо помнить, что их шпионская, диверсионная, террористическая работа – это составная часть системы подготовки к захватнической стране. Тут, в Чечне, полигон. Тут отрабатываются возможности силового воздействия и отчуждения территории. Американцы и англичане привыкли загребать жар чужими руками. Они уверовали в своё сверхмогущество и силу шпионажа. Для них Кавказ – это сырьевой источник доходов. Люди, проживающие тут, для них просто расходный материал. Чем больше их сгорит в огне войны, тем им лучше. Они же ничем не рискуют. Они ведь не за войну, они за демократию и свободу. Только их борьба за эти идеалы, география их, странным образом проходит прямо над источниками полезных ископаемых – газа, нефти и чего другого ценного. Потому надо понимать, что, проиграв здесь, можно проиграть и страну. Чечня – это проба на прочность. В первую очередь нашу. Получат тут по зубам – не сунутся в другом месте. Подутихнут, к сожалению, на время. Если бы на Халхин-Голе не набили бы морду нашим врагам, то неизвестно, где бы и какой была Россия. Наглядный пример того, что если постоянно быть добрыми и вежливыми с жестокими, коварными, преследующими только свои корыстные цели людьми, то они теряют чувство реальности, теряют страх, а потому наглеют больше и сильнее. Им с каждым днём становится всё мало и мало. И потому, это моё давнее и стойкое убеждение, если нам хотят нанести удар или, не дай бог, нанесли, надо ответить. Причём в этот ответ вложить максимально. Всю свою силу вложить в этот ответный удар. Так, чтобы потерявший рамки навсегда побоялся поднимать руку на нашу Родину... Да и другие, глядя на всё это... Мы сила нашей страны. Поэтому все усилия боевиков, за которыми стоят спецслужбы других стран, направлены на физическое уничтожение сотрудников наших спецслужб. Их задача и действия направлены на деморализацию наших рядов, на пропаганду их работы, мнимого всемогущества и безнаказанности. А тут была возможность стать свободными и независимыми, и что из этого получилось? Скоро десять лет здесь провокации, распространение фальшивой информации, убийства, хаос и прямая угроза... А мы победим... Сделаем самыми почётными и высокооплачиваемыми профессии учителя,

врача и защитника Родины... И победим. Мы знаем конечную цель разведок мира, активно или пассивно работающих на земле Чечни, знаем, потому что их цели, задачи, практика и техника работы за сто лет существенно не изменились. У нас есть опыт работы одними против всех тогда, есть кое-что и сейчас. Мы понимаем, что сейчас происходит, и у нас есть прогноз на будущее. Победим... Потому что никому мы кроме себя не нужны. Никто не накормит нас и не защитит. Не помню, кто сказал, но замечательно и точно: у нас два союзника – армия и флот. Вот. Так что всё просто – работать. Работать так, чтобы не было страшно за то, что будет впереди, чтобы всегда хотелось вернуться на Родину. Даже из отпуска... Кто-нибудь записал речь?

– Дмитрий Викторович! Ну, вы прямо как начальник управления. С трибуны. Может, съели чего? Или выпили? За вами и не записать...

– Так! Снова, черти, над начальством прикалываться? Я тут им лекции о международном положении и ответственности, а они ещё издеваются! Смотрите! Попадётся мне когда-нибудь под горячую руку...

...Не попадутся...

А дорога в горах одна. Быстрая и извилистая. Короткая и дальняя, одинаковы и непредсказуемы. Неповторима и необычно обычна. Одинаковы пыль, грязь, изувеченные машины, блоки, шлагбаумы, грязно-серые лица солдат по КПП, ямы и грязные цветы на обочинах с серой травой. Или ковёр зелени волнами, взмывающий и пропадающий в той же зелени, только тёмной, которая в свою очередь уходит в серую, затем чёрную и продолжается волнами сини и белоснежных облаков. Склонами, сверкающими утренней росой и метающимися детской радостью между и везде солнечными лучами. Ослепительно голубой водой, резвящейся в глубоких расщелинах гор. Журчанием голосов многих гор и капель, рвущихся в акварелевую синь. Дымком, что утренним вздохом просыпается нагревающейся теплом земли. Холодная. Ледяная вода. Скручивающая руки, замораживающая зубы. Только очень цепкий взгляд разглядит осторожно чадающий дымок из невидимой трубы, из неведомого жилища под землёй. Только цепкий...

Красота бьёт в глаза и прячет...

На то и рассчитано...

Солнечный свет, лучами скачущий, переливающийся от сердца к сердцу...

Вот оно счастье. Настоящее и своенравное. В холодной росе, утром, поцеловавшее и согревшее. Заигравшее в капельках тумана. Вспыхнувшее в пыли обочин дорог. Отразившееся в листьях-парусах акаций. Ослепившее добротой и безмятежностью. Пришедшее и так же легко ускользнувшее. Оставившее дрожать в холодных облаках воспоминанием тепла.

Умение видеть жизнь – это счастье. Умение даже в самом ужасном рассмотреть прекрасное – это любовь...

А цветы у дороги сильные и красивые. Отличаются от своих собратьев, что повыше. Растут себе в мульче из гильз и осколков... щедро политые кровью...

Ведено проскочили быстро. Как всегда. Дома. Пыль. Люди. Изгибы дороги. Вверх. Вниз. По центру. Подальше от обочин. Пропустив встречную. К обочине, а потом назад, в середину. Глаза по сторонам. Вверх на деревья – нет ли бутылок висящих, плёнки белой или ещё чего опознавательного. Маркера для подрыва. Вниз – банки, бутылки, свежеекрашенные дорожные столбики, ящики, коробки – всё то, что необычно и подозрительно.

Хотя подозрительно всё.

А вот ехать надо было хотя бы по четыре. Пятерым в машине неудобно и скованно. Да и машинка-то не новая, да и бензин наполовину самодельный – купленный у дороги, с бутылкой. Едет вот машина по ровной и едет, а чуть вверх, чуть под нагрузочку, и мотор начинает ёрничать и бухтеть. Да ладно бы это только. А если чихать, то сливай воду, можно и подзастрять. Пять тополей на горной дороге к ночи – это не совсем хорошо, тем более что связь относительная. То можно запросто позвонить по мобильному телефону домой, то даже в пределах видимости кричи-срывай горло, тебя не услышат, ни так, ни по рации. Горы, они что-то усилят, а что-то прикроют. Где-то спасут, а где-то отдадут без сожаления.

Дорога делает изгиб. В градусах – пятьдесят. Восемьдесят. А может, и больше... И на подъём. В народе называют такие участки тёщинными языками.

Дорога сужается, и приходится прижаться к обочине, которая в этом месте совсем закрыта зеленью акаций и кустов. Тут ушки на макушке. Только вот этот язык, кручёный и подъёмный.

Дорога идёт на крутой подъём.

Очень.

И кажется, что сегодня, именно сегодня, почему-то тяжело. С надрывом в сердце.

Тяжелей.

Тут-то и нормальная машина с человеческим бензином поползёт, не то что этот убитый УАЗ.

Кузьмич, как только машина зачихала, открыл дверь – подышать.

На всякий случай.

Вроде всё нормально, но на этом, на этом самом месте постоянные подрывы.

Да и машина... как никогда...

Вон какая трава тут, сочная да яркая, даже из пыли видно.

В этом леске по три, по четыре раза на неделю то фугасы находят, то «Мухи», то другие «Шайтан-трубы», то ещё что-то. Инженерная разведка смотрит дорогу и то, что видит по обочинам. В зелёнку они не идут. Не их это хлеб, не их. Утром прошли. После обеда уже никого...

А когда ждут, то шансов практически и нет.

Утром карты легли, словно песня, а тут...

Как в замедленном кино...

Уже почти, почти заползли на этот пятачок, за ним вершина, поворот и взрвёт, полетит с горочки вдоль реки непобедимая много раз выносившая верным конём машина...

Не полетит...

Серёга один и заметил движение за спиной, из зелёнки. Облако серого тумана, вспышкой ослепившего ветви акаций. Белая ниточка дыма длинным хвостом, тянущаяся за чёрной иглой...

Только и успел крикнуть:

– Граната...

Счёт не на секунды, а на их часть. За эту часть и сделать ничего нельзя. Лишь коснуться ручки двери...

Как же тесно.

Лишь Кузьмич успел толкнуть ногой приоткрытую дверцу и почти выпрыгнул из машины...

Вспышка тьмы...

Свет, который уже никто и не увидел...

УАЗ подпрыгнул, сгорбился в бессильной ярости и упал, нашпигованный осколками, в пыль.

Ветви акаций согнулись, скрывая убежавших бандитов.

Дорога взметнулась пылевым облаком вверх.

Горы проводили в последний путь рвущим эхом пулемётных очередей...

Давно не было дождей...

А цветы цветут...

В память об ушедших...

Среди зелёной травы...

«...Секретно. Оперативная сводка по результатам деятельности объединённой группировки войск (сил) на территории Северо-Кавказского региона за период с 06:00 часов 31 июля до 06:00 часов 1 августа 2003 г. Чеченская Республика. Обстановка в Чеченской Республике остаётся сложной. По имеющейся оперативной информации, главари бандформирований осуществляют подготовку к активизации диверсионно-террористической деятельности на территории ЧР, предпринимают попытки объединения мелких разрозненных бандгрупп для координации действий по оказанию вооружённого сопротивления федеральным силам. Сохраняется возможность обострения обстановки в г. Грозный, где главарями БФ в целях подготовки к проведению крупномасштабной вооружённой акции продолжается наращивание

сил и средств подчинённых бандгрупп в окрестностях города и в близлежащих к нему населённых пунктах. В равнинной части легализовавшимися бандитами, проживающими под видом мирных жителей, в населённых пунктах и их окрестностях оборудуются схроны с оружием и боеприпасами, ведётся подготовка к ДТА. В южной и северо-западной части ЧР основные силы бандформирований сосредоточены в Гудермесском и Аргунском районах, усилия главарей бандгрупп направлены на восстановление боеспособности, численности подчинённых бандгрупп, оборудование и создание новых баз для размещения и обучения боевиков в зимнее время. Участниками бандгрупп и их пособниками ведётся непрерывное наблюдение за деятельностью ФС, перемещениями техники с целью подготовки и проведения диверсионно-террористических акций с применением минно-взрывных устройств...

...31.07.03 г. в 22 час. 50 мин. поступило сообщение оперативного дежурного ВОВД Веденского района о том, что 31.07.03 г. в 15 час. 30 мин. автомобиль УАЗ с сотрудниками ССГ-4, при проведении спецоперации, на автодороге н. п. Ца-Ведено – с. Первомайское подверглись обстрелу из гранатомётов и крупнокалиберного пулемёта.

В результате обстрела получили ранения, не совместимые с жизнью, два сотрудника ОМСН КМ УВД Калужской области. Два сотрудника ФСБ погибли, один получил ранения. Данные сотрудников устанавливаются. На место происшествия выезжали: Руководство ССГ-4, ФСБ...»

Отчего я плачу?

Почему льются и льются слёзы по лицу, кровью орошая эту землю. Почему сердце не устало замирать от вспышки уходящей жизни. От своей, от чужой, от близкой и далёкой. От жизни. Вспыхнет, звездой умчится вверх к огромному Млечному Пути наших побед и трагедий. От вспышки тех, кого не успел, не смог защитить, предупредить, спасти. Почему каждая капля крови рождает новую и, может быть, уже счастливую жизнь, оставляя за собой ушедшие жизни. Кто скажет, что это зря, и кто вскинет глаза вверх, ища своё место там... где-то там высоко... Там, где нет выстрелов, взрывов, горя и боли.

Отчего я плачу?

Оттого, что не успел сказать ещё и ещё «Люблю».

Оттого, что в последний миг увидел всех родных.

Оттого, что вся жизнь пролетела со свистом и рокотом перед глазами. Со свистом гранаты, разрывающей воздух. С последним криком гор. Со вспышкой.

И не надо плакать.

Зажглись на небе новые звёзды.

Помните о счастье.

О том, что жизнь, отданная Родине, – это награда.

Жизнь, отданная за спасение других и спасающая их, – это великое счастье.

Не надо плакать.

Встаньте, снимите шапки в память и уважение и помяните тех, кто ушёл ради вас.

Такая смерть не страшна.

Смерть не тушение света, она лишь задувает лампы, потому что наступает час рассвета...

Рассвет...

А какой он, рассвет после ночи?

Какие краски и слова он подарит?

Восходящее солнце улыбнётся февральскому утру. Согреет замёрзшую за ночь мемориальную гранитную доску.

Улыбнётся с неё всё тот же улыбающийся и серьёзный Костя.

У него сегодня день рождения.

Сегодня тут его друзья, товарищи, учителя, наставники, родные.

Стоят с ним, с ними, в торжественной линейке памяти кадеты школы.

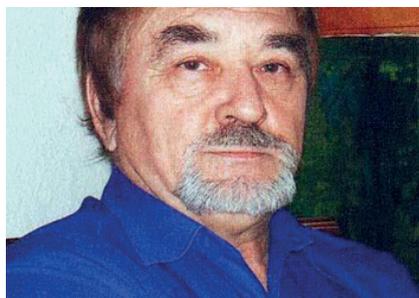
В чёрной морской форме. Офицерской статью. Пилотками и звёздочками. В ряд. Одним дыханием. И стуком сердца. В строю.

Будущие и настоящие защитники Родины.

Надежда и опора.

Рассвет...

Евгений Чебакин

Евгений Чебакин – академик, действительный член Петровской академии наук и искусств, член Союза писателей России и Евразийской гильдии писателей OPEN EURASION.

А ТЫ, РАССЕЯ, КОГДА ЗА МЕНЯ?!

Глава из романа «Ковчег для Третьей мировой»

– Ну, давай, Дашуля, давай, милая, тужься! – выстанывал, молил Дашку Ракуша, тянул липкобордовыми руками телка за головёнку из Дашкиного чрева.

Елозили, срывались руки с багряной, склизкой шейки, под коей торчали копыцами ножки. Застрял плод намертво в материнской утробе. Тряслась она, скелетно-костистая на растопыренных ногах, подвешенная к потолку на замызганных вожжах.

– Хр-р-ру-у-у! – исторгла утробный стон Дашка. Скособочила шею, вобрав фиолетовой гляделкой надежду свою и Хозяина. Закоксовалась в бессильном стоне её мука нестерпимая, ожидающая: да помощи же, владыка!

– А я что делаю, Дашуля?! – взвыл стенающе Ракуша. – Стараюсь, уродуюсь в подмоге... дак не выходит одному, хучь плачь... ты ж сама напрягайся, тужься! Ну, давай, красуля, давай, милая!

Молил, выхрипывал Ракуша, елозил острыми локтями, тянул осклизлыми руками-крюками телка то за ножки, то за головёнку.

Но, истощившись силами, вдруг понял, содрогнулся, пронизанный нещадным вердиктом: не выйдет ничего у них, не разродится любимица его, измордованная голодухой Дашуха. На очереди Красуля с Незабудкой. Неужто с такими же муками?! А осознав это, обессилел вконец, заковылял на измочаленных ногах к кирпичной стенке. Развернулся перед ней в три переступа. Прислонился к тверди костями позвонков, торчащими лопатками, и сполз на корточки, утопив кирзачи в соломенно-навозной прели.

Поднял голову, вбирая в заволоченные слезами глаза секущую нещадность бытия. Тряслась в родовых муках подвешенная к потолочной балке любимица-бурёнка. Пронизывая нестерпимой болью, торчал из чрева её застрявший намертво плод, слабо тряслась облитая сукровицей головёнка его.

Сливочно бугрилась перед Дашкой горка обглоданных веток, лохматились среди них бурые пряди созревшей соломы: ветками да соломой питался десяток выживших после зимы стельных, скелетно-тощих бурёнок.

Ох, не ко времени вклевчились родовые схватки в Дашку, ох, не ко времени! Ещё бы две недельки ночных прикормов, глядишь, и набралась бы силёнок... Подпитывал её Ракуша в меру своих пенсионных возможностей, то буряком да репой из подпола, а то и целой буханкой хлеба – по-воровски, тайком, ночами. Поскольку на всех десятерых, таких же тощих бухенвальдов, хоть сдохни, не растопыришься достатком. Подкармливать любимицу на глазах у остальных – гиблый швах со скотским просящим рёвом. От коего и сердце может лопнуть.

И тут ещё раз пронизало навывлет Ракушу приговором: всё! Все. Надо сделать дело, пока не поздно.

Стал он подниматься, елозил лопатками по стене, разгибая немощные свои ходули. Поднялся. Выудил из-за голенища немецкий, золингеровой стали тесак – единственный гешефт, коим разбогател за всю войну. Заковылял к корове.

– Мр-р-ру-у-у! – ещё раз опросталась надеждой владыке своему стонущим зовом Дашка.

Он обнял рогатую головушку, прижался щекой к шерсти, чуя всем телом бессильную трясушку роженицы, вбирал её в себя, напиваясь рвущей душу тоской. И стал копить и укреплять в себе самый надёжный вариант: клинок меж рёбер – в сердце.

А ежели не выдюжит, не наскребёт в себе палачества рука? – Опалил страх – ежели не доберётся сталь до сердца и будет мучиться Дашуха?! Тогда... тогда хоть сам себя всё тем же тесаком.

Выходит, не оставлено ему в смертной работе ничего, кроме последнего, от коего зашло, обметало инеем нутро.

Он отстранился и прицелился, копя в себе тоскливую, решающую ярость. И, вклевившись когтистой хваткой в рукоять ножа, взвыл и воткнул блестящую бесстрастность стали в мякоть шеи.

Из фиолетовых глазных овалов Дашухи плеснулся в него ужас: ты?! Зачем?! Их заволакивало наползающее небытие.

Рванулась, цвикнула горячая струя из вены, опрыснула синеющий кулак Ракуши, ударила в распахнутый его комбинезон и обожгла костлявую грудину. Он потянул к себе тесак с оттягом, дёрнул вниз, распластывая мякоть плоти. И дёргал, пока облитая сукровицею сталь не обрела свободу в сизой полутьме.

Дымясь, лилась толчками кровь на прель гнилой соломы, на кирзачи Ракуши.

Дашуха грузно обвисала на вожжах. Рога, налитые свинцовым предсмертием, тянули вниз, пока не сникла и обвисла голова, сочась из губ рубиновыми нитями. Истошно взвизгнула натянутая до предела иссохшая сосновость балки в потолке.

В набрякшей аммиаком полутьме коровника рождались там и сям панические взрёвы: били в ноздри остальных хищные пульсары кровавой смерти. Ракуша пятился от тёплой ещё плоти спиной вперёд, натужно волочил обмякшую бескостность ног. Контузия ворвалась в тело, поочерёдно вклеиваясь в руки-ноги, пускала их в лихой, челночный перепляс.

Упёршись в стену, сползал по ней Ракуша в дёрганных рывках, вминая позвонки в щелястую промежность швов меж кирпичами. Застыл.

Почуял, как наваливается, вдавливая в пол бетонно-неподъёмное: «За что-о?!»

За что ему, прошедшему сквозь сучью мясорубку войн – германской, афганской и чеченской, за что ему, познавшему, как рвутся от работы жилы, ему, пропущенному через подлючее паскудство горбостройки – которой уж войны правителей с народом, за что ему вот эта мука?!

Когда обложит измордованные душу с телом тепличным коконом ПОКОЙ? И состоится ли вообще ПОКОЙ для скотника Ракуши, с застрявшими в нём до гроба двумя осколками, которые не смог выудить из тела в сорок пятом дружан и собутыльник, ехидно-хирургический землея Фельзер? Четыре вытащил, а два остались.

Неужто не положено ПОКОЯ ему, Ракуше... ему, который сколько раз грёбся на белый свет, на воздух, скуля по-пёсьи, разгребая могильную мокреть земли после взрыва... ему, который, ёрзая на животе, держа в ладонях горяче-склизкий ком кишок, промывши их из фляги водкой, запихивал ком очумело, тупо, в дымящийся живот лежащего соратника по роте... ему, который, клацая зубами, поволчьи подвывая, взвалив однополчанина на горб, полз с ним между удушливым рваньём свежих воронок в раздолбанную боем часть... ему, который хоронил своих братьев, старшин и офицеров, в братских могилах, с оцепенелой, смертной усталостью швыряя бурю мерзлятину песка и глины на обескровленные закаменевших лиц... ему, из коего война состряпала паяца, контуженного буратино с членистоногим переплясом, от коего отшатывалась с затаённым страхом бабья рать, оставив до могилы бобылём... ему, тайком крадущемуся к коровёнке ночью – с буханкою, отстёгнутой от пенсии в шестнадцать тугриков. И вот теперь ей, замордованной голодухой либерастов, ножик в шею!!

Взмышал Захар, задёргался в палящей, изводящей муке – своей рукой... Дашуху?! Да что же вы творите, ворьё паскудное, прожорливая свора... когда же вы нажрётесь, начальники-б...и?! В войну такого не бывало – чтоб стельную скотину под тесак!!

Да состоялась ли жизнь после войны, если б не батька – председатель Прохоров?... К восьмидесятым всё восстановили, колхоз заматерел достатком: и пашаничкин урожай сам-тридцать, и молокозаводик свой, бурёнок аж четыре сотни... и «жигулёнок» в каждом третьем доме... и Ольча, внуча, выучилась на агронома... А что им больше надо? Живи – не хочу! Детишки колготились в своей школе, смышлённые чистюли, старших уважали... им и кино с концертами, и лагеря бесплатные, и профилактика в медпункте... надёжная гравийка в город, по коей не успевали баб в роддомы отвозить. Ему, Ракуше, и грамоты почётные из самого района с солидной премией за образцовое животноводство.

Всё было: увесистый, азартный труд и тёплая домашняя отрада с внучей Ольгой... концерты с городским оркестром... задиристая спайка родственных застолий с Фельзером... и двум сердцам

любезная бутылка «Столичной» – под помидорище багряное в кулак, с салцом, курятинкой, капусткой и грибами...

Да где ж всё это?! Было всё ведь, пока не расплодился свора верховного ворья с их губер-таскунами на местах, пока не бросил банк губернатора свой коршуначий, хищный взгляд на их лоснящийся достатком колхоз. Заставил взять кредиты под бешеный процент для мега-дури – какой-то всероссийской стройки. Спустил на них своих бандюг – строителей карманных. Те возвели фунда-мент, стены, захапали все деньги «за работу», затем по-чёрному вернули в банк. После чего бесследно смылись. В итоге рухнуло на всех банкротство, всю технику и живность, всю социалку и недвижи-мость из горла у колхоза выдрали. И распродали. А с ними – саму жизнь.

Он тасовал сиюминутность, нависшую над ним едучим смогом, нещадную, раздрызганную ни-щету трупо-колхоза, перебирал её, болезную и измороженную, в памяти, закаменев в оцепенении.

Ощерилась рваньём колдобин бывшая гравийка: отгородился город хлябью непролазной от села... замок полупудовый не снимается со школьной двери который год, в селе полсотни пацанов с дев-чушками при стариках остались (родители по городам уродуются за г...ю зарплату). Детишек возит до районной школы полуторка с брезентом, возит с истошным воем-громыханьем, елозя задом по грязюке и сугробам, расходуя надорванно, предсмертно последний свой моторесурс. Спасенье зимнее для изб – надменно-олигарховую газтрубу – отрезали по-живодёрски, разом – какие-то неплатежи образовались у посредников меж населением и Газпромом. Кряхтят и стонут с матюками деда со старухами, распластывая топором поленья. Хвостами беличьими, сизой пухлотой торчат дымы над избами всю зиму. И всё равно околевают в стужу ветераны: на тридцать шесть могил за три послед-них года разбухло кладбище.

Век XXI, а всё, как сто лет назад. Медпункт закрыт, гвоздями заколочен, вместо него рвёт измоча-ленные нервы, мечется по хворым бедолагам Фельзер с сумкой, где два незыблемых, кондово-русских лекаря – сивушный спирт с чесноком да мазь кобылья для суставов. Паи колхозные у всех, на каждого по два гектара... вчера чуть не спустили залётным кавказоидам за водяру...

Подумалось с тоскливой яростью: остаток жизни бы отдал за акт возмездия: засунуть в жирные глотки чиновным пидарасам, засунуть то, чем проросли поля – чертополохом и колючей елью. Опом-нились на трезвую голову, паи отбили у кавказцев. Тотчас менты явились для арестов за разбойный экстремизм... да слава те Господи – какие-то силовики в защиту прибыли из города, легавых псов укоротили – сработал-таки Фельзер заявой в город про разгул ментов... а что толку, что им, кощеем деревенским, с теми паями делать – без денег и семян, без техники, дорог и трактористов?!!

Прогнула крыша МТС, где на пробитых, плоских шинах застыли в железной смерти пара раску-роченных комбайнов, а рядом щерятся разобранном раздраем пять тракторишек. Погасла кузница давно, станки и все запчасти к технике изъедены ржавьём. Банк вознамерился сдать их на металлолом, когда банкротили, да отстояли старики – с вилами и ружьями наперевес. Поржала над ощерившимся старичьём приехавшая шайка мародёров. Поржавши, сплюнули и смылись: мол, хрен с вами, и так скоро подохнете.

И что в остатке? Вот эта и осталась, родимая и горькая отравка. Одна, сиротская. Без помидорины, салца, курятинки, капустки.

Он повернулся в два приёма, нашарил под соломой рядом и выудил початую бутылку. Не отры-ваясь, стуча зубами по стеклу, опорожнил её на треть. Застыл с открытым ртом, струёй сивушной обожжённый. А отдышавшись, оклемавшись, закаменел в дурманном, жгучем горе.

И, раздирая это горе, полез наружу из него задавленный, скулящий вой, который обрастал словами. Слеплялся, складывался их набор в вопрос вопросов, который опалял насквозь, доселе не озвучиваясь никогда прилюдно:

– Рассея-мать, мы же кровями, потом супеси твои несчетно поливали! Что же ты с нами вытво-ряешь?! Мы в смертные атаки за тебя под пули поднимались, ты нашими костями, черепами предков нашинкована!!

А ты за нас когда-нибудь поднимешься в атаку на жирное ворьё! Поднимешься за маяту и нищету солдат твоих, защитников?! Ты ж ныне, рассудить, не мать, а мачеха!! Гуляющая блудница, к...а ты, нас обокрала и америкосам продалась за тридцать проститутских тугриков! Когда же мы твою за-щиту поймеем?!

Скулящим воем задыхался, дёргался, хрипел, орал Ракуша, перекрывая тоскливый, разномастный рёв, ползущий от голодных коровёнок. Текла и прожигала щёки горячая неудержимость слёзной магмы контуженного Буратино, герр Ракуши.

Замолк и обессилел. Стёр со щёк солёную мокреть, вихляясь, с муками поднялся. Заковылял к белёсому квадрату врезанной в ворота распахнутой калитки. Вышел во двор. Слепящее светило плеснуло по глазам, и он зажмурился, застыл, качаясь у ворот. Спустя минуту воткнулся в его уши калёный гневным изумлением вопрос:

– Ты что наделал?!

Открыл глаза Ракуша, увидел в десяти шагах пришельца. Сморгнул слезу, прищурился, узнал: внук председателя! Никак учёный дезертир, сам Васька Прохоров явился?! Явился и не запылится. Был ладным человечком при деде-герое, здесь взматерел, десятилетку кончил и в город укатил учиться в институте дальше. А там и за границу смылся – к германцам, говорят, мудрёные науки изучать.

Да так влип в немчуру, что ни ногой сюда, на родину, за годы. Два раза прибывал: отца и деда хоронить. И вот он заявился, начальственным вопросом лаяться на старого фронтовика.

– Я спрашиваю: ты что творишь?! – ещё раз рыкнул Прохоров. Впитал калёным взглядом кровавую глазурь комбинезона, тесак в руке Ракуши – всё было понятно.

– Не видишь, что ль? Бурёнок режу, – брезгливо подтвердил Ракуша, сплюнул.

– Зачем?!

– Так вы ж, начальники, нас все года тащили под фанфары – то в кумунзьму под Хрущём, то в дерьмократию при Горбаче и Ельцине треклятых. Сулили во всё горло: вот-вот начнём от пуза потреблять – всем по потребности. А у меня свербит одна потребность с люльки: свежатинки отведать. Твой дед с отцом кормили нас досыта. А как их не стало, оголодали в усмерть, брюхо к хребту прилипло.

– Ракуша, ты в своём уме?! Под нож скотину стельную, маточное стадо! Под суд пойдёшь!

– Под су-у-у-уд? Так я со всей душой. В твоей компании. Измаялись мы ожидаючи: да где ж тот суд, что всех рассудит?! А тут учёный хмырь из-за бугра явился, суд нам сулит. Не врешь насчёт суда?

– Да ты, я вижу, в стельку!

– Само собой. Кто ж в живодёрах тверёзым ошивается. Так будет суд?!

– Иди проспись! Всё тебе будет.

– Да врешь ты всё. Не будет здесь суда. Как сверху цикнут – ты в подворотню смоешься, хвост подождёшь. Или опять к германцам, учёные зады вылизывать.

– Ты понимаешь, что наделал?! Как у тебя рука поднялась!? Здесь стельное стадо, кормилицы, надежда наша!

– Наде-ежда?! – взвыл, задёргался в тоскливой муке старший скотник. – А ну иди сюда! Тебя в «Рассвет» в последний раз на похороны занесло пять лет назад. А вот сюда, на ферму, к коровьему дерьму, зайти побрезговал! Иди, сними на телефонку-тыкалку этот бомжатник – для суда сгодится: кормилицы вожжами к потолку подвешены, с голодухи сохнут! Корма начальство спёрло да распродало! И шито-крыто всё! Что, ждать прикажешь, когда бурёнки загнуты в муках да издохнут?! Ты, может, и дождёшься. А у меня сил нет на этот Бухенвальд глядеть!

Ошпарило Василия до костей тоскливой безнадёгой старика. Спросил он, маясь виноватостью перед этим, распятым на кресте своего коровьего душегубства:

– Захар Василич, что случилось, как довели хозяйство до такого?

– Это я у тебя, дезертира, должен спросить: кто до развала нас довёл, пока ты, коренной, по заграницам шлялся! Вы посмывались в города, а нам позатыкали рты, зашторили глаза брехнёй-обманкой: то ваучером вашим сучьим, то юдо-перестройкой чубайсучей! Да всех вас, паразитов, за решётку надо! Под суд народный! Ну дак идём в правление!?

– Зачем?

– Суд созывать!

Завидев и услышав на подходе, расшифровав сквозь дальнотзоркие очки бурлящий катаклизм, панически предвидя все последствия от бесноватого в своём припадке скотника с ножом, перешёл на семенящую иноходь дружбан Ракуши Фельзер. Петушьим ускоряющимся скоком кромсал он расстояние до фермы. Не доходя с десятков метров, с налёту врезался в раздрайный ор Ракуши:

– Суда им мало, паразитам! Р-р-расстрел! Здесь, при «Рассвете», к стенке и немедля! Короче: шнель шпацирен, руссиш-швайн! Хальт с хенде хохом!

– Фельзер, мать твою, ты из меня ф-ф-фашиста, что ли, л-л-лепишь?! – остолбенел и озадачился до заикания Ракуша.

Попятился к воротам фермы Прохоров, нырнул в калитку и вымахнул из неё, держа за спиной замызганные вожжи – из тех, чем подвязывали бурёнок к потолку.

– Да шоб я сдох, Захар. Ни в коем случае, – выхрипывал в задышливости Фельзер, стирая платком со лба солёную мокреть. А промакнувшись, спросил с ехидно-ласковым смиреньем про фашиста: – А шо, нельзя на это даже маленький намёк?

– Дразнился, еврейская твоя морда? Пока кладу на твою гнусь большой с пробором. А ежели ещё раз по-немецки гавкнешь, недолго и по мусалам, за мной не заржавеет!! А ну идём!

Трясло и передёргивало скотника Ракушу, торчал из крашенной глазурью руки бордовый язык стали.

– Куда?

– В правление!! Суд созывать над паразитами с ворьём! Время пришло в чугуны-сковородки бить, народ на улицу выводить!

Метнулся к нему за спину Прохоров. Единым махом был стиснут, вожжами обмотан, обездвижен старший скотник. Василий подтащил сухое тельце к опорной балке под навесом, окольцевал путами ещё раз по животу и под коленями и завязал бантом заспанным на тёсано-округлой древесине. Сказал с усталой виноватостью:

– Вот так-то лучше. Остынь, Захар Василич. Накуролесишь сдуру – потом всем нам расхлёбывать.

– Меня токмо потоп остудит! – вихлялся в вожжевом плену Ракуша.

– Не-е, херр Ракушка, потопа мало. Тебе для полного остуда ведро коровяка на лысину. Тогда и результат получим, – математически-научно выпустил ехидный свой вердикт ветеринар.

– Опять дразнился, паразит, тудыт твою растудыт! – взвыл, дёрнулся Ракуша.

– Дай нож, беды наделаешь, – попросил Василий.

– Ишшо как наделаю! Развязывай фронтовика, прохорёнок германский, восстал я на всех вас!

Пульсировал в остервенении, впадая в предынфарктный ступор скотник. И, уловив это впадение, вдруг вздёрнул сухонькие кулачки, возопил петушьим дискантом Фельзер магический рёв-клич всех угнетённых – с учётом надвигающегося катаклизма:

– Встава-а-ай проклятьем заклеймё-о-о-онный, мужи-и-ик в навозе порождё-о-о-онный!

Остолбенел и замер Ракуша, напиваясь муз-воплощением терзавшего его раздрая. И, оценив эффект, развил и нарастил его закадычный вивисектор, издав совсем уже неистово-фальцетный гимн:

– Встава-а-а-й проклятьем заклеймё-о-о-онный, солда-а-а-т с коровой породё-о-о-онный!!

Обвис и онемел в ременных петлях Ракуша, пронизанный навывлет истинной сутью, кою исторгнул из сиплого горла гимноносец Юрка Фельзер.

– Фельзер... шибздик ты наш ветирнарный... в самую десятку вмазал, до печёнок истиной достал... спиши слова, а то забуду, – скрипел зубами Ракуша, мотая забубённой головой.

Они разжали красно-липкую, ослабевшую ладонь коровьего убивца и вынули из неё нож. Присели на корточки рядом с засупоненным, закурили. Прохоров вставил сигарету в рот Ракуши.

– Потяни, Василич, для успокоения.

Ракуша выплюнул курительный презент. И, скособочившись, спросил со сварливую тоской:

– Фельзер, змей подколодный, что ж ты запал мой загасил? С дезертиром германским снюхался. Дождёсси как-нибудь: так звездану промежду глаз – шнурки развяжутся. Тогда и сволокём тебя, ехидну-мудрака, в гробу и в белых тапочках на кладбище.

– Не звезданёшь. Не сволокёшь, – сцедил ухмылистую отрицаловку Фельзер.

– Это ишшо почему? – державной спесью истёк Ракуша, вроде бы утверждённый и войнами и миром Хозяином на этой, унавоженной его предками земле.

– Газету «Коммерсантъ» читаешь? – сдёрнул разговор в нужно-задуманное русло Фельзер.

– А я всё напрягаюсь, ночей не сплю: чего Ракушке не хватает? И опосля дошло: эх, мне бы щас про олигархов в «Коммерсанте» зачитать, тогда и помереть не страшно.

– А не мешало бы. Газета выдала на всю Рассею бомбу: дочь Губер-Пахана в губернии подмяла под себя секс-шоповую сеть.

– Чего-о-о... подмяла?

– Сеть магазинов по секс-шопу.

– И шо такого интересного в тех жопах?
 – Резиновые куклы голяком для мужиков в постелях. И орган с яйцами охального размера бабам.
 – Тьфу, сучья срамота! Дожились в городах. Ну дак чего... едросовка подмяла магазины. Там натуральный кобеляж для сучек с кобелями. Ну и что далее?

– А дальше всё, как водится. Пахан едросов, в помощь дочке, продавил закон в нашей Гор. Думе: теперь здесь будет как в Египте – там фараонов хоронили вместе со всем гаремом. Теперь всех мужиков запрещено закапывать по одиночке. По новому закону, любому жмурику нужна в гробу резиновая кукла. Когда ты звезданёшь меня, уконтрапупишь в персональный гроб, ты должен закупить мне для компании в секс-шопе куклу. За двадцать тысяч. Иначе завернут от кладбища. У скотника Ракушки такие бабки есть?

С надменной скорбью обзирал Ракушу Фельзер, всем горбоносим фейсом источая вроде бы истину, поскольку для того они и шастали в пустыне сорок лет, чтобы с гарантией в веках втыкать в мозги туземцев-гоев выгодную им любую дерьмо-истину.

И, подпираясь этой «истиной» как посохом, он развернулся, зашагал к ферме.

Оторопело пялился Ракуша на спину отходящего Фельзера... вроде бы тверёзый... холодный, как собачий нос, земля. Нёс дурь ехидную? Или... на самом деле всё так, как сказано, поскольку эта едросня любой закон состряпает, как ваучер, чтоб ободрать народ до липки... бандитской пенсионки, отодвинутой на годы, им мало... теперь до жмуриков добрались... чтоб склещивались в загробной жизни с куклою.

По-фараоновски, м-м-мать иху!! Да шо ж это с Россией вытворяют?..

– Дед, что стряслось?! – выстонала подбегающая Ольга. – О господи... привязанный, в крови... опять чего-то набузил?! – плескался страх из внучки.

– Уж набузил, – сцедил бессильную скорбь по Дашке Ракуша. – Теперь расхлёбывать.

Вернулся Фельзер, держа в руках метровое, заляпанное мухотой зеркалище. Поднял торчком перед Ракушей.

– На, полюбуйся. Тутанхамон коровий. В крови. Оброс щетиной. А через два часа правление. Ольча, развяжи его.

Смотрел Ракуша в зеркало, смотрел на копию свою, заляпанную красным, на дёргано-судорожный перепляс спеленатого тулова.

– Э-э-х, жинзя-тварь, сплошное гадство... дожился фронтовик, орденосец, две медали «За отвагу» с войны принёс... а ныне вроде пугала на огороде.

– Юрий Борисыч, за что его спеленали?! – Тряслись руки у Ольги, развязывала узел на столбе, освобождая деда.

– А шо такого, чтобы так кудахтать? Ну, стельную корову ножиком прирезал.

– О Господи!

– Нормальное скотоубийство. Не разродилась Дашка, телёнок намертво застрял на выходе. Значит, сама копыта откинула бы через час-другой. Ну и кому нужна дохлятина, когда дед сделал нам свежатину?

– Ольга Макаровна, вы из правления? Что там? – спросил Прохоров. Отвёл глаза от скотника: терзала виноватость.

«А ч-чёрт... припёрся, разорался... прокуратор хренов! Спасибо Фельзеру, спустил на тормозах».

– Василь Никитыч, вы с кем приехали? Кто это вместе с вами прибыл? – сгустился затаённый страх в глазах Ольги.

– Секретарша Русса. А что случилось?

– Вы председатель, сами – сюда, а там оставили чертоломить секретаршу?

– Это что... теперь ты, Васька, новый председатель?! – плеснуло из Ракуши изумление.

– Ольга Макаровна, что там стряслось? – наехал, придавил нетерпеливо Прохоров.

– Там же не баба... железный фюрер в юбке.

– Ну а конкретней?

– Она представилась как секретарша председателя. Потом всё началось.

– Что именно?

– Затребовала все ключи от мастерских, цехов и кузницы. Скомандовала «Шнель!».

– Ключи, что висят в кабинете председателя?

– Ну да. Ей стали говорить, что не положено, надо дожидаться вас. Архип с Никитой, штангисты наши, дорогу к кабинету загородили. Она их, как щенков, за шиворот взяла, приподняла и пере-ставила. А в них пудов по шесть. Вломилась в кабинет. Ключи на стенке под стеклом. Она стекло надрезала...

– Что значит, надрезала? Чем?

– Ноготком.

– Ольча... ты что буровишь? Стекло – и ноготком? – спросил остолбеневший Фельзер.

– Надрезала алмазным ноготком. Потом приставила к нему ладони и выдернула из надреза. Взяла ключи и зашагала к мастерским с ремонтным цехом. Василь Никитович... кого вы привезли с собой, кто эта троглодитка?

Закаменев лицом, молчал, обдумывал всё Прохоров. Наконец сказал:

– Об этом позже. Сейчас о состоянии хозяйства. Здесь не хватает трактористов, комбайнёров и ремонтников.

– Не то что не хватает. Их просто нет. Поля заброшены... Нет техники... дорог... вы председатель агро-покойника... недавно слух прошёл: начальство наше, департамент в городе какие-то мигранты закупили. И главная задача их – заполучить всю землю обезлюженной от коренных. Образовать диаспору и жить своим Законом кавказоидным. Когда вас посылали к нам, вы знали это?

– Знал.

– Зачем же согласились?

– Чтобы мертвец ожил. Об этом есть договорённость на самых верхах.

– Вы что, Иисус по совместительству?

– Некто подобный. К вечеру придут машины с кормами для остатков стада. И пять новых комбайнов. Их оплатил германский олигарх – из поволжских немцев. Мозги им всем американский Трамп на место вправил: напомнил про их «Дранг нах Остен» – с Россией лучше не собачиться. Начнём с германцами вместе реанимировать поля и пастбища. Под вашим руководством главагронома.

– Да на какие тугрики?! И где народ, чтобы всё это своротить?

– Народ, Ольга Макаровна, пойдёт к нам валом. А мы с вами станем отсеивать ненужных, а мастеров всех наделять построенным жильём, отборной, лучшей техникой и сказочной зарплатой. А секретарша Русса пока что подготовит и запустит тракторишки – из того хлама, который недоржавел.

– Она что, механик? Эта шварцнегер-баба умеет ремонтировать комбайны с тракторами!?

– Она научена всему. Кроме рождения детей. Теперь идём. Правление через полчаса. Василь Захарыч, здесь оставайся, доделай дело, которое начал.

Они ушли. Ракуша, подпирая дверь сарая, остался, одолеваемый паническим раздраем:

«Что вытворяет время с людьми?! Явился из Германии тот самый Васька Прохоров, сынок председателя... теперь и сам уж председателем, как чирей на “Рассветной”, вздулся... сулит для всех не эту сучью жизнь... неужто ныне в беспросвете дырка засветилась... вернётся всё, как прежде?! И что это за баба бычьей силы с Васькой прибыла... стекло алмазным ногтем режет... мозги после Дашухи набекрень, что ль, у тебя? Дак это... Ольча всё сама видала... у внучки с головою всё в порядке... твою дивизию, что творится!? Ну времена-а-а-а. Ч-чёрт... надо работу сделать... а что надо? Что-то такое надо... эх, старый хрен, скукожился в беспомыслие – Дашуху надо свежесовать, пока не стухла... эх, бедолага сирая, страдалница... тесак заточенный ей в горло... О-о-ох...»

Заковылял Ракуша-воин, истерзанный нещадной памятью, к сараю. Но перед самой дверью застопорил: вползала в поле зрения надвигающаяся, доселе небывалая процессия: седого старика в потёртых джинсах окольцевала, егозливо суетясь, толпа – лощёные, по всем параметрам, при-служники.

И снова плен для Гроссмана в России

Толпа клубилась между матёрых, белёно-крапчатых стволов берёз. Глава компании, заброшенный увиденным в провально-беспощадную утробу прошлого, цедил сквозь зубы потрясённо:

– Майн гот... тогда всё было малым... берёзы... мы посажали их в ту ночь... Майн-го-о-от!!.. Они тогда... не больше киндер-мальтшиков... по грудь... по пояс нам... теперь гросс-муттер каждая бе-рё-зи-на... куда, когда всё улетело... всё как одна минута...

Поднял глаза. Увидел колченогое страшилище, вдрызг измордованное жизнью, обросшее щетиной. Обляпан кровью, в военных кирзачах, колени извазюканы навозом: скелетный призрак, коего выхлестнуло в сиюминутную реальность как будто из беспощадной, послевоенной жути.

Оторопело смаргивая, двинулся герр Гроссман к «привидению». Полукольцом за ним лощёночужеродная, настороженная свита. Остановились в трёх шагах.

– Шо за кумпания, откуда? – спросил Ракуша, подёргивалась в нервном тике гузка рта в седой щетине.

– Приветствую, гросс-фатер, мы прибывали из Германии, – ответил немец.

– И шо такого в нашей голо... и забыли господа германцы? – вплывал в сиюминутность из изверской своей горести старший скотник.

– Мы привезли большую миссию... очень большое дело... на эти земли, – оторопело вбирал в память главный немец облик замурзанного, заляпанного краснотой аборигена, облик, пульсирующий в провалах прошлого мучительной знакомостью.

– Большое дело в наших землях, значит, затеваете, – сседил Ракуша. – Вы, гансы, мастаки в больших делах... што войны на весь мир, што концлагеря для истребления мильёнов... мы в этом деле против вас куда пожиже. Вот тут, на этом месте, ваш лагеришко был когда-то, вас, пленных, содержали... тогда вам и работу на полях по-человечески дозволили, и спать по шесть часов, картохи на костре пекли по разрешенью батьки Прохорова...

– Ра-ку-шка-а! – растерянно и потрясённо выстонал Курт Гроссман. – Старшина Ра-ку-ша!

– Он самый, – оторопел Ракуша, – а ты хто будешь, господин хороший?

Развернулся глава всех немцев к свите, сседил ей повелительно, по-немецки:

– Идите к тому зданию, под красной крышей. Ждите меня там. У нас с этим старцем одно прошлое.

Свита отхлынула, пошла к селу. Остался лишь один – тот самый «цербер» – Григорян, бессменный страж при немце. С холодными, сосущими глазами мудрого удава отслеживал он смысл сообщения на экране айфона, другой рукой отстёгивая кнопку на кобуре висящего на поясе чего-то длинноствольного. Экран айфона полыхал ядовитой желтизной бегущих столбцов из цифр, значков и букв. Впитав их суть, оставшийся вскинул голову, обшаривая глазами горизонт: тот небывало накалялся пухло-округлой, фрагментарной краснотой.

Внезапно налетел, ударил по стоящим упругой, хладной лапой ветряной порыв. И Григорян, выдернув из кобуры гибридный длинноствольный механизм, сплав автомата с лазером, сседил сквозь зубы негромкую, торопливую команду:

– Прошу, герр Гроссман, под укрытие.

Придвинулся к главе концерна грудью и показал рукою на бригадирскую каптёрку Ракуши.

– Чем напугал вас телефон? – спросил Курт Гроссман, давя в себе вспухающее недоумение. – Предсказывает конец света?..

– Герр Гроссман, битте в здание, – наехал, оборвал фразу босса Григорян, не отрывая глаз от горизонта: летящая вдали слитная россыпь грачиной стаи вдруг прыснула и разлетелась в клочья. Угольно-чёрные зигзаги птиц, мгновенно превращаясь в огненные фонтанчики, срывались вниз, осыпаясь угольными тушками опалённой плоти.

Из расплывшейся по небу пухлой красноты вынырнул, поплыл неторопливо **чернявый, блестящий крестик**. Трескучий раскат грома вырвался из бордовой вздыбленности облаков.

Ракуша с Гроссманом зашли в каптёрку, и Григорян, оставшийся снаружи, захлопнул за ними щелястую, забуревшую от времени дверь.

– Что происходит? – спросил сварливо из-за двери Гроссман.

– «Монсанто» отследила ваш маршрут, включила филиал ХААРПов и беспилотников в Новосибирске, – расшифровал послание айфона Григорян.

– Давно?

– Семнадцать минут назад. Нагрев ионосферы... бордовая окраска облаков, стая грачей, сгоревшая под ними.

– Я должен понимать это... как персональная охота на меня?

– На девяносто пять процентов. Они отслеживали нас ещё от Дрездена. Ваш с русскими проект восстановления аграрных поселений – им как серпом по я...м. Я перекрыл все подступы к маршруту по Европе, но здесь открытое пространство...

– Значит... на девяносто пять процентов... но пять процентов, которые остались на ошибку... они есть?

– Уже нет. Вон их корректировщик, дрон, – сказал охранник из-за двери.

Шагнул к стене, опёрся о неё спиной и вскинул к небу сторожевую длинноствольность лазера: чернявый блёсткий крестик-беспилотник, парящий под облачно-кровавой мутью, стремительно скользил к земле и, нарастив размеры втрое, завис в полусотне метров над кучерявой зеленью берёз.

Его вибрирующая металлоблёткость попала в перекрестие прицела Григоряна, и страж нажал на спуск. Голубоватый, хищный луч лазерной плазмы бесшумной спицей пронизал пространство и вплавился в висящего наводчика-шпиона. В прямоугольном сочленении креста слепяще полыхнул фонтанчик сварки и развалил его напополам. Обломки раскалённого металла зигзагами осыпались в нежно-зелёные объятия берёз.

– Герр Гроссман, у вас немного времени для продолжения беседы, – учтиво, торопливо оповестил сторожевой придаток Гроссмана снаружи, из-за двери, – вам лучше уходить отсюда.

– Что у нас есть в минутах?

– Минут пятнадцать-двадцать, – ответил Григорян.

Багровые громады пухлых туч на горизонте, лишившись инфраведущего потока импульсов от корректировщика, слипались и взбухали в неуправляемом хаосе, хлеща слепящими зигзагами молний землю. Оторопело смаргивал и дёргался всем телом от громовых раскатов старший скотник – тот самый старшина при лагере военнопленных. И вынырнувший из того, провального далёка призрак немца, ушедшего в ночь с его голубушкой Верунькой, обрёл вдруг плоть. Которая толкнула в бок Ракушу и размягчённо, горестно спросила:

– Чёрт забирайт тебя, не узнаёшь зольдата Курта?

– Биохрунетик... которого я отпускал к зазнобе Верке?! – оторопело взглядевшись, узнал, теперь уж окончательно, Ракуша.

– Ты отпускал нас, мы уходили попрощаться перед фильтрацией.

– Твою дивизию... Тот самый Дрос-ман... Бросман...

– Гроссман. Зольдат Курт Гроссман, биогенетик.

– А чтоб тебя!! Это же сколько... восемьдесят лет улет-т-тело... тот самый Курт, – цедил, сквозь слёзную пелену старшина, – и ш-шо за надобность вас, сытых гансов, в нашу дыру нав-в-возную за-анесла?

– Вера жива? – собрался с силами и выплеснул главнейший свой вопрос Курт Гроссман. Вздудились, опали на иссушённых скулах старшины крутые желваки. Не отвечая, поднял он торчком в щелястый потолок заскорузлый, в чернявых трещинах палец: там она, наша Верунька.

– Когда? – сияюще, потрясённо спросил Гроссман.

– Из лагеря вас увезли, а через год её похоронили.

– Как она... ушла?

– Проще не бывает. В амбаре петлю из вожжей сделала, на табуретке шею захлестнула и... ш-ш-ш-шагнула...

Закаменел и онемел Курт Гроссман, раздавленный нещадной, жуткой вестью. Лишь через несколько минут обрёл дар речи, стал ворошить шибяющие горем пласты былого.

– Ты отдавал ей ключ... она отпирала ворота... мы уходили. Ты остался. Тоже любил её? Я это понял в Дюссельдорфе, когда женился на дойч-фрау, холодной, как форель. Ты тоже любил Веру?

– Тоже?! Ишь ты... то-о-оже... ты, небось, со своей форелью успели киндеров настрогать?

– Найн. Жена не может родить детей. Спим в разных спальнях.

– И мне постель доселе кошка греет. И то, когда мышей не ловит. То-о-о-о-оже...

– Зачем она?... Петля из вожжи... табуретка? Зачем?! Вы побеждали Гитлера... вам надо было жить, работать...

– Пошевели мозгами... биохрюнетик. Я тебя за ворота выпустил на ночь, с Верушкой проститься. Себе на горло наступил, а выпустил военнопленного... она ж меня слёзно молила... Пустил проститься с фрицем... А ты, кобель, её обрюхатил! Дочь у ней родилась.

– Дочь?! Доннер-веттер! Здесь моя дочь? – продавливал словесное рваньё сквозь сдавленное горло немец.

– После родов Верунька ещё с полгода держалась... в спину камень запустят... лицо ногтями раздерут... плюнут... она утрётся и дальше идёт.

– А ты молчал, когда какой-то сволочь плевал на её лицо?! Шифотный русский стадо! – трясло и корёжило Гроссмана.

– Ну ты, хернетик, шишка хренова! Ты нам державу кровью залил, пеплом засыпал и желаешь, чтоб мы за твоего немчонка ей ноги целовали?! Забыл, о чём тогда распинался: будь проклят Гитлер, Россия мир спасла!

– Я то же самое скажу сейчас... я есть дитя двух великих народов.

И замолчали оба надолго. Первым выплыл из свинцово-плавленного молчания Гроссман, спросил подавленно, измученно:

– Ракуша... дочь... жива?

– Была жива. Вырастил, выходил, замуж за тракториста Макара выдал. Девчужа у них родилась, то исть твоя внучка, Оленькой назвали. Потом Горбач-иуда горбостройкой по народу шаракнул. Колхоз развалился. Макар запил. Ночью повёз жену на тракторе кататься и в овраг свалились. На кладбище рядом с Верунькой лежат.

– Майн гот!! А... внучка?

– Вдвоём живём. Главный агроном. Ныне увидишь её в правлении. Ну, топай, что ли. Правление через час.

– Немного подождём: ноги... не идут... зер шлехт.

– Слышь, Курт... одно предупреждение... у Веры с Олюшкой одно обличье... так ты это учти... жуть, как схожи бабуля с внучкой. Ступай в правление. Я тут ещё останусь: телёнка из Дашухи вынуть... освежевать её.

КОНЕЦ

Проза

Дмитрий Федотов

Дмитрий Федотов – родился и вырос в Томске. По основному образованию и многолетней работе врач клинической лабораторной диагностики. Учился на Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького. Автор шести романов и более трёх десятков повестей и рассказов, плюс четырёх романов и более десяти повестей и рассказов, написанных в соавторстве. Член Союза писателей России. Член Московской писательской организации СП РФ. Лауреат всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, премии им. И. А. Ефремова, именных премий: Константина Симонова, Владимира Маяковского, Николая Гоголя, Владимира Одоевского, Афанасия Никитина. Трижды лауреат премии Ассоциации литературных критиков Москвы «Филигрань».

Любимые жанры творчества: историческая проза, научная и социальная фантастика, детективы, мистика. Живёт в Москве.

ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗЛА ЛОЖЬ

Рассказ

Он пришёл к доктору Павлову на приём, как у медиков говорят, «с улицы». То есть без предварительной записи и без направления от участкового врача. На вид посетителю можно было бы дать и сорок, и пятьдесят, и даже все шестьдесят лет. Есть такая категория людей – без возраста. Они давно вышли из молодости, но забыли, что существует старость.

– На что жалуетесь?..

– Сердце пошаливает, ноги болят, суставы в основном...

Павлов посмотрел на его изрядно стоптанные ботинки, на чистый, но далеко не новый костюм, слегка обветренное лицо.

– Много ходить приходится?

– Служба такая...

– А если на машине?

– Так ведь я с людьми работаю...

Доктор снял ему кардиограмму, провёл терапевтический осмотр – результаты не обрадовали: застарелые рубцы на сердце, хронический обструктивный бронхит, артрозо-артрит коленных и голеностопных суставов.

– Сколько вам лет?

– Сорок восемь...

– Я бы посоветовал сменить работу. Ваш организм сильно изношен. Курите? Алкоголь употребляете?

– Давно забыл, что это такое! – Он вдруг улыбнулся и будто помолодел: – А вы, доктор, употребляете?

– Имею склонность, но стараюсь её контролировать, – ответил Павлов неожиданно для себя, потому что собирался сказать совершенно другое.

– Правду говорите, – кивнул пациент. – Это хорошо. А теперь скажите правду о моём здоровье.

– Если вы не ляжете в ближайшее время в стационар на тщательное обследование и реабилитацию, то повторный инфаркт я вам гарантирую, – выдал Павлов, не моргнув глазом, и тут же выругался про себя: «Это же грубое нарушение врачебной этики! Что ты творишь?!»

– Спасибо, доктор. К сожалению, я не смогу воспользоваться вашим советом – моё служение... моя работа слишком важна. – Пациент снова улыбнулся, на этот раз грустно, и в ту же секунду Павлов

осознал-ощутил, что это правда, а не поза или бахвальство. – Выпишите мне какие-нибудь лекарства, для поддержания, так сказать...

Конечно, Павлов выписал всё, что могло бы пригодиться в странствиях этому необычному человеку, но тоскливое чувство беспомощности, невозможности что-либо изменить не отпускало. Видно было, что пациент тоже прекрасно понял состояние доктора, поднялся, сунул рецепты в карман пиджака, а вместо них вынул и положил на край стола флешку.

– Будет свободное время, обязательно почитайте. Там всего один файл...

Свободное время, как всегда, появилось только дома, вечером. После ужина Павлов расположился в любимом кресле с ноутбуком на коленях, воткнул в него флешку и открыл вордовский файл, озаглавленный немного претенциозно – «День, когда исчезла ложь»...

* * *

«...Наверно, я никогда так и не узнаю, что же со мной произошло. То есть – что произошло, как раз известно. А вот почему?..

Это началось прямо на работе. Полдень в нашем издательстве – священен. Ровно в двенадцать часов прекращают посвистывать сканеры, шуршать бумагой принтеры, замолкает приглушённый перестук компьютерных клавиатур. По комнатам проносится звук отодвигаемых стульев вперемешку с хрустом затёкших суставов, коридоры наполняются топотом и цоканьем каблучков и шпилек, и этот поток плавно стекается к зеркальной панели входа в кафе.

– Приветик, Мурзилка! – Меня подхватили под локоть, ко мне прижалось молодое, горячее даже через ткань рубашки тело Леночки Миловановой из отдела женской прозы. – Поболтаем?..

Мурзилкой меня прозвал друг и коллега Володька Макаров за мою любознательность и способность влипать в самые невероятные истории.

На самом деле меня зовут Андрей Петрович Первенцев, заместитель начальника отдела остро сюжетной литературы. Лена Милованова полгода назад записала меня в свои ухажёры и с тех пор не упускает случая публично демонстрировать это – прежде всего в кафе. Девушка она фактурная, и до сегодняшнего дня мне даже льстило такое внимание, поднимая самооценку.

По сложившейся привычке я открыл рот, чтобы выдать дежурный комплимент, но вместо сладкоречивой фразы вдруг брезгливо поинтересовался:

– Что за кошмарные духи у тебя?!

Леночка замерла, будто её столбняк прошиб, наращённые месяц назад ресницы беспомощно затрепетали, а большие, как у куклы, бледно-голубые глаза наполнились слезами обиды.

Я готов был откусить собственный язык и попытался извиниться за грубость или хотя бы перевести всё в неудачную шутку, но – увы!

– Лена, я не хочу с тобой общаться, потому что твои духи меня раздражают!

– Ты... ты... – Милованова отшатнулась и выставила ладони перед собой, будто защищаясь от меня. – Ты же говорил, что этот аромат тебя возбуждает! – жалобно всхлипнула она.

– Я солгал. Чтобы угодить тебе...

“Господи! Да что же это я несу?! Что со мной?!..” – билось в голове, но на душе почему-то было спокойно. К собственному ужасу, я даже почувствовал что-то вроде удовольствия от того, что наконец сказал Лене правду. Правду?!.. Вот же блин! Действительно, именно это я сейчас и сделал. Но почему?!..

– Значит, ты меня совсем-совсем... ни капельки... не любишь? – несчастная Милованова всё ещё надеялась, что я её разыгрываю, что это просто злая шутка толстокожего холостяка. На миг я словно соединился с ней в одно целое – очень странное и жутковатое чувство! – и с пронзительной ясностью осознал, что Лена действительно меня любит. Значит, она говорила мне правду! А вот в себе я ответного порыва не обнаружил. Неприятно и стыдно.

– Нет. И пожалуйста, не обижайся, а постарайся понять, – ответил я и поспешил уйти.

Кофе мне уже не хотелось, всё затмило острое желание немедленно уволиться из осточертевшего издательства. Именно так – осточертевшего! И это тоже была правда, которую я не позволял себе последние несколько лет.

Стало до жути страшно, словно я – уже не я, а кто-то другой, будто мне в один миг заменили личность. Вместо уверенного в себе, барствующего, в меру циничного и в меру общительного издателя

средней руки я вдруг превратился в некий гибрид – смесь святого мученика, сумасшедшего и дон Кихота – борца за правду против лжи. Голова готова была лопнуть от обилия бессильно мечущихся мыслей, справиться с этим хаосом не было никакой возможности, и я понял, что надо срочно посоветоваться с кем-нибудь, кто разбирается в подобных вещах.

* * *

Первым в моём списке, естественно, значился психолог. Издательство наше крупное, цену себе знает, поэтому о здоровой психологической атмосфере в большом коллективе вовремя озаботилось, заключив договор на обслуживание с Центром психологической разгрузки и коррекции поведения, который располагался буквально у нас “за стенкой” – в том же здании, но в другом крыле.

Договор есть договор. Приняли меня незамедлительно. Миловидная девушка в костюмчике медсестры проводила до кабинета с табличкой “Консультант”. Им оказался плотный мужчина средних лет, страдающий одышкой и заиканием. Рыхлое лицо землистого цвета, рыбы глаза и оттопыренные уши никак не способствовали созданию образа знатока тайн человеческой души.

– Что вас б-беспокоит, Андрей П-петрович? – сипло поинтересовался он, погружаясь в изучение моей электронной медицинской карты, открывшейся на экране его компьютера.

– Я говорю правду.

– Правду?.. Это хорошо. П-правду желательно г-говорить всегда... Но не везде. И не всю.

– Вы неважно выглядите, доктор.

Он перевёл на меня недоумённый взгляд.

– Собственно, что в-вы...

– Моя прежняя профессия – кардиолог, – пояснил я, почему-то совершенно успокоившись. – Я могу сказать, что с большой долей вероятности у вас, коллега, повышенное артериальное давление, атеросклероз и ишемия миокарда в ранней стадии развития. Отягощающими факторами могу назвать избыточный вес, гиподинамию и курение.

– П-погодите! – опомнился, наконец, психолог. – Кто из нас у кого на п-приёме?!

– А есть разница? Вряд ли вы сталкивались с подобным моему случаю. Я не знаю, что послужило причиной, но с сегодняшнего дня я могу говорить людям только правду. И это – большая проблема. Серьёзная и опасная.

– Т-так, – он уже справился с собой и принял прежнюю уверенную позу. – Спасибо за экспресс-диагностику, коллега, однако д-давайте-ка займёмся вами. П-прежде всего, могу вас заверить, что ваш случай в моей п-практике не уникален. Стремление г-говорить только правду – один из видов психического расстройства...

– Я в курсе, – мягко прервал я его красноречие. – Но дело в том, что ещё я одновременно чувствую ложь. Например, вы сейчас сказали неправду: в вашей практике мой случай – первый. И вы не знаете, что делать, но пытаетесь сохранить лицо, поэтому солгали.

Психолог открыл было рот, чтобы возразить, но неожиданно сказал:

– Да, вы правы, Андрей П-петрович. С подобным я не сталкивался. Что делать – не п-представляю. Я вообще липовый специалист. Д-диплом купил. Курсы трёхмесячные, п-правда, закончил – частные, тоже формальные. Потом книжечки п-почитывал да головы клиентам д-дурил умными словами...

Он замолчал, зажав себе рот ладонями и дико уставившись на меня. А мне стало легко и весело.

– Поздравляю, коллега! Кажется, вас тоже накрыло!

– Что за бред?! – рявкнул психолог гулким басом, его лицо медленно приобретало багровый оттенок. – Что за шутки?! Ваша работа?

– И да, и нет. – Я улыбнулся. – Мне приятно, что я не один такой... ненормальный. А вот ваше... превращение... э-э, метаморфоза, наталкивает на мысль, что сие состояние не игра природы, а некое направленное действие. Химическое, биологическое, энергетическое – не знаю пока, но факт! Возможно, источником являюсь я, но, может быть, и нет. Во всяком случае, искренне желаю вам использовать своё новое состояние во благо себе и пациентам. Вы можете стать уникальным специалистом!

Я направился к двери и услышал сдавленный всхлип:

– А может быть, это всё-таки наваждение?.. Индуцированный п-психоз?..

– Если источником являюсь я, то после моего ухода вы скоро придёте в норму, – пожал я плечами и вышел.

Мой организм, похоже, уже адаптировался к новому состоянию и возможностям. И то и другое теперь меня полностью устраивало. На душе стало легко и солнечно, страх растворился в радости. Осознание, что больше не придётся притворяться, поддакивать, выкручиваться, обманывать себя и других, и при этом не позволять обманывать себя другим, давало незабываемое ощущение свободы. Полной и всеобъемлющей.

Умом я понимал, что у всего есть обратная сторона и от того, насколько быстро я научусь правильно использовать свои новые качества, будет зависеть очень многое, возможно даже моя собственная жизнь. А перспективы мне рисовались сказочные, сразу вспомнились нашумевшие в прошлом сериалы типа “Менталист” или “Обмани меня”, где главные герои обладали сверхчутьём на малейшую ложь и всегда выводили оппонентов на чистую воду. Это ж сколько пользы я смогу принести обществу, если буду применять свои способности для, скажем, выявления нечистых на руку чиновников?.. А в качестве следователя или консультанта крупной корпорации?..

Меня прямо распирало от желания поделиться с кем-нибудь потрясающей новостью, поэтому я набрал номер своего старого друга:

- Привет, Володька! Дома?
- Дома... Моя очередь с сыном сидеть.
- Тогда я подскочу? Поговорить надо.
- Давай...

* * *

Володя Макаров недавно стал отцом. В сорок лет. Долгожданный и, как обычно, неожиданный ребёнок моментально перестроил всю жизнь Макаровых, и теперь родители вынуждены были делить рабочие и выходные дни, чтобы сынишка рос не обделённым теплом и лаской и обеспеченным всем необходимым.

Макаровы жили в Лобне, одном из небольших городков-спутников разрастающейся столицы. Собственно, столица уже пришла к ним и... обошла Лобню с трёх сторон, оставив город на попечении области.

Володька встретил меня в старых линялых “трениках” и застиранной футболке и с сыном на плечах. Трёхлетка улыбался до ушей, вцепившись в отцовские кудри и разглядывая с интересом нового дядю почти из-под потолка. Моя немаленькая ладонь по-детски утонула в огромной макаровской лапе.

– Проходи, Андрюха, прямо в комнату топай! – радостно гудел Володька, стаскивая отпрыска на пол. – Санька, знакомься: это – дядя Андрей! Мой лучший друг!

– Привет, Александр, – серьёзно сказал я, протягивая мальчику руку. Малыш снова улыбнулся и смело подал мне свою крохотную ручонку.

– Какими судьбами к нам в Лобню? – Макаров сел на диван, усадил рядом сына и выбрал в телевизоре детский канал с мультяшками.

– Посоветоваться хочу, точнее, сначала спросить: что бы ты сделал, если бы обнаружил у себя способность безошибочно распознавать ложь и самому говорить только правду?

Володька перестал улыбаться и посмотрел на меня с подозрением. Потом почесал лохматую макушку, потерев кончик длинного носа, снова покосился в мою сторону, наконец произнёс:

– Ну, я так понимаю, это какой-то тест... Ну, я бы, наверное, пошёл в полицию работать – там такие способности в самый раз, – и выжидательно уставился на меня.

– Правду говоришь... – кивнул я. – То есть действительно так думаешь.

– И ладненько! – Макаров опять повеселел. – Давай-ка я сейчас быстренько чайку организую. За встречу, так сказать. Присмотри за Сашкой.

Он потопал на кухню, а я пересел на диван рядом с малышом. Сашка внимательно следил, как на экране шкодливая девочка Маша бессовестно подставляет лесного друга Мишку разгрести последствия своего очередного безобразия. С минуту я наблюдал за ребёнком, потом спросил:

- Сколько тебе лет, Саша?
- Три года, – старательно выговорил он, почти не картавя. – И ещё половина.
- Ага... А тебе нравится этот мультик?
- Нет.
- Почему же ты его смотришь?

– Потому что папа его любит...

Я слегка ошалел. Понятно, что трёхлетний ребенок ещё не умеет лгать, но вот мотивация его поступка повергла в лёгкий шок. Интересно, осознаёт ли Володька, насколько сильно сын его любит?

Из кухни появился Макаров со столиком на колёсах. На столике притулились две чашки, заварник и маленькая вазочка с печеньем. Хозяин быстро разлил чай, вручил печенюшку сыну и сел рядом.

– Ну, за встречу! – он поднял свою чашку. – Рад тебя видеть, Мурзилка!..

– Нет, Володя, не рад, – покачал я головой. – Ты рад не встрече со мной, а тому, что я случайно скрасил твоё однообразное существование.

Макаров замер с чашкой в руке, и я подумал, что сейчас он меня выгонит. Но в следующую секунду Володька как-то разом сник, поставил чашку на столик и кивнул:

– Ты прав, дружище. Так и есть! Да, у меня теперь не жизнь, а “день сурка”, изо дня в день одно и то же. И у Марины так же... Но мы продолжаем делать вид, что у нас всё прекрасно, что мы счастливы вместе, что нас всё устраивает!..

– Вот теперь ты сказал правду.

– Погоди, – нахмурился он. – Я же не собирался тебе об этом рассказывать, тем более признаваться!

– Не волнуйся. Это я тебя “заразил”... – Я успокаивающе похлопал Макарова по плечу. – Понимаешь, я сегодня каким-то непостижимым образом приобрёл странную способность – безошибочно чувствовать ложь и говорить только правду. Сначала решил, что схожу с ума и отправился к психиатру, но с доктором произошло то же, что и с тобой – я его индуцировал, то есть передал ему свою способность. Вот как тебе сейчас...

– Ага, – Володька вцепился в свои вихры обеими руками. Он всегда соображал очень быстро. – Что-то вроде инфекции, только не болезнь... Сверхспособность, блин! И что мне с ней теперь делать? Я же теперь Маринке всю правду-матку выложу о наших отношениях, о том, как она меня из классного специалиста превратила в няньку, о том, что ревную её безумно к её начальнику... Да она же меня из дома выгонит!

– Не выгонит. Она тебя любит. Я так думаю...

– Ты действительно так думаешь, но не знаешь наверняка. Я тоже, кстати, не знаю...

– Вот и проверишь сегодня вечером.

– Не хочу! Не хочу знать эту правду... Вернее, боюсь...

Макаров насупился и принялся цедить уже остывший чай. Я присоединился к нему, и несколько минут мы молча жевали печенье, запивая чаем.

– Собственно, я к тебе за советом приехал и с тем же вопросом: что теперь делать? – снова заговорил я.

– Что делать?.. Жить дальше. – Макаров старался на меня не смотреть. – Не стреляться же и не прыгать с крыши!

– Думаю, нужно научиться контролировать это состояние, а главное, следить за языком и не резать правду-матку каждому встречному.

– Само собой. Но неплохо бы всё-таки разобраться в природе этого феномена. Как думаешь?

– А что тут думать? Вариантов много, а информации мало. Например, как тебе такая версия: полевые испытания нового психотропного препарата, меняющего базовые социальные установки человека.

– А зачем? Зачем кому-то нужно их менять? – Володька всегда любил подискутировать на глобальные, как он выражался, темы. – Ведь изменение базовых установок неизбежно вызовет социальный коллапс. Разве что использовать такой препарат в качестве оружия?

– Ну, тогда считай, что на нас напали! – развёл я руками. – Нет, похоже, тут что-то другое...

– Ну а версия о вмешательстве инопланетного фактора?

– Типа, надоело им смотреть, как мы друг друга и планету уничтожаем? Так ведь крушение социальных основ приведёт к крушению государств и, как следствие, ко всеобщей войне всех против всех!

– С чего бы? Если все разом станут честными, правдивыми провидцами – зачем война?

– В том-то и дело, что не все и не разом. При этом агрессивность-то никуда не исчезает.

– Ты проверял? – Володька подозрительно посмотрел на меня.

- Нет. Но это по логике: честность и воинственность не связаны между собой. От слова “со-всем”. – Я разлил по чашкам остатки остывшего чая.
- Пап, я писать хочу! – сообщил Сашка и сполз с дивана.
- Макаров встрепенулся, вскочил, виновато глянул на меня. Я тоже встал.
- Ладно. Я пойду пока. Позже созвонимся. Держи меня в курсе!
- Хорошо. И ты тоже...

* * *

Разговор с Володькой надоумил меня встретиться ещё с одним интересным и умным человеком. Заборские жили на другом конце нашей необъятной столицы – в Ясенево. С Машей мы вместе трудились на ниве книгоиздательства без малого пять лет, а вот с её мужем Костей были знакомы не по работе, а по клубу любителей истории. Заборский в свои неполные сорок успел уже дважды стать доктором наук – исторических и философских! По выражению нашего главного редактора, Константин очень напоминал ходячую публичную библиотеку. Каким образом в его рано начавшей лысеть голове умещалось такое количество самой разной информации, оставалось загадкой для всех, кто его знал. Общение с Заборским неизменно вызывало лишь два чувства – восхищения и собственной неполноценности. В общем, если кто бы и мог помочь мне разобраться с неожиданным даром и дать дельный совет, так это Костя, он же Константин Эдуардович – тёзка основоположника отечественной космонавтики.

Поскольку день уже клонился к вечеру, я счёл разумным предварительно позвонить – мало ли какие планы могут быть у семьи на вечер пятницы.

- Машунь, привет! – весело, в привычной для нас манере, сказал я в трубку. – Костя дома?
- А где ж ему быть, Андрюша?.. Ты-то куда сегодня исчез среди бела дня? – в голосе Маши мелькнула неподдельная тревога. – Случилось что?

От её искренней заботы на душе стало тепло и уютно. А что она искренняя, я мгновенно ощутил – понял-почувствовал прямо через телефон. Я тут же постарался загнать свою новую способность поглубже, как-то приструнить, чтобы не ляпнуть обидной ерунды, вздохнул и ответил:

- Случилось. Кое-что. Поэтому и хочу с Костей посоветоваться. Ты не против? Планов ваших не нарушу?

– Что ты, Мурзилка! Приезжай, конечно! Я как раз собираюсь греческий салат на ужин готовить. Ты ведь любишь его?..

- О, Машунь, особенно в твоём исполнении! Уже в полёте!..

Маша и вправду чудесная хозяйка. Что бы она ни приготовила – любое, даже самое простое блюдо вроде гречневой каши – вкус будет неизменно божественным, так что сразу захочется попросить добавки.

Про “полёт” это я, конечно, переборщил: езда по МКАД в будний вечер даже летом – удовольствие сомнительное. Но всё-таки через пару часов я припарковался в тихом дворе дома на Голубинской и набрал код домофона Заборских. Встретил меня младший член семьи – добродушный и крайне общительный мопс Врунгель. Процедура приветствия оставалась неизменной вот уже три года. Пёс ткнулся мокрым носом в мою ладонь, подставил складчатый загривок, а потом плюхнулся на спину и зажмурился. Почёсывая увальню упитанный животик, я вдруг подумал: “А ведь животные, наверное, тоже способны, ну, если не на ложь, то уж на хитрость точно!.. Вот, к примеру, Врунгель. Ну что с того – почешу я ему живот или нет? Я ведь даже не друг семьи, захожу в гости раз-два в год. И тем не менее пёс не упустит случая получить и от меня толику удовольствия, продемонстрировав своё ко мне расположение!..”

– Привет заслуженному работнику кнопкотычного производства! – заполнил прихожую рокочущий бас Константина Эдуардовича. Заборский воздвигся в арке коридора, заполнив её всю. Огромная волосатая лапа, которую язык не поворачивался назвать рукой, потянулась ко мне и пригвоздила левое плечо – будто чугунную балку положила. Врунгель при первых звуках хозяйского голоса необычайно резво вскочил и опростелью кинулся вон, но, увы, крепко застрял между стеной и Костиной ногой. На его отчаянный скулёрж из кухни немедленно явилась Маша.

- И не стыдно доктору наук обижать маленьких?

– Это он сам, Маруся, – поспешно сказал Костя и выпустил пса. – А впрочем, извини, больше не буду. Проходи, Андрей, прямо ко мне в кабинет...

– Здравствуй, Маша, – улыбнулся я. – Мы немного побеседуем, а потом можно и поесть. Хорошо?..

– Ну, ладно... – Она недоумённо приподняла левую бровь: – Какой-то ты сегодня... загадочный, Андрюша... На себя не похож!

– Я действительно не похож на себя. С сегодняшнего дня, – вздохнул я. – Я тебе за ужином всё объясню, обещаю.

Мы с хозяином прошли в его рабочий кабинет-библиотеку, оформленный в стиле девятнадцатого века – массивные книжные шкафы, стол и бюро красного дерева с накладной резьбой, кресла с подлокотниками в виде львиных лап, обитые тиснёной кожей, на полу узорчатый паркет, а под потолком пятирожковая люстра на цепях. Мы расположились в креслах у низкого резного столика, Заборский тут же принялся набивать любимую вересковую трубку, а я прикрыл глаза, составляя в уме первую фразу для разговора. Однако Костя прервал мои мысленные упражнения:

– Не напрягайся ты так. Рассказывай, как есть!

– Хм!.. Ну, хорошо. Перед вами, профессор, феномен, можно сказать, живой экстрасенс! И это не фигура речи, а факт.

– И в чём же фишка?

– Я мгновенно распознаю любую ложь и говорю только правду.

– Интересно!.. – Костя даже трубку набивать перестал, а я прямо кожей почувствовал, что он действительно удивлён и заинтересован. – Как же тебя угораздило?

– Понятия не имею. Потому и пришёл к тебе. За советом, наверное...

– Почему ко мне?

– А никого другого с подобным твоему интеллектом я просто не знаю.

Костя снова вернулся к приготовлению курева, и с минуты в кабинете было слышно только тихое шуршание табачных крошек по расстеленной на столике бумаге. Я терпеливо ждал – знал, что Заборский уже в процессе анализа полученной информации.

– А как ты вообще понял, что с тобой произошло? – спросил, наконец, Костя, раскуривая трубку. Я коротко поведал ему о приключениях этого длинного дня.

– К тому же я, по-видимому, дополнительно индуцирую эту способность у людей, с которыми вхожу в близкий контакт. Только не знаю: временно или навсегда.

– А вот это ещё любопытней! И кого же ты... индуцировал?

– Доктора из психологической консультации, Володьку Макарова, моего давнего приятеля – этих точно... – припомнил я. – Про других не скажу, но было несколько мимолётных контактов.

– Расскажи-ка поподробнее! – Костя принял расслабленную позу, откинувшись на спинку кресла. Я погрузился в воспоминания и с удивлением обнаружил, что помню всё до мельчайших деталей – цвет, освещение, звуки, даже запахи!.. “Ух ты! А это уже похоже на сериал «Вспомнить всё»... – пронеслась дурацкая мысль. – Дубина, нашёл с чем сравнивать! – тут же осадил сам себя. – А ну, сосредоточься!”

– В общем, выглядит процесс именно как индукция, – подытожил я.

– Тогда почему ты меня не индуцировал?

Я замер. А ведь действительно! Ничего подобного предыдущим случаям с Костей не произошло.

– Ну, тут одно из двух, – неуверенно проговорил я, – либо поддаются индукции не все собеседники, либо... ты предельно честный человек!

– Ага! – Костя снова сел прямо и ткнул в меня чубуком трубки. – И вот этот важный момент стоит проверить. Желательно немедленно!

– На ком?.. Маша отпадает. Она тоже не восприимчива к индукции, я успел убедиться.

– Отлично! Тогда на моём старом приятеле. У меня сосед – преподаватель истории Средних веков в РГГУ, большая умница, эрудит!..

Не успел я возразить, как Костя схватился за телефон.

– Привет, Михалыч! Занят?.. Вот и ладушки. Заходи, повечеряем. Маруся нечто невообразимое на ужин соорудила!..

Михалыч оказался импозантным мужчиной – высокий рост, породистое лицо, смоляная шевелюра с благородной проседью на висках и пронизательный взгляд тёмных глаз, в которых светился неза-

урядный ум. Немного портило впечатление наметившееся брюшко, однако рукопожатие у историка вышло неожиданно крепким и энергичным.

– Это наш давний друг и коллега, Андрей Петрович Первенцев, – представил меня Костя.

– Очень рад знакомству! – голос у соседа тоже был под стать внешности, низкий и бархатистый. – Давид Михайлович Волензон.

– Присаживайся, Михалыч, закуривай! – радушно предложил Заборский и подмигнул мне, дескать, давай индуцируй.

Если бы я ещё знал, как это делается... Похоже, процесс запускается во время беседы и желательно на какую-нибудь значимую для собеседника тему... Я припомнил обстоятельства встречи с психологом и с Володькой.

– Давид Михайлович, я работаю в крупном издательстве, в частности, занимаюсь выпуском художественной исторической литературы. И теперь, пользуясь случаем, хотел бы узнать мнение специалиста о целесообразности издания этого жанра?

Костя картинно поднял брови на столь витиеватую тираду, но Волензон внешне остался строг и серьёзен. Не спеша вынул из массивного серебряного портсигара тонкую коричневую палочку с двойным золотым ободком у фильтра, прикурил от зажигалки в виде древнегреческой амфоры и, лишь сделав пару медленных затяжек, заговорил:

– Видите ли, молодой человек, художественная историческая литература, безусловно, привлекала и будет привлекать интерес читателей, прежде всего разнообразием сюжетов и обилием якобы подробностей жизни и быта наших предков. Однако вам, как и мне, наверняка известно, что в подавляющем большинстве случаев сие – выдумки чистой воды, ничего общего не имеющие с реальной историей! А между тем многие любители исторической прозы искренне считают, что так всё и происходило, как написали, скажем, Вальтер Скотт или Дмитрий Балашов. Про Александра Дюма, Мориса Дрюона и им подобным я вообще молчу!..

– То есть историческая проза не нужна? – усмехнулся я, потому что буквально почувствовал: есть контакт, “поплыл” историк!

– Ну, я бы так не ставил вопрос... Всё-таки между историей и исторической прозой очень большая разница... – Волензон запнулся, его смуглое породистое лицо посерело, а дорогая сигарета в пальцах задрожала. – Порой мне кажется... не только проза... сама историческая наука – сплошная выдумка... – Он передёрнул острыми плечами, судорожно затянулся и поперхнулся дымом, откашлявшись, пробормотал: – Господи, на что же я трачу жизнь!.. На обман!..

Заборский нахмурился и сделал рукой отметающий жест.

– Ерунда, Михалыч! Ты же умный человек. А разве умный стал бы заниматься пустыми разглагольствованиями?.. Нет! Значит, твоё дело нужное и правильное...

– Нет! – почти выкрикнул Волензон. – Я ответственно заявляю: то, что принято называть историей, исторической наукой, таковой не является! Это всё суть – историография! То есть пустописание в угоду власти предрежащим и к подлинной истории цивилизации имеющее весьма косвенное отношение.

– Погодите, – вмешался я. – Давид Михайлович, вам, конечно, виднее, как специалисту, но, по моему, далеко не всё, что написано в учебниках и научно-популярных изданиях на тему истории человечества, – выдумка.

– Андрей Петрович, о чём вы говорите! – Волензон всплеснул руками. – Даже не погружаясь в Античность, можно привести массу примеров исторических подтасовок и передёргиваний. Одна только “Повесть временных лет” чего стоит!.. Это же уму непостижимо: использовать в качестве научного источника художественное произведение! А татаро-монгольское иго?.. А открытие Америки?.. А Крестовые походы?..

– Гм!.. Что не так с Крестовыми походами? – удивился Костя. – Хочешь сказать, что их не было?!

– Нет. Были. Но сколько их было на самом деле и ради чего всё было организовано?..

– Давид Михайлович, но ведь вы преподаватель, много лет учите юных и любознательных, прививаете им любовь к истории. Это же замечательно!..

– Андрей Петрович, что в том замечательного – изо дня в день рассказывать небылицы и перечислять официальные штампы, делая вид, что преподаёшь Историю! Это же... предательство!..

Волензон вдруг резко ткнул окурочек сигареты в пепельницу и вскочил. Заборский удивлённо посмотрел на него:

– Михалыч, ты куда?!

– Пойду я, Константин Эдуардович, попробую что-нибудь придумать на тему, как исправить собственные ошибки и заблуждения и не натворить новых!.. Мне очень стыдно, господа! – Он гордо вскинул голову и вышел из кабинета – прямой, как палка.

С минуту мы оба молчали, пытаясь переварить произошедшее. Потом Костя сказал:

– Да, старик. Ну и кашу же ты заварил...
– Я заварил?!

– Извини... стал невольным источником Большой Кучи Неприятностей.
– Я жертва, если ты не понял. Во всяком случае, чувствую себя именно так.
– Не-ет, ты не жертва, Андрей! – Заборский вдруг хитро прищурился и потыкал в мою сторону чубуком погасшей трубки. – Ты... пожалуй, ты новый машиах!

– Ты говори, да не заговаривайся! – Я невольно сглотнул. – С такими вещами не шутят. Попробуй обойтись без религиозной мистики, а? Ты же умница, Костя. Найди другое объяснение...

– Хорошо. Ты не мессия, хотя ситуация отчасти похожая...
– На дар божий намекаешь?
– Почему бы нет? Раз был прецедент, отчего бы ему не повториться?
– Не смейся мои тапочки! Создатель выбрал редактора издательства для высшей миссии: спасения заблудшего и погрязшего во лжи человечества!

– Ну, его первый избранник был всего лишь плотником... – Заборский поскрёб чубуком трубки за ухом. – Ладно. Давай-ка лучше попробуем нарисовать перспективу твоего будущего служения, так сказать.

– А давай!.. – Я хищно улыбнулся и потёр руки. – Допустим, я со своим... даром могу очень помочь нашим доблестным следственным органам – любого на чистую воду выведу!

– Как?
– Элементарно. На допросе сразу определяю, что подозреваемый лжёт... И – да! Я же его индуцирую! Вот он и сознается во всём содеянном!

– Отлично! – Костя вяло похлопал в ладоши и саркастически ухмыльнулся. – Но ты не учёл главного: честность не подразумевает отсутствия агрессивности, мстительности, злобы и много ещё чего. Честный человек просто верит в то, что говорит и делает. И вот до него доходит, что причиной всех его неприятностей являешься ты: заставил его сознаться, лишил свободы, денег, будущего... Как думаешь, станет он тебя за это благодарить? А в наш информационный век долго ли эта история останется неизвестной широким уголовным кругам?.. Дальше продолжить или сам догадаешься?

– Намекаешь, долго ли я проживу?.. – Настроение у меня испортилось. – Пожалуй, ты прав. В органы дознания мне лучше не соваться...

Мы снова замолчали, обдумывая ситуацию. Заборский опять взялся набивать трубку, но тут в кабинет заглянула Маша.

– Мальчики, мне скучно! Ужин готов, Врунгель обожрался и спит, по телевизору сплошная тягомотина.

Не сговариваясь, мы вскочили и хором заявили, что вели себя как последние эгоисты. Нам было позволено коснуться губами бархатных розовых щёчек при условии немедленного перемещения на кухню для дегустации нового кулинарного шедевра – курицы по-французски.

За бокалом шардоне после сытного застолья разговор вернулся в старое русло, только теперь в нём приняла активное участие и Маша. Она, кстати, ничуть не удивилась моему новому состоянию.

– Ты же у нас Мурзилка, а значит, влипать во всякие невероятные истории – твоё призвание и судьба, – сказала она, мило улыбаясь. И я снова ощутил исходящую от неё волну искреннего участия.

– Ну, на сей раз я, похоже, влип окончательно.
– То есть?!

– То есть от этого дара я вряд ли смогу когда-нибудь избавиться, даже если очень захочу.
– А ты захочешь?

Вот она – способность женщин зреть в корень, точнее, в психоэмоциональную суть явления! Мужики обычно сразу начинают искать практическое применение открывшимся возможностям, а женщины – наоборот, сначала подумают о последствиях такого применения.

– Я пока не решил, Маша. Хотя, по-моему, глупо было бы отказываться от дара свыше. Важнее, как его правильно использовать. Один способ мы с Костей уже отвергли. Я говорю о возможности стать следователем в органах дознания.

– Чревато опасностью потерять не только дар, но и жизнь вместе с ним, – кивнул Заборский, снова берясь за любимую трубку. – Я бы добавил к списку и другие профессии, столь же опасные, типа журналиста, политика или дипломата. Хотя соблазн, конечно, велик! На таком поприще есть возможность “заразить вирусом правды” многих значимых людей, влияющих на жизнь общества.

– А с чего вы решили, что индукция становится необратимой? – поинтересовалась Маша, убирая со стола остатки пиршества. – Ты проверял, Андрюша?

– Н-нет... Но если это так, то всё еще хуже. Получается, что я стал социально опасным индивидуумом, возмутителем спокойствия и стабильности в обществе.

– Ну, тогда есть ещё один способ применить твой дар, – благодушно хмыкнул Костя. – Можешь основать новую секту или даже церковь. Думаю, adeptов у тебя появится немало.

– Шутишь?.. Хотя – нет. Ты действительно считаешь реальным этот проект!

Некоторое время я обдумывал необычное предложение, Заборский курил, отрешённо глядя в окно, а Маша разливала чай и нарезала домашний кекс, бросая на нас поочерёдно любопытно-тревожные взгляды. Но первым нарушил молчание не я.

– Мне сейчас пришла в голову мысль, – повернулся к нам Костя, – что вся твоя история, Андрюха, очень похожа на некое испытание...

– Вроде квеста?.. Типа: выполни ряд заданий и в конце получишь бонус? – невесело усмехнулся я.

– Не-ет! Это было бы слишком мелко. Я думаю, скорее, дар – это ключ для прохождения некоего жизненного пути. Точнее, для достижения вполне определённой цели. А вот путей-то как раз существует несколько, но только один из них – верный.

– И какой же?

– Не знаю... Тебе придётся искать самому. Это может оказаться совершенно очевидный и потому не приходящий никому из нас на ум вариант. Знаешь, а ведь с философской точки зрения ты настоящий феномен: субъект, который в результате неизвестной манипуляции с его сознанием превратился в объект, способный изменить ход социальной эволюции субъектов. Ты, Андрюха, теперь даже не человек, а сингулярность – единичность существа, события и явления!

– И ты всерьёз думаешь, что сейчас я возгоржусь, надую щёки и начну раздавать автографы поклонникам. – Я не стал сдерживать свой сарказм.

– Ну, по крайней мере, если постулировать вышесказанное, возможно провести логический и метафизический анализ твоего феномена. Глядишь, и нащупаем нечто стоящее?..

– Вот и займись на досуге – ты же у нас философ. А я уж поищу решение из чего-нибудь попроще!..

Заборский на это развёл руками, мы снова замолчали и принялись за чай.

– Я бы всё-таки раньше выяснила, обратима ли твоя индукция, – тихо сказала Маша. – По-моему, это бы существенно упростило проблему выбора.

– Ты права! – Я решительно взялся за телефон и набрал номер Макарова. Сердце бухало в унисон с гудками вызова: а вдруг у Володьки всё плохо, скандал, разлад с Мариной – из-за меня, из-за этой индукции, будь она неладна...

– Слушаю, Макаров, – услышал я наконец знакомый, с хрипотцой голос.

– Володька, это я... – Мне пришлось с усилием сглотнуть, чтобы протолкнуть вставший в горле комок. – У тебя дома всё в порядке?..

– И да и нет, – не то хмыкнул, не то всхлипнул он. – В общем, осваиваем новую реальность, что ты нам преподнёс.

– Ради бога, что у вас произошло?

– Да всё уже в порядке, Андрюха. Твоя “зараза” сработала, первый шок позади, и ничего страшного не случилось... Мы даже в некотором роде благодарны тебе.

Я почувствовал, что он говорит искренне, и вздохнул с облегчением, но его тут же сменила тревога: а если бы Володька не индуцировал жену?.. И во всех ли случаях возможно такое “вторичное заражение”?.. Человек становится абсолютно честным и правдивым, но остальные-то душевные качества никуда не деваются! Как насчёт совести, например?..

– Ну как, есть результат? – вопрос Заборского вернул меня к действительности.
– Есть. Даже больше – вторичная индукция.
– Ага! Это интересно!.. Репликация сингулярности?!.. Обалдеть!.. Нет, дружище, ты не феномен, ты самая настоящая новая философская проблема!..

Костя, бормоча и цокая языком, принялся за трубку, рассыпая по столу душистые табачные крошки. Маша молча убирала со стола, потом вдруг замерла и строго посмотрела на меня.

– Ты хоть понимаешь, насколько всё это серьёзно, Андрей?
– Лучше бы не понимал! И я понятия не имею, что со всем этим делать, какой путь искать или выбирать, к чему стремиться или просто сидеть на берегу и ждать, когда мимо проплывёт труп моего врага?..

– Ну, из тебя мог бы получиться неплохой народный мститель, этаким современным Зорро, – улыбнулся Костя, раскуривая трубку. – Будешь вычислять преступников, являться к ним и заставлять их идти с повинной с помощью индукции, будешь делать честными чиновников и полицейских...

– Опять шутишь?.. – Я горько усмехнулся. – Да меня самого вычислят через месяц, объявят или американским шпионом, или психом и упекут соответственно диагнозу. Если просто не шлёпнут.

– А ты создай группу, тайную организацию борцов за справедливость...

– Уже было!.. Историю борьбы за справедливость ты знаешь не хуже меня, и чем всё заканчивалось – тоже... Ладно, ребята, пойду я. И так допоздна у вас засиделся.

Мы попрощались, и я вышел в тёплую летнюю ночь. Мелкая ночная живность крутилась под фонарями, где-то играла музыка, доносились тихие голоса и смех. Над головой раскинулся тёмно-синий купол, усеянный крупными самоцветами. Я прошёл через детскую площадку и присел на лавочку возле цветущего куста жасмина. Запрокинул голову и без слов спросил бархатную бездну: “Подскажи, что мне делать? Как найти верный путь?..”

Некоторое время ничего не менялось в тёмно-синей глубине, а потом я вдруг заметил слабый, пульсирующий огонёк, быстро перемещавшийся между неподвижных ярких собратьев. Огонёк стремительно пересёк весь ночной небосвод, потом вдруг ослепительно вспыхнул и пропал. И в тот же миг будто кто-то начертал перед глазами огненные слова невидимым стилем: “Viam supervadet vadens...”

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: вот он, путь! Не надо потрясений и борьбы тайных обществ, не нужно рисковать своей и чужой жизнью. Всё гораздо проще и сложнее одновременно, но именно так – правильно!..

* * *

– Ты что, на самом деле увольняешься, Мурзилка?! – вытаращился на меня начпокадрам, принимая заявление. – Что случилось?

– Всё в порядке, Лохматыч, так надо, – улыбнулся я. – Не расстраивайся, ещё свидимся.

– Вообще-то мне здесь тоже всё осточертело! – неожиданно выдал он и тут же испуганно зажал себе рот.

– А вот это – истинная правда, – серьёзно сказал я и вышел.

Работы предстояло много: впереди были сотни километров и тысячи случайных, но тем не менее очень важных встреч, а Россия – очень большая страна, пока её всю обойдешь!..»

* * *

Доктор Павлов так и не смог толком заснуть, остаток ночи пролетел в странной полудрёме. Ощущение недосказанности смешивалось с чувством бессознательной тревоги. Кое-как позавтракав, Павлов отправился на работу. Первым делом включил компьютер и открыл сводку поступлений в стационары по «скорой» за истекшие сутки. Спустя минуту взгляд наткнулся на короткое сообщение с 29-й подстанции: «Первенцев Андрей Петрович, 1970 г. р.; диагноз: трансмуральный инфаркт миокарда в заднебоковой проекции; скончался по дороге в стационар в 23 часа 55 минут».

Павлов невольно прикрыл глаза, и в тот же момент ему показалось, что на секунду на экране компьютера вспыхнула надпись: «Viam supervadet vadens...»¹

¹Viam supervadet vadens (лат.) – дорогу осилит идущий.

Проза

Эвелина Азаева

Эвелина Азаева – родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года жила в Канаде. Четырнадцать лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». В 2018–2020 годах издавала в Торонто газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде. В 2024 году в Петербурге вышел третий сборник – «Перелётные люди». Печаталась в журналах «Берега», «Нева», «Наши современники», «Дружба народов» и др.

Дипломант 1-й и 2-й степени литературного конкурса «Мгинские мосты» (Петербург, 2021, 2022), спецприз издательства «Вольный странник» (2022), третье место на довластовском конкурсе «Вы Долматов? – Приблизительно!» (Петербург, 2021), грамота XI конкурса им. Короленко «За поднятие и разработку патриотической темы». Короткий список конкурсов: «Гранатовый браслет» (2022, 2023), «Капитан Грэй» (2022, 2024).

СКОРО ПРИДЁТ ГЕРОЙ

Рассказ

К счастью, следующие клиенты – китайцы. Вот о чём думала Анна, когда ехала по калгарийским улицам к маленькому аутичному мальчику. Анна – специалист по работе с такими детьми, едет развивать пятилетнего малыша. Сейчас, через месяц после объявления Россией спецоперации на Украине, работать стало трудно. К стрессу профессии (видишь чужое непоправимое горе, улучшить детей можно, вылечить – нет) прибавилось то, что в каждом канадском доме постоянно включен телевизор и население прилипло к экранам. Смотрят на настоящую войну в Европе. Они привыкли, что война идёт где-то на Ближнем Востоке, в Азии, в далёких и непонятных, а прямо говоря и нехороших странах. Там живут недемократичные, дикие люди, о чём говорить вслух, понятное дело, нельзя, но мы же понимаем... Они выдают девочек замуж за дедушек, практикуют женское обрезание, они вешают геев и у них нет честных выборов. А значит, ковровые бомбардировки – это правильно, и ура-ура нашей коалиции.

А тут снаряды рвутся в Европе. У всего мира на глазах. Путин (тиранище!) начал войну! Неважно, как там русские её называют, это самое настоящее вторжение в маленькую, никому зла не сделавшую, такую симпатичную, с венками и ленточками Украину, которая просто хочет свободы от страшной, азиатской, гулагодобной России. И вот Россия обидела ребёнка. Канада, обукраиненная снизу доверху, сразу заявила, что будет помогать. Народ влип в экраны.

Такого шоу ещё не было. (Бомбардировки Белграда в 1999-м не заметили, ибо, опять же, НАТО спасало хорватов и албанцев от таких же зловредных и непредсказуемых, как русские, сербов.)

...Анна приходит в разные дома и обычно идёт в комнату ребёнка через гостиную. В последнее время почти всегда – мимо семьи, которая смотрит по телевизору, как русские танки движутся по украинской земле. Русская учительница, конечно, не рассматривает эти территории как Украину, а считает землями Российской империи, и народ там, по её мнению, свой, родной, хотя и обманутый, зомбированный, но говорить об этом она не будет. Это как кричать сумасшедшим в уши, что они сумасшедшие. Никто не поверит, а с работы уволят. В стране не принято на работе обсуждать политику. И уж тем более быть на стороне России.

Анна никому ничего не говорит, но неприятно смотреть, как действиям твоей страны ужасаются. А вот с китайцами легко – они ей улыбаются, с Путиным согласны. Индийцы тоже ласково смотрят.

– Хотите чаю? И у меня есть булочки, – предлагает китайская мамочка. Анне не положено угощаться, но у восточных народов принято угощать. Не отстанут, пока не подкормят, и она принимает чай, но отказывается от булочек, ссылаясь на несуществующую диету.

С китайчонком проводит два часа. Выкладывается. По-другому, как некоторые её коллеги, не может. В конторе, где она работает, центре для аутистов – частном заведении – делают всё спустя рукава, только чтобы родителям пыль в глаза пустить. Ни пособий там толком нет, ни игрушек развивающих. Разделили большое помещение, размером со спортзал, на стеклянные кубрики, на окнах помещения специальное покрытие, чтобы сотрудники видели улицу, а оттуда к ним никто не мог заглянуть, и занимаются с аутистами. Анна наблюдала чем – часто сидят в телефоне, а ребёнок сам, один, в углу играет. Если умеет играть. А то просто сидит, раскачивается. Ей по её требовательности выдали листочки с чёрно-белыми заданиями, она пошла в магазин, купила с цветными рисунками, но ответили, что нет, нельзя, есть свой план, вот по нему и иди... И если родитель через месяцы спросит, почему ребёнок ничему не научился, на него внимательно посмотрят и скажут: «Так он аутист. Чего вы ждали? Тут быстрых результатов не бывает».

Ложь! Если заниматься, бывают. Анна за несколько занятий обучает держать ложку или застёгивать молнию на куртке, пить через соломинку или мыть руки. Упор в канадском образовании для аутистов – на навыки самообслуживания. Особенно ей жаль четырнадцатилетнего Стивена, которого привозят и бросают с телефоном в руках. С ним ужасно тяжело. Уже большой парень – и по возрасту, и физически развит. Она с ним позанимается час – порисует, покажет картинки, назовёт предметы на них, попросит, чтобы повторил, а ему в центре для аутистов ещё пять часов быть, уже без неё. И его просто запирают в кубрике с телефоном. А кто может пять часов смотреть мультики? И он бесится, кричит, бьёт в дверь, в стёкла. А они из спецматериала – не пробьёшь...

Хотелось бы сказать его родителям, которые платят большие деньги за то, чтобы сына развивали, что им никто не занимается, но тогда будет скандал, её выпрут с работы. А деньги очень нужны. Анна – одинокая женщина, она платит за дом (хоть и субсидированный, дешёвый, а всё-таки счета съедают третью часть зарплаты), за машину надо платить – бензин и страховку, плюс еда, лекарства для больной восемнадцатилетней дочери. На самом деле это племянница. Её мать умерла, девочка была удочерена Анной в три года, и теперь она любимая доченька. Единственная. У неё оказалось тяжёлое и редкое заболевание. Надо лечить, зарабатывать.

А совесть за Стивена гложет, и Анна наблюдает за родителями, которые оставляют паренька в аутическом центре, пытаюсь понять: они знают, что их ребёнку не помогают? Вскоре замечает, что его нередко привозят грязным. Значит, дома о нём тоже не особенно заботятся. Не любят, а терпят, и вот бросают сюда, чтобы не мешал. Отдыхают. Это самое болезненное – видеть, что родители не любят своего «особенного» ребёнка.

Конечно, их можно понять – трудно с таким 24 часа в сутки. Домашняя психбольница. Но, с другой стороны, Анна знает, что, если ребёнка любят, он очень улучшается. Аутисты ведь не сумасшедшие, это люди, которые будто заключены в некий кокон. Чаще всего не умеют разговаривать, но чувствовать, понимать могут. И радуются, когда их любят, и плачут, когда нет. Правда, выражают это в не понятной для окружающих форме.

Стивену нечего делать, и порой он начинает мастурбировать прямо у Анны на глазах. Потому, что возраст. И потому, что его никогда не оставляют одного – без пригляда, и понятно, что это своё дело ему в любом случае приходится делать у кого-то на глазах. Желание шибает ему в светлую, кучерявую, подростковую голову, и он, отвернувшись к стене, получает удовольствие. Анне противно и страшно, она пытается переключить его внимание на занятия, достаёт припрятанную в сумке игрушку, которая крутится на столе, мини-юла, но мальчик внезапно свирепеет и бросается на учительницу, вцепляется в волосы. Анна нажимает на кнопку специального звонка, и к ней приходит помощь.

Конечно, идея с юлой – не лучшая, но а что, сидеть и смотреть, а потом вытирать ему руки салфеточкой?

Остаток дня Стивен колотится головой о стены, кричит, рычит. Не потому, что столь безумен, а потому, считает Анна, что до него никому нет дела. Пока она с ним занималась, он ведь сидел тихо, отвечал, рисовал и даже улыбался. А коли каждый день тебя запирают на часы в замкнутом пространстве, что ж ещё делать?

...От китайцев Анна едет в дом к клиентке-украинке. С той стало сложно. Бабушка из Ровно, она воспитывает внука-аутиста одна. Где его родители – непонятно. И она, конечно, молодец. Тратит на ребёнка деньги, Анна у неё не от конторы, а частным образом даёт уроки. И бабушка Августа хорошо платит. Она моложавая, ухоженная. Деньги на внука Августа получает через благотворительные фонды. Пробивная.

До военной операции всё складывалось неплохо, было сложновато только потому, что женщина безотрывно следила за занятиями, наблюдая, чтобы учитель не отдыхала. Но Анна привыкла выкладывать, жалела детей и не собиралась халтурить. Ребёнок был милым, чистеньким, красивым, его особенно хотелось спасти. Ему всего четыре, а значит, ещё есть время развить его.

Сейчас с Августой стало тяжело находиться в одной комнате. Она встречала вопросом: «Ты слышала новость? Русские уже у Киева...» – и заглядывала в глаза. Страстно хотела найти ответ, на чьей стороне Анна. Та отворачивалась, снимала обувь, доставала тапки и спрашивала в ответ: «Марек хорошо спал? Он не уставший?»

– Хорошо, – торопливо отвечала украинка и в смятении удалялась. Потом, перед уходом Анны, снова заводила волюнку про военную операцию.

– Нет, ну как так можно? Россияне стреляют по мирным людям, звери! – и снова пристальный взгляд.

– Вы, пожалуйста, вечером повторите с Марексом счёт до пяти, – просила учительница.

И вот опять она едет к Августе. В высотку в центре Калгари. Это красивое здание, всё в зеркальных стёклах, с консьержем, мягкими креслами и зеркалами в золотистых рамах на входе. Надо отмечаться, когда приходишь.

На этот раз Августа была настроена решительно. Только впустив Анну, зачатила:

– Я просто не могу жить... Не могу спать... Русские разбомбили полигон у Львова, базу, где были даже канадские волонтеры. Орки насилуют женщин и детей... Как вот вы к этому относитесь, Анна?

– Я не смотрю новости, у меня очень много клиентов. Прихожу домой в семь и ещё два часа готовлюсь к завтрашним урокам.

– Нет, ну вот я вам рассказала. Как вы считаете, Путин сошёл с ума? Вы же на нашей стороне как канадская гражданка...

О-о-о. Запахло угрозой. Доносом. Анна не знает, что будет, если власти Канады узнают, что она за Путина. Скорее всего, ничего. Она давно за него, как и тысячи других русских канадцев. Они все последние годы ходили Бессмертными полками, проводили демонстрации за Донбасс, собирали туда гуманитарку, и ничего. Но всё равно противно.

– Мне не позволяют говорить о политике. Учителя не должны это обсуждать.

– Но вы же у меня работаете не от компании, а сами по себе.

– Этика касается любого учителя.

Они смотрят друг на друга. Анна понимает, что надо уходить. Не из квартиры, а вообще. Не даст эта бабка работать. Августа, в свою очередь, понимает, что перед ней – представитель «агрессора». Путинистка. И вот как быть? Марек к ней привык, стерва хорошо обучает. Украинство в Августе борется с родительством. С бабушинством.

* * *

Сначала победило бабушинство. Но ровно на четыре урока. Оскорблённое украинство продолжало бурлить, и Августа стала делать Анне замечания: «Вы слишком часто смотрите в телефон!» Анна туда смотрела пару раз за два часа уроков. Секунду. Пришло сообщение, она не стала его открывать, но взяла телефон в руки чтобы посмотреть, не от дочери ли. Может, у той нестерпимые боли и пора скорую вызывать.

На следующем занятии старушенция упрекнула, что Анна ходила в туалет. «А Марек в это время плакал! Что вы ушли. Он к вам очень привязан».

Не знаешь, что и ответить. Маргарет Тэтчер гордилась, что могла не ходить в туалет по шесть-восемь часов. Но Анна – не Маргарет.

После третьего занятия Августа сообщила, что Анна не следит за ребёнком (сама она куда-то уходила) и у него синяки, значит, он упал. Она продемонстрировала синяки у мальчишки на ногах. Анна от ребёнка не отходила, значит, синяки появились после её ухода, стало быть, бабка решила ис-

пользовать их против неё. После четвёртой встречи она обвинила Анну в том, что та якобы оставила ребёнка одного (сама Августа снова покидала квартиру на время занятий) и тот проглотил таблетки, его рвало, ребёнок мог умереть.

Тут, наконец, до учительницы дошло, что клиентка не успокоится, пока не лишит её лицензии. Анна сообщила, что это её последний урок, и ушла. В машине, пока ехала домой, держась за руль трясушимися руками, всё же переживала, что лишается большой суммы. Украинка брала много уроков. Теперь где-то надо искать нового клиента – заполнять финансовую брешь, ведь эти деньги уже пошли в дело – Анна посылала их маме в Томск. Точнее, потому что перевод денег в Россию запретили, она отдавала их знакомой в Калгари, а та со своего российского счёта переводила эквивалентную сумму в рублях её матери.

Придя в офис, Анна узнала, что Августа позвонила туда и сказала, что Анна Донцофф – плохой учитель, детям с ней находиться опасно и её следует уволить.

– Эта женщина украинка. Она огорчена событиями на родине, – объяснила Анна директору.

И её поняли. К счастью, руководство знало её как профессионала, и в стране уже начались украинские выходы против русских иммигрантов, газеты мягко предупреждали бурлящую украинскую диаспору об ответственности и публиковали е-мейл полиции русским для жалоб. В Торонто дошло до того, что некая дамочка призвала украинок вредить русским детям. «Вы же работаете в детсадах и школах, подсыпайте кацапским детям в еду, пусть сдохнут! Если вы маникюрша, заражайте русских клиенток СПИДом!» – призывала обезумевшая Ганночка. И допризывалась до уголовного дела. Не из-за угроз, хотя и их бы хватило, а потому, что она, зарабатывающая выпечкой домашних тортов, действительно насыпала чего-то в торт для детей (семье своих постоянных клиентов, которых обслуживала годами!), и праздновавшие попали в госпиталь с отравлением. Не смертельным, но рвота и понос были.

Анна думала над этой историей. С одной стороны, негодование украинцев можно понять: кому приятно, если в твою страну вошла чужая бронетехника? Представила такое в России, и сердце упало. Этого просто нельзя вынести. Однако... Во-первых, вошли на Украину не танки Мозамбика, а свои, русские вошли... Не сопротивлялись бы, так и без крови обошлось бы. Что вам, плохо было в СССР? Да вы только тогда спокойно и жили, когда со своими, русскими. А с поляками резали друг друга. Ну да ладно, украинцев уже переформатировали, и они не верят, что русские – свои, считают нас «мокшей, угро-финнами, татарами» (как будто в присутствии этих кровей есть что-то плохое). Но призывать травить детей, заражать СПИДом? Анна бы не стала. И никто из её знакомых не стал бы.

Русские все предшествовавшие СВО годы вели в Канаде активную деятельность по моральной и материальной поддержке Донбасса. Не военных подразделений (тут опасались, что обвинят в спонсировании незаконных формирований), а больниц, детдомов. Едва началась бомбёжка Донбасса, весной 2014-го, как обезумели от горя. Метались. Не знали, что делать, как помочь. Проводили митинги против АТО, стояли во всех больших городах перед местными парламентами с российскими флагами. В Оттаве так стояли, когда Порошенко прибыл. Туда же пришли украинцы, и только полиция спасла две толпы от побоища.

Анна в те дни посмотрела по российскому телевидению сюжет о погибших от взрывов на улицах Донецка и Луганска, и после этого случайно наткнулась на ютубе на песню «Солнечный круг». Как она рыдала! Как совершенно по-другому, чем в детстве, открылись ей слова этой песни:

*Слышишь, солдат, видишь, солдат,
Люди пугаются взрывов!
Тысячи глаз в небо глядят,
Губы упрямо твердят:
«Пусть всегда будет солнце...»*

А украинцы канадские не понимали русского горя, не сочувствовали, охаивали в соцсетях сожжённых в одесском Доме профсоюзов людей, смеялись над «жареными колорадами», проклинали убитого полицией русского активиста (дело тёмное, никто так и не понял, почему остановили и застрелили в Эдмонтоне простого русского мужика, строителя, который всеми, включая канадскую компанию, в которой он работал, характеризовался как добрый, спокойный труженик. Говорят, полисмен был

украинцем, а на активисте была майка со словами «I love Russia»). Так вот, украинцы его проклинали, узнав, что он организовывал Бессмертные полки, гототали.

А теперь удивляются, почему русские не возмущены падением снарядов на Львов, Киев и другие города. Отчего российская общественность не в ужасе, ведь «война – это самое страшное, нападение ничем не может быть оправданно» (да ну?). И продолжают стება́ться над нашим ответным: «А чего вы не возмущались восемь лет, пока бомбили Донбасс?»

«Дамбили Бомбасс? Бу-га-га», – вот и весь ответ.

Неделю назад Анна ходила в сауну. Чтобы отвлечься от всех больных – и клиентов, и от дочери, у которой из-за болезни совершенно испортился характер. Она целыми днями сидела дома, смотрела аниме и искала, в чём мать виновата, чего недодала, и особенно её злило, что Анна не прекращает попыток наладить личную жизнь. «На штаны меня променять хочешь?» – кричала девушка.

...Только Анна вышла из парилки, как к ней подошла дама. Сразу в лоб спросила на русском:

– Ну и что ты обо всём этом думаешь?

Секундное замешательство, и Анна сообразила, о чём речь.

– Почему я должна вам отвечать?

– Говори, а то я тебя сейчас... (женщина выругалась).

– Я полицию вызову, – твёрдо сказала Анна.

И баба в махровом полотенце, красная и потная, отступила, но стала орать про русских, про Путина. И настроение всё же испортила.

В другой раз пришлось увидеть, как украинка мечет йогурты в какого-то человека в магазине и орёт дурниной: «Чемодан-вокзал-Россия! Нечего тут русским делать! Мы победим Рашку! С лица земли сотрём! Украина понад усе, запомни!»

Самые конспирологические-преконспирологические теории в такие минуты овладевали Анной. За восемь лет она так и не поняла, что случилось с украинским народом. Русские вдруг увидели, как он заскакал и начал кричать, что москаляку на гиляку – ни с того ни с сего, при вполне себе независимой жизни после падения СССР, в течение 23 лет, когда «москаляка» не особенно даже и смотрел в их сторону, выбираясь из пропасти. И вот нате – на гиляку...

С чего украинцы обезумели? Многие тогда, в 2014-м, высказывали версию, что им что-то подсыпают в воду или распыляют в воздухе. Не мог весь народ вдруг измениться, будто бес в него вселился. Анна за три года до переворота побывала в Киеве – после многих лет жизни в Канаде. И всё на Украине было прекрасно – тепло и по-домашнему. Люди говорили по-русски. Про Путина – с уважением и завистью к россиянам. Про свою власть – без уважения, но и без ненависти. Вели себя так же, как омичи, новосибирцы или воронежцы.

Киев за годы независимости всеобщего благосостояния не достиг, было ощущение, что власть страны живёт сама по себе, а народ – сам по себе. Анну позабавило, как киевляне называли парадными подъезды, которые будто под бомбёжкой побывали. Там не только большими кусками отвалилась штукатурка, но и были даже большие дыры, будто в стену внутри подъезда попало ядро. И это ещё до майдана...

И всё же Украина жила мирной, спокойной, вполне сытой жизнью. С переворотом ничего не улучшилось, напротив – новые власти и их прихлебатели стали жить ещё роскошнее, а народ – погибать на войне, которую ему тут же устроили. Тьма же, как только овладевает какой страной, первым делом войну развязывает... В ней сплошные выгоды: и оружие новое опробовать, и ВПК заказы получает, и военные – опыт, и умирают не свои. А главное – погибают молодые мужчины – те, кто способен сопротивляться тихой иностранной оккупации. Остаются бабы, дети и старики. И делай что хошь – грабь, навязывай гей-парады, органы вынимай...

В фильме «Иван Васильевич меняет профессию» это наглядно показано – как два самозванца, усевшись на трон, сразу отправляют армию в поход, потому что боятся её.

У Анны в голове не укладывалось, как могли украинцы это всё принять. Ведь в то время, что она ходила по Киеву, разговаривала с самыми разными людьми, она увидела, что они простосердечны, добры, честны... Спросила на базаре цену на шапку вязаную, ей ответили, она пошла дальше с мыслью, что поищет цену пониже, а, если не найдёт, купит эту шапку – бабушке, которую встретила на углу и которая была в ноябре в тоненьком платочке («а у меня шапки нет»). Ничего лучше не нашла и вернулась к первой торговке, отсчитала озвученную сумму, купила. И когда пошла прочь, торговка

её окликнула: «Женщина, вернитесь. Я вообще-то дешевле эти шапки продаю». Анна вернулась, получила сдачу, удивилась.

Наш народ. Русский. Только окраинный. Жалко торговке стало Анну с больной девочкой – дочка Анны, несмотря на то что ей было тогда семь лет, сидела в коляске...

Анна пошла к бабушке, которая присела на углу улиц на лавочке и ела какую-то плюшку, вручила ей шапку и денег дала. Та не ожидала, не нашлась даже, что сказать. И Анна ушла, а, когда уже была далеко, оглянулась и увидела, что старушка стоит столбиком, прижав толстый, вязаный, мохеровый берет к груди, и смотрит ей вслед.

Потом в обувном отделе магазина девушка долго рылась в каких-то бумагах и таки нашла ей босоножки для дочки со скидкой, хотя Анна не просила. Анне поглянулись киевляне. Приехала в Канаду и хвасталась друзьям, что «дома побывала». Потому что тогда домом было всё – Москва ли, Киев ли, Минск ли...

Хозяин квартиры, которую она снимала в Киеве, тоже понравился. Светлоокий, с тонкими чертами лица, интеллигентный, молодой мужчина. Она позвонила, сказала, что не может открыть стиральную машину, а там бельё, и он тут же приехал, открыл и слова поперёк не сказал, что, мол, дура ты дура, включила бы мозги, так сама бы открыла. Она предложила возместить затраты на такси, он отказался. И ведь знал, что она из Канады, а не позарился.

Наши люди... Где он теперь, этот парень, неужто воюет? А может, давно в земле, может, его ещё в 2014-м призвали?

Горе, горе...

Так вот, не могла Анна понять, как жителей Украины сделали такими бесчувственными, злобными, зигующими, и предполагала, как и многие другие, что им что-то в воду подсыпают или распыляют в воздухе. Потом вспомнила, что есть у неё в Киеве знакомый, который за союз с Россией. Значит, всё же не подсыпают?.. Ну и если вспомнить бандеровщину, так она всегда на Украине была. Просто сейчас ей дали автомат и микрофон...

Зависть ещё сгубила, жадность. Уж как им вдруг захотелось в Европу... Так разожгли себя, что предали родного брата. За каинство Бог и карает. Целая страна, охваченная пороком, может быть наказана так же, как один человек. Рим был разрушен разворотом, Украина – завистью. Одним хотелось как в Европе, и они скакали, другие не вмешивались в происходящее – их хата с краю. В то время Анна и вдумалась впервые в эту поговорку. У русских же не говорят, что изба с краю. Нам до всего есть дело – до голодающих в Африке, до загнанных в резервации индейцев. Русская армия кому только ни помогла за свою историю – болгарам, сербам, сирийцам, армянам. Да что там говорить – не раз весь мир спасла. А на Украине – хата с краю. Донбасс бомбят, а в Киеве в барах пьют и пляшут...

Уже после пандемии пришло в голову, что, может, им, украинцам, прививки какие ставили, ещё до 2014 года? Под видом вакцинации от гриппа. И они теперь управляемы извне?

Дикая гипотеза? Смешно? Но Билл Гейтс придумал микрочип для аборта. Он вводится женщине под кожу, и извне ей можно сделать аборт. Некто нажимает кнопку, и в организм выливается вещество, которое убивает плод. Об этом написала «Нэшнл Пост». Да и другие СМИ сообщали. Вот скажите, зачем нужно такое изобретение? Для контроля за демографией, для наказания непослушного? Плохо работала, выступала против смены пола детям, вот тебе – не имеешь права родить.

А ведь так можно убивать не только плод, но и саму женщину, думала Анна. Зависит от вещества в микрочипе. А управлять человеком – чтобы скакал и чтобы поглупел, стал внушаем, разве нельзя?

В начале пандемии высмеивали мысль о том, что вакцины против ковида могут оказаться микрочипами. Анна же прочитала на правительственном монреальском сайте беседу с учёными. Беседа та должна была развенчать конспирологические теории, но только укрепила их. Учёных спросили, можно ли через иглу вставить микрочип. И те ответили, что не только можно, но это происходит сплошь и рядом: так чипируют животных и птиц и так вставляют чипы тем, кто хочет бесконтактно расплачиваться. Вот и думалось, глядя на скачущих украинцев: сами подпрыгивают или их извне заставляют? Арестович сказал, что у соотечественников порваны все нейросвязи. Это он образно выразился или что-то знает?

Надо расколдовывать Кая. А как его расколдуешь, коли он так и находится в чертогах Снежной Королевы, и сердце его стало льдом, и тебя ему показывают в блюдечке с голубой каёмочкой, приговаривая: «Вот сестра твоя Герда, она пришла убивать». Остаётся биться в эти чертоги на бронетранспор-

тёре, закидывать снарядами, взрывать их к едрене фене и рвать Кая из рук морозной стервы – пусть и с кровью, отрывая ему руки, ноги, потому что душу надо спасти. Душа – важнее.

Тревожилась Анна. С одной стороны, радостно, что Россия своей операцией положит конец войне на Донбассе и Украина снова будет наша – не только территориями, но и по духу (выбили раз бандеровщину и сейчас выбьем – как грязный половик), с другой стороны... А ведь получила Тьма то, что хотела, – гибнут молодые русские, молодые украинцы, всё те же самые силы, которые могли бы сопротивляться власти Зла. И если война затянется, то там и там останутся обширные территории с бабами, стариками и детьми. Крути их как хочешь, вытряхивай им карманы, захватывай земли, бури недра. Разделяй на множество мелких стран и властвуй.

Но разве есть у России другой выход, кроме как силой спасти и спастись? Нет, не оставили.

* * *

Русские в Канаде попритихли. Раньше можно было ходить с российскими флагами, с Путиным на майке, требовать, чтобы Канада не давала деньги на АТО, а сейчас не то. Из каждого утюга несётся про Украину, показывают разрушения, утверждая, что это русские наделали, беженцев интервьюируют, вызывая жалость в сердцах добрых в общем-то канадцев. Те искренне сочувствуют.

Но не все.

– Энн, ты давно была в России? – осторожно подбирается к теме канадская клиентка, Джоанна.

– Давно.

– Путин – хороший? – канадка смеётся, чтобы, если что, выставить вопрос шуткой.

Анна прямо смотрит в глаза и решает, что она имеет право на свои пристрастия. Будь что будет.

– Самый лучший, – сообщает.

– Так ты за него? – оживает Джоанна. – Мы тоже. Он борется с глобалистами! Его за это и ненавидят. На Украине множество биологических лабораторий! Мы очень на него надеемся, что он прекратит весь этот ужас с ковидом и вакцинацией. И ты знаешь, что он не даёт пропагандировать гомосексуализм перед детьми? Да!

Анна молчит, слушает.

– Как только Россия начала войну, по всему миру прекратилась пандемия! Отменяют запреты, и то, чего мы тут добивались «конвоями свободы», пришло к нам само собой! Благодаря России! Благослови её Бог!

Анна улыбается, надевает ботинки, а потом внезапно, поддавшись порыву, обнимает Джоанну. И та держит её в своих объятиях долго. И они понимают друг друга и любят друг друга, как две жертвы кораблекрушения, обнаружившие себя целыми и невредимыми на необитаемом острове. Обе они принимали участие в «конвоях свободы» в феврале – незадолго до российской военной операции.

«Конвои» начались, когда канадский народ, замученный карантинами, масконошением, увольнениями непривитых, дистанционным фиктивным обучением детей, а главное – принуждением и запугиванием с экранов, восстал и показал, что он не раб. Тысячи дальнбойщиков двинулись огромной колонной в Оттаву, чтобы встать перед парламентом и потребовать возвращения гражданских прав.

Ковида-то в Канаде почти не было, несмотря на печальную статистику. В 20-м году никто из знакомых Анны не болел. Это как так-то? В России, Китае, Индии, Иране – короче, в «оси зла», люди болеют и умирают, а тут божья благодать. Специально опросила знакомых в Фейсбуке (**признан экстремистской организацией*), есть ли у них кто-то, кто болен. Нашлось двое, кто знает таких людей. Из сотен фейсбучных друзей...

В 21-м, когда в страну завезли вакцины (то, что именовалось вакцинами), больные появились, но ковид был таким лёгким, что не требовал ни особого лечения, ни госпитализации. Анна с дочерью пережили его легко и даже не обращались к врачам. Выходило, будто кто-то выпустил лёгкий штамм, чтобы подтолкнуть народ к вакцинации.

К зиме 22-го миллионы осознали, что операция по их спасению от ковида полностью подтверждает конспирологические теории, но не знали, что делать в стране, где везде камеры и где ты весь в кредитах. Протестовать страшно, когда твоя компания закрылась навсегда после двухлетнего, с редкими перерывами, карантина и ты получаешь пособие от государства. Оно на долгий срок обеспечило покорность канадцев судьбе. Но к февралю 22-го его уже не платили, и народ, услышав, что тракеры идут на Оттаву требовать отмены антиковидных запретов, примкнул. Тысячи людей стояли вдоль

дорог, приветствуя дальнобойщиков, с плакатами, на которых нарисованы сердца, написаны проклятия в адрес власти и требования о возврате прав. А миллионы – в Канаде и США – скидывались на акцию. В итоге собрали больше 20 миллионов долларов.

– Я неожиданно стал канадским революционером, – рассказывал Анне русский дальнобойщик Сергей. – Мы ехали в столицу, чтобы качать свои, тракерские права, чтобы отменили обязательную вакцинацию для нас, но народ высыпал на дороги – с едой, с письмами детей, с такой оглушительной надеждой на спасение, будто мы армия. Невозможно было не поддаться, не встать уже за всех...

Пятидесятилетний мужик, он вытирал слёзы, вспоминая эти дни. Работу, к слову, потерял – компанию, в которой он работал, закрыли, но ни о чём не жалеет. «Я сказал семье, чтобы, когда умру, написали на памятнике: “Сергей Иванов, участник “Конвоев свободы– 2022”».

Конвои подавили. И сильные мира сего не были бы собой, если бы не отобрали те самые миллионы долларов. Лидеров мирного протеста отправили за решётку, ввели военное положение и дубинками разгоняли людей, и конями топтали. Счета замораживали, домашних питомцев участников протестов обещали усыпить. (На том основании, что, если владелец арестован, питомцу грозит голодная смерть.) В общем, показали всему миру североамериканское народовластие.

«Оно навсегда», – нагло улыбаясь, сказала с экрана одна высокопоставленная дама о военном положении, которое по закону вводится только в случае террористической, военной угрозы или стихийного бедствия. Но через три дня Оттаве пришлось его отменить. Анна не знала, почему. Подозревала, что посыпались банки, из которых испуганное население стало массово снимать большие суммы.

Канадцы до этого не были о себе высокого мнения. Они осознавали свою чрезмерную послушность, которая происходит вовсе не от глупости или трусости, а из-за упаханности. Большинство бизнесов в стране ведь частные. Конкуренция высока и жестока. Долгов у каждого – море. Кредитами элиты закабалют общество. Благами, роскошью – соблазняют. И вот набирает человек всего – дом покупает, машину, ездит в турпоездки, гардероб ломится от шмоток – тут ведь культ успеха, ты не должен отставать от других, клиентура разбежится, если увидят, что ты беден... А в итоге ты не можешь и слова молвить против сильных мира, так как если вылетишь с работы, чем платить за дом, еду, машину? Из дома банк выгоняет уже через два месяца неуплаты.

В России можно хоть в тайгу убежать и жить, как Агафья Лыкова. В Канаде найдут. С вертолётком. Потому что нечего на чужой земле проживать. Почти вся земля принадлежит королевской семье.

Страх и отчаяние охватили Канаду в два года пандемии. Не ковида боялись, а тех, кто от него «спасает»... По телевизору утром и вечером главный медицинский инспектор выступал(а). Не поймёшь, мужик ли, баба ли... И только плохое говорит.

«Я каждый день закроюсь в ванной и плачу», – сказала Анне знакомая американка.

– Не бойся, – утешала её русская. (Хотя и сама периодически ложилась на кровать и сворачивалась в позу эмбриона – тосковала.) – Всё будет хорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Мир не может быть завоёван, у него есть защитный механизм, иначе его давно уже кто-то захватил бы. Но это не получилось ни у Македонского, ни у Чингисхана, ни у Гитлера, ни у Наполеона. И у этих... не получится. Они не могут предусмотреть всё. Это раз. Второе – скоро придёт Герой.

– Какой герой? – удивилась американка.

– Обыкновенный. Он всегда приходит, когда народу тяжело. Ниоткуда. И спасает. Вот увидишь.

Американка засмеялась. Поверила. С такой убеждённой Анной говорила... А та просто хорошо знала русские сказки и понимала, что это не сказки вовсе, а хроники, изложенные в доступном необразованным крестьянам формате. И богатыри, которые спят тридцать лет, а потом являются и крушат Идолище Поганое, действительно были. И конечно, не спали они, а росли...

...Так вот, и иммигранты были о канадцах мнения невысокого, как о людях закабаленных, малочитающих и боящихся собственной тени, и сами они о себе такого же были мнения. А тут! Увидев, сколько их, недовольных, бесстрашных, стоящих на площади у парламента и обнимающихся друг с другом, требующих возвращения прав и реальной демократии, канадцы зауважали себя. А иммигранты – искренне, не напоказ, зауважали Канаду. До этого просто жили, питаюсь её благами и честно, в общем-то, работая, но не испытывая чувств. А тут увидели канадский народ. В буквальном смысле. Стоящий в пуховиках, шапках с помпонами, с плакатами на груди: «Я здесь, чтобы, когда внуки спросят, где я был в то время, я мог сказать, что сражался». С транспарантами «Невакцинированные –

это розовый сад», «Иммунитет – лучшая вакцина». Мальчик один стоял с транспарантом «Вырасту и стану тракером – чтобы спасти нашу страну». Вакцинированные тоже принимали участие. Они понимали, что сохранили работу, но им не дали выбора, заставили уколиться.

Анна плакала от восторга, и многие плакали и вытирали слёзы варежками, а тем, кто забыл варежки, незнакомые люди их давали, ибо запаслись, зная, что кто-то из единомышленников придёт без них. Это была атмосфера любви и единения, когда все – потомки шотландских и ирландских переселенцев, индейцы, китайцы, русские, украинцы, арабы и персы – чувствовали себя единым народом, над которым нависло Зло. В эти февральско-мартовские дни 2022 года они держали канадский флаг с красным кленовым листом с любовью. Правда, перевернутым, чтобы показать, что страна поставлена с ног на голову.

У Анны снова увлажнились глаза, когда узнала, что на мост «Амбассадор», связывающий Канаду и США, поддержать тракеров пришли ветераны разных войн. Водители перегородили дорогу в знак протеста против требования правительства, чтобы они все вакцинировались. Военные в парадных мундирах, с медалями, встали стеной, сцепившись локтями и закрывая собой от полиции колонну дальнобойщиков.

...После этих объятий у них с Джоанной стали совсем другие, почти сестринские отношения. Анна и так-то выкладывалась, занимаясь с её дочкой, а тут и вовсе превзошла самоё себя, и девочка отзывалась на эту заботу, быстро прогрессировала.

Героем же, о котором Анна говорила американке, оказался Путин. Неудивительно, конечно. Он уже спас Россию после девяностых. И Сирию – спас. Странно ли, что и сейчас на помощь испуганному человечеству снова пришёл русский офицер? Нет. Но Анна всё же не ожидала. Она думала, что история преподнесёт другую, новую персону, взявшуюся невесть откуда. Но нет. Бог возложил спасение мира на всё те же плечи. Кто везёт, тому подкладывают.

Если, конечно, всё это – вся мировая политическая канитель – не фарс, не шоу, и всё настоящее – и царь, и враги, и прочее. Потому что после шапито с пандемией, включая вакцинацию и в России, у миллионов зародилось чувство, что всё предопределено какой-то всемирной шайкой, которая лишь распределяет для стран роли. (Но об этом лучше не думать, а то можно совсем сойти с ума.)

В наше время, когда отовсюду на тебя идут информационные потоки и ты сомневаешься уже буквально во всех, главное, поняла Анна, – прислушиваться к интуиции. Иногда человеку не остаётся ничего, кроме как просто верить тем, кого он всегда любил... Дай бог, они всё те же...

* * *

Это был выходной. Один-единственный в неделю. Светлое Христово Воскресенье. Днём Анна с дочкой жарила барбекю на фронтъярде – участке земли с ровно подстриженной травкой перед домом. Вечером у неё было назначено свидание. На сайте для знакомств познакомилась с импозантным мужчиной – немолодым, но и она не девочка – сорок лет.

Любви хотелось. Заботы тоже. А то одно сплошное преодоление. То английский учила, то в колледже грызла гранит науки на этом языке, потом искала работу, а в Канаде без опыта не хотят принимать... Пришлось поработать бесплатно, волонтером, за рекомендации. Потом доказывала работодателю свой профессионализм. И вот каждый день пашет, и дочь поддерживает – морально, физически (девочке тяжело что-то делать, потому Анна и готовит, и убирает, и стирает). Так ещё и прибавилась военная операция и связанные с ней переживания за наших там и за себя здесь, ибо на русскую речь стали оборачиваться.

Анна всё ещё мечтала о любви. Она смотрела на себя в зеркало и видела очень красивую женщину. Высокую, стройную, с длинными, тёмными, густыми, чуть вьющимися волосами. У неё большие глаза и полные губы, тонкий нос, высокие скулы. На вид ей не больше тридцати. Её и дочь принимают за сестёр. Однако она одна. На личную жизнь не хватает времени. Единственный выходной нужно отдавать дочери. Ну и настирать, наготовить на неделю.

Хорошо буржуи устроили свой мир – загрузили людей так, что тем некогда не то что революции делать, а даже просто продумать, что их не устраивает, изучить вопрос. Хочется просто лежать. Раскинуться по кровати морской звездой и закрыть глаза, спать.

...Анна и дочь вытащили барбекюшницу на фронтъярд и жарят мясо. А почти над ней, над барбекюшницей, которая стоит у забора, нависает балкон соседки. Римма – эмигрантка с Украины, живёт

в Канаде давно. В прошлом, 21-м году, они с Анной были в хороших отношениях, и Римма спросила, можно ли ей загорать на Аннином участке. Ибо у Риммы была квартира, а не дом. Тоже субсидированная (это жильё для малоимущих, вполне приличное, но гораздо дешевле), но без земельного участка. Анна разрешила, и украинка провела лето на её газоне. А потом, через полгода, вдруг взяла да настучала в менеджмент, что у Анны дома есть стиральная машина. А это запрещено. Владельцы субсидированного жилья не должны иметь дома стиралок, ибо они жрут электроэнергию. Есть общая прачечная, где в ряд стоит несколько машинок, и туда, засовывая за каждый час по доллару, нужно бросать одежду и стирать.

Анна вначале так и делала, пока не заметила, что соседская семья из Нигерии стирает там кроссовки. Потом увидела дряхлых стариков в памперсах (они при ней покупали их в аптеке напротив), стирающих там своё бельё, и по природе своей брезгливая, женщина больше не смогла опускать в машинку свои нежные трусики и кружевные лифчики. Купила машинку и спрятала в ванной, накрыв клеёнкой.

Римму она домой приглашала, чаем поила, и та, разумеется, знала о машинке. И вот настучала. Ни с того ни с сего. Анна перестала с ней здороваться. Главное, что у Риммы тоже была дома стиральная машина, но Анна решила не доносить в ответ. Боялась, что та разозлится и будет ещё больше гадить. Машину, например, расцарапает или колёса будет протыкать. Анне уже не раз царапали машину и протыкали колёса в 2014–2015 годах, когда она прикрепила под лобовым стеклом Георгиевскую ленточку. Однажды даже дерьмо положили на капот.

И соседка, ощутив безнаказанность, сорвалась в пике. Неистовствовала. Видя, что Анна и дочь дома и у них открыто окно, она садилась за столик на балконе и нарочито громко говорила неизвестно с кем. Доносилось: «Сука из Сибири... Две б... мамаша и дочка... Да я их раз... в один момент... Для них уже могила вырыта... Чмо россиянокое». Тут и дошло, отчего взбесилась соседка. Из-за военной операции.

Анна терпела. Приходила домой, и дочка сообщала ей, что Римма снова материлась, включала громко музыку, кричала, что она «депортирует этих томских шалав», «нечего им делать в нашей Канаде». И вот, когда мясо жарилось и мать с дочерью зашли в дом, чтобы приготовить салат, соседка начала мести на балконе. Размашисто. Пыль пополетела на мясо. Анна побежала спасать еду, а дочка стала снимать действие. Соседку с веником над мясом...

Дома Анна плакала. Устала. От всего. От больных детей на работе и дома, от жизни на чужбине. Ей бы хотелось жить в Петербурге, всегда мечтала, но тут у неё есть дешёвое жильё от государства и работа, а там ни жилья, ни денег, чтобы его купить. Опять же, тут дочери платят пособие по инвалидности, а там, Анна проверяла, это заболевание не входит в число тех, по которым дают инвалидность. Анна плакала и потому, что у неё всю жизнь нет надёжного плеча рядом. Её красота ещё держится, но скоро увянет, славянки стареют как-то враз. Это по китаянкам не поймёшь, сколько им лет.

А нет времени искать мужчину даже просто для секса. И совершенно непонятно, где заниматься этим самым сексом – к взрослой дочери в дом не приведёшь, тем более что у неё из-за болезни нет личной жизни, к любовнику пойти – значит, оставить девочку, которая и так всю неделю дома одна, и в единственный мамин выходной в одиночестве. Замкнутый круг.

И всё же вечером она отправилась на свидание к тому самому, импозантному. Выглядела дивно: голубое платье (в Канаде женщины редко носят платья, потому эта одежда производит самое благоприятное впечатление на местных мужчин), умело уложенные феном волосы, благородный, неброский, в пастельных тонах макияж.

* * *

Пока ехала к месту встречи – скамейке в парке, вспоминались другие мужчины с сайта для знакомств. На неё, сорокалетнюю, клевали в основном кавалеры шестидесяти лет. Жадные, а потому никому не нужные.

В России мужчины одиноки чаще всего оттого, что гуляли напропалую и жена не выдержала. Или пили. В Канаде другое. Жадны. Скрупулёзно всё считают. Нередко воспитывают детей в одиночку. Это означает, что персонаж много зарабатывает, не хочет платить большие алименты, понимает, что они и на бывшую жену будут уходить, и отсуживает дитя. Тогда не только алименты не надо платить, но ещё и с жены их можно брать. И вот она встречалась с одним, с другим, и, хотя некоторое время

закрывала глаза на жадность, потом не выдерживала. Ну ты хоть на День влюблённых цветы-то купи! Нет, в любви клянутся, а спать с ней хотят даже не за еду в ресторане, а за собственного приготовления еду. «Я так делаю спагетти!» Макароны он ей сварит... И это при зарплате в 15 000 долларов в месяц, что и по канадским стандартам очень высокий доход. Был у неё один такой менеджер в любовниках. Итальянец. В уши заливал – заслушаешься. Но на праздники старался пропасть, чтобы не тратиться, а когда она спросила, неужели нельзя было хоть букет с тортом купить, сказал: «Ты корыстная. Без штанов меня хочешь оставить?» Она удивилась, что в английском языке тоже оставить ни с чем – это оставить без штанов.

Бросила его. Хотя сердцем прикипела. Точнее, телом. С голодухи-то прикипаешь к любому симпатичному, стройному и неглупому мужчине. С итальянцем можно было поговорить об искусстве, книгах. А ей всегда этого хотелось. Но на День влюблённых, пребывая с ней в своей спальне, он вдруг вытащил из ящика шкафа искусственные члены. Голубой и розовый. В разорванной упаковке. И сказал, что купил это ей в подарок.

Анна некое время молчала, с ужасом взирая. Она – учительница, а что ни говори, профессия накладывает отпечаток. Её мама – тоже учительница. У неё в роду 25 учителей.

Спросила:

– А почему упаковка разорвана? Может, это осталось от твоей бывшей герлфренд?

– Нет, это я разорвал, чтобы посмотреть.

Анна не поверила и даже в руки брать отказалась.

В гардеробной у него было 150 пиджаков. Он сам сказал и показал. И море обуви. Он любил наряжаться. Итальянцы – народ, ценящий красоту.

Получив в подарок члены, Анна задумалась, есть ли жизнь на Марсе. Есть ли любовь в Канаде и порядочные мужчины. Она стала назначать свидания русским интернет-ухажёрам, но и тут потерпела фиаско. Наши приходили на свидание в затрапезном виде и всё ныли, ныли... Что жена бросила, что все женщины корыстные, что начальник дурак и не ценит. Анна заметила, что иностранцы обычно перед женщиной распушают хвост и лгут об успехах, преувеличивают их. Особенно люди с Ближнего Востока – те просто факиры. Наши же, наоборот, жалуются. Потому что первые видят в женщине самку, добычу, которую надо ухватить, и желательно бесплатно, за рассказни, а наши в ней видят маму. «Вот по тебе видно, что ты душевная женщина», – так они начинают и изливают накопившуюся боль, после чего Анне уже ни любви не хочется, ни секса.

...И вот она едет к мужчине, которому под шестьдесят, но на фото он модный, в кожаном прикиде, с профессионально подстриженной бородкой, современной причёской (волосы на месте!), и с которым она по Интернету даже поговорила о Достоевском. Это сильно прибавило ему привлекательности.

– Зачем тебе эти нерусские? – возмутилась как-то её знакомая Мила, иммигрантка из Одессы. – Выпиши себе из России мужика!

– Он же будет без вида на жительство. Сначала надо сделать ему документы – это морока и деньги, у меня лишних нет. Потом ждать, пока он выучится в колледже, содержать, потом его без опыта не будут брать на работу. Короче, несколько лет нянчить.

– Да ну! Выходишь замуж, привозишь и бросаешь на стройку. Какой колледж? Пусть руками работает, там заработки хорошие и есть и второй плюс – ты его почти не будешь видеть. Будет вечером приходить, валиться в постель и засыпать. Утром рано уходить. И отдавать тебе всю зарплату. Я так сделала, красота!

У Милы были нестандартные советы на все случаи жизни.

– Какая ты дура! – ласково говорила она. – Зачем ты работаешь? Сделай себе справку о шизофрении и получай пособие.

– Но я не больна.

– В том-то и дело, что, если справка о болезни сердца или почек, тут тебя поймают, анализы покажут, что у тебя всё в порядке. А шизофрения такое дело, что никогда не докажут, что у тебя её нет...

Мила хохочет.

– Вот я сделала себе и дочери, и имеем два пособия. Тебе телефон доктора Левина дать? За пять тысяч долларов он тебе нарисует.

Анна не знает, что ответить, и Мила понимает это по-своему.

– Дорого, конечно, собака, берёт, но это же кусок хлеба на всю жизнь. Мы теперь с дочей отдыхаем, гуляем везде, общественной деятельностью занимаемся.

Общественная деятельность Милы заключается в том, что она периодически кого-то судит. На деньги. Сейчас она судила своего стоматолога. До этого она «поскользнулась в супермаркете» и судила супермаркет. Что-то получила. Она также подала иск против мэрии. Анна не вникала, в чём суть, но поняла, что Мила требует с них каких-то дополнительных выплат инвалидам и что Мила кричала в мэрии, а, когда пришла полиция, она помахала перед ними справкой, и те удалились несолоно хлебавши.

– Знаешь, а в России у нас не получилось инвалидность получить, – доверительно пожаловалась она. – Мы хотели, но там столько бумаг требуют! Не прорвёшься сквозь их бюрократию.

И Анна порадовалась за Россию.

* * *

Новый знакомец оказался португальцем, которого привезли в Канаду в пять лет. Встретиться он предложил в парке на скамейке. Анна думала, что он приедет на машине, она в неё сядет, и они поедут в какую-нибудь кофейню. Но он приехал на велосипеде. Что означало: никуда он ехать не собирался, даже на её автомобиле, ибо как оставишь велосипед?

Вида он оказался потрёпанного. Старый, лысый. Седая борода, как на снимке, – присутствовала. А более ничего не совпадало. Одет был в клетчатую фермерскую рубашу, старые джинсы и грязные ботинки. Объяснил, что машина у него есть, но на велике удобнее – не надо платить за парковку.

Не зная, о чём говорить, Анна заговорила про сауну, в которой побывала недавно. Сказала, что очень любит русскую баню. Он спросил: «Как в ГУЛАГе?» И засмеялся. Она заговорила с ним про кино, книги, искусство. Он три раза широко зевнул. Сказал, что любит русское искусство, что даже похож на русских, только не алкоголик. И снова засмеялся своей шутке. Поведал о бывшей жене, с которой у него был общий бизнес. Разведясь, они его продали, а деньги поделили. Сейчас он живёт на эти средства. Денег хватает, чтобы не работать и путешествовать. Есть двое детей. Учатся в частной школе.

Сказал это самодовольно. Добавил, что было у него с женой ещё двое собак. Они и их поделили, но теперь ему собака мешает, потому что хочется путешествовать, а как её оставишь? Он собирается сдать её в приют.

«Гнида», – подумала Анна, соображая, как расстаться прямо сейчас.

А у португальца вдруг развязался язык. Он пригласил в артгалерею, куда ему подарили абонемент, то есть это будет для них бесплатно.

«Кажется, дождь начинается», – сообщила Анна голосом Пятачка и обрадовалась, что можно уйти. Встала и почти убежала.

Бежала к машине и думала, что вот кому не суждено, тому не встретится, как ни трепыхайся, а нормальных мужиков нет, и, как встречают хороших мужей другие женщины – непонятно, или у них тоже такие нелепые мужчины, но женщины это скрывают? А может быть, это с ней что-то не так? Но как не так-то, если к ней изначально, ещё не зная её, на велике и в грязных ботинках приезжают?

* * *

Утром на пороге лежала куча. Над ней вились мухи. Анна могла бы подумать, что это енот нагадил – они тут, в Канаде, везде. Лазят по мусоркам, бегают по участкам. Фекалии у них на вид как человеческие. Но куча лежала по центру – так, чтобы человек вышел из Анниного дома и сразу наступил. Более того, в крышке от торта «Киевский».

Анна стояла над ней и думала, что делать. С дерьмом и с соседкой, которая его подложила. За спиной появилась дочь, вскрикнула, потом бросилась снимать. Она соображала быстрее: «Вызываем менеджмент!»

Анна растерянно смотрела на неё, потом пошла, надела резиновые перчатки, вернулась чтобы убрать украинский подарок. Вид у неё был совершенно потерянный.

Дочь, выросшая в Канаде, вызвала полицию и на хорошем английском рассказала сначала полиции, а потом и по телефону руководителю офиса субсидированного жилья всё, что происходило в последние месяцы, послала видеозаписи. Она говорила, правильно расставляя акценты. О том,

что соседка шумит, харассает («харассмент» – это как сексуальное домогательство, так и просто травля), занимается буллингом (дразнит, оскорбляет), и необходимо принять срочные меры, так как «эта женщина небезопасна».

– Вам угрожали убийством? – спросили полицейские.

– Да, сказала, что уже и могилы для нас вырыты.

Анна сидела на краешке дивана, застыв, и наблюдала за ней. Она враз устала и чувствовала тяжесть во всём теле. А ей ведь ещё на работу... К мальчику из Сомали, который похож на паука. У него большая гидроцефальная голова и тоненькие, длинные ручки и ножки. Он чёрный и весь в соплях. Он хватается её этими ручками, с высохшими соплями, и обнимает. А она обнимает его в ответ – ребёнок есть ребёнок. И он ведёт себя лучше после того, как его приласкали.

Хочется спать. Вчера до трёх ночи соседка орала на балконе, у неё громко играла музыка, были гости, и снова слышалось про «русских чмырих», и «они пожалеют, что на свет родились», «пусть в Кремль жалуются».

Полицейские, выслушав дочку Анны, пошли к соседке. Не достучались. Пообещали снова прийти. Успокоили. В течение дня Анна работала и позванивала домой. Выяснилось, что стражи порядка опросили соседей, и те подтвердили, что Римма шумит, скандалит. Потом пришёл представитель менеджмента, ему виновница торжества открыла. И какой там был разговор, доподлинно неизвестно, но человек из менеджмента постучался потом в дом Анны и заверил её, что соседка больше никогда не будет докучать, что ей объяснено про грозящее ей выселение.

Потом к Римме пришла полиция и всё-таки встретилась с ней, и хоть и не отчиталась перед Анной, но с тех пор соседка стала тише воды, ниже травы. На балкон она уже почти не выходила, по телефону говорила тихо, гости к ней продолжали ходить, но это было видно только по теням, передвигающимся за занавесками.

* * *

– Давай вернёмся домой, в Россию? – в который раз предлагала Анна дочери.

– Ну ты же сама говорила, что у меня там инвалидности не будет, а работать я не могу. Не хочу висеть на твоей шее. И жилья у нас там нет. Привезла меня сюда, так терпи.

– Я хотела как лучше. В 90-е было очень тяжело. Я думала о твоём будущем.

– Мне тут только хуже стало. Потому что тут стрессовая жизнь. Я смотрела на тебя и становилась такой же несчастной. Это ты во всём виновата.

– Я, – соглашается Анна. – Тут, может быть, даже не в Канаде дело. Везде сейчас жить тяжело, ты заметила? У нас в советское время как-то всё было просто и понятно. И не надо было постоянно против чего-то сражаться. А тут преодолеваешь, преодолеваешь... И враждебно всё так стало, чувствуешь?

Подумала и добавила:

– Если Третья мировая, нас тут могут в лагерь упечь.

– Да ну!

– Что «да ну»? Украинцев местных в Первую мировую упекли. В неотапливаемые бараки в Альберте. За то, что у них паспорта Австро-Венгрии. А во Вторую мировую посадили в лагерь уже японцев, даже которые здесь родились.

– Сейчас – это не тогда. Другой век.

– Времена всегда одни и те же. Нас, русских, всех упекут в лагерь, – настаивала Анна, сама в это не очень веря. – И там навакцинируют так, что будем как зомби ходить, вытянув вперёд руки.

Усмехнулась, представив.

– А как всё-таки хорошо, что сняли запреты на перелёты для невакцинированных! – порадовалась. – Как страшно было, что мы, даже если захотим, не сможем домой убежать.

В Канаде в октябре 21-го ввели запрет для невакцинированных на перелёты и поездки на поезде. Даже по стране. Таким образом уволенные с работы и выкинутые из вузов иммигранты даже не могли уехать к себе на родину. Оказались заперты в Канаде на неопределённое время, как в мышеловке. Было страшно. Ходили разговоры, что непривитых не будут пускать в магазины, и в некоторые торговые сети действительно перестали пускать. Анна, как и многие другие, затарилась консервами и макаронами. Но было тревожно. Еда же когда-то кончается...

Все ждали, когда снимут запреты. Но сняли только после того, как Путин объявил СВО и посыпалась глобалистская затея с ковидом.

Анну не смешило слово «масоны». Она не то что верила в их существование, а точно знала, что они есть. В Канаде их храмов понатыкано немало. С замазанными оконными проёмами. Вроде как окно, но заложено кирпичами. «Масоны – как жопа, – смеялась она. – Слово есть, а их нет?»

* * *

В следующий выходной Анна никуда не пошла. Ни на свидание, ни в магазин – есть ещё запасы консервов и макарон, надо съесть, а на ужин она пойдёт с дочкой в ресторан – они так долго были закрыты в карантин, что теперь нужно непременно сходить. И вообще, надо ходить везде, наслаждаться, потому что, как показали последние два года, это всё могут отобрать. Надо успевать жить, пока не новое зараза-шоу и не война.

А пока Анна решила полежать на диване и ни о чём не думать. И новостей не читать. Но не утерпела, взяла в руки англоязычную газету и прочитала на первой странице, что в Канаде невакцинированные – на стороне России. Это показали опросы.

Она глубоко вздохнула, улыбнулась и, оборотив лицо к иконе, попросила:

«Господи, помоги нам всем!

Пусть русских погибнет как можно меньше.

И украинцев – как можно меньше. И пусть они прозреют!

Пусть сгинет Тьма.

Пусть у России всё будет хорошо.

И Канада пусть снова станет свободной!

Пусть всегда будет солнце, Господи!»

Поэзия

Александр Орлов

Александр Орлов – поэт, прозаик, историк. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 534. Автор шести стихотворных книг, трёх книг малой прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси». Публиковался в широком круге изданий: «Берега», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наши современники», «Нижний Новгород», «Подъём», «Под часами», «Север», «Сибирь», «Сибирские огни», «Сура», «Юность» и др. Стихи переведены на болгарский, испанский, итальянский, сербский, якутский языки. Лауреат множества всероссийских премий. Директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Живёт в Москве.

* * *

Проплыло солнце вдоль калитки,
Но не зайдут на чай ко мне
Ни дед, вернувшийся с отсидки,
Ни прадед, павший на войне.

Я выпью, закурю спросонок,
Перекрещусь на купола,
Пойду к одной из разведёнок,
Искать прощального тепла.

И будут пристально и колко
Смотреть два берега реки,
И в тихий омут втянет Волга
Измены, сплетни и долги.

И, прочитав юдолям строчки,
Найду в безбожный век возврат,
Где в детских снах приходит к дочке
Пропавший без вести солдат.

* * *

Кто справа был, а кто был слева –
Сейчас уже не вспомнить мне, –
Когда в окопной тишине
В лесах, израненных у Ржева,
Мы тосковали о войне.

Себя в атаках представляя,
Земли вскрывая бурый пласт,
Мы верили: нас не предаст
Погибших слава фронтовая,
Войны и мира в ней контраст.

Мы собиратели мощей,
Искатели нетленной плоти,
В обратном временном отсчёте,
По росной глубине полей,
Идём вослед бессмертной роте.

БОГАЧКА

При ней без спроса не взлетает муха,
Ко всем она всегда была строга.
А что ей скажешь? Бабка-добытуха
Любому даст отхожего пинка.

Не привыкать ей первой из торговок
Всем, что попало, торговать с утра,
Она эксперт клеймён и маркировок
И на ответ, как лезвие, остра.

Она живёт одна, всегда в достатке,
Считает важно сальные хрусты.
Священник ходит к ней, соседские солдатки
Взаимы берут из горькой нищеты.

Заёмщики не ведают отказа,
Не требует она с беды оплат,
Пусть у неё и не хватает глаза
И круг лица давно одутловат,

Она дитя войны и раскулачки,
Ей снятся опера и немчура,
И к ней одной, уродливой богачке,
Идут всё так же в поисках добра.

* * *

Не меркнет жизнь в размеренном порядке,
Ей другом стал на все года рассвет.
Она погладит брюхо свиноматке,
Расскажет ей о веренице бед.

В колени ей уткнутся поросята,
И прохрипит в углу болящий хряк.
Покажется, что жизни свет иссяк,
А молода она была когда-то.

Она дитя старороссийской тверди,
Её молитвы, словно Божий хлыст,
От них бегут в леса в трясучке черти,
И домовый, и банный, и гэбист.

Она для всех былинная загадка.
Её за строгость любят киржаки,
Она живёт всем бедам вопреки,
Ударница, вдова, старообрядка.

* * *

Василию Килякову

В баню позвал механик,
И мы, бутылъ прихватив,
Зашли болтая в предбанник
Под шутки соседских фиф.

Ввалились гурьбой в парилку,
И жаром встретила печь,
Катился пот по затылку,
Желавший меня обжечь.

Жгло уши на верхней шконке,
Хозяйничала полутьма,
И банщик стоял в сторонке,
Увидел я след клейма.

Заика, хромец, невольник,
Поведай про лагерь!
Под горькую и рассольник,
Пока отмирает заря.

БАБЬЕ ГОРЕ

В ночь я сбился с пути
И зашёл в крайний дом,
Запах мёда, кутьи
Расползается в нём.

И старушка Яга
Накрывает на стол,
Говорит: «Ходока
Господь Бог, знать, привёл.
Что стоишь, иль не рад,
Что попал на помин?
Это древний обряд,
Ты сворачивай блин,
Помяни горькой всех,
Не забудь и своих,
Пей до дна, то не грех.
Ты остался в живых
И поэтому знай:
За тобой есть должок,
Да ещё выпивай,
Ты не свалишься с ног.
А должок твой таков:
Вплоть до Судного дня
Поминай мертвецов,
В сердце лица храня,
Сток прошлого вкус,
Только это твой крест.
Вижу я: ты не трус.
Если вдруг надоест,
Приходи ещё раз,
Призову вековух,
Чтоб ты слышал их сказ
И твой взгляд не потух,
Чтоб ты понял, внучок,
Что такое война,
Сердце слёзно прожёт
Бабьим горем сполна,
Чтобы тысячи звёзд
Твой забрали покой,
Чтоб ты встал в полный рост
С неушедшей войной.
Чтоб на ней ты пропал,
Скрылся, сгинул, погиб,
И у всех, кто так ждал,
Голос мигом охрип,
Чтобы годы прошли
И ко мне на помин
Не пришёл весь в пыли
Нерождённый твой сын».
Я сидел и молчал,
Покидал меня хмель.
Я пошёл на прогал,
Прямо в звёздный тоннель.
И встречали меня,
Говоря о войне,
Стражи Судного дня
В солнцеликом огне.

БАБУШКА

*Детям войны и моей бабушке
Тамаре Фёдоровне Востриковой
посвящается*

I

Знаешь, Саша, из вонючей гнили
Выбирала в стужу я крахмал,
Пальцы мои мёрзли, стыли, ныли,
И солдат с винтовкой нас гонял.

А потом пекли весь день лепёшки,
«Тырганцы» – война их прозвала,
Доедали до последней крошки
И молились, опасаясь зла.

Летом добавлялась к ним крапива,
В дело шли и ряска, и ботва.
Никогда я не была труслива,
Может быть, поэтому жива.

Клюкву собирала по трясинам
Среди жаб, медянок и гадюк,
Ездила тайком в Москву за джином,
А потом сбывала его с рук.

Воинам я стирала гимнастёрки,
Шаровары, нижнее бельё.
С мамой мы делили всё до корки –
Не по нам унынье и нытьё.

В десять лет мы были крепколобы –
Помню я о каждом трудовне.
Рыли и траншеи, и окопы,
И осколок «юнкерса» во мне.

II

Штрифель, розмарин, анис, грушовка –
Всё у нас в то леторосло.
Позабылись фронт и голодовка,
Солнце, правда, грело, как назло.

Сливы, земляника, черноплодка...
Если бы ты видел, как цвели!
Тяжелела мамина походка,
Не забыть лицо её в пыли.

Напролёт работали мы сутки,
Долго ждали с Волги сквозняка,
И у мамы отнялась рука,
Но цвели тюльпаны, незабудки,

Розы красовались, маргаритки –
Мама вслух читала им канон,
Прятала Евангелие в накидке –
Той ещё, с романовских времён.

Мы с молитвами копали ямы,
Я пилила и строгала тёс.
Только вот глаза у милой мамы
Часто были красными от слёз.

Память всё давала волю нервам,
Снились ей безвестные полки:
Рыбинцы, тверчане, кимряки,
Мой отец, ушедший в сорок первом.

III

Я трудилась, как анахоретка,
Не по нраву был тягучий сон,
Позади ремесленного – звон,
Позади война и семилетка.

Помню заводские перегрузки,
Наше комсомольское «даёшь!»,
Лучше всех строчила я союзки,
А покой не ставила ни в грош.

Счастьем нашим было – жить по плану,
Избегая склизкой болтовни,
Помнить никогда не перестану
Клапана, оборки и ремни...

Дом наш уцелел, а из барачков
Переехал без обеих ног
Бывший ворошиловский стрелок,
Строгий постник, кроткий дядя Яков.

После Курска, после трёх ранений
Никому не нужен был юрод,
И жена, без лишних объяснений,
Распросив детей, взяла развод.

К нам в семью он въехал на каталке,
Мы решили: с Богом проживём!
Стало веселее жить втроём,
Мы же люди сталинской закалки.

Поэзия

Сергей Пахомов

Сергей Станиславович Пахомов – поэт. Родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Нева», «День и ночь», «Сибирские огни», «Север», «Лад вологодский», «Волга», «Плавающий мост», «Литературный Иерусалим» и др. Живёт в деревне Мерёжа Вологодской области. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Поэзия». pakhomov-2010@yandex.ru

СНЕГА

* * *

Спросите французов у Березины:
Чьи правнуки видят озябшие сны?
Татар, лошадей направляющих вброд,
О том, как вода превращается в лёд.
Узнайте у немцев о звёздных ночах,
Когда Сталинград застывает в очах,
У них же – об озере чудном Чудском,
У шведов спросите о давнем былом.
Но чтобы всю правду узнать о зиме,
У русских проведайте о Колыме.

* * *

Я бы зашёл на чай к соседу,
Да не видать ни зги во мгле.
От веток, вывихнутых ветром,
Кровопо́дтёки на стекле.
То смутно поутру, то ясно,
То очевидней, то черней
Дорога, над которой ястреб
Кружит, отбрасывая тень.
Минуты колкие пригорки,
Луны отчаявшийся свет
Скользит по притолоке, полкам,
По чайнику, где чая нет.
Я расплету судьбы поводья
И побреду луне вослед,
Чтоб там потом, в её угожьях,
Бог мой заметил силуэт.

* * *

Как вероломная солома,
Хрустит позёмка под ногой.
Горят огни родного дома,
Висит звезда над головой...

Околеваает на морозе
Детьми забытый снеговик.
Я, повернув у старых сосен,
Раскрытых, как страницы книг,
В избу вхожу, в которой мама
Давно справляется одна
С водой колодезной – той самой,
Что так упрямо холодна.

* * *

Клён-кленёночек дрожит во сыром саду,
Время тихое шуршит, как метель по льду.

Не пробраться за водой: снегу намело.
Окаянную травой заросло стекло.

Смерть в оконце постучит зимним вечерком,
Приласкает, пожурит, окрестясь тайком...

Не дозволю никому заодно тужить:
Человеку одному легче смерть прожить.

* * *

Снега разбега́лись по кругу,
Пробитые ветром насквозь...
Полярную чёрную вьюгу
И мне пережить довелось.

Скрипели, в снегу по колено,
Деревья, дрожали дома...
Мой слух проникал постепенно
За грань, где цвела кутерьма.

От пола до самого потолка
Тряслась и скрипела душа.
Темнела часов позолота,
Где время укрылось дрожа...
Но, вздыбившись холкой собачьей
Оглохшего насмерть села,
Природа, как мелочь на сдачу,
Наутро покой отдала.

* * *

Грустно,
Грустно, что редкие листья
Улеглись в непролазную грязь, –
По ухабам разъезженных истин
Не пройти, ничего не боясь.
Грустно, что
На случайных прохожих
Леденящая жуткая мгла
Сыплет снег, словно молью рогожу
Жжёт оборки слепого села.
Страшно мне
За родные просторы,
За покрытые льдом родники...
Страшно даже за месяц, который
Пробивается к пойме реки.

* * *

Стога, нахохлившись от стужи,
Тянулись к дыму деревень,
Дрова потрескивали, лужи,
Знобило вишню и плетень.

Старик, закуривая, чиркнул
По льду тележным колесом
И на подворье въехал чинно,
Гремя слежавшимся овсом.

Я постоял. Дышать морозно...
Сквозь полночь, как сквозь полотно,
Прозрев, просвечивали звёзды –
Сквозь наши души заодно.

СНЕГ ИДЁТ

Снег идёт беспробудный,
Оловянный, слепой,
И поэтому трудно
Мне уехать домой.

Ты всё думаешь, будто
Я останусь, но нет:
Слишком хмурое утро
Цедит призрачный свет,
Слишком долгая скука,
И горчат кулички,
И продрогшая сука
Завывает в ночи...
Неопрятный и блёклый,
Целый день напролёт
Снег наотмашь по окнам
От отчаянья бьёт.

ПРОРУБЬ

Снег выпал. Неизбежная потеря
Багряных листьев осенью – пустяк:
Не огорчают голые деревья
И пугала заношенный пиджак.
По скользкому обрывистому склону
Спускаюсь за студёною водой.
Как радостно, что проруби икона
Под вечер освещается луной!
Расходится кругами по «иконе»
Вода, как свет по Божьему челу.
Когда ведёрко медленно утонет,
Господь рассеет призрачную мглу.
Мы часто так общаемся. «Скучал ли
Он обо мне, когда в глухой мороз
Исчезла прорубь?» – думаю за чаем
В туманном ореоле папирос.

ЗАНЯТНОЕ ЧТИВО

Сегодня читается снег на дворе:
Бродила собака (лежит в конуре),
Сугроб вышит крестиком – стая ворон
Клевала объедки, что выкинул вон
Сосед из окна. Вензеля, вензеля...
Не хуже, чем пишет новеллы Золя.
Штрихи от иголок, покинувших ель,
И бурые капли – мной выпитый эль;
У верб за воротами рыльца в пуху –
Наведалась в гости лиса к петуху;
Петляет лыжня (желоба глубоки) –
С уловом рыбак возвратился с реки.
Занятное чтиво – отметил давно:
Смешное, серьёзное, грустное... Но!
Метель налетает – метель без границ!
И жизнь начинается с чистых страниц.

МЕТЕЛЬ

Ни дня, ни ночи нет, ни дна.
Метелью в очи. Глубина
Окна столь пристальна...

В ней утопает свет лампад,
В ней остывает синий сад,
В ней звёзды выстрелом.

Ни тьмы, ни света – ничего.
Метель – как все на одного
Из-за сударушки.

Не виден путь – всё снег да снег.
Там кто на поле? Человек?
Что в небо за уши!

В такую жуть, в такую мглу
Ему бы выбраться к теплу –
Метель неистова.

И впились взглядом в образа
Мои бессонные глаза –
С надеждой присною.

ЖЁРНОВ

Саднит приговорённое желтеть,
Сквозь рубище проглядывают мощи,
Стоит понуро выцветший на треть
Сохатый бор, и сиротливы рощи.
Моя земля не может умереть,
И деревце, залапанное снегом,
Дыханием пытается согреть
Крестьянином забытую телегу.
На самом дне простуженной реки
Дневные звёзды стучаются лбами,
И рыбы, словно к вымени телки,
К ним тянутся прохладными губами.
Когда хрустит пороша у ворот
И мир вокруг туманами подёрнут,
Планета совершает оборот –
Как будто поворачивают жёрнов.

ПОД ТЯЖЕСТЬЮ СНЕГОВ

Мне видятся столбы во фрунт
к ночной дороге.

Простуженно гудят стальные провода.
Смятение листвы, едва унёсшей ноги
Неведомо зачем, но ведомо куда.
Проточная луна дырою на просвире –
Неведомо зачем, но ведомо когда...
Душа моя – мишень,

простреленная в тире,
Речная полынья, где плещется звезда.
Мне видятся столбы, уставшие от скуки,
Деревня, человек, собака (точка ру)...
Стальные провода опущены, как руки,
Под тяжестью снегов, сошедших поутру.

ВЕЧЕРА ЭЛЬЗЫ

Снег позёмкою –
похоже на писание стихов.

Я бы вылез вон из кожи,
как луна из облаков,
Я бы вышел на дорогу...

Эльза, собери на стол.
Ты всегда молилась Богу –
Бог услышал, снизошёл:

Грузди, хлеб из русской печки,
огуречик-хрумалёк...

Ты зажгла бы, Эльза, свечи –
зимний сумрак недалёк.

Свет часовни околелой
тихо льётся над селом...

Что-то быстро потемнело и в глазах,
и за окном.

На углях порхает пламя,
клонит голову ко сну...

Надо крест поправить маме, Эльза,
в ближнюю весну.

До весны подать рукою –
пуще прежнего метель,

Словно стелется в покоях
белоснежная постель.

Эльза вымыла посуду,
погасила Эльза свет.

А пребудет с нами чудо – чудо-юдо –
или нет?..

Поэзия

Вадим Терёхин

Вадим Фёдорович Терёхин – поэт, генеральный координатор Ассоциации писателей БРИКС, генеральный координатор движения WPM – World Poetry Movement в России, член координационного Совета и континентальный координатор международного поэтического движения WPM – World Poetry Movement в странах Азии, член бюро Форума «Мирь Слова» при Издательском совете Русской православной церкви, почётный советник по глобальным культурным вопросам Federation of World Cultural & Art Society (Singapore), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), действительный член академии Российской словесности (Москва), действительный государственный советник II класса. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий.

ВИНО ИЗ СЫЧУАНЬ

Вино, как кровь земли, по жилам разбежится,
Согреет и внутри распустится жар-птицей!
Осветит бытиё, и станет в этом мире
Сознание твоё на миг какой-то шире.
Перешагнув за грань пропащего, земного,
Вино из Сычуань собой наполнит слово.
И рифмы потекут протяжно и неспешно.
И нас они спасут от темноты нездешней.
И может быть, вино, дополненное хлебом,
Надёжное звено между землёй и небом.
Известный с давних пор, священный и нетленный,
Стихийный разговор живого и Вселенной!

20.03.2023

ПРИРОДА ЛЮБВИ

Ночь черна и лес, как бесконечность!
В нём блуждает миллион людей,
Связывая, скручивая в вечность
Миллион событий и путей.
С кем и как живём – одна химера.
Не узнать друг друга в темноте.
И у нас осталась только вера –
Обрести спасенье в красоте!
Непрерывно ищем совершенство.
Ждём, когда, развеяв смертных страх,
В этой жизни явится блаженство
С детской улыбкой на устах.
Запахи, прикосновенья, звуки,
Песни, отдалённые миры,
Проходя сквозь творческие муки,
Нам сулят небесные дары.

И тогда откроется мне книжка.
Я войду в иное бытиё.
И любовь, как яростная вспышка,
Озарит сознание моё!
Я скажу ей: «Жизнь благословенна!
И не зря я прожил столько лет!
Та одна,
Одна во всей Вселенной
Источаешь неподкупный свет!»

2023

* * *

Насладиться красотой нетленной.
В дедовской избе затеплить свечки.
Отдохнуть от грохота Вселенной.
Посидеть у печки.
И вот так по щучьему веленью
Ждать от мира щедрые подарки,
Наблюдая, как трещат поленья
И как угли жарки.
Как земля осенним дышит небом
И мечтает о цветенье новом.
И как жизнь сыта не только хлебом,
Но и словом!

23.10.2024

* * *

Золото, серебро –
Не оторвать руки!
Будем творить добро
Праздности вопреки!
Вот она как судьба
Падает на ребро,

Пусть наша жизнь груба,
Будем творить добро!
В каждом такая тьма,
Спрятанная хитро.
Будем не от ума
Сердцем творить добро.
Будем творить добро
С милыми в шалаше.
Золото, серебро
Будем искать в душе!

23.10.2024

* * *

Среди прочих утех,
Предназначенных в жизни немногим,
Всякий громкий успех
Хочет сделать тебя одиноким!
Суть его такова:
Умножать в каждом новом кумире,
Облекая в слова,
Разобщённость всеобщую в мире.
И повсюду трубя,
Предъявляя особое право,
Распалает тебя
И сжигает дотла вожденная слава!

04.11.2024

* * *

Я невысокий человек
И вешу в мире я не много.
Я коротаю краткий век –
Мгновенье на мизинце Бога.
Когда телесную тюрьму
Покину, как небесный житель
Я много места не займу,
Господь, войдя в Твою обитель!
Один из множества людей.
Мне не к лицу любая сложность.
Пекись о малости моей!
Прошу, прости мою ничтожность!
В своей затейливой судьбе
Я постигал земные страсти.
Любовь, что собрана в Тебе,
Во мне разорвана на части!
Во мне нужды особой нет.
Мой кругозор довольно сужен.
И всё-таки я видел свет!
И был Тебе зачем-то нужен!
Как просто имя, как число –
Живое воплощенье меры,
Которой измеряют зло
И крепость веры!

28.11.2024

ПРИЧАСТИЕ

Стою у Божьего порога
Всем смыслам жизни вопреки
И жду, когда частица Бога
Во мне расправит лепестки.
Уже не долго, и пора мне
Последний подводить итог
В надежде вещей, что из камня
Распустится живой цветок.
Но уповаю – лик Твой светел!
Навек благословен Твой дом,
В котором даже серый пепел
Опять становится огнём!

05.12.2024

* * *

Отлетело юное, звенящее,
И отпел весенний соловей.
У меня есть только настоящее,
Беспощадно прямо говорящее
Мне о хрупкой ценности своей.
На тебя – на сильного и мелкого,
Знающего горечь и почёт,
Как бы не вело и не коверкало,
Каждый день глядит оно из зеркала,
Предъявляет строгий личный счёт.
Просто человек по роду-племени,
Вижу я вечернюю зарю.
И за то, что вышел я из семени
И пророс в земных пределах времени,
Господи, тебя благодарю!

27.01.2025

* * *

Наполняя города,
Каждый день меняясь в лицах,
Человек – почти вода –
Растекается, струится.
Всей душой желает в Рай,
Но идёт куда не надо.
Проливается за край.
Тушит сковороды Ада.
Человек почти вода,
Повстречав его однажды,
Невозможно никогда
Поздороваться с ним дважды!
Человек всегда другой
В ежедневной оболочке.
Нет, покуда он живой,
В нём застывшей, твёрдой точки!

12.03.2025

Поэзия

Дмитрий Филиппенко

Дмитрий Александрович Филиппенко – родился в 1983 году в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наши современник» (Москва), «Юность» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Берега» (Калининград), «Плавающий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Сибирь» (Иркутск), «Енисей» (Красноярск), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза), в «Литературной газете» и других изданиях. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор семи книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск), кузбасской литературной премии им. В. М. Баянова, ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России. Проживает в Ленинске-Кузнецком.

* * *

Предновогодняя Москва,
Моя гудела голова.
Я заблудился, я устал –
Лет сорока провинциал.

А где-то в тёплом далеке
Шли люди по Москве-реке.
За ними я не успевал –
Лет сорока провинциал.

А с неба падал серый снег.
Провинциальный человек
Во мне крутил простой сюжет
В мои седые сорок лет.

И в этом сереньком снегу
Угнаться больше не могу
За миром, за родной Москвой
С моей гудящей головой.

ПОЛЯ

На шахтных полях не бывает заметок,
Но очень заметные эти поля.
И запах грибов из бревенчатых клеток,
И зреет вокруг ежевика угля.

В воздушном пространстве, седом и колючем,
Гремит под землёю кольчугинский век.
И в этой вселенной, крутой и могучей,
Умеет работать и жить человек.

* * *

Дмитрию Коржову

Мы расстались с тобою в Белово,
Мы расстались с тобой навсегда.
Но осталось креплёное слово,
И осталась во фляжке вода.

Спят в Териберке полюшко-поле,
Разноцветное море небес.
Без тебя одиноко до боли.
Нужен Мурманску ты позарез.

Между нами креплёное слово,
Не остынет во фляжке вода.
Если звёзды погаснут в Белово,
Над Свердловском не гаснет звезда.

* * *

Белые пятнышки снега.
Чёрные капли угля.
Строится город из «Лего»,
Таёт планета Земля.

Шайбу катает мальчишка,
Клюшкой царапая лёд.
Не дочитается книжка,
Не совершится полёт.

В городе пыли и гари,
Где больше нет ничего,
Если родится Гагарин,
То не заметят его.

СВЕТЛЫЕ ДЕТИ

В чёрной комнате светлые дети,
Занавешено в спальне окно.
В огороде шатается йети,
Из амбара ворует зерно.

В старом зеркале тает дорожка,
И спешит дама на огонёк.
И дрожит в кулачке у Серёжки
Барбарисок неловкий кулёк.

Как обычно, не слышат соседи.
В будке спрятался злобный Полкан.
И в гробу на колёсиках едет
За мальчишками чёрный тюльпан.

ЛЁША ЖУКОВ

Кралась ночь, не проронив ни звука.
Месяц плыл с мешком на голове.
От врагов скрывался Лёша Жуков,
Прятался в таёжной синеве.

Над Кольчугино война кружила.
Против сына шли отец и мать...
Бабушка Алёшку приютила,
Накормила, уложила спать.

А когда заря в Иню впадала,
Белая беда в село пришла.
Бабушка впустила генерала,
Бабушка Алёшку отдала.

ГОРНЯК

Почернела внезапно луна,
Ветер с крыши срывает антенну.
Провожает шахтёра жена
На войну. На войну – не на смену.

В сонной печке стрекочут дрова,
На столе пироги и окрошка.
Муж от пыли глаза отмывал.
Всё равно не отмыл он немножко.

Дочь рыдает, и плачет сынок.
Лишь бы воздуха в лёгких хватило.
И жена собрала тормозок,
Горняка на войну отпустила.

МОЙ ГОРОД

В этих местах есть
Рыба-шахтёр – в других
местах её нет.

Дмитрий Мурзин

Мой город охраняет чёрный снег,
Так и стоят на страже друг у друга.
Скрипит ночами пепельная вьюга,
Разбрасывая уголь по стране.

Мой город – переполненный забой,
Откашливает пыль и месит сажу.
Но жители про боль свою не скажут.
Привычно всё, и всё само собой.

Мой город – словно магистральный
штрек,
Где вдоль домов лежат сугробы штыба.
И по течению шахтёр, как рыба,
Плывёт в воде, где тает чёрный снег.

* * *

Каждый вздох шахтёра – это жизнь,
Каждый смех шахтёра – это счастье.
Выработки, словно этажи,
Горизонты делят на две части.

Каждый свет шахтёра – это луч,
Убирает угольные пятна.
Каждый шаг шахтёра – это ключ
На поверхность, на-гора, обратно.

Каждый век шахтёра – это миг,
Что проходит, словно три упряжки.
Закурил, задумался, поник,
Может, жить осталось три затяжки.

СИНИЦА

По шахтному полю гулял ветерок
И пахло зерном черноплодным.
Его комбайнёр заготавливал в срок
Под кровельным небом холодным.

Звенела пшеница в густой пустоте,
И почва от страха дрожала.
И только синица в седой темноте
Зерно на-гора провозжала.

Но птица не знала, что всё решено,
Над золотом смело летая.
Синица своё охраняет зерно
До Мурманска и до Китая.

НЕ ВЫШЕДШИМ ИЗ ШАХТЫ

По почве красная вода
Бежит в глубокий водосборник.
И воспалённая среда
Не вспомнит потрясённый вторник.

Так стонут горные деньки
От боли, крови и от пота.
Сжимает крепко кулаки
За невернувшихся суббота

Шахтёр мечтает о любви,
О тёплой, ласковой постели.
Но снова шахта на крови
И бесконечные недели.

СЫНОЧЕК

В подкошленном доме скрипит тишина
И больше никто не смеётся.
Живёт баба Нюра. Всё время одна.
Вон воду несёт из колодца.

В снегу утонул невысокий забор,
Под тяжестью лет наклонился.
Уходят дрова, потерялся топор,
И погреб давно провалился.

В мундире картошка, вкрутую яйцо.
Покушав, уснёт ближе к ночи.
Когда ляжет снег и не скрипнет крыльцо,
Приснится любимый сыночек.

* * *

Убрал на фотографии морщины
Художник у немного старика.
Морщины, словно слёзы, у мужчины.
И в них хранится времени река.

Как будто деду не хватает вдоха,
И выдаёт густая седина.
Закончилась советская эпоха.
На чёрно-белом снимке тишина.

Но в мудром взгляде тает бесконечность,
И вспоминают дети об отце.
Переливается на фото вечность.
Как лёд, блестит на молодом лице.

* * *

На побережье дикой темноты
Шахтёры добывают чёрный уголь.
А бригадир, как будто богатырь,
За ним ведётся героизм да удаль.

Накатывает чёрная волна,
Но мужики цунами не боятся.
И яркая шахтёрская луна
Не даст в подземном море потеряться.

И в темноту уходят корабли,
Вновь темнота кипит, рычат моторы.
Так уголь добывать из-под земли
Спускаются могучие шахтёры.

СЧАСТЛИВЫЙ

Январь ворвался тьмою ледяной
В шахтёрский город. Замолчали птицы.
Со смены топал старый и больной
Шахтёр домой – напиться и забыться.

Жена ушла, и дети далеко.
И не звонят, не приезжают в гости.
И по столу ударить кулаком
Так хочется, но не хватает злости.

Звонок раздался в тишине родной.
Звонила дочь, и папа улыбнулся.
И стал счастливым. Старый и больной,
Шахтёр уснул, но больше не проснулся.

Поэзия

Олег Мошников

Олег Эдуардович Мошников – родился в 1964 году в Петрозаводске. По национальности – вепс. Окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. После сокращения Вооруженных сил двадцать пять лет проработал на различных должностях Государственной противопожарной службы Республики Карелия, других пожарно-спасательных подразделений. На данный момент продолжает работать в структуре регионального МЧС. Автор пяти сборников стихов, книги переводов вепсских поэтов и трёх книг прозы. Публиковался в журналах: «Воин России», «Север», «Карелия», «Урал», «Уральский следопыт», «Финно-угория», «День и ночь», «Двина», «Подъём», «Берега», «Приокские зори», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Юность», «Нева», «Наш современник», «Роман-газета», еженедельнике «Литературная Россия». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе

Всемирной премии имени Г. Р. Державина «Во славу Отечества». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия. Живёт в Петрозаводске.

КАРЕЛЬСКИЙ ОБЕРЕГ

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Прошу вас с Пешковым не путать...
Стихи – мои учителя.
В гуманитарных институтах
Не изучал предметов я.

Когда бы дома на диване,
А не на марше, не в дымах,
Где отступленья не бывает,
Не останавливает страх –

Приходят строчки на привале,
Особинки мужицких слов:
Как песни – о забортном вале,
За сходни держится Рубцов.

На кухне скрипнуло оконце...
Развеяв сигаретный дым,
Задумался Олег Чухонцев
Над дуновением простым.

И снова Пушкин, Заболоцкий –
Влекут Поэзией строки!..
И ученические доски
Мои царапают стихи.

ОБЕРЕГ

Неброский камень – дар поморской тони –
Ребрист и тёмн, сразу не поймёшь, –
При повороте граней на ладони
Живут лисица, женщина и ёж.

И сколь мужей охотничьего рода
Сердил и нёжил, радовал и жёг,
Отточенный изменчивой природой,
Преображённый виденьем божок?..

Морскую тишь и взмах платка у пирса –
Счастливый возвращает оберег:
Кто в берег моря Белого влюбился –
Останутся с любимыми навек.

ПАПИН ДЕНЬ

Помню
с поры малышовой
дорогу:
Будто в тумане,
не видя лица, –
детской ладошкой
доверчиво тронул
сильную,
добрую руку
отца.

Как удивлялся я –
венам натужным
(за руку папа –
шёл рядом со мной),
что исчезали –
нажиму послушны –
и появлялись
одна за одной.

Зыбко-
хранимая память –
загадка.
Милое прошлое –
слёзная муть...
Сквозь пелену
продвигаясь с оглядкой,
прикосновения –
не обмануть.

* * *

Перелётов небесных радость
Отзовется сердечным стуком...
Без дождей не бывает радуг,
Без колодца и дров – досуга.

Не услышать окраин, где бы
Интернет выдавал подсказки:
Голосит синевою небо,
Журавлиные рвутся связки!

* * *

Ой ся, леший! – оброс сыроежкой.
Кычет сонной совой мецамезь¹.
Жёлтый коготь, еловая вешка –
Дальше весь, летописная весь.

Дальше топь... В ожидании шага
Дышит мшистой волною окрест
Колдовская болотная тяга
Человеком не тронутых мест

Век от века... На ту же делянку
Очарованный выведет лес.
Короб с плеч, рукава наизнанку –
И морочащий хохот исчез.

Сгинет леший, меня обличье...
Забываясь, как в ветре лесном,
Путеводное пёрышко птичье
Задрожит над тетрадным листом...

ПЕТРОВСКАЯ СОСНА

Виден Создателя промысел чудный:
Древней сосны не коснулась пила
В годы работы заводов чугунных...
Молодо-зелено – видеть могла,

Как покорились воле державной
Сонмы дерев... Корабельной мечтой
Грезили сосны в Карелии славной.
Что не исчезнет? Выстоит что?

Дальние громы – Петровские пушки,
Выдохся угольный доменный дым...
Вежа живая – сосна на горушке –
Новой России делам молодым.

* * *

Преображает –
Только доброта
На Синем Шаре...
К машине
Ёжик вышел из куста.
Не обижаем.

Ежовый путь
Объедет колесо –
Чудным пришельцем.
О доме общем
Думать хорошо,
Светло на сердце.

Пускай шуршит
Колючья голова
В листве – по курсу.
Мир – это сосны, озеро, трава.

Клубком свернулся...

* * *

Поэт творит! – на мониторе плоском
Петляет след мышкующей руки:
За скобками – мосфильмовская соска
И карандаш – вдоль Пушкинской строки.

Искомая строфа – порфира и обноски,
Ночного ветра материнский вздох:
Минувшего живые отголоски
И вдохновенье северных дорог.

¹ Мецамезь – леший (*венск.*)

КАРАНТИННАЯ ПОБЫВКА

Довольно солнца в карантине,
Приволья леса и земли:
В посёлок к бабушке Марине
Двух внучек-школьниц привезли.

Бабуле в радость попеченье!
Есть Интернет. Прошла капель.
В духовке – сладкое печенье.
В последней четверти – апрель

Дистанционные пятёрки
Сестрёнкам ставит в дневники.
Гуляют с бабушкой девчонки,
Звенят лесные родники...

Продуман отдых неурочный:
Зарядка, лес, учёба, сон.
Казалось бы, обычной ночью
Дом разбудил Пасхальный звон.

– Вот это да! Скажи на милость,
На службе наш святой отец...
– По правде, бабушка, случилось,
И – эпидемии конец?

А звон летел всё выше, выше,
Гудела радостная медь!
– Бабуля, – ойкнула малышка, –
Всю ночь он будет так греметь?

И погода, за поздним чаем,
Хозяйка не сдержала вздох:
– Тот звон, зайчата, неслучаен:
В беде нас не оставит Бог...

* * *

Первое слово –
На сердце твоём...
Между рождением
И букварём
Образы – радуга,
Родина, гимн –
Будут не первыми,
Будут за ним. –
В этом и смысл,
И отдача вдвойне,
Свет и предтеча –
Детям, стране,
Школе и другу,
Скрещенью путей,

Где ты отзывчивых
Встретил людей.
Взлёты, паденья,
Радость и боль –
Мама дитёнка
Ведёт за собой.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Дмитрию Гороху

Все мы за счастьем капризным в погоне,
Тешиться малым – не наша стезя...
Дар воскресенья – лист на ладони,
Большого счастья представить нельзя.

Что бы я делал порою осенней
В долгой разлуке с другом моим?
Листьям, рассыпанным на воскресенье, –
Ведомо то, что не видно другим.

Осень – растрата. Осень – невестреча.
Разве за веком поспеешь везде?
Книгу стихов раскрываю под вечер,
Чувствую друга ладонь на листе.

* * *

На предснежье Осень-лепестинья,
Обмирая, вскинула ладони:
Поцелуй нечаянный прости мне! –
Не отвёл Морозко взгляд бездонный,

Все жемчужил стежки слёз сполошных:
Уговор любовный – паче смерти...
Поутру – по выпавшей пороше –
Разметало листья в круговерти.

* * *

Причесали страну против шерсти,
Пели щепки и сыпались зубья...
Пересмотрено правило смерти:
Прежде кормчего старость погубит,

А потом уж оплачут на тризнах
Неповинных, младых, забубённых,
Под фундаментом социализма
Недостроем глухим погребённых.

Год рождения разный, недлинный
Путь – случайных, родных, незнакомых:
Мнёт Господь первородные глины,
Терпеливые мёрзлые комли.

ПЕТРОЗАВОДСК

Не страшась враждебных гроз
На заставах –
Не искал Петрозаводск
Ратной славы,

Не искал... А всё одно
С вех Петровых
Шёл чугунный лом на дно,
Чтобы снова

К небу вздыбилась волна
И упала:
Затопила край война
Чёрным палом.

Оккупанты, зона, страх –
Окрик финский...
Крест на кладбище в Песках –
В память близких:

Смерть голодная стоит
Пред глазами.
Вход в часовенку сквозит –
Со слезами –

Пряча в тёплую ладонь
Пламя свечи,
Сохраним в душе огонь
Жгучий, вечный.

* * *

Не перемерить все беды России...
Дураки и дороги – не в счёт.
Неоглядная даль – перелесков, и сини,
И оборванных в звень журавлиных тенёт –

Засосёт колокольни, заводы, погосты,
Полустанки и рельсы, побитые ржой,
Где спасти изболевшую душу непросто
И разжечь безнадежно в сторонке чужой.

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Лучом закатным в кущах Гефсиманских
Тревожный взгляд Иисуса осиян –
Свечам от свеч канунных заниматься
Настал черёд: *то чаша есть сия...*

Уходят люди милые – до срока,
Болезных чаше привлекает Бог:
Вдохнула мама тихо и глубоко,
Последний сладкий сделала глоток.

Допрежь – отец, почти единым часом, –
Прощальный оклик еле уловим...
В земном пути нас не минует чаша,
Бездонная – и в смерти, и в любви.

ЧЁРНАЯ СМОРОДИНА

*Памяти калининградца, чтеца
Юрия Тихомирова*

Смородины куст
От ягоды густ:
Гроздь развесил
Отборные, чёрные!
Три года – не срок;
Окреп черенок,
Когда-то в пакеты
Завёрнутый.

– Сажай, поспешай –
Грядёт урожай! –
Меня одаривший товарищ
Процокал хитро. –
Для сбора – ведро
Готовь, а не хватит –
Добавишь!..

Сквозное окно –
Война, не кино,
В домах кёнигсбергских шалила –
Мальчишку влекло...
В подвалах темно...
И взрывом мальчика
Ослепило.

Но светел и слеп –
Он яркий свой след,
Воочию путь обозначил –
Стал чутким творцом:
Карельским чтецом –
В театре, музее...
Иначе

Добавил бы Бог
Побольше годков
Дружку – провиденье
Схалтурило:
Не долго болел.
Июль отгорел...
Поспела
Смородина Юрина.

Поэзия

Светлана Золотоног

Светлана Золотоног – родилась в ГДР. Отец русский, военно-служащий. Мать белоруска, музыкант. Выпускница Смоленского колледжа искусств и Московского университета культуры и искусств. Автор песен, стихов, концертных программ в рамках ею организованного музыкально-поэтического клуба «Чайка».

* * *

От моря до моря...
Ты космос, ты доля.
От края до края –
Полшага до рая,
Полшага до счастья.
Мой мир на две части
Делим. Это странно –
В ста вечностях данных
Меня не узнаешь
И не потеряешь.
Стихи с кораблями –
Стихия над нами.
По кругу гуляем,
Находим, страдаем.
От моря до моря
Закаты и зори.
От края до края –
Полшага до рая.

25.08.2024

* * *

Полегче, полегче
Ступай наугад,
Случайный ответчик,
В свой солнечный град.
Я встречу, я встречу
В назначенный год
Ивана предтечу.
Москва. Эшафот.
Чуть слышно, чуть слышно
В далёком краю
Кому-то другому
я песню спою.
Он будет любить её –
Словно зарю.
Такую печальную
Песню мою.

03.08.2022

* * *

Есть правда, ты её не знаешь.
Вернее, знаешь, но не ту,
Ты снег для вечности, ты таешь,
Но ночью звёздной к ней взываешь,
Забыв дневную маету.
Заставь молчать плотскую мудрость,
Как дар страдания прими.
Уходит время. Безрассудность
Внушает истины свои.
И на излёте лет, возможно,
Пройдя этапы все войны,
Услышишь тихий голос Божий.
И станет знание иным.

* * *

Времени много – казалось вначале
И жить хотелось не спеша.
Детства кораблик беспечный отчалил,
И вот – рождается душа.
Звёзды сияют, и по морю мчится
Эскадра белых кораблей.
Хочется вечному небу открыться,
Взлететь над млечностью полей.

Январь 2025

* * *

Игры в духовность:
Спаси себя сам.
Ночи бездонность
И вой небесам.
В разных системах
Себя применить
Пробуешь. Поздно,
Оборвана нить.
Чувствуешь, знаешь,
Но веришь в обман.
Всех поучаешь,
Как старый чабан.

Дух непокорности,
Ненависть, мрак.
Игры в духовность –
Кончатся так.

08.10.2018

* * *

В момент нечаянный привычных,
Вполне привычных ссор –
Наивных, злых и неприличных –
В твой дом проникнет вор.
Он обесмыслит всё на свете,
Ненужного не взяв,
Лишь только души, даже эти
И эти, что нельзя!
Ты, правда, жив ещё, ты жив ведь,
Ты жив иль ты пропал?
Здесь что-то есть ценнее смерти?
В сознании провал.
Все это было, было раньше,
Понятен и ответ.
Нет обречённых пострадавших,
И никого здесь нет.
Блуждает тень в моей квартире,
Но я сама жива ль?
Играют мухи на Псалтири
И им меня не жаль.
Ты жив, родимый, жив, родимый,
Жив иль ты утих?
Души моей, души моей
Не хватит на двоих...

16.08.2023

* * *

Не хочу сердечного нытья,
Не хочу влюблённостей прохожих,
До конца земного бытия
Пусть они меня не потревожат.
Пусть придут покой и благодать.
Пусть одна любовь наполнит душу.
Мне бы невесомость ощущать,
Стать незримей миру,
К миру глуше.

26.04.2018

* * *

Высокомерный гений,
Здравствуйте!
Откройте дверь, и я войду!
Вы неземной и внепространственный,
А я в пожизненном бреде.

Такая глупенькая девочка,
Плетусь за вами много лет.
А вы летаете над брэнностью
И вечный пишете портрет!
Вы концентрируете истины
В своём изысканном панно.
Вы одинокий, независимый,
И мне постичь вас не дано!
Зачем я вам, смотрите пристально.
Но каждый свой верстает путь.
Я в вашем зеркале единственном,
Как отражение и суть...

09.11.2023

ТЕКСТ ПЕСНИ «БАЛТИЙСКИЕ ДЕЛЬФИНЫ»

Улетаешь. Это лето,
Это море для тебя.
Млечный Путь, стихи поэта,
Много света и огня.
Босоногая, хмельная,
Позабудешь на бегу
О скитаниях до рая
На янтарном берегу.

Между небом и землёю
Одинокий чей-то крик,
Одинокой чей-то голос,
Одинокий чей-то лик.
Было счастье, было горе,
А теперь нельзя назад.
Вот сияние над морем,
Вот и он – старинный град.

Ты мечтала об Айвенго,
Только встретила меня.
Но твоим я буду верным
Капитаном корабля.
Всё, что грезилось, искалось, –
Всё растаяло во мгле.
Но мелодия осталась
На неведомой земле.

Припев:
Смотри, балтийские дельфины
По небу звёздному плывут
От Петербурга до Берлина
И вдаль великую зовут.
У моря вкус как будто пресен,
Как будто сладок вкус ветров.
Не сохранить ушедших песен,
Но обрести свою любовь.

01.07.2024

Ольга Олейник

Ольга Сергеевна Олейник – родилась и живёт в Воронеже. Публиковалась в сборнике произведений номинантов премии Издательского дома «Рифмоград» к 155-летию со дня рождения Константина Бальмонта, в ежегодном альманахе «Питер», изданном Русским литературным центром при поддержке и участии редакции «Невский Альманах». Постоянная участница городских литературных мероприятий, молодёжной литературной студии «Современник» при Воронежском отделении Союза писателей России (руководитель Зоя Колесникова). Участница круглого стола «Своя комната: сто лет спустя. Женщины в литературе» при Литературном молодёжном центре (2024) и Воронежского областного Совецания молодых литераторов при региональном отделении Союза писателей России (2024). Лауреат XXI Международного фестиваля женской поэзии им. Зинаиды Филатовой (2024, Новый Оскол). Первый сборник стихов «Светотени» издан в феврале 2025 года.

«ПРИНЕСИ МНЕ ВЕРБУ В ИЗГИБ ДОРОГ...»

* * *

Путь вдоль последних дней этого февраля.
Я иду сама, вертится подо мной земля –
дышит, гудит, пробуждается ото сна.
Я любила зиму. Зачем весна?
Чтобы таять в свете и вновь смотреть,
как апрель невинный играет в смерть?
Как уходит ночь снеговой водой?
Я же помню, как это – жить весной!
Задыхаться, мучиться... прорасти.
Я замру – она сможет меня догнать,
затянуть под рёбрами крепче нить...
Остаётся то, чему надо жить!
Первой горстью внешней сырой земли
заклинаю, чур меня! Отмоли!
Принеси мне вербу в изгиб дорог,
первоцвет лесной под родной порог.

* * *

На берегу раскинутая сеть –
на сушку под дневным холодным солнцем.
Рыбацкий домик, мутные оконца,
в какие больше некому смотреть.
Ушедший в море ищет не себя.
Он там себя нечаянно теряет,
когда волна с рычанием швыряет
и рвёт на части «тело» корабля.
И может, нет обратного пути...
но домик ждёт, и солнце сушит сети,

и носит по камням приبلудный ветер
обрывки ветхих нитей из сети.
А ночью звёзд щепотка за бортом
и муть окон прозрачна в лунном свете.
Ушедший терпеливо чистит сети,
хватая воздух пересошим ртом.

* * *

Кольцом сомкнулся крепко спящий лес,
Белёсый дым из труб в морозной стыни.
Здесь столько похоронено принцесс,
Что лёгкости не слышно и в помине.
Немеют пальцы, давит тишина,
Холодный камень глух и безнадёжен.
Глубокий морок мертвенного сна
На много дней ничем не потревожен.
И в этой безысходности густой,
Назло необратимости застывшей
Хочу остаться лёгкой и живой...
Сквозь пустоту – пронзительной и слышной!
Не убегать, не прятаться, не лгать.
Суметь остаться вопреки забвенью.
Здесь столько... обречённых исчезать,
И столько, ожидающих спасенья.
Ладонями к немеющему рту –
Вдохнуть тепла в замёрзнувшие пальцы.
Мне тоже перешагивать черту...
И быть живой.
И там живой остаться.

* * *

И снег не выпал, и черны пути...
 Как будто этот мир оставлен Богом.
 А Он стоял смиренно за порогом
 И ждал, пока ты пригласишь войти.
 Ещё сбывался Новый год в тиши,
 Ещё цедил игристое в бокалы,
 А Он глядел печально и устало
 И вёл тебя вглубь комнат... и души.
 И отражался в каждом огоньке,
 В глазах всех тех, кто просто были рядом.
 И ты была тиха, но втайне рада,
 Держа свою ладонь в Его руке.

* * *

А в окно туман – мимо берегов,
 Серой нитью шит дождевой покров.
 В доме сонный свет дышит тишиной...
 И туман и свет – мой.
 И над крышей тень – шапки облаков,
 Прячет серый дым контуры домов.
 Потеряли след и ловец и зверь...
 Не видать ни зги – верь.
 Вместо белых вьюг – стылая вода,
 Ни туман, ни я здесь не навсегда.
 Но чутьём опять выбирать пути...
 Сквозь туман и свет – идти.

* * *

Я остаюсь. Ты зажигаешь маяк.
 Лодка у берега. Ветер попутный. Звёзды.
 Мне, если что, доплыть до тебя – пустяк.
 Время – моё. Мне никогда не поздно.
 Нет, не гаси. Пусть и теперь горит.
 Лишнее за борт. Мне отпускать несложно.
 Свет на воде тропую во тьме лежит.
 Я по нему – бесшумно и осторожно.
 Звёзды. Маяк. До боли знакомый путь.
 Я выбираю плыть. Говори со мною!
 Несколько слов, как веру, в меня вдохнуть.
 Пригоршню сил, пока я борюсь с волною.
 Эта любовь – не омут, земная твердь!
 Я выбираю тихо, но всё же плыть.
 Машет прощально с мола старуха Смерть.
 Всё остальное надо забыть, забыть...

* * *

Белой цапли вольным крылом –
 над полями, над лугом – к дому,
 над пшеницей и чабрецом
 и над крышей резной знакомой...

Кружит память, стучит дождём
 и щекочет до слёз у сердца.
 Долгим вычерчен нам путём
 миг, где хочется отогреться.
 Жизни нить зазвучит струной,
 Белой цапли крылом взметнётся.
 Здесь велели идти одной.
 И одной уходить придётся.
 Потому и собрать тепло
 мне успеть до заката надо...
 Белой цапли мелькнёт крыло,
 над лугами взойдёт прохлада.

* * *

Ещё декабрь не преступил черту,
 ещё легка сегодняшняя ноша,
 и снежным прахом мир не запорошён,
 не перебит по тонкому хребту.
 Ещё в тумане дальние холмы
 и кружево последних редких листьев,
 расписанных ноябрьскою кистью...
 И я наивно жду приход зимы.
 А там уже, в застывшей полумгле –
 на вымерзших сухих древесных спинах,
 на кажущихся мёртвыми равнинах –
 крупницы жизни спят в своём тепле.
 И я наивно жду приход зимы,
 чтобы опять поверить в Воскресенье...
 И заново переживать мгновенье
 рождения всего из зимней тьмы.

* * *

Горизонт красным отблеском вспорот,
 Подморозило нашу «тайгу»,
 Острый месяц цепляет за ворот
 Чьи-то тени на белом снегу.
 А у нас в потаённой светлице
 Бродят сказки по краю окна –
 С ночника хитро смотрит лисица,
 Жёлтым светом горит рыжина.
 Лишь вдали... за седыми полями,
 Без надежды вернуться назад,
 Прорастая в родную корнями,
 Они тихо и кротко лежат.
 Сколько хочешь дарованной воли
 Под промёрзшей безмолвной землёй!
 Они больше не стонут от боли
 И не просятся больше домой.
 А у нас бродят сказки в светлице,
 Огонёк ночника на стекле...
 Как же мирно и благостно спится
 В сокровенном домашнем тепле!..

Как же остро вонзается память...
Сторожит сквозняком у двери.
Нам её вместе с миром оставить
Благодарностью тихой внутри.

* * *

Ты слышишь?
Наших с тобой историй уже не счесть.
Они по шкафам и в ящиках твоего стола.
Любая из них так волшебна и так мала...
Но каждая в доме и вправду сегодня есть.
Они оживают там, где так нужен свет.
В них тролли зимой не спят, лес – заветный друг.
В них горы защитной стеною стоят вокруг.
И лис на тропе для нас оставляет след.

* * *

Тусклый свет рассеянно струится,
Ночь разлита тёмною водой.
Что же, моя девочка, не спится
В комнате казённой нам с тобой?
Будет нынче праздник светлый самый...
К твоим щёчкам голову склоню –
Сочиню поэму, а не драму
Про большую дружную семью.

Будет, будет истина святая,
Будет свет и Божья благодать.
Вырастешь большая-пребольшая
И решишь, за что меня прощать.
За окном апрель наш город студит...
«Заплету косички. Ляжем спать».
Будет, моя маленькая, будет
Новый день и Божья благодать.

* * *

В лобовое – белые всполохи снега,
фонари, сам февраль.
Навстречу, вокруг, проникая в оконные щели.
Тёмной ломаной тянутся вдаль
колдовские высокие ели.
В сумраке – снежные крыши, шоссе.
В отражении, мимо.
Из окон на тени дороги – домашний уют.
Всё исполнено, всё поправимо
в ощущениях этих минут.

* * *

Когда устанешь вдруг от бесконечных дел
и сил твоих отыщется предел,
то просто знай – я рядом.
Приходи.

Не думая, что будет впереди,
сорвав молчанья тяжкого печать...
Да, приходи! О нет, не танцевать...
Коль мало сил – какие уж тут танцы?!
А просто помолчать. И обниматься.
А может, и кричать навзрыд душой...
Да, приходи.
Я рядом. Я с тобой.
Чтоб, может быть, суметь в тот час спасти...
И знать, что просто есть куда прийти.

* * *

Фрида сегодня не плачет. И не грустит,
Больше не страшно. Прежнее не болит.
Там, где ещё вчера остриём насквозь,
Стебель зелёный вдруг изнутри пророс.
Фрида ведёт себя на белёный холст...
Фрида напишет птиц, несожжённый мост,
Гибкие стебли, фрукты, морскую соль.
Ну а сегодня... Фрида рисует боль.
Синим по белому – нежность и чистота.
Жёлтый – безумие. Солнце – лишь иногда.
Больше безумия – зеленоватый свет...
Чёрного ничего в самом деле нет!
Фрида смывает боль и грунтует холст.
Нынче ответ на всё до смешного прост –
Сочная мякоть, зёрен извечный круг...
Viva la Vida – славься и будь вокруг!
Фрида отрежет косы, отложит кисть.
Фрида испить готова до капли жизнь.
Бабочкой яркой боль на её пути –
Фрида и в боли может себя найти!
Синим по белому – нежность и чистота...
Фрида рисует солнце в углу холста.

* * *

В преддверии столь многих светлых дат.
На той земле, где оживают вновь
апрельские цветы.
Где видно из окна, как ливень глянцевым узором
по стеклу плывёт, мерцающая...
Где детский смех возле меня... И детские мечты.
Я чувствую, как жизнь идёт.
Я чувствую, что я живая...
Пусть вновь расколот прежний мир
в извечной и святой борьбе за правду.
Мой собственный мирок и мир большой.
Я чувствую, как рядом и внутри...
Стучит и бьётся.
Вновь шумит проспект, очнувшийся
от тягостного сна.
И ласкою одаривает нас скупой
холодная и поздняя весна.

Берега Великой Победы

Владимир Макаренков

Владимир Викторович Макаренков – поэт, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Служил в армии, работал в НИИ и на заводе, служил в пенитенциарной системе, полковник внутренней службы в отставке, с 2017 года работает в газете мотострелковой дивизии. Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях. Автор 10 книг стихотворений, аудиоальбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Смоленск), им. Н. И. Рыленкова (Тюнино Брянской области), «Навстречу дня!» им. Б. Корнилова (Санкт-Петербург), Южно-Уральской литературной премии (Челябинск). Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей с 2004 года. Член Союза журналистов РФ, главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

Посвящается 80-летию Великой Победы

БАЛЛАДА О ПОСТОВОМ КУРИЦЫНЕ

На углу перекрёстка, где улицы
Разбегались почти за версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын¹
В сорок третьем возник на посту.

Не обычный сотрудник милиции,
А сержант, закалённый огнём.
Ведь военной была амуниция,
И шинель, и фуражка на нём.

Уходили на Запад товарищи.
Доверяя милиции тыл.
Остывали в руинах пожарищи.
Полыхали сердца у могил.

В город жители шли – деревенские,
Возрождали по камешкам жизнь.
Поднимались кварталы смоленские.
И хлеба на заводах пеклись.

Для свиданий во время свободное –
Отдых короткий был и не част –
Намечали все место народное:
«Под часами» в назначенный час.

Но случилось – срывалось свидание.
Угадай-ка, чья вышла вина.
И обманывало расставание,
И грозило любви, как война.

Что тут делать, хоть Богу пожалуйся...
Глядь, стоит постовой на ветру.
И писалась записка: «Пожалуйста,
Передайте, коль спросит, Петру...»

«Не положено, барышня!» – Курицын
Возражал, а бумажечку брал,
Улыбался – мол, нечего хмуриться,
На работе, наверно, аврал.

У войны тайны горестно-мрачные.
А у мира есть счастья секрет:
Нагулявшись, несли новобрачные
«Под часы» постовому букет.

Обстоятельства виделись странными,
Хоть в волшебную силу поверь!
Обросла пришивными карманами
Милицейская чудо-шинель.

Проходя «Под часами», хоть мысленно
Повстречайся и ты с постовым.
Многих спас от разлуки пожизненной,
Делом, в общем-то, очень простым.

¹ В 2023 году в Смоленске на улице Ленина под часами установлен памятник милиционеру Викторину Курицыну, это единственный в России памятник, поставленный милиционеру, не погибшему при исполнении служебного долга, памятник – за человечность (Прим. авт.).

Мир основан на людях отзывчивых,
Подпоясанных строго ремнём,
В нужный час – непременно улыбчивых,
Закалённых жестоким огнём.

И об этом, как важном предании
Для потомков – не только для нас,
Вспоминай, подоспев на свидание
«Под часами» в назначенный час.

БАЛЛАДА О ЦИМБАЛАХ

Мой прадед Корней на цимбалах
На празднествах сельских играл.
Знал песен обрядных немало
Последний смоленский гусяр.

Ударив по струнам игристым,
Шёл к лавке, протезом стуча,
Всем видом подав гармонисту:
«Снимай-ка гармоньку с плеча!»

Мелодия землю и небо
Венчала, качала эфир.
Амбары светились от хлеба,
И радостью множился мир.

И белой лебёдкой невеста
Плыла над родимым селом.
Гулякам непрошеным места
Хватало за дружным столом.

И счастлив был прадед, и рад был
Играть, распевая стихи...
Но стихли крестьянские свадьбы.
Ушли на войну женихи.

В деревне встречали Победу
Калеки да бабы одни.
За песнями к древнему деду
Не шли в окаянные дни.

Музыка не слишком цепляла
За душу, блуждая в былом.
Учёбу игре на цимбалах
Откладывал внук на потом...

Везде мы цимбалы искали...
Играет мой прадед в раю.
Вот так цимбалисты пропали –
Бесследно –
в Смоленском краю.

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

Копал картошку, выкопал звезду –
Обрубок проржавевшего железа,
Как будто ходовую часть протеза
Страны, которой нет уж на возу

Истории...
На памятник к доскам
Звезду прибил земляк-однополчанин.
Я от земли обтёр её,
лучами
Незримо полоснуло по вискам.

И в сердце загудел набат святой,
Зовущий к братству, равенству, свободе...
О русском духе и больном народе
Напомнил ржавый символ золотой.

СТИХИ О ВОЕННОЙ ФОРМЕ

Подчёркнуто строга осанка.
Хоть и давно уж отставник.
Моё второе я, изнанка –
К военной форме так привык.

Для ратных подвигов пригодна,
Для строя, вахты и торжеств.
Всевозрастна и всепогодна.
И с мирной жизнью – не вразрез.

Ей дань приносит даже мода,
В сраженьях враг отдаст поклон.
Издrevле на Руси свобода
Жила под крыльями погон.

НИТЬ

Между Азией и Европой,
Между идолом и крестом,
Окружённый живой природой,
Возвышается древний дом.

Настежь дверь на Восток открыта,
И на Запад глядит окно.
А на крыше гвоздём прибито
Вместо флюгера веретено.

Кто из нити корону свяжет
И соткёт золотой шатёр,
Для того под ногами ляжет
Целый мир, как цветной ковёр.

Сколько раз уже (аты-баты!)
Приходили злодеи в дом.
Да сидит мужичок щербатый
За столом с большим топором.

Нахлебается щей да каши,
Захрапит – аж дымит вихор!
Вдруг очнётся и в крик: «Не наши!»
И отпустит гулять топор.

Приходили купцы с товаром.
Били оземь послы челом.
– Я отдал бы вам нить задаром!
Да рассыплется отчий дом.

Что с того, что давно клубится
На растущем веретене!
Эта нить из земли струится
И лучится в каждом бревне.

АРМИЯ

Славные народные сказания,
сложенные на родной земле,
о твоих героях храбрых, армия,
о бессмертье духа и добре.

Армия! Не думая о славе,
жизнью защитим Россию-мать.
Без могучей армии державе
в мире бурь и гроз не устоять.

О твоей величественной силе,
покорявшей Запад и Восток,
маршалы поют и рядовые,
подпеваает детский голосок.

Армия! Не думая о славе,
жизнью защитим Россию-мать.
Без могучей армии державе
в мире бурь и гроз не устоять.

Наша песня о земном бессмертье,
о солдатских подвигах в бою.
Все герои прошлых лихолетий
рядом с нами в воинском строю.

Армия! Не думая о славе,
жизнью защитим Россию-мать.
Без могучей армии державе
в мире бурь и гроз не устоять.

РОССИЙСКИЙ ФЛАГ

Каким теплом душе согреться?
Каким лучом развеять мрак?
Спасительно трепещет в сердце,
Как на ветру российский флаг.

Его ношу в душе ранимой.
Под ним живу в родном краю
И берегу покой любимой.
И Родину, как мать, люблю.

Флаг взвился в космос величаво.
А древко – в глубине веков.
Под ним великая держава
Видна со всех материков.

Пусть вьётся флаг, объятый ветром,
Над каждым нашим кораблём,
Над каждым старым сельсоветом
Возвышенно, как над Кремлём!

Пусть в троецветье ярко блещет
И днем и ночью в небесах
И, отражаясь, пусть трепещет,
У нас в сердцах
российский флаг!

АРМИЯ И НАРОД

В друзьях артиллерия и авиация,
Жизнь, словно на ринге – с ударной волной.
Над нами главенствует спецоперация,
в народе её называют войной.

И наша дивизия мобилизованных
гвардейски ведёт список воинских дел.
Гражданские маски с характеров сорваны
и признан мужчиной, кто честен и смел.

Башкир и татарин, чуваш и чеченец,
нас много из разных республик страны,
не только товарищ – нам брат ополченец
Донбасса, и все мы присяге верны.

Нас жёны и матери ждут на гражданке,
слезу на глазах вызывают стихи
от наших детей, а фашистские танки
для нас не страшнее январской пурги.

Россия, любимая, милая Родина!
Ты слышишь победные наши шаги?
Ты веришь, что будет навек похоронена
война и твои не воскреснут враги?

Нас кормишь и в руки даёшь нам оружие,
в семейство республик принявши Донбасс.
Как вера, народное единодушие
сегодня особенно важно для нас.

СЛЁЗЫ МАТЕРЕЙ

Когда бы слёзы матерей
собрать в земной юдоли,
тогда бы глубже всех морей
разлилось море «Горе».

За ним, среди высоких гор
под стражей вышней власти
из всех наплаканных озёр
сияло «Слёзы счастья».

А за долиной «Горьких бед»
с рекой небесной «Скатерть»
всех матерей бесчётных лет
встречала Божья Матерь.

АЛЕКСАНДР МАТРОСОВ¹

Вырастая из снежных торосов,
в маскхалате, пошитом пургой,
в полный рост Александр Матросов
героически встал над страной.

Уж которое десятилетье
для него продолжается бой.
Каждый день он шагает в бессмертье,
амбразуру закрывши собой.

От оазисов древней Пальмиры
до донбасских расстрелянных звёзд
видят образ его командиры
и бойцы миротворческих войск.

Обойдёмся без лишних вопросов,
у военных беря интервью,
каждый ныне отважный Матросов,
кто стоит за Россию в бою.

Награждает героев держава
по заслугам; всё множится счёт.
А ещё всем – народная слава,
и любовь, и особый почёт.

¹ Александр Матвеевич Матросов – Герой Советского Союза (19 июня 1943), красноармеец, погиб в девятнадцать лет, 27 февраля 1943 года, закрыв своей грудью амбразуру немецкого дзота и дав возможность бойцам своего взвода совершить атаку опорного пункта.

КАКОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ СЕГОДНЯ РУССКИМ!

Как ангельские крылья у виска,
затрепетали мысли, сжалось сердце
в день «Z», когда российские войска
на Украину двинули гвардейцев.

И раскололись надвое умы
от столкновенья лжи и правой силы.
На всей планете нет такой страны,
чтобы была правдивее России.

И попраный великий русский мир
воспрянул и пошёл к народу-брату,
спасенье от бандеровской чумы
доверив верно русскому солдату.

«Z – за победу!» – краской на броне.
«V – сила в правде», а не в громе пушки.
Чего стесняться и бояться мне?
Какое счастье быть сегодня русским!

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

В душе не смолкает мелодия,
любили мы петь во дворе:
«С чего начинается Родина?»
С картинки в твоём букваре...»

Мы прожили жизнь, и осознана
судьбою она без прикрас.
С чего начинается Родина?
Всегда начинается с нас.

В столице и дальней окраине
житейская правда одна:
какие мы сами, сограждане,
такая у нас и страна.

СОН НА ПЕРЕДОВОЙ ПРО ВАСЮ ТЁРКИНА

Под завесой лесной маскировки
в блиндаже, где зарыт горизонт,
мне приснился живой Вася Тёркин,
будто прибыл с подмогой на фронт.

Самый, может, известный советский
рядовой, фронтовик и герой,
и к тому же земляк мой, смоленский,
глянешь – сельский, ан нет – городской.

Берега Великой Победы

Каспарс Димитерс

Каспарс Димитерс – латвийский поэт, бард и общественный деятель. Родился в 1957 году в Риге в актёрской семье Виы Елизаветы Артмане (1929–2008), народной артистки СССР, и Артура Димитерса (1915–1986). Вия Артмане в 1998 году приняла православие с именем Елизавета, а Каспарс Димитерс стал православным ещё раньше, в 1986 году, с именем Елисей. Он известен на родине не только как автор и исполнитель латышских и русских песен, но и как либреттист – ему принадлежат либретто и тексты к некоторым сочинениям композитора Зигмара Лиепиньша, в том числе к рок-операм «Собор Парижской Богоматери» и «Роза и кровь», к мюзиклу «Вождь». Будучи решительным противником

пропаганды западных извращений, Димитерс постоянно выступает против проведения гей-парадов в Риге. Первые опыты сочинения песен на русском языке у него были ещё в 80-х годах, а начиная с середины 2022 года он пишет и поёт песни преимущественно по-русски в знак протеста против несправедливого отношения к русским в Латвии. Недавно он представил слушателям свой восьмой альбом. Его русские альбомы: «Я латыш, украинец и русский», «Война за детские души», «Я вас люблю», «Внимание, внимание, говорит война!», «Радуйтесь! Мы наша память», «Верните мне мою родину!» «И снова нужна нам Победа», «Брат белоснежной совы».

СТИХИ ИЗ СБОРНИКА «80»

Сборник посвящается 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

МОИМ БЕСПАМЯТНЫМ СВЕРСТНИКАМ

Всем прошлым своим собою я стал.
Прибыл мой поезд на «Белорусский вокзал».
Небо в прострелах, бьёт звёздный ток –
Карминовый дождик, гранатовый сок.

Память – мой флаг и мой полигон.
Я не стёр свою молодость – ею спасён.
Через ложь я с гитарой и с песней рвусь,
И с верой, до правды что домолюсь.

Фильмы, поэты, «Огонёк голубой» –
Всё для вас зло, диктатура, застой.
Будто прожили полжизни своей
В коме сплошной десяти тысяч дней.

Не любил кто тут красных, «голубых» полюбил.
Где мать родилась, где сам – всё забыл.
И детство забыл, цветных шариков май –
Для дружбы народов спасённый наш рай.

Где стёрлись былые радость, любовь,
Жизнь заполняют обида, и кровь,
И злоба за то, что дал обмануть
Сам свою совесть, память и суть.

В такой пустоте до самого дна
Вместо лжи и комфорта приходит война.
Всё наизнанку, кто дурачил, кто спас.
Вспомни, мой сверстник, мир, дружбу и квас.

Кто ранил Победы камень и кость,
Того заневолит его личная злость.
Не поможет ни отчитка, ни бабка, ни врач –
Кто ранил Победу, себе сам палач.

Электричкой до Юрмалы, а потом – паровоз.
Провожают букеты гвоздик нас и роз:
«За правду о прошлом, за то, чтоб не врать,
Могу и с гитарой в руках воевать».

ВЫСТРЕЛ В ВИСОК

У власти в Латвии какие-то странные тела –
Не всенародные у них, а свои лишь дела.
Делают историю в угоду Хозяину,
Настоящую уничтожают, превращают в тайну.

Уже с прошлого века, когда страну созидали,
Гос. нац. язык и латгалам обещали.
Кинули, конечно, и по сей день оттесняют.
Нацики своё дело, точнее – дело Хозяина, знают.

Власть имущие тела не имеют рассудка –
Тридцать пять лет идёт ненависти раскрутка.
Их призрак свободы – свобода ненавидеть
Всех, кроме себя. Русских унижить, обидеть.

Семьсот лет под немцами таскались –
Ходили рабами, рабыни сжигались.
Огонь и меч – их долгое миссионерство.
Почему не сносят Старую Ригу за такие
их зверства?

Победившие нацизм вдруг стали врагами.
Небось скажут скоро: «Мы победили их сами!»
Стелу свалили, но не смолк голос их лая:
«Yess! Придумали! Снесём де-Толли Баркляя!»

И писатель Упитис был слишком уж красный,
И Судраба Еджус с 1905-го уже опасный.
Хотя пьеса последнего по его рассказу
До сих пор в нац. театре. Запретить заразу?

Сестру Яна Райниса женой выбрал Стучка.
А Стучка ведь красный, значит, и сестра Райниса –
сучка.

Скоро и сам Райнис станет нациков злить.
Не за горами время – и его глыбу будут валить.

И Кришьянис Баронс жил в Руси тридцать лет.
Не может быть, что на нём пятен русскости нет.
Народных песен отец, хоть труд создал классный,
Для истинного нацика тоже опасный.

Сначала Ленина свалили – богоборца,
революционера.
Недавно и православных притеснять появилась
манера.

Телам у власти путь к цели ведь узкий:
Пушкин, Царь, Ленин – враг каждый, кто русский.

Не бывает место пусто. Если русофобия уже спорт,
Скоро на пьедестал заберётся сам чёрт.
В некоем крае нацистов уже славят,
А у нас, где стоял Ильич, памятник Адольфу
поставят.

Стоит весь наш мир на пороге адова края.
Заканчивается история, историю уничтожая.
Из-за таких вот тел, которым важен приказ Босса.
Но не построить Мир Новый после ядерного
хаОса.

Разделившаяся в себе страна не устоит –
Так сам Христос давно нам гласит.
Тела, кто у власти, нам преподают урок,
Как своему же государству пустить пулю

в висок.

ТАЙНА ПОДВИГА С ПОЗЫВНЫМ «КУЗБАСС»

*Солдату с таким позывным
посвящается*

Жизнь – и мостик, и цепочка,
Нитка, поводок...
Пальцы стылые в кулак зажались.

Рядом стихших братьев взвод –
Их в мундирах прах.
Выжил я – все остальные пали.

Нет в небе ни тьмы, ни зла.
В луже моя звезда.

Десять дней я притворялся
Мёртвым, чтобы жить.
Ночью ел паёк я павших братьев.

Шоколад как благодать,
Хлебцы – парижский торт...
«Я выберусь из этого проклятья».

Нет в небе ни тьмы, ни зла.
В луже моя звезда...

Днём зачистка: «Все ли трупы?» –
Лужу топчет враг.
Из той же лужи ночью пить мне жижу.

Как со смертью слился с грязью,
Жизни дар сберечь.
«Ангел мой, за что один я выжил?»

Нет в небе ни тьмы, ни зла.
В луже моя звезда.

В день пятый враг не подходил.
До рации дополз
И связь наладил, чуть согрет надеждой.

Гудит башка, прозяб до сна...
Ползу сквозь тьму к своим.
Дух запылал под ледяной одеждой.

Нет в небе ни тьмы, ни зла.
В луже моя звезда...

Не помню ясно, кто как спас.
Дополз и рухнул вмиг.
Ребята павшие со стягом снились:

«Таков наш труд – идти на смерть.
Мы пали, чтоб ты жил
И родные наши чтобы жили».

Нет в небе ни тьмы, ни зла.
В луже моя звезда.

Восемьдесят лет
С Победой той живая нить.
Мы для павших дверь –
Нам вместе снова победить!
Ими и ты избран жить.

Добавил солдат с позывным «Кузбасс»:
«Даже граната, упавшая рядом,
не взорвалась...»

«ВХОЖДЕНИЕ В ДЕНЬ – ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ»

*Ко дню рождения Дарьи Дугиной
(15.12.1992 † 20.08.2022)*

Вечные птицы, всё новые звёзды
Празднуют молодость Даши.
Облака окутаны прядями солнца –
Сверху всё выглядит краше.

Улыбкой твоей, словом и верой
Молодеет в сердцах наших старость.
Злость отступает, поют вечные птицы:
«Любовь твоя – жертва, не ярость».

Можно без слов, бескровно нельзя...
Смерть победившим доверяю.
В День Победы хоть миг на Земле проживём
Как на самом краюшке Рая.

Младенец рождается с первым криком
Свою с нами жить бесконечность.
Победила смерть Даша, потому что любила
Свою жизнь, как жизнь за вечность.

«Вхождение в день – переход через Альпы»¹.
Там прадеды, внуков встречая,
Говорят: «Как вторую, и третью осилим –
Ближе к девятому мая».

¹ Из стихотворения Дарьи Дугиной, посланного её другу, поэту Валентину Чередникову.

Из дневника Даши: «Самое сложное в вере – постоянство. Ото льда к огню можно метаться, но вот держать всё в едином регистре – регулярно молиться, ходить в Церковь и исповедоваться, даже когда считаешь, что незачем – это важнейшее.

Надо пересматривать отношение к мирской жизни – так не пойдёт дальше. На мне миссия молиться за моих – и может, моя одинокая тихая молитва кого-то сможет спасти. Меня уже нет – но кого-то!»

ПОЭМА

«БРАТ БЕЛОСНЕЖНОЙ СОВЫ»

*Посвящается герою
Якуту Андрею Григорьеву с позывным «Тута»*

Как-то так вот – и просто и сложно,
От «может быть» до «такое невозможно».
Шепчет Тута, идя рядом с Гикой:
«Молчи, смерть! Ослепни! Не рыкай!»

Флаг поднят – примотан скотчем.
«Вдруг живыми с крыши соскочим».
Жужжит коптер, слетает граната...
Взрыв, осколки, и нет Гики – брата.
«Его жизнь во мне, – мыслит Тута, –
Во мне теперь два якута».
Кровь из ран глаза залила:
«Я хочу, чтоб ты, плоть, жила».

«Пусть укроем пока мне не рай –
Пусть из шлакоблоков сарай...
Я не один – я вся орда!
Не одолеть нас никогда».

Из окошка пальнул якут,
И одного уже двухсотым зовут.
Второй, ростом выше кто был,
Сдаваться ему предложил.
Ни пуль не страшась, ни гранат,
Выскочил мигом солдат:
«Пусть ты круче меня, спецназ,
Только смерть сверх приказов приказ».
Ножом и зубами грызлись
Медведь Тута и элитный гризли.
«Чингисхан я, Орда! Ты обманут –
По злomu и чужому бьёшь плану.

От приёмов, зверских, жестоких,
Оба в порезах глубоких.
В одной лунке их кровь сгустилась:
«Господь, прояви Свою милость».

Перевес на стороне якута.
Противник, смертью окутан,
Изрёк: «Небо открылось шире...
Ты был лучшим бойцом в мире...

Прощай, мама... Отойди, отдышусь...
Спасибо, якут... Я не злосью».
Склонив голову, испустил он дух.
Два бойца людьми остались из двух.

Что потом, всем расскажут сети.
Помогли ему в снах его дети,
Товарищи павшие снились –
Как заступники, предупредили.
Как-то так вот – и просто и сложно,
От «может быть» до «такое невозможно» –
На сей раз с камеры шлема
Правда снята. Кому в чём проблема?

С неба вдруг голос: «Якут».
Он громко ответил: «Я тут».
То тут ты, то там, храбрый Тута –
Таким Бог создал якута.
Под плач седых облаков,
Под купсуура издали зов:
«Живи, богатырь, живи,
Брат белоснежной совы».

ПРОСНЁМСЯ МЫ,
И МИР ПРОСНЁТСЯ С НАМИ

Чтоб на смерть ранили Победу,
Придумал «Перестройку» чёрт.
Свободу дали каждому соседу,
И стало русских ненавидеть им как спорт.
Майдан теперь везде как олимпиада,
Родной чтоб был разрушен дом.
Народ чтоб президентом выбрал гада,
Кому поручено внедрить Содом.
Спросил я попугайчика Аманду:
Когда на Русь восстал «свободный» мир?
«В тринадцатом, когда гей-пропаганду
Товарищ Путин не пустил в эфир».
Пошли все санкции и все запреты.
Майдан «Рошена», скоро и война.
Чужой бедой, в чужой крови согреты,
Орут Краине: «Пей за нас до дна».
Им на руку – лишь гибли бы славяне.
На стороне какой – один им хрен.
И православные, и мусульмане
Руси святой – их беспределу плен.
Пока не здесь тот ужас рядом с нами.
И в Риге тихо, и в тиши Бишкек.
И спит страна с открытыми глазами,
И Янис спит, и Мойша, и Олег.
Да, спит страна с открытыми глазами,
И перед всеми восемьдесят лет
Идёт война, та самая, тут с нами,
Которой на бумаге как бы нет.
Пусть ярость благородная волнами
Вскипает в нас, и храбрость пусть как нож.
Проснёмся мы, и мир проснётся с нами,
Когда отвергнем всю чужую ложь.

ЗАКАРЬЯ – ОДИН В ОКОПАХ

Солдату Закарья Алиеву посвящается

Без воды и без хлеба,
Лишь помощью с неба
Один воин-затворник
Держит опорник.

В вертепе-кутузке
Дагестанец русский
Натошак три недели
Ел лук ради цели.
Разведчик-сапёр он –
Окопный ворон.
Души павших рядом
Целым отрядом.

Решил он не сдаться,
До конца огрызаться:
«Смерть на смерть тут меняем –
Живые стреляем».

Под шквалом осенним
Ни двухсотым, ни пленным
Бог не дал стать Закарье...
За Владлена, за Дарью...

Засёк дрон-разведчик
В норе его плечи,
Бросил тюрик с едою
И бутылку с водою.

Ликованья цунами!
Он как флаг с руками.
Позади смерть и беды:
«Мне дожить до Победы!»

Полегли его братья
У смерти в объятьях.
Уцелел дагестанец,
Как у Бога в кармане.

Обезвожен, голодный,
Мигом стал всенародным
Закарья Алиев...
Проснись, Руси Киев!

«ХАЛИСАТ, ХАЛИСАТ» –
ПОВТОРЯЮ СТОКРАТ

Матери Закарья Алиева посвящается

Халисат всем смиренно гласит:
«Просто мать я – хвалиться не стану».
Да, мать, но уже не просто:
Мать и Дагестану.

Она доверяла лишь сердцу,
Не с потухшим огнём словами.
Пять раз похоронка витала
Под радужным облаком мамы.

Пятнадцать контузий сына
И мать вдали претерпела.
«Халисат, Халисат, он живой!» –
Её сердце уверенно пело.

Тонкая, прозрачная мама –
Луч с неба сыну в окопах
На обратном пути к жизни,
Через смерть и минные тропы.

Вернул её чадо Всевышний
Жить вечно в их малом народе.
«Бог помнит» – так имя Закарьи
В древнем звучит переводе.

Чистым платочком покрыта,
Благородно в тиши ожидала
Халисат своего орлёнка
И в молитве не засыпала.

Истощённым звучал сына голос –
Не орлёнка уже, но орла:
«Ты же знала, что я живой».

Халисат ответила: «Да».

Халисат всем смиренно гласит:
«Просто мать я – хвалиться не стану».
Да, мать, но уже не просто:
Мать и Дагестану.

ДВИНА-ДАУГАВА – ТРЕМ СТРАНАМ СЛАВА

В Латвии родился я –
В Даугаву-матушку влюбился.
Земля одна всем как роддом.
Отец мой в Витебске родился.
 В Витебске река Двина.
 В Латвии она Даугава.
 Она и та же на Руси –
 Одна река нам как держава.
Двина и Полоцку как мать –
Для всех в ней святость обитает.
Двина-Даугава – караван
Вопреки пёсикам, кто лают.
 Всегда я родиной отца
 Неброский Витебск называю.
 Отец латыш, Шагал еврей:
 Как разделить их, я не знаю.
Любил отец, любил Шагал –
Творил актёр, творил художник.
Любви где нет, там и река
У ненависти как заложник.
 Я за Шагала, за отца!
 За Витебск я и за Даугаву!
 И не допустим превратить
 Реку родную нам в канаву.

Даугава-мать у латышей,
Хоть приплыла она с востока,
Реку Двиной назвали где
Те, кто у вод её истоков.
 Кто человек, тот и поймёт:
 Реку делить, как ветер взвесить.
 И Русь, и Беларусь чернить –
 На зло и смерть себе кудесить.

Мудрее нас она течёт –
Все тайны наших ссор скрывая.
До глубины она за мир,
Не как душа людей кривая.
 Границами реку рассечь
 Не смей, кому любовь не стержень.
 Одна вода, как кровь одна
 Веками всех нас вместе держит.

И Русь моя, и Беларусь.
И Витебск мой, и Рига тоже.
Над городом летит Шагал,
И мне взлететь с ним дай, о Боже!
 Двину-Даугаву Веной звали
 И венды наши, предки ливы.
 Течёт нам в венах кровь жива:
 Давай мириться, пока живы!

«СУХОЙ» ОН БЫЛ: ПРИШЁЛ СГОРЕТЬ ЗА НАС

*Памяти солдата Виталия с позывным «Сухой».
Рассказ жительницы села Шевченко*

И муж был там, и дочь с грудным ребёнком –
Мы начали с надеждой снова жить.
Пришёл солдат – соседи так приходят
От генератора мобильник зарядить.
С повязкой красной, молвив: «Да не бойтесь,
Бои в посёлке вашем позади...
Виталий я... “Сухой” мой позывной...
Пауэрбанк прошу, мать, заряди».
 Солдата обняла и прослезилась
 От радости, что свой, а не чужой:
 «Изжили мы, ой хлопец наш родимый,
 И страх, и голод, и подвал сырой».
Потом гостинцы он принёс ребёнку,
А нам, прошедшим тут прилётов ад,
Как ломтики вернувшейся надежды,
Дарил батончики и шоколад.
 В день тот другой под занавес тумана
 Пришёл он утром, не боясь врага.
 Но вдруг пальнула через мглу по дому,
 Всех обжигая нас, «Врага-яга».
Ещё вчера нас радовал он снимком –
УЗИ жена прислала: ждали дочь.
Гордился он, в той радости не зная,
Что утром спустится к нам смерти ночь.
 Муж обгорел, кругом всё полыхнуло.
 И дочери, и внучке жизнь он спас –
 Прикрыл собой, смерть смертию поправши...
 «Сухой» ведь был: пришёл сгореть за нас.
С повязкой красной он зашёл к нам просто
Свой пауэрбанк для связи зарядить.
Солдат Виталий, с позывным «Сухой»,
Сгорел за нас, чтоб дочке, внучке жить.

Берега юбилеев

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – родилась и живёт в Орле. Автор 14 книг поэзии и прозы. По произведениям снято 17 мультфильмов, издан песенный диск «Штапельный ветер». Член Союза писателей России с 2009 года. Председатель Совета по защите родной природы при Правлении СПР. Член редколлегии журнала «Берега». Руководитель литературной студии «Слово» (Орёл). Публиковалась в журналах: «Берега», «Наши современники», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Север», «Подъём», «Простор», «Великороссъ», «Лик», «Славянин», «Странник», «Эхо России», «Дон новый»; «Волга XXI век», «Немига новая», «Аргамак», «Александръ» и др. Лауреат множества всероссийских и международных литературных премий.

* * *

Краснотал по-над речкою тощий...
Хуторок.
Вроде был он...
и нет...

А по краю оснеженной рощи –
санный путь.
Иль судьбы моей след?..
Этот ситцевый, в ёлочку, ветер
да щеглы на бурьянной меже.
Разве сыщешь «жалчее» на свете?
С малых лет прикипели к душе.

Только время устало от бега,
перепутало с явью мечты,
и опять «идут белые снега»,
душ отцветших роняя цветы.
Лишь остывшее белое поле,
лишь голбец у сквозных росстаней.
Это – родина –
глушь да безмолвье...
Но попробуй не помнить о ней...

* * *

Я из тутошних мест, где полыньи ветра,
где сугробы по пояс к Николе.
Я – берёзовой роще родная сестра
и корнями вросла в это поле.

Как зарделся калиной морозный закат!
Зазвонили к вечеру так ладно,
что посыпался иней с крестов и оград,
принесло от стогов запах мяты.

Потянулись из труб золотые столбы,
Заморгали сквозь темень оконца.
Здесь подачек особых не ждут от судьбы,
здесь встают с петухами, до солнца.

И голоса в причёты порой от тоски,
коли вовсе душа «занемогла».
А бывает, поют всё от той же тоски
задушевым прабабкиным слогом.

Да, за хлебом – пять вёрст,
да, в метель не с руки...
Но зато недалече до Бога.

* * *

Зачем уехал ты в края чужие?
Неужто можно лучше отыскать?
Как разглядишь сквозь города большие
погост у церкви, где оставил мать?

Что будешь делать, если на чужбине
приснится детство, речка, Марьин ров,
и земляника россыпью в долине,
и стадо рыжих на лугу коров?

А вдруг захочешь летней светлой ночью
прижаться к старой яблоньке в саду
и дом увидеть позабытый отчий,
поймать на зорьке лещика в пруду?

Да, память человечья не всеильна...
Но родничок, с иконкою Христа,
просёлок этот, что в бурьяне пыльном...
Они-то помнят о тебе всегда.

* * *

По правде... красоты все здешние –
в посконной рубахе сквозной березняк,
да эта распутица вешняя,
да уток охрипших под небом косяк.

Ещё, не забыть бы, к Плющихе
усталых снегов то ли плач, то ли хруст,
как бабушкин творог, прорыхлых;
на поздних сносях рыжей вербицы куст...

Но всё ж удивляюсь. И с вами бывает?!
Откуда она? Из каких праглубин?
Вдруг в сердце ворвётся и переполняет
сермяжная ширь наших русских равнин.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то насупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.
Позови – ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,
лишь сосняк вдоль дорог,
против шерсти на славу причёсанный,
лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой – речными покосами.
Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматою
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Здесь травы в рост почти до окоёма,
с гнездом голубки у просёлка крест...
А всей деревни – два линялых дома,
что спорят с обезлюдьем этих мест.
Здесь году счёт – с Николы до Николы,
поскольку он – «ближайший до Христа».
И мужика «обличием с иконы»
легко, к примеру, встретить у моста.

Здесь на столе – на удивленье просто:
парное, хлеб да бахчевая снедь.
Здесь праздники справляют на погосте...
А с кем ещё «от счастья поревесть?»

* * *

Крахмальный, нарасно, густющий,
точь-в-точь как бабушкин кисель,
мороз в потёмках звезды лушит –
искрят сугробы и плетень...
Вдруг свет кресты на церкви древней
затешил, колокол запел.
Каляно-хрусткий, санно-певный
день покатил под возом дел.
Младик потерянной серьгою
сронился в кущи купырей,
где стог мякинною трухою
в подоле кормит снегирей.
Карюху дедка стёжкой узкой
ведёт к реке на водопой.
За ними след во след впритруску
бежит жеребчик молодой.
По кубанам разлив парное,
груит бабуля калачи.
И до кровиночки родное,
что народилось весною,
лопочет в люльке у печи.

* * *

Отцовский патефон
да стопка грампластинок.
Да лучик золотой
сквозь тюли на крылечко.
И не горчит душа
погорклою рябиной,
затепилась опять
пасхальной яркой свечкой.
Навеки позабыть
о снах своих кромешных.
Ложиться и вставать
под запахи шалфея.
Не вспоминать, что мир
уже не станет прежним,
что не скучать о нём
пока что не умею.
Смотреть, как день летит
за дали от порога,
по комнатам ходить
босой, простоволосой.
Неспешно толковать
пред образами с Богом
и райских птиц кормить
с ладони спелым просом.

* * *

Есть место такое на свете,
где в пояс июньский покос,
с полынною горечью ветер,
а ночь так светла от берёз,
что дед, закутив из кисета,
накинув на плечи «пинжак»,
на лавке читает газету.
Прикинет и эдак и так:
коль час его смертный настанет,
кому завещать, – вот вопрос, –
гнездо ласточаток за баней,
с могилами предков погост?
Округу с лазоревой далью
и воздух – не сыщешь хмельней?
А заросль ивана-да-марьи?
А в ней полусонных шмелей?
Поля без конца и без края
и новый помол на столе?
Душа за воротами рая
не сможет не ныть о земле,
об этих заутренних звонах, –
пусть храмовый колокол мал! –
и о придорожном поклонном
кресте, что неделю строгал.
Старик-то и жив лишь одною
мечтою, что выпадет срок,
под Вербное, ранней весною,
отслужится Мишка-внучок.
Осядет и пустит здесь корни,
заложит с антоновкой сад.
Дом выстроит светлый, просторный...
Старик был бы этому рад.
Чтоб ставни, карнизы резные,
чтоб в Красном углу – образа,
чтоб деду ладони родные
закрыли, час грянет, глаза.

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

Дремлет солнце в разливе.
День до блеска умыт.
Спит базар гомонливый
вдоль грачиных раки.

Нет снегов и в помине.
Вешний постный уют.
И пронзительной синью
вдрызг пролески цветут.

Под линияю крышей
в три оконушка дом...
В этом вербном затишьи
Русь списали на слом.

Даже сердце запнулось –
тихий вздох половиц...
На житейскую скудность
хоть реви, хоть молись.

Знаю: бед нынче – ливень,
да и помощи нет,
но в душе, как в разливе, –
ярким полымем свет.

* * *

Майское утро.
Сады в бело-розовой кипени.
Даль за рекою
раскинула светлый свой плат.
Что же ты бредишь,
душа, до сих пор его именем?
Жизнь надломилась,
уже ни вперёд, ни назад.
Я примеряла
и цвет этот розовый, кипенный,
и тот пресветлый,
как утренний дымчатый плёс...
Счастье б водилось
в доме под столетними липами,
если б надежды
судьба не списала на снос.
Завтра – в тумане,
хоть дни, словно стёклышко, чистые.
Знаю: грешна!
И стократ, и стократ неправа.
Зачеловечной,
неслыханной болью, невысказанной,
в сердце вросла
незабудь-голубая трава.
Ветер над садом
метелью пылит лепестковою,
словно зима
возвратилась из дальних сусек.
С кем без тебя
мне судьбу эту перебедровать?..
Будешь ли счастлив и ты без меня,
дорогой человек?

* * *

Сливовый,
маттиоловый,
духмяный
июньский вечер
бродит меж ветвей
омытого закатным солнцем сада.

С веранды –
одиночеству награда –
Рахманинов.
Концерт для фортепьяно.
Ван Клиберна.
И в сиренях – соловей.
На всю Вселенную!
Над всей округой!
Да так,
что пыль просыпалась со звёзд!
И сердце – вдребезги,
и нет покоя,
душа слепа –
опять больна тобою,
метелит в ней
рахманинская вьюга.
Ведь было!..
Было!
Пусть и не сбылось...

* * *

Бус янтарных нитка – ручеёк в лощине,
вербы-перестарки, шепоток песка,
тополь у амбара в гнёздах сорочинных,
небо – бледный штапель старого платка.

Стёклышко с надтреском на крылечной раме,
хоровод капустниц, воробьиный порх.
Каждый день, как вечность, каждый камень – память...
И неспешный к ночи с Богом разговор.

* * *

Как столбы в теремах, подпирают дымы золотые
небосвод – Божьим промыслом вновь затепляется день.
Обгоняя меня, мимо церкви, ракушек погоста
по белёным холстам санный след полетел на зарю.
А с крестов вещих птиц отряхает задумчивый иней...
Не печалься, душа, – нам с тобою торить ещё путь.
Холода на дворе... Мы же столько ещё не согрели,
не додумали дум, не сказали в глаза о любви!
И не ты ли сама привязала меня к этим людям,
к этим рощам с колючей куделью сосновых вершин?
Научила читать, как в скрижалях, по здешним погодам
и свою, и земли этой древней сакральной судьбу?

Берега юбилеев

«МНЕ БЕЗ РОДИНЫ – НИКУДА...»

*Поэту, прозаику, публицисту Геннадию Сазонову 21 марта 2025 года исполось 75 лет.
С юбилеем беседует известный тверской писатель Валерий Кириллов*

– Мы давно знаем друг друга, и я хочу спросить, Геннадий, что для тебя, русского поэта, прозаика, публициста, означают понятия Родина, род, родное?

– Настолько глубокие, обширные, значимые понятия, что в двух словах не объяснишь. И всё же скажу кратко: Родина, род, родное – для меня всё, чем я живу и дышу с той поры, когда газета древнего Торжка опубликовала первые стихи – в 1965 году. В них, кстати, была строка: «Дай ты мне, дорога, окунуться в Русь...»

Вот и окунаюсь до сих пор! А что? Чудесно! Я искренне, сердечно люблю Тверскую землю – одну из сокровенных, где предки качали колыбель Святой Руси. И хотя я появился на свет пятым ребёнком в семье железнодорожников на станции Пожитово под Торжком, мои родовые корни в Селигерском краю, в Андреапольском районе, откуда отец и мать. Ты знаешь, я даже написал стихи «Нилова пустынь», раскрыл семейную тайну. Когда в монашеской обители на острове Столобном на Селигере я увидел бронзовую фигуру святого Нила, то упал перед ней на колени.

Настолько поразило СМИРЕНИЕ отшельника Нила. А ведь именно ему молилась моя бабка, чтобы появилась на свет моя мама, – такая духовная связь.

Сергей Есенин писал: «Чтобы не сгнить в затоне, страну родную нужно покидать...» Он имел в виду уход из рязанских раздолий в азиатскую Москву. Я с ним не согласен. И никогда бы не покинул тверские края, если бы не журналистская стезя. Она увела меня на Южный Урал, в Оренбург, я побывал в Уфе, Свердловске, Куйбышеве, Орске. После из жарких степей оказался на Русском Севере и в Заполярье – в Нарьян-Маре, Архангельске, Сыктывкаре, Воркуте, Великом Новгороде... А ещё раньше удалось кратко побывать в Баку, в Каунасе и Риге, которые ныне стали уже заграницей. В теперешнее время мне посчастливилось посетить Тюмень, Тобольск, познакомиться с чудесными людьми Сибири – замечательным писателем Леонидом Ивановым, с которым работал в газете «Труд», и руководителем фонда «Возрождение Тобольска» Аркадием Елфимовым. И всё это – наша Родина! И не любить её нельзя. Мне дороги и Севастополь, где я собирал материал для военной книги, и Кириллов, который поражает древним монастырём. Я не понимаю людей, которые уезжают на Запад, якобы там больше платят, там больше комфорта. Ну, это всё равно, что родную мать сменить на чужую непонятную тётку...

В то же время я категорически против тех, кто огораживает себя «местечковым бытом». Мол, вот «моё болото», буду его воспевать – и всё. Возвращаясь из Тобольска, я вот о чём подумал. Почему у нас такое жадное правительство? Жадное оно относительно собственных граждан. Давным-давно пора было бы принять Закон, который позволял КАЖДОМУ ГРАЖДАНИНУ один раз в жизни проехать бесплатно через всю страну – от Калининграда до Владивостока. Чтобы гражданин имел представление о том, в какой стране он живёт. А то доходит до анекдота. Приехал на Вологодчину либерал-разрушитель и спрашивает у представителя власти: «А Великий Устюг у вас, что ли?» Ему ответили: «Да, у нас!» А он: «А я думал, что Устюг в Сибири...» Вот так вот: управляет страной,

не зная её географии, её людей, её традиций. Зато он – либерал-западник, а это большое «профессиональное» достоинство, чтобы управлять Россией...

Так сложились обстоятельства, что почти сорок лет я связан с Вологодским краем. Он стал мне второй Родиной, не менее близкой, чем дорогое сердцу Верхневолжье. А если окунуться в историю, то вся эта территория, включая Петербург, – Новгородская Феодальная республика, в которой я и существую все 75 лет. Кстати, Республика очень мало изучена, а в ней были удивительно справедливые законы: например, при рождении каждому выделялся участок земли. Сегодня наши московские либералы об этом даже и не слышали. Горько сознавать, что за последние тридцать с лишним лет много утрачено положительного социального опыта, он заменён «западными образцами». Отсюда – расслоение общества, нищета значительной части населения, демографическая катастрофа, нежелание развивать русскую глубинку, мол, пусть вымирает...

– **В прошлом году вышел твой двухтомник «Душа жива в слове. Раздумья о русской литературе». Объёмный, важный, подвижнический труд. Что особенно ценно, значимо – во втором томе ты рассказываешь о писателях из русской глубинки, продолжающих традиции русской литературы. Они, к сожалению, забыты, поскольку находятся не в «формате» у либералов.**

– Над двухтомником я работал несколько лет, думаю, на сегодня – это моя главная книга. В ней около 700 страниц и 34 персоналии, начиная от Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Фёдора Ивановича Тютчева и других гениев и заканчивая современными авторами. Какая идея? Русская классическая литература бессмертна, она – великое бесценное богатство. Пожалуй, она – единственная, которая является «удерживающим» культуру РФ от полного распада. В то же время на классиков идут бесконечные нападки, «умники» утверждают, что классика устарела, она не «нужна», её следует выкинуть на свалку. В меру сил я развенчиваю эти «мифы» на примере Ивана Сергеевича Тургенева, Афанасия Афанасьевича Фета, Святителя Игнатия (Брянчанинова) и других прекрасных авторов, а также – и современных.

Конечно, я выглядел бы нелепо, если ограничил бы раздумья какими-то академическими рамками. Такого нет! Книга отражает и текущий день России, и проблемы современного мира. Особенно это характерно для второго тома. Ведь уже не один десяток лет либералы навязывают обществу «страшилку», будто современной русской литературы нет. Вот, мол, есть литература «русскоязычная», «литература авангарда и абсурда», «литература нон-фикшн», «литература пятой колонны – русофобская», наконец, «литература бульварная». Эти все глубококомысленные уверения либералов далеки от реальности. Как говорил герой басни Ивана Крылова: «Ну, братец, виноват: слона-то я и не приметил».

Так и тут – не замечают главного: широкого потока подлинной русской литературы – художественной и документальной прозы, поэзии, публицистики, литературной критики, исторических исследований, а также довольно сильной волны литературы Православной. Практически в любом регионе есть авторы, продолжающие традиции русской классической литературы, авторы, которые имеют полное право на то, чтобы их знала, а особенно – читала вся страна. Можно долго перечислять имена, назову хотя бы несколько – поэт Владимир Скиф и прозаик Анатолий Байбародин из Иркутска, публицист и прозаик Валерий Кириллов из Твери, прозаик Михаил Попов из Архангельска, литературный критик Вячеслав Лютый из Воронежа, поэт Юрий Максин из Устюжны Вологодской области, поэт Виктор Кирюшин из Москвы, поэт Юрий Кекшин из Смоленска и ещё целый легион. Но их сознательно игнорирует так называемое «литературное сообщество» в лице частных издательств в Москве и так называемая «литературная критика».

Более того, русские писатели, стоящие на родной почве, прокладывают нашей литературе дорогу в будущее. В частности, в книге я поместил большое исследование о Николае Михайловиче Коняеве, которого часто называют «современным Достоевским». Николай Михайлович разработал и утвердил новый литературный метод – «православный реализм», он горячо ратовал за то, что писатель тогда по-настоящему писатель, когда он является СОРАБОТНИКОМ БОГУ!

– **По-моему, название очень точное, ёмкое – «Душа жива в слове». Ведь слово не только передаёт наши мысли, наш опыт, являясь свидетельством состояния нашего ума. Слово – явление духовное, о чём, к сожалению, мы в суете будней не всегда задумываемся.**

– Да, Валерий, соглашусь с тобой. Увы, о духовной сути Слова многие люди забыли. Я уже не говорю о том, что исконный русский язык в обиходной жизни у нас практически заменён сленгом, блатным жаргоном, нецензурным матом и иноземными словами. Вот у нас второе лицо в госу-

дарстве, умный управитель. Но когда он что-то говорит, то через каждое предложение следует: «Кэшбек, кэшбек». Ну, что это такое? Дорогой, управитель, вспомни, где ты живёшь? А в Вологде пошли ещё дальше. На Окружном шоссе на обочине установили огромный плакат про «Кэшбек», в каждом магазине по десятку надписей «кэшбек». Я спросил у продавщицы, что это значит, она послала меня... на три буквы. А злополучный кэшбек – всего лишь термин игорного бизнеса, термин шулеров... Или вспоминаю, как весь из себя «русский патриот», ульяновский губернатор Морозов присудил литературную премию имени Ивана Гончарова писательнице из Израиля, которая состряпала роман из мата и низкопробного жаргона. И никто не возмутился такой наградой ни в Ульяновске, ни в Москве.

Только главный редактор популярного журнала «Берега» из Калининграда, известная поэтесса, прозаик и публицист Лидия Довыденко послала Морозову открытое письмо, назвав его поступок омерзительным, позорным для русской литературы. За русский язык нужно бороться, отстаивать, защищать. Но этого практически не делают.

Руководство РФ, депутаты Госдумы принимают много законов по поводу русского языка, а после обсуждают в своих кабинетах исполнение этих законов... с помощью мата.

Так мы далеко «уйдём»!

– По итогам 2024 года состоялось присуждение премии «Слово». Безусловно, положителен факт появления такой премии. Однако нет ли у тебя опасения, что в её присуждении значительна роль не столько Союза писателей России, сколько давно сложившегося междусобойчика?

– Пожалуй, такое ощущение есть. Обойма из трёх «величайших» писателей кочует из премии в премию. Как сказал один мой хороший знакомый и замечательный прозаик, «нынче премии не присуждают, а назначают». К сожалению, так, и «Слово» – не исключение. Из 9 тысяч членов Союза писателей России в лауреаты попали лишь несколько авторов из Москвы, что называется, гора родила мышь.

Сама идея поддержки писателей через премии нормальная. Весь вопрос в том, насколько это улучшает качество литературных произведений.

– Мы с тобой пришли в писательство из советской журналистики. Мне видится в этом несколько положительных факторов. Советская, подчеркиваю – советская, журналистика дала нам познание народной жизни. А ещё – приучила к самодисциплине, к работе не во имя корысти, а во имя служения народу. Как ты оцениваешь состояние современной журналистики? Мне кажется, она, в значительной мере, перестала быть интеллигентной профессией.

– К сожалению, в Российской Федерации журналистики как фактора общественного сознания, как фактора высокой культуры просто нет. Это очень печально!

Русская журналистика, а позже и советская журналистика сильно отличались от западной журналистики. Там на первом месте стояла погоня за сенсацией, разумеется, жареной, часто фальшивой, и личная корысть. У нас было другое: в центре стоял – ЧЕЛОВЕК! Защита ЛИЧНОСТИ от произвола чиновников была главной темой. Вспомним хотя бы Владимира Короленко, про которого Иван Бунин однажды сказал, что, пока жив Короленко, я спокоен – СОВЕСТЬ в России есть. Вспомним Владимира Гиляровского, вспомним Бориса Полевого или Анатолия Аграновского – их острые очерки читали миллионы людей, по их очеркам органы власти принимали меры, публикации журналистов изменяли повседневную жизнь.

Теперь этого ничего нет. О деградации журналистики свидетельствует простой факт – на страницах газет и журналов отсутствуют жанры, вы не найдёте репортажа, очерка, статьи, размышлений публициста. Есть только ТЕКСТЫ, часто вторичные, взятые из Интернета.

– Писательство и краеведение – связаны друг с другом. Не зная Родины, как можно писать искренне и правдиво? Но сегодня, увы, краеведение, как бескорыстное подвижничество, всё больше подменяют «квасным патриотизмом» у бюджетной кормушки.

– Ты прав. Хочу добавить, что после Великой Отечественной войны, это хорошо помню, да и ты помнишь, государство щедро поддерживало тех, кто занимался краеведением, – надо было опираться на что-то твёрдое, своё, русское, национальное. Поэтому возникали общества краеведов, издавались журналы и книги, собирались материалы по истории края, села, деревни, увековечивалась память о героях войны.

Добрые традиции во многом утрачены. У власти, как правило, один ответ на просьбы краеведов и писателей, занимающихся исторической темой: «Нет денег!» Отсюда получилось так, что краеведение в немалой степени заменил... американизм. Ссылки на «американский образ жизни», на «американскую мечту» и т. д.

– **На твой взгляд, возможна ли стабилизация отношений России и Запада и на каких условиях?**

– Так сложилось, что Запад у нас часто подменяют Америкой, то есть США, где действует сионистский фашистский режим, о чём я не раз писал и говорил. Фактов, свидетельствующих о преступности этого режима, море! Но Запад – это не только США. Ещё в Средние века, когда не было США, Великий Новгород дружил и торговал со всем миром, не спрашивая разрешения... у Трампа. Империя Российская имела и отстаивала собственные интересы на многих континентах, опять же не спрашивая «разрешения» у Америки. И только после уничтожения Советского Союза, осуществлённого именно США, стало модным про всех и вся спрашивать «дозволения» у Америки. Пора бы всё-таки заканчивать с бездумным поклонением американизму.

Безусловно, стабилизация отношений нужна, но не на условиях колонизации России, как это сделали Горбачёв и Ельцин. Война на Украине, где США нагло захватили исконные русские земли, ещё раз показала, что США и Запад не смогут взять силой Россию – кишка тонка. Поэтому стабилизация отношений может быть только на наших условиях, с учётом интересов Русского Народа. Всё иное – предательство!

ТВЕРЬ – ВОЛОГДА, март 2025 года

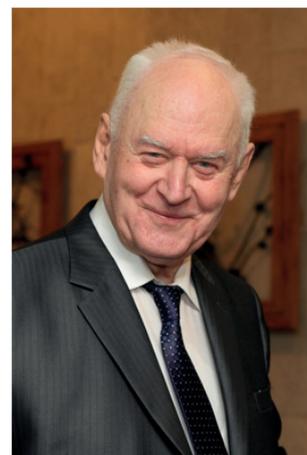
Берега юбилеев

Уважаемый Юрий Герасимович!

Редакция журнала, наши авторы и читатели сердечно поздравляют Вас с 85-летием и желают Вам новых творческих успехов, несокрушимого здоровья, радости, добра и света!

Юрий Богомолов

Юрий Герасимович Богомолов – член Союза писателей России, Учёного совета Всероссийского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации им. А. Н. Костякова (ФГБУ «ВНИИГиМ им. А. Н. Костякова»), действительный член Русского географического общества, кандидат биолого-минералогических наук, лауреат «Национальной экологической премии им. В. И. Вернадского» в номинации «Наука для экологии» и премии Союза писателей России «Имперская культура им. Э. Володина» по разряду «Наука», награждён Российским геологическим обществом медалью им. А. Е. Ферсмана «За заслуги в геологии».

АЙСБЕРГ

Рассказ

Продолжение. Начало в № 1-2025

Посол спросил: «Что требуется от меня для развития идеи об использовании айсбергов в Йемене?»

Я попросил Олега Герасимовича не форсировать эту идею, а предоставить мне возможность заменить американское геофизическое оборудование «Бизон» на советское с мощными батареями для дальнейшей работы по программе с ООН. Это было необходимо для того, чтобы в процессе ВЭЗ импульс тока проходил на более глубоком уровне и, соответственно, электроды разносились от оператора на более дальние расстояния. Это позволило бы исследовать на наличие подземной воды более глубокие зоны в земной коре – до 500 м. Посол удивился: «Я бы вас мог послать в любую точку мира, но вы просите поехать в Москву, это упрощает задачу, я дам команду Валентину Ивановичу, вас отправят и встретят». Вышел из кабинета посла и в приёмной присел на диван к ожидавшему меня Рудакову. Он слегка удивился, обнаружив меня радостным, и попросил пройти с ним в его специальную комнату, которая была оборудована таким образом, что прослушать её с любого расстояния, даже из космоса, было невозможно. Я предполагал, что находиться в такой комнате вредно для здоровья и говорил Рудакову, на что он мне отвечал: «Ну ненадолго, то можно». Мы сели за какой-то железный стол, он дал мне ручку и бумагу и сказал: «Опиши, как ты работал на землях президента, с кем ты там общался и другие детали». Взял ручку, пододвинул чистый лист к В. И. Рудакову и тихо прошептал: «Валентин Иванович, тебе надо – ты и пиши». – «Ох, какой ты осторожный», – сказал Рудаков. Я ответил: «Валентин Иванович, тебя лично уважаю как человека, но ваша контора может подставить под закланье кого угодно, когда нужно будет выполнять очень крупное государственное задание. То есть пожертвовать человеком как пешкой, поэтому ничего подписывать не буду». Валентин Иванович немного огорчился, но взял ручку и стал писать. Он описал примерно то же самое, что я рассказал в этом повествовании о работе в районе Санхан. «Я закажу вам билеты, господин Богомолов, на завтра в Москву, – сказал Рудаков. – Вы полетите через Дамаск, вечером заходи ко мне за паспортом». За паспортом надо было зайти в консульский отдел посольства, где он хранился в сейфе под расписку. Мне надо было встретиться с консулом – Тельманом Аветиковичем Мхитаряном (бывшим таксистом), с которым мы часто встречались как

*Чрезвычайный полномочный посол СССР в ЙАР
О. Г. Пересыпкин*

на общественных мероприятиях в посольстве, так и на улицах города. Тельман Мхитарян использовал свои водительские знания в Санае. Он отслеживал нарушителей дорожных правил на улицах города, но замечания делал, конечно, только советским гражданам. В посольстве проводились турниры по волейболу, шахматам и пр., на которых моя семья принимала участие. На одном из них пятилетний Герасим пробежал на трибуне мимо Т. Мхитаряна, не мог проскочить из-за большого живота генерального консула посольства СССР и задвинул этот живот в сторону руками. Этот демарш несовершеннолетнего вызвал болезненную реакцию и воспитательную беседу с Ольгой Евгеньевной. К своему заместителю В. И. Рудакову малообразованный Тельман Аветикович относился бестактно. В общественной жизни коллектива отдела ООН в Санае я также принимал участие, играл, в частности, за сборную ЙАР в баскетбол вместе с йеменцами, американцами и африканцами.

Пужинав дома, заехал в посольство около 10 часов вечера, поскольку Валентин Иванович жил при посольстве. Войдя в консульский отдел, я увидел консула, В. И. Рудакова и ещё персону, которую уже не помню. Они выпивали, закусы-

вали, курили, и им было не до меня. В. И. Рудаков открыл сейф и выдал мне мой международный голубой ооновский паспорт.

Назавтра вылетел в Москву, остановившись на несколько дней в Дамаске в посольстве Советского Союза в этой стране. В Москве при прохождении паспортного контроля майор спросил меня: «Где ваш советский паспорт?» Для меня это было очень удивительно, поскольку в Сирию я въехал и выехал с голубым паспортом ООН. Объяснил майору, что это голубой паспорт, с которым эксперты ООН ездят по всему миру. Он вызвал свою службу и попросил меня очень корректно пройти через коридор в отдельную комнату. Как помню, в этой комнате три стены были в виде зеркал, кроме четвёртой. Сел в удобное кресло и стал ждать. Напротив кресла было пустым. Ждал примерно минут 5–10, когда в комнату вошёл очень приятный и улыбчивый человек в штатском. Он сел напротив меня и в упор стал меня рассматривать. Было это не совсем приятно, однако я выдержал этот взгляд и спросил его: «Какие сложности с моим паспортом?» Далее ситуация развивалась как в детективе. Человек спросил очень ласково: «Ваше имя, отчество и фамилия?» Ответил. «Где вы родились?» Ответил. «Сколько вам лет?» Я ответил. Далее были следующие вопросы: «Ваш адрес места жительства, как зовут вашу жену и ваших детей, как звали или зовут ваших родителей, какое высшее заведение вы заканчивали?» Он мог бы ещё дальше продолжать вопросы, но меня взорвало. «Вы за кого меня принимаете?» – заорал я. «Уважаемый господин Богомолов, – сказал человек в штатском. – Вы находитесь в СССР и с вами работает майор государственной безопасности, – и назвал фамилию, которую запомнил. – Вы должны понять, что ваш голубой паспорт в Соединённых Штатах имеют очень много граждан, и мы можем основываться о данных по вашей личности только на вашем заявлении, которое вы сейчас сделали. Но эти сведения нам необходимо перепроверить. Мы вам предоставим гостиницу на несколько дней, пока будет проходить проверка». Я, конечно, был в лёгком шоке, мой чемоданчик был доставлен в гостиничный номер, который находился под контролем КГБ. Ненавязчиво мне было сказано: «Вы можете пользоваться продуктами в холодильнике, выпивка за ваш счёт». Провёл в этом номере двое суток, позвонил маме, которая очень удивилась, что я прилетел в Москву, объяснил ей, что пока увидеть её не могу,

смотрел через окно на русские берёзки и задавался вопросом: «Почему Валентин Иванович Рудаков не выдал мне советского паспорта?»

Через два дня меня освободили, приехал днём из Москвы Милешин на такси и первое, что он сказал мне: «Юрий Герасимович, такси за ваш счёт». Команду по вызволению меня из гостиницы КГБ дал заместитель начальника отдела ООН в ГКЭС Склеров, оформлявший меня в командировку в Йемен. Через два дня был вызван к Михаилу Антоновичу Шумаеву, начальнику этого, и имел с ним очень специфическую беседу. Когда вошёл в его кабинет, он посмотрел на меня хмуро и сказал: «Ты что затеял провокацию, где советский паспорт? Дай мне твой голубой паспорт». Я отдал. Он взял его не раскрывая, кинул об стену так, как будто это было что-то неприятное для него, и ещё раз повторил: «Где советский паспорт?» Мне его тон был неприятен, но я терпел, поскольку не понимал, что происходит. Объяснил ему, как и почему выезжал по распоряжению посла. Михаил Антонович немного подуспокоился, выразился ненормативной лексикой, сам поднял паспорт, который валялся на полу, отдал мне его и сказал: «В двух словах напиши, как ты вылетел сюда: распоряжение посла Рудакову, получение у Рудакова паспорта в консульском отделе, задержание тебя на границе и подпишись». Я всё это сделал. «Ты теперь сможешь вылететь обратно к своей семье только тогда, когда мы запросим твой советский паспорт в Сане, он оказией придёт в Москву, и только после этого ты сможешь вернуться на свою работу по линии ООН».

Поскольку самолёты в Сану летали один раз в неделю, я понимал, что в моём распоряжении семь дней, чтобы найти советское геофизическое оборудование и необходимые батареи к нему ГРМЦ-600. Найти это оборудование официально было очень сложно, поэтому через три дня бесплодных поисков поставил ящик водки в одну геофизическую контору и получил новенькое советское оборудование вместе с батареями (они были очень тяжёлые и похожи на ящики с патронами Второй мировой войны). Через неделю получил советский паспорт и вылетел в Сану. Мне повезло – на паспортном контроле дежурил опять тот же майор. Он благожелательно улыбнулся и сказал: «Уважаемый Юрий Герасимович, вы бы не смогли вылететь в Сану, если б тут дежурил другой, а не я». – «Почему?» – спросил я. «Потому что в вашем паспорте нет отметки о том, что вы прибыли в СССР, его вам прислали почтой». У меня опять защемило сердце, и вспомнил В. И. Рудакова. Майор повёл меня в ту же комнату и попросил написать, что советский паспорт был мною получен из Сану в Москву оказией без проставления штампа о въезде. Поблагодарил хорошего человека и вылетел в Сану. Много было различных сложностей с оформлением багажа весом более 100 кг, поскольку юридически он был увязан с моим советским паспортом. Пришлось заплатить только за лишний вес, и я прибыл в Сану.

Самолёт ещё не заглушил моторы, но в салон уже ворвался Валентин Иванович, подбежал ко мне и прошептал, чтобы окружающие не слышали: «Где прибор?» – «В брюхе самолёта», – ответил я. Для него это было очень важно, поскольку груз мог прибыть и следующим рейсом и отчитаться перед послом было бы гораздо сложнее. Но меня интересовал другой вопрос: почему он не отдал мне советский паспорт? На следующий день я не пошёл на работу, пообщался днём с семьёй и вечером по своей инициативе прибыл к нему домой в посольстве. Валентин Иванович ждал меня и знал, что буду у него спрашивать и, улыбаясь, расставлял стаканы и закуску. Мы выпили, я спросил: «Зачем ты это сделал, Валентин?» – перейдя неожиданно на ты. Он не ответил, ещё раз налил. «У меня седые волосы появились после этого, говори», – выдохнул я. «Юрий, было указание проверить наш паспортный контроль, и мы решили проверить это через твою нервную систему», – было сказано. Я вышел, употребив ненормативную лексику: «За это надо платить или орден давать», крикнул с порога. Не общался с ним неделю. Позже всё устаканилось. А по возвращении в Москву Валентин Иванович нашёл меня и, узнав, что Ольга Евгеньевна скончалась в 2002 году, попросил меня посетить её могилу. Мы поехали к нему домой и помянули её. В. И. Рудаков был очень порядочный человек. Но с партийным руководством всё было иначе.

Секретарь партбюро посольства Лахонин ревниво относился к моей семье – голубоглазым Герасиму, Марии и симпатичной Ольге Евгеньевне, когда мы посещали посольство по приглашению посла на праздники. На один из таких праздников было приглашено много иностранцев, в том числе из отдела ООН в Сане. Они явились на лужайку перед входом в основное здание и, увидев меня, стали в свободной манере приветствовать персонал посольства. Сотрудники посольства, которых официально построил к приёму иностранцев (американцев, йеменцев, африканцев, филиппинцев

и др.) Лахонин, стояли по-советски скованно, поскольку команды им никакой не поступило от руководства. Я не выдержал, вышел из этой молчаливой шеренги и пошёл навстречу гостям, тем более что многих из них знал очень хорошо. Такой естественный, казалось бы, поступок вызвал у Лахонина и его заместителей сильное раздражение, и меня вызвали через пару дней в посольство к Лахонину для «прочистки мозгов эксперту ООН», как потом юмористически выразился Валентин Иванович Рудаков. Я был членом КПСС, сдавал членские взносы в валюте, и тем не менее этот мой «недипломатический поступок», как выразился Лахонин, привёл в конечном итоге к выдаче мне отрицательной характеристики от тройки – секретаря партбюро посольства, председателя профсоюзной организации посольства и сотрудника советской геологической партии, которые на двухсторонней основе работали в ЙАР. По прибытии в СССР я понимал, что с такой характеристикой я становлюсь невыездным за пределы СССР, обратился в Москве к Олегу Герасимовичу Пересыпкину, который был в отпуске и жил в районе Нового Арбата. Он вышел ко мне в спортивной форме на улицу и спросил, что случилось. «Ваши друзья в посольстве выдали мне отрицательную характеристику», – пожаловался я и показал ему копию документа. «Это не друзья, а сотрудники посольства, – поправил меня посол, – завтра приходите сюда с вариантом вашей характеристики». Так была изменена в одночасье бумага, от которой зависели мои возможные командировки за рубеж в советское время.

За нами с Яхьей время от времени следовала какая-то машина-развалюха. Мы заметили это конкретно, когда поднимались в горы. На небольшом перевале в гостинице из пяти номеров мы и заночевали. Эта «развалюха» также подъехала, водитель прошёл в этот маленький отель. Через час выйдя на балкончик, обнаружил, что наш небольшой домик отрезан от нижележащей долины сплошным туманом, как молоком. Вспомнил впечатления актёра Баниониса о посещении Йемена, назвавшего страну загадочной сказкой. В номере Яхья занервничал: «За нами шпионят!» Я вышел и решил познакомиться с хозяином этой старой машины. Его звали Ланс, он был американец с высшим образованием в области юриспруденции, как он сказал. Мы разговорились, выпили. К моему «лекарству» Ланс отнёсся подозрительно, пока я сам не выпил. Попробовав же его, янки радостно зашебетал на своём американском сленге «double twenty degrees» и повторил несколько раз. Ланс ездит по всей стране и рекламирует «Советы». А развалюха-машина (disaster car, как он сказал) имеет мотор в 350 «лошадей». Он также сообщил, что меня могут пригласить в посольство США в Сане. Так оно потом и случилось. Приличные люди, оказывается, могут появляться неожиданно в любом месте. Поскольку о своём перемещении по стране я был обязан информировать посольство СССР, В. И. Рудаков очень озадачился приглашением меня с семьёй в посольство США в Сане и послал запрос в Москву. Москва дала «добро», и мы с женой посетили посольство США, правда, сидели за столом вчетвером – я с женой и секретарь посла (дама) с крепким мужчиной от 50–60 лет. Никакой политики в беседе не было. Было ощущение, что нас с женой просвечивают на предмет вербовки. Расстались они с нами очень дружелюбно и повезли до виллы. Но если бы Москва не дала «добро», что бы мне пришлось делать? Как знать, как знать... Я же всё-таки был на период контракта с ООН в прямом подчинении UNO (ООН) в Сане...

Продолжение следует...

Берега памяти

Анна Козырева

Анна Александровна Козырева – родилась в Краснокамске Пермского края. Образование: Литературный институт им. М. Горького и сценарный факультет ВГИК. Призёр Литературной премии благоверного князя Александра Невского за книгу «Тайны крещения Руси» (2008). В 2013 году на IV Международном славянском литературном форуме, который проводится в рамках Международного кинофестиваля «Золотой Витязь» при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, за рукопись «Путешествие со звездой. Рождественская история» получила специальный приз от Русской православной церкви «Дорога к храму». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ МАЛЬМИ

В январе умерла Валентина Мальми. Поэт. Редактор. И просто хороший человек. Я бы даже уточнила – замечательный.

Жизнь конечна... Кому не известна столь неотвратимая истина? Каждый знает о том, однако всякий раз сообщение о смерти кого-то из близких ли, хороших знакомых ли оказывается внезапным и оглушает, даже если, как нередко пишется в некрологе, «после долгой и продолжительной болезни», вольно или невольно конец был ожидаем...

«Светлый, основательный, умный, душевный, честный человек», – отозвалась на её смерть одна из землячек, которой Валентина Николаевна помогала в своё время в составлении поэтического сборника.

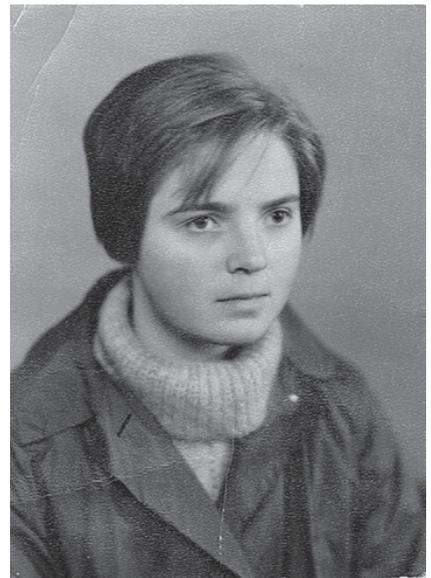
И я однозначно могу повторить эти слова, разве что поспешу добавить, что она была очень чутким, отзывчивым и внимательным человеком с врождённым чувством меры и такта, – всё это указывало на её внутреннюю глубинную культуру.

Мы познакомились более тридцати лет назад, когда Мальми практически неотлучно находилась при Татьяне Михайловне Глушковой. И все те годы, которые провела рядом с тяжело больным человеком, вполне можно определить как жертвенные. И это далеко не пафосное определение, а точное обозначение преданного и искреннего служения, сродни, повторюсь, жертве.

Не менее требовательно Валентина Николаевна отнеслась к себе и тогда, когда после смерти Глушковой, как составитель и редактор, приготовила к печати сборник её стихов «Не говорю тебе прощай...».

Позднее были хлопоты по передаче книг большой библиотеки Татьяны Михайловны в Пушкинское Михайловское, где та по молодости водила экскурсии. Тщательно работала Мальми с архивом поэтессы, который со временем передала на надёжное хранение.

Я не могла не вспомнить тех лет, наблюдаемых мною, именно в связи с Валентиной Николаевной. Лично у меня к ней особое чувство благодарности. Только благодаря её настойчивости я снова стала писать, определив для себя когда-то это занятие лишним... Её поддержка на протяжении долгого времени не просто помогла мне увериться в себе, но и точно определила, что такое русская Литература.

*Валентина Николаевна Мальми
(16 июля 1949 г. – 15 января 2025 г.)*

Да и сама она была и есть неотъемлемой частью русской Литературы. Она рано начала писать стихи и рано, скажем, по Милости Божией, – познакомилась с Валентином Васильевичем Сорокиным, который стал не только первым её учителем, но и близким другом на всю жизнь.

Последние годы, частью из-за болезни, частью из-за некоторого осознанного затворничества, Мальми как бы выпала из литературного процесса, однако на самом деле то было далеко не так.

Так, в 2011 году Валентина Мальми, будучи редактором, вместе с профессором Литературного института В. П. Смирновым, составителем и автором предисловия, выпустили сборник стихов «На границе тысячелетий».

В те же годы она помогала тяжело больной Ольге Герасимовой, а после смерти той сделала всё возможное, чтобы выпустить сборник стихов однокурсницы. И сборник вышел.

Вероятнее всего, что Мальми и сама продолжала писать стихи, однако никогда об этом не заикалась, хотя однажды открылась, что мечтает написать книгу о Юрии Гагарине, причём явно то были не просто мечты...

Свои сумбурные заметки о Валентине Николаевне Мальми я пишу далеко от дома, где хранятся сборники её стихотворений, поэтому предлагаемая подборка стихов поэтессы состоит из того, что удалось найти в Интернете.

Валентина Мальми

* * *

1

И пришли его дружки –
перед самою зарницей,
в пальцах смяли козырьки,
поклонились молодежи –
бабке будущей моей...
– Не воротишь с того света,
хоть жалей, хоть не жалей...
Так-то, свет-Елизавета.
Смерть гуляла по пятам,
от нее – щелёнки нету...
Спит в Карпатах твой Адам,
только пулями отпетый...

Не спросила впопыхах,
есть ли крест хоть в изголовье.
И остались на руках
Николай,
 Мария,
 Софья.

2

Все, кто погиб и очнулся во мгле, –
мне отзовитесь...
Что я теперь без тебя на земле,
сокол мой, витязь?

Добрая весточка, мне поутру
сердце порадуй!
Что я в работе и что я в пиру,
бражник, ораатай?

Рушится терем. Чернеет вода.
Горе – что море.
Не поседеет твоя борода
в вечном дозоре!

Камни в столице и травка в селе
кровушкой сыты.
Что я теперь без тебя на земле,
в землю зарытый!

* * *

На Урале жили в старом доме,
но везло побольше, чем иным,
если вырастали возле домен,
рядом с полем – тяжело наливным.
Ночью скорый поезд прогрохочет,
утром прокричит бессменный кочет,
пропёт фабричная труба –
мёртвого поднимет и упрочит!
Вечером идёшь – томит укропчик,
стадо прогоняют...

Вот судьба!
Вот судьба рабочего посёлка.
Всё познать –
от камня до просёлка,
гнуть железо,

В огороде брошенная лейка, за окном
гремит узкоколейка...
Жизнь моя
не так уж не права!

* * *

Как в детстве, дух непокупного хлеба
тебя разбудит – счастливо вполне...
Печной дымок не омрачает неба,
согласно растворясь в голубизне.

Вот – миновали тяжбы, распри, бури,
настало время заново прочесть
стихи, где есть сияние лазури,
забыв про то, в которых «что-то есть...».

* * *

Туча примчится – сторонка моя омрачится.
Ветер промчится – и всё-то на миг затаится.
То-то с утра надрываются чёрные птицы –
что-то случится, ой, что-то сегодня случится!
Вы не успели убрать с огорода картошку,
вы не успели доесть за обедом крошку,
только лишь дед уцепил деревянную ложку –
глянь, это град-виноград застучал по окошку!
Но, говорю, никогда ничего не случится!
Туча промчится: любая каморка – светлица!
Солнышко в небе – и солнышко на половицах.
Солнышко в небе – и нету тревоги на лицах!

* * *

Для слёз опять нашлась причина –
неумолимо свет потух,
отец и мать уходят чинно
на фильм «Свинарка и пастух».

А мы с братишкой из окна
глядим, как звёздочки сверкают,
как светит ясная луна,
как двор они пересекают...

За что мне их не понимать?
Закрыв лицо, вздохнув свободней,
я вижу, как смеётся мать, –
и рада за неё сегодня.

Я вижу, вижу, наконец,
как в том послевоенном гуле
к ней обернулся наш отец, –
и мы с братишкой уснули.

На лавке, прямо у окна,
под шорох тьмы и голос ветра,
где – звёзды, слёзы, ночь, луна,
и – ничего от стиля ретро!

* * *

Зачем так скоро день погас
и поздняя метель
ревёт как зверь
в полночный час
и душу рвёт с петель?

Ведь есть у каждого из нас
за тридцать земель
любимый холм,
заветный сказ,
родная колыбель!

Но то отдельные слова,
когда бессмертна речь?
Живи, как встарь,
готовь дрова,
топи наутро печь.

Смирись, мой друг,
с отлётом стай,
шепни: «Счастливый путь!..»,
да книги старые листай,
да новых не забудь.

И может быть,
за бедный всхлип,
задавленный тайком,
тебе приснится
мерный скрип
под низким потолком.

Ты глянешь, сердце отворя, –
за тридевять земель:
а это матушка твоя
качает колыбель...

Так отчего же день погас
и поздняя метель
ревёт как зверь
в полночный час
и душу рвёт с петель?

* * *

Когда не поверят от сердца идущему слову,
И не отзовутся осеннему крику души,
И кто-нибудь скажет:

«Он дышит в затылок Рубцову!» –
Стыдясь, к эпигонам себя причислять не спеши.
Послушай, послушай, ну разве же мы виноваты,
Что спели до нас

(но всё же не смолк: соловей)

Про белые ночи, слепую улыбку заката,
Про чёрные очи и гордые дуги бровей.
Ты знай свою душу, ты горю на шею не висни,
Банальные рифмы и я защищать не берусь,
Но если недаром Отчизна рифмуется с жизнью,
Зачем же, зачем же

ты с грустью рифмуешься, Русь?

На прошлой крови восходило любое светило.
Мы – смертные дети его незакатных лучей...
А в общем-то каждый

Кому-нибудь дышит в затылок, –
Державину было,
Я думаю, всех горячей.

* * *

В парке старая липа скрипела,
и, в потёмках присев на скамью,
всю-то ночь одиночество пело
про любовь и разлуку свою.

И душа в эту ночь захотела,
чтобы я написала ему:
про тебя одиночество пело
и тихонько смеялось во тьму.

У меня – ни обиды, ни боли,
но в одном ты мне должен помочь:
приезжай, забери его, что ли...
Вдруг повадится петь – что ни ночь!

* * *

Всё передумано: пора!
Затишье царствует в округе,
а завтра запросто ветра
споют мне песню о разлуке.

Дай счастья, листовенная медь!
Я не стыжусь дорожной клади.
Дай – ни о чём не пожалеть
и не взмолиться о пощаде.

Под ветром ставень проскрипит –
ему никто не отзовется,
и память тихо спросит пить
у пересохшего колодца.

* * *

Ни единой тучки
На лазурном небе,
Ни единой мысли
О насущном хлебе!

Яков Полонский

Случалось когда через поле
в хорошую ночь проезжать –
кому не мечталось о воле?
А это – не сеять и жать.

Всего лишь глядеть, как волною,
бросая в невольную дрожь,
играет под ясной луною,
расходится светлая рожь...

И вряд ли в восторге растущем,
во власти огня своего
ты думал о хлебе насущном,
о твёрдой цене на него.

Смотрел беспечально и долго,
не ведая, что впереди,
и мягко шуршала двуколка,
и сердце сжималось в груди...

* * *

Подсчитавший губительно строки,
променявший судьбу на щетку,
это он мне толкует о Блоке –
про его нищету, нищету!

На диване с обшарпанной спинкой,
в полумраке угла своего,
целый день он сидит за машинкой –
и ничто не поднимет его.

Ты зачем разгорелась, лучина,
в золотой и серебряный век,
если пишет стихи, как машина,
вообще-то живой человек!

Под задумчивый шорох акаций,
затаённые всплески реки...
Я желаю ему догадаться,
что пора бы писать от руки.

МАЛЬЧИК ИЗ ШОРШЕЛ

I

Война, война!.. Ещё напорист враг
и голод под окошками стучится.
Отец хворает. Входит в избу мрак.
Тяжёлый год! Но мать решила так:
– Пора, сынок, и ремеслу учиться.
Иди учись! А в поле за тебя
я потружусь, насколько хватит толку... –
И мальчик встал, по-взрослому скорбя,
обулся в лапти и надел котомку.
Крестьянский сын – спокойный, тихий нрав,
застенчивая редкая улыбка, –
он полюбил зелёный шум дубрав
с младенчества, холёного не шибко.
Уходит мальчик в жизнь – через поля,
и на душе, как в поле, нелюдимо,
но знает он – чувашская земля
от Родины большой неотделима.
А в это время, нагнетая мрак,
в селе под русским городом Смоленском,
как дома у себя, поганый враг
расположился в доме деревенском...
Куда ж идти хозяевам теперь?
Дозволили – идите рыть землянку! –
и вытолкали, ироды, за дверь
с детишками смоленскую крестьянку.
В землянке ходит холод по ногам,
дым от печурки горек и угарен.
Не спит светловолосый мальчуган;
не зная, что он – будущий ГАГАРИН.
Не зная, что в кабине корабля
припомнится ему, черна от дыма,

землянка та, и мёртвые поля,
но зная, что смоленская земля
от Родины большой неотделима.
И в это же время – в дальней стороне,
под Киевом, фашист в глухую полночь
бьёт хлопчика прикладом по спине,
но хлопчик этот – будущий ПОПОВИЧ!
Ему сейчас расплакаться нельзя.
Пускай обида жжёт неутолимо,
он знает: украинская земля
От Родины большой неотделима.

II

Подружатся они наверняка,
когда придут под громы космодрома.
Но это будет позже, а пока
уходит мальчик из родного дома.
Ещё не слишком манят небеса,
и голод по ночам терзает грубо,
а впереди – карельские леса,
опасная работа лесоруба...
Но если кто для подвига рождён –
тот выполнит своё предназначенье.
И он услышал грозный шум знамён:
то Минин собирает ополченье –
с Пожарским. А вокруг – водоворот!
Стоят вожди, скликая поимённо!
Он думает: «Чувашский мой народ!
И ты, и ты шагнул под их знамёна!»
А там уже Болотников зовёт,
И Стенька с Пугачом призывно машут,
и плот по Волге-матушке плывёт,
а на плоту – повешенный чувашин...

III

Он думает: «Родная сторона!
Всегда России ты соратник верный:
война с Наполеоном, и война
с германцами, а там ещё одна –
Гражданская война, и сорок первый!»
Из космоса могильного креста
не разглядеть, но, может быть, важнее
не забывать о том, что было с нею –
твоей землёй? В родимые места,
чья неизбывна в мире красота,
возьмём итог хотя б последней битвы, –
шестнадцать человек пришли из ста!
За остальных – читаются молитвы...

IV

Он всё преодолеет как пилот,
здесь, на Земле, солёный пот изведав,

он, третий человек Страны Советов,
идуший в свой космический полёт!
...Он шёл к ракете, излучая свет,
в оранжевых космических одеждах,
и академик Королёв с надеждой
и нежностью глядел ему вослед...
В какие дали Сокола отправили...
В какой полёт! А рядом, на Земле,
уже стремится храбрый Беркут – Павел –
уйти в полёт на новом корабле...

V

Ни о чём, Земля, не спрашивай,
не расспрашивай ребят.
Украина и Чувашия
рядом в космосе парят.
Пусть поспят они, уставшие,
неразлучные с трудом,
пусть приснится им Чувашия,
Украина, отчий дом...
Не с железными ли нервами
эти люди родились?
Где летали Юра с Германом –
звёзды новые зажглись.
Нет, не с каменными нервами
и не с каменной душой
эти люди были первыми –
люди с верою большой.
Украина и Чувашия
рядом в космосе парят.
Ни о чём, Земля, не спрашивай,
не расспрашивай ребят...

VI

Он возвратится к речке и лугам,
на родину, к истокам возвратится.
На митинге к счастливым землякам
по-свойски, по-чувашски обратится...
Хоть говорить он с детства не мастак,
мне рассказали – это было так:
– Андрейка, не забыл родной язык?
ему старушка крикнула ревниво... –
И он ответил – громко и счастливо:
– Нет, не забыл! И даже не отвык...

ПОЯСНЕНИЯ.

Село Шоршелы Чувашской Республики (в 30 км от Чебоксар) – малая родина советского космонавта № 3 А. Г. Николаева. Ныне здесь находится мемориальный комплекс.

Сокол – позывной А. Г. Николаева.

Беркут – позывной П. Р. Поповича.

Герман Титов – космонавт № 2, Герой Советского Союза.

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Окончила Вильнюсский государственный университет. Тема диссертации – «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор нескольких поэм о Серебряном веке. Автор ряда стихотворных сборников, посвящённых Православию. Автор идеи и руководитель фестиваля духовной поэзии «Покрова» – единственного русскоязычного литературного фестиваля подобного рода в Прибалтике. Золотой лауреат национального конкурса «Золотое перо» (2017). Награждена государственной наградой Литовской Республики – серебряным знаком отличия «За заслуги». Живёт в Каунасе.

РУССКИЙ КОСМОС НАСЛЕДИЯ СЭДЫ ВЕРМИШЕВОЙ

О книге Лидии Довыденко «Бессрочный полёт» Сэды Вермишевой

Нарине Золян, дочь своей выдающейся матери, во вступительной статье к книге Лидии Довыденко «Бессрочный полёт Сэды Вермишевой» придаёт словам метафизический смысл, утверждая материнскую исповедальную «Верность Духу вненациональному и Единству Вселенскому» «ВО ИМЯ ПОДЛИННОСТИ И ВНЕВРЕМЕННОГО ОТСЧЁТА».

Не только метафизическая, но и геополитическая составляющая как одна из самых жизненно важных траекторий мысли Сэды Константиновны отражена в тексте её любящей дочери: «Думаю, что всю парадигму политики и власти надо пересматривать. В основе должна быть духовность, не материя. Вот тогда и заговорят на одном языке – на Божьем».

О, Сэда предвидела, что произойдёт, словно Сивилла на пальмовых листьях записывая стихами свои поздние горькие пророчества, и об этом тоже пишет её дочь во вступительном слове: «Сегодня то, что произошло с Арменией и Арцахом, было ею предвидено».

Читая эти строки, невольно задумываешься над тем, что исключительное проникновение Сэды Вермишевой в поэтику Александра Блока было закономерным, ибо такие понятия, как «Софийность», «Метафизика вечной женственности», «Всеединство», «Всечеловечность», «Всечеловек», «Богочеловечество» были также органичны её сознанию и мироощущению. И Русский Космос был естественным для неё способом самоощущения в мире, где «сосны говорят стихами», а стихи пишутся «осколком солнца».

О вселенскости мироощущения Сэды Вермишевой говорит во вступительной статье «Надоело ходить в чужих обносках» и Геннадий Сазонов: «Если взглянуть на поэмы и циклы, вышедшие из-под пера Сэды на склоне её земного пути, то увидим, что она ощущает и преподносит бытие Человека не только в земной юдоли, но и в пространстве Космоса». Геннадий Сазонов свидетельствует: «Сэда Константиновна удивительно талантлива. Поэт, публицист, философ, экономист, литературный критик. И в каждой области она вполне преуспела».

Всеединство в опознании мира Сэдой Вермишевой так отражается автором статьи «Надоело ходить в чужих обносках»: «Её поэтический и духовный взгляд объёмлет прошлое и настоящее, видит будущее, оценивает мир и войны, предостерегает мир от падений и потери Божьего лица». Высокая миссия избранничества поэта отражена и в цитируемых Геннадием Сазоновым словах Лидии Довыденко: «Духовная радость и печаль, улыбка и тревога за будущее России и планеты, внутренняя чистота живут на страницах произведений Сэды Вермишевой».

А вот как Лидия Владимировна пишет о Сэде Константиновне в статье «Вечность и непознанная тайна», вместе со статьёй «Для духа поражение нет», открывающей основной корпус изысканий о творчестве Сэды Вермишевой в книге «Бессрочный полёт Сэды Вермишевой»: «Живи сейчас Ве-

лимир Хлебников, этот поэтический „гражданин всей истории и всей системы языка“, он непременно пригласил бы Сэду Константиновну на пост председателя Земного шара, ибо она находится „на осях жизни своего народа“, в напряжённом стремлении вперёд по пути полного овладения мастерством поэтического слова». Согласно Лидии Довыденко, «Сэда Вермишева осмысляла планету и человечество на путях духовности».

Лидия Владимировна говорит о метафизической силе поэзии Сэды Вермишевой: «Её сверх-Я жаждет „испытать высот“, „говорить с Богом“, идти „сквозь реки вброд“».

В книге «Бессрочный полёт Сэды Вермишевой» героиня исследования предстаёт как поэт больших пространств (земных и галактических), она – поэт безмерных величин: «И нет у жизни ни конца, ни края, // И бесконечен по земле мой путь». Вечность и бесконечность – хронотоп её поэтического дискурса, и в то же время ей дано слышать, как вызревают зёрна, и она не хочет им мешать, нарушая тишину мгновения: «Здесь вызревают зёрна тихо, // И я их торопить не смею».

Лирическая героиня поэзии Сэды Вермишевой, и это отражают приводимые Лидией Владимировной строки, воплощает архетип странницы (почти по Юнгу), которая идёт «Дорогой ветра, звёзд и Бога». О, она умеет ходить «по белым камням // невозможных надежд»!

Автор книги «Бессрочный полёт Сэды Вермишевой» пишет об органичной связи поэта с небом, о её земном пути, равном Млечному, приводя строки поэта:

А тишь стоит. / Стоит – над миром.
Мне в тишь такую – / не уснуть.
Застыло всё. / Лишь звёзды в небе
неслышно строят / Млечный Путь...

Лидия Владимировна выносит строки Сэды Константиновны «Кажется мне домом мирозданье» в название подраздела статьи «Вечность и непознанная тайна» о поэтическом сборнике «Преодоление», утверждая: «Поэт Сэда Вермишева своей поэтической речью соединяет нити разорванных времён и поколений, пространств, культуры и традиций, людей, знающих о победе духа и совместном с Богом делании:

И сердце моё / уходит / в просторы Вселенной,
И вновь обретает своё / Бытие».

Читая эти строки поэта, хочется воскликнуть: «Вот оно, Русское Всеединство! Вот он, Русский Космизм!»

О безграничности художественного ареала поэзии Сэды Вермишевой свидетельствуют и строки:

Мне некому бой проиграть,
ведь
...в сыромять вожжей
Впрягая неба ширь,
Отваги конница,
Сбивая звёзды, скачет.

Те же безмерность и безграничность в ореоле Всеединства ощутимы и в стихах Сэды Вермишевой о любви, приводимых Лидией Владимировной:

...И тысячи явлений и названий
Я замыкала
Именем твоим.

Автор книги о Сэде Константиновне так комментирует эти строки: «Как созвучны эти слова всем, кто любим... Кто любит. Как это похоже на какой-то древний религиозный культ, когда поэты обладали силой, с помощью которой, подобно Орфею, „очаровывали даже зверей и камней“».

Лидия Владимировна приводит строку Сэды Вермишевой, которую в пору бы произнести скандинавскому богу Одину, сочинявшему свои стихи под деревом Игграсиль, творя миры: «И удержать весь мир в живых хочу». Тот же градус высокого камлания сохраняет в строках о Сэде Лидия Владимировна: «У неё был космический слух, вселенское чувство, понимание, что правда без любви – это обман, и у неё была Божественная речь:

Ты есть закон. / Твои владенья
Лежат везде, / Где солнца свет.
Ты сын побед, / Не поражений, –
Для духа поражений / Нет!
Ещё идут твои сражения. / Гори,
Владей, / Твори, Поэт!»

Именно поэт-демиург, способный создавать миры, может воскликнуть в любовном экстазе: «Я отдаю тебе свет // Всех планет // Мироздания» и «Всё единственно».

Поэт, которая пишет «осколком солнца», чувствовала мировой трагизм бытия, она слушала космос, оповещающий её зловещими предчувствиями: «Помериться силой с самою судьбою // Нам время пришло и настало». И она глаголет миру, подобно древнегреческой дочери царя, замурованной соплеменниками за свои пророчества в стену, надеясь на чудо: «Мир всё же слышит голос // Набата тех колоколен, // Что в сердце моём».

Лидия Владимировна пишет о строках Сэды Вермишевой: «Возможно, это даже „Со смертью разговор“, если такая цель: “Выйти из тьмы // Вселенских катастроф“».

Сэда чувствовала трагизм космического бытия, слышала, подобно Блоку, поступь истории.

Именно поэтому Сэда писала: «И кто-то сдаётся, // А кто-то нет, // И превращает он // Свой путь в Завет». Или: «Мы боремся, // пока нас не убьют, // Мы рвём зубами // Цепи и поводья». Или: «Латать и лечить современную драму // И править безумия речь».

Лидия Владимировна в этой связи развивает мысль о целительной силе искусства слова: «Истинный поэт – это целитель общества, в которое прорвалось окаянство». Или: «Благодаря таким поэтам ослабленный организм государства медленно обретает глубинное дыхание, ясность ума, самосознание». Или: «Русский поэт „кровью сердца пишет, не простым пером“, поэтому читатели обретают силу благородства, нравственного ума».

Согласно Лидии Довыденко, «Духовным лидером, вождем может стать поэтическая личность: „Но лбом наклонившись // к простору бумаги, // Гоню я сквозь бездны // Свободы плоты... // И я пятно позора смою // С лица земли“».

Однако автор книги о Сэде Вермишевой ясно отдаёт себе отчёт о реальном положении дел в литературной индустрии, поэтому из-под пера главного редактора появляются такие горькие строки: «Так называемое цивилизованное сообщество не видит таких поэтов, не замечает, называет какие-то другие имена, но русский народ, народная жизнь вбирает в себя творчество таких поэтов, как Божественных посланников, насыщает свою жизнь их вселенской правдой, ведь в их горсти – „И бездны, и начала“».

Далее Лидия Владимировна утверждает: «Талантливый поэт – именно это плодоносящее дерево, в то же время он часто ощущает себя „инкогнито“ в мире, где уже давно не слышали о том, что поэты „вызывают дождь“, „поднимают ввысь солнце и велят ему сиять“, заклинают человека „не спать разумом“». Согласно Лидии Довыденко, «подлинные поэты – это сыновья и дочери побед духа, они могут научить „Что делать“ и „Как не бояться“, потому что поняли, что их удел – несение креста, изо всех сил любя и прорастая желанием писать».

Интересно, что о спасительной силе поэзии писал и Борис Чичебанин: «Не для себя прошу внимания, // Мне не дойти до тех высот, // Но у меня такая мания, // Что мир поэзия спасёт».

Да, именно в поэзии, в речи, по свидетельству Лидии Владимировны, ищет спасения Сэда Вермишева, взывая:

Яви нам подмогу, / Владычица-речь!
В последнем усилье, / Горячем и чудном,
На твёрдую кромку / Спасенья ступая.

И ясно видится поэту Сэде Вермишевой, что предстоит:

А вам идти сквозь ту кручину,
Сквозь лихолетье и разбой
И жечь в ночи свою лучину,
Слегка прикрыв огонь рукой,
Чтобы его не загасили.

Таким образом, Лидия Довыденко ясно показывает в своей статье «Вечность и непознанная тайна», что не только вечность, но и современное течение исторического процесса является предметом мышечувствия Сэды Вермишевой. Свидетельствуют об этом лаконичные поэтические формулировки русского поэта с армянскими корнями: «Мы все молились на свободу, // А нам скормили произвол». Или: «Страна расплавится, растлится // В огне предательств и измен». Или: «Расхищают, грабят хваты // Шар земной // И алтари». Или: «Народ овечкой кроткой // Идёт в чужой замес». Поэт хочет «пить выси», но «воздух ядовит, как ртуть». В этой связи адресатами поэтической речи Сэды Вермишевой является никто иной, а «Дом, // Отечество, // Вечность»:

Мы сломали пространство
Единой страны...
И кружит надо мной
Этих слов бесконечность...
Что отвечу я вам,
Дом, / Отечество, / Вечность?

Лидия Владимировна дополняет поэтическую мысль: «Самое страшное то, что подверглись эрозии наши исконные смыслы, наполнявшие дух, „предания отцов“, „полетели чёрные стрелы“ в самое святое, и мы оказались под небом „смут и мятежей“:

Нас холил ветер в чистом поле
И пело острие ножа.

И всё же Поэт верит, что остаётся внутренний нравственный фундамент, чтобы

В пути бесконечном,
Бессрочном и трудном
Из чаши небесной
Бессмертье испить».

Достигая ахматовских высот в жертвенной любви к России, ради славы Отчизны, готовой пожертвовать собственным песенным даром, Сэда Вермишева восклицает: «Я боюсь за Россию больше, // чем за себя». Лидия Владимировна свидетельствует свою духовную и ментальную солидарность с поэтом: «И мы разделяем это опасение, потому что коррупционные преступления нанесли России материальный ущерб в сотни миллионов рублей только за последние два с половиной года».

Духовная близость поэта и автора книги о творческом наследии поэта явственна и в анализе стихов Сэды Константиновны о природе. Так, их душевное созвучие проявляет себя в следующих строках книги:

«Вы умирали / когда-нибудь / летом,
лёжа в высокой / зелёной траве? –

Спрашивает Сэда Константиновна.

– Да, – отвечаю я, – молча, отрываясь от сборника стихов, уносясь в свои воспоминания – как это мне знакомо с детства, совсем по душе близко».

И вот ещё – об их чуть ли ни мистической сердечной связи:

«„В запахи тонкие / Всё обрядив...“

Да-да, как это у нас единодушно!

„Синие ветры нас окликали
Голосом крови, / Просторов, / Глубин“».

Вот она – Метафизика Вечной Женственности, когда софийный космизм одной человеческой души равновелик другой, создавая такое органичное созвучие, под которое воспетая философами и поэтами мира танцующая звезда могла бы двигаться во Вселенной!

Лидия Владимировна так характеризует художественный метод выдающегося поэта: «У Сэды Вермишевой не было границ сознанию». Исследователь утверждает: «Это та любовь, что вписана в мироздание её глубиной личности, её самоощущением, её лёгкой свободной песней».

И действительно, с державинской поступью резонируют строки Сэды Вермишевой, цитируемые Лидией Владимировной:

Я – альфа и омега,
Я – только
Прах.
Я – голос мира,
Ветвь его побега...
Я – эхо Бога
И пред Богом
Страх.
Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой...
Колени содраны...
Пред ликом Всемогущим
Я есть ничто...
Но мной не правит случай...

Поэт порой ощущает себя свободной птицей, и её воспарения – то же странствие, не позволяющее «крылья запихнуть в рукав»: «И в небе вижу я // Своей свободы птицу, // Которую никто не покорит». Трагический образ погибающей птицы явлен в поздних стихах, приводимых в своём проникновенном тексте о матери Суреном Золяном, и всё-таки этот полёт – бессрочный, и образ именно бессрочного полёта избран Лидией Владимировной в названии книги о Сэде.

Лидия Владимировна свидетельствует: «Стихи Сэды Вермишевой и общение с ней как с личностью открывают горизонты вселенского масштаба.

В них вечная непознанная тайна души поэта.

Ей дано от природы или она сумела развить в себе этот талант – чувствовать глубину неба и близость солнца, поняв однажды, что „для духа поражения нет“».

Слова, полные глубочайшего человеческого и профессионального признания, автор книги произносит и в статье об очерке Сэды Вермишевой «Писатели в роли коллективного Чацкого»: «В Сэде Константиновне я нахожу то, что ценю больше всего в людях: благородную скромность и правду, красоту души. И теперь, когда я перечитываю её статьи и стихи, я собираю воедино свою любовь к ней, и я слышу из прочитанного голос вечности в её заботе о настоящем и будущем планеты». Лидия Довыденко так характеризует суть данного очерка: «Обращение мощного публициста Вермишевой к образу Чацкого – это её собирательное размышление о жизни России и мира в последние тридцать лет – период глобальных общественных реформ и трансформаций. Она написала: “И оттого, что не преодолены трудности настоящего и будущего, тратятся силы и разум человека не на объединение усилий перед возможными, а может, неизбежными катастрофами, а на усугубление царящего в мире хаоса, становится смутой на душе и растёт ощущение того, что человечество слепо вступило в фазу самоуничтожения“. Она не находила в окружающем мире какой-либо позитивной, в интересах человека и человечества, программы, заходящей за рубежи сегодняшнего дня...»

Автор книги цитирует и другие слова Сэды Константиновны: «..фундаментальное знание, определяющее архитектуру планеты, и шире – мироздания – ускользает». Далее Лидия Владимировна задаётся вопросом: «Будет ли выстроена контрсистема?» Поразительно, но подобные вопросы столетие назад ставил перед собой один из любимейших (наряду с Мариной Цветаевой) поэтов Сэды Вермишевой, и анализу её очерка «Послание Блока» будут посвящены следующие страницы книги. Лидия Владимировна констатирует: «В очерке „Послание Блока“ Сэда Вермишева обращается к циклу стихов Александра Блока „На поле Куликовом“ и к стихотворению „Скифы“, считая, что великим поэтом „в безупречной художественной форме проводится широкий геополитический, цивилизационный и этнопсихологический анализ отношений как противостояния и противоборства, так и воз-

можного сотрудничества и союзов на всём Евразийском пространстве». Кроме того, полагает Сэда Константиновна, Блок выстраивает гипотезу возможного развития исторических событий в случае, если из архитектуры будущего планеты будет устранён один из её важнейших элементов – Россия».

Лидия Владимировна приводит ещё одну характерную цитату из текста Сэды Константиновны: «Блок ведом духом истории, где исконным объектом интереса противостояния сторон являются территории, борьба за господство над ними и населяющими их народами, демонстрирует геополитический подход к проблеме, видя в ней борьбу за сферы влияния, продвижение своих интересов на больших пространствах, которая ещё недавно называлась территориальным экспансизмом или противостоянием ему».

Лидия Владимировна высказывает свою точку зрения на обозначенную Сэдой Вермишевой проблематику: «Через века Блоку необходимо было осмыслить столкновение на поле Куликовом в свете вызова его времени и грядущего России в метафизике столкновений, порождающих новые коллизии, новую проблематику».

Автор книги о Сэде Вермишевой утверждает: «Особенностью великих художественных произведений является то, что каждое время прочитывает их по-новому. Блок относил Куликово поле к символическим событиям русской истории. „Таким событиям суждено возвращаться. Разгадка их ещё впереди“, – так писал Блок в 1912 году. Согласно Сэде Вермишевой, „Блок прозревал неизбежность возвращения России к ситуации Куликова поля“, и это прозрение фиксирует в своей книге о Сэде Лидия Владимировна.

Финальные строки статьи Лидии Довыденко «Послание Блока» красотой парадоксальной мысли поражают воображение, будоражат сознание читателя: «Сэда Вермишева отмечает острое национальное чувство, историзм мышления, геополитическое чутьё А. Блока. Она вспоминает Блока в связи с историей отношений России и Запада, особенно перестроечного и постсоветского времени – это история безответной любви, переходящей в подобострастие, России к Западу».

Отрадно отметить, что эта статья, посвящённая Блоку, была переведена ковенчанкой Лаймой Дебесюнене на литовский язык в 2013 году.

Говоря о лирической поэме «В белых снах пурги», Лидия Владимировна свидетельствует: «В 2017 году у Сэды Константиновны был 85-летний юбилей, и журнал „Берега“ отметил его публикацией лирической поэмы „В белых снах пурги“». Автор книги так характеризует содержание поэмы: «В „Белых снах пурги“ вселенская метель из каких-то тёмных глубин космоса несёт злые проявления „ненавистного владычества“». Согласно Лидии Владимировне, «Смута терзает сердце поэта. Прожитые годы заставляют оглянуться на пути-дороги, по которым шла вместе со страной-народом с „униженной музой и униженным сердцем“, но в то же время с „музыкой века“». По словам Лидии Довыденко, в поэме Сэдой Вермишевой «Формируется некий духовный итог своей творческой миссии, чтобы ощутить „Божественную ладонь“ на плече:

Но на плечо в лучах
Рассвета
Господь мне опустил
Ладонь,
Сказал:
„Живи!“
Отныне слогом
Ты будешь говорить моим,
Ты под моим надёжным кровом,
Твой голос будет мной
Храним
В пути бессрочном и бессонном...»

В заключение анализа поэмы Лидия Владимировна пишет: «Сэда Вермишева ощущает, что её воля сопряжена с открывшейся пронизанностью мира красотой, и она смело пропускает через себя гул глубинных морей, тепло солнца и нагретых камней, отражая их в слове, торжествуя и празднуя счастье „поэтом быть“».

Название поэмы Сэды Вермишевой говорит само за себя, и суггестия текста Лидии Довыденко «О поэме „Плач о потерянной Родине. Жестокий час“» обращает читателя к пережитой народом

на излёте двадцатого столетия национальной боли исторического поражения. Один из любимейших поэтов Сэды Вермишевой, гениальная Марина Цветаева сказала: «С этой безмерностью в мире мер». Этим строкам созвучны слова Сэды: «Мне тесно жить в отмеренных границах».

Лидия Довыденко приводит строки, от которых сжимается сердце:

А я, увы,
Схожу с ума
В стране сплошной измены.

Или:

Я в землю уткнусь,
Чтоб не чують угар,
Азарта ликующей стаи.
Легит под откос
Богом созданный
Шар,
Сбивая небесные сваи.

Говоря о Сэде Константиновне, Лидия Владимировна заканчивает статью строками, которые врезаются в память, ошеломляют, заставляют видеть суть происходящего в метафизическом ключе: «И вот вам завет, последнее земное слово:

И снова – сеять.
И снова – жать.
Осмыслить хаос
Первозданных звуков,
И хаос мира в Слове
Обуздать.
И одарить доверьем
Иную жизнь,
В которой мне не жить».

Думается, что только духовно чистый человек может видеть мироздание так, как Сэда Вермишева, и это ощутимо в тональности текстов Лидии Довыденко о поэтическом слове Сэды Вермишевой.

Далее в книге приводится ряд бесед главного редактора журнала «Берега» и поэта, философа, публициста Сэды Вермишевой, опубликованных в журнале «Берега». Первые беседы начинаются с животрепещущих тем, касающихся личностного отношения Сэды Константиновны к занятию литературой, и вопросы Лидии Довыденко касаются самого сущностного ядра личности поэта: «Как Вы впервые соприкоснулись с поэзией?» – и Сэда Константиновна рассказывает о своём роде, об истории знакомства с русской поэзией, и дух русского дворянства воцаряется в её исповедальных строках: «Мой дед получил образование в Германии, окончив там филологический факультет Берлинского университета. Соответственно, не удивительно, что на книжных стеллажах княжеского дома оказалась „Антология русской поэзии“, которой была награждена бабушка по окончании гимназии». О, маленькая Сэда сразу выявила свои предпочтения, записав в тетради стихотворение Александра Сергеевича Пушкина и продекламировав как своё перед собравшимися гостями. Взрослые улыбнулись, одобрили выбор и велели больше чужих строк не присваивать, на что девочка Сэда обиделась, утверждая, что стихотворение именно её, Сэды Вермишевой. Автоирония этого отрывка свидетельствовала по прошествии многих лет ту её дерзновенную смелость, которая останется с Сэдой навсегда.

На вопрос Лидии Владимировны: «Ваш род, Ваше княжеское происхождение повлияли на Вас как на поэта?» Сэда Вермишева ответила словами, вынесенными в заголовок текста всей беседы: «Поэтическое выше княжеского».

Когда Лидия Владимировна спросила: «Что для Вас поэзия?» – Сэда Константиновна ответила: «Мир, который творит меня и который творю я».

«Ведь не всё, что является стихами – поэзия», – свидетельствовала Сэда Константиновна, так охарактеризовав основной лейтмотив своей личности: «Общее выше частного». И совершенно естественно речь зашла о животрепещущих общих вопросах: «Жизнью нашей управляют процессы. Тот, кто понимает движение процессов, должен управлять государством».

Публикуемая далее беседа Сэды Константиновны с главным редактором журнала «Берега» Лидией Довыденко «Безразлична к излишествам, дорожку необходимым» предворяется словами Лидии Владимировны: «Такой большой отклик на Ваши ответы в предыдущем номере журнала „Берега“, что возникла необходимость продолжить беседу с Вами, потому, что масштаб и потенциал Вашей личности, поэта, публициста, требует того».

И снова, как и в предыдущей беседе, Лидия Владимировна задаёт интереснейшие вопросы, на которые нелегко было бы ответить любому нашему современнику: «Многое переосмыслено в жизни, в судьбе у человека, жившего в СССР, а что-то в мировоззрении осталось неизменным. Что Вами, по большому счёту, рассматривается иначе, чем раньше, а что остаётся неизменным?» И Сэда Константиновна отвечает, на что у неё изменилась точка зрения. К примеру, на то, что она усвоила из школьных учебников, где внушалось, что Российская империя была «тюрьмой народов»: «В качестве иллюстрации преподносилась русско-кавказская война, длившаяся почти пятьдесят лет (1817–1864) и продолжавшаяся с обеих сторон жертвами и жестокостью.

Однако обвинялась в этом только одна Россия. Обходилась или умалчивалась сложная геополитическая обстановка в регионе, в частности – интересы, преследуемые Англией, – вынуждавшая Россию к ответным действиям. Ситуация преподносилась расширенно, и по умолчанию распространялась на другие территории и народы, добровольно присоединившиеся или завоёванные царской Россией».

Размышляя об имперскости, о сословиях, Сэда Константиновна приводит жёсткую цитату из Константина Леонтьева: «Централизация власти – императив внутренней идеи России, разрывая пути этого деспотизма, явление гибнет». Сэда Константиновна считает, что «неравенство в стране носило сословный характер, что и привело в конечном счёте к революции 1917 года».

Переосмыслен Сэдой Константиновной и тезис о «переходе империалистической войны в гражданскую»: «Мысль о построении социализма в отдельно взятой стране закономерно переходила к мысли о призыве Ленина превратить войну империалистическую в войну гражданскую. В результате, как известно, страна получила войну как империалистическую, так и гражданскую».

Пересмотрена Сэдой Константиновной и способность кухарки управлять государством. Но отношение к частной и государственной собственности осталось неизменным в пользу коллективной собственности на средства производства.

В этой беседе поражает воображение поразительная память детства, лёгкая автоирония в описании старинного дома бабушки-княжны и отчаянная борьба будущего поэта – девочки Сэды – с излишествами.

Далее в книге приводится очерк Сэды Вермишевой «Чужой заказ и наш наказ». В преамбуле к тексту Сэда Константиновна пишет: «Очерк был написан в продолжение интервью главного редактора журнала „Берега“ Лидии Довыденко и поэта и публициста Сэды Вермишевой, которое было опубликовано в шестом номере журнала „Берега“ за 2018 год». Речь идёт о беседе «Безразлична к излишествам. Дорожку необходимым». Этот очерк свидетельствует о том, что внутренняя, ментальная беседа этих двух выдающихся женщин, радеющих о судьбах страны и человечества, когда «общее выше частного», не прекращалась ни на минуту в пору их воистину духотворного общения. Сэда Константиновна была не только поэтом, но и видным экономистом, и проблемы мировой экономики будут ключевым звеном и в данном, и в последующих приведённых в книге текстах. В этом очерке Сэда Вермишева повествует о переходе страны на рыночную экономику, о том, чем это было для страны чревато, приводит хронологию совершавшейся ломки хребта государственности, свидетельницей которой она являлась, находясь порой в орбите тех, кто принимал решения. О траектории мысли Сэды Вермишевой как мыслителя и экономиста свидетельствует следующая выдержка из её текста: «Существующая модель развития мира должна быть заменена моделью, предусматривающей баланс между демографией и ресурсной базой земли. Мне представляется, что именно таков вызов нынешнего времени, таков его императив».

В этом тексте впервые прозвучал её вердикт перестроечному процессу, который в той или иной форме будет затем появляться и в других её текстах, написанных в последние годы жизни и опубликованных в журнале «Берега»: «Ещё раз убеждаюсь в заказном характере перестройки в том виде, в каком она происходила и продолжает происходить сегодня». Или: «Проведённый же у нас переход страны от социалистической модели экономики к модели Чикагской школы Фридмана, как и следовало ожидать, не сработал». Или: «Перестройка – способ уничтожения противника иным, не военным путём».

Таким образом, можем утверждать, что очерк «Чужой заказ и наш наказ» является продолжением её скорбной и величественной думы о России и судьбах мира, но исполненной теперь не в поэтическом, а в научно-публицистическом ключе, что свидетельствует о том, что она чувствовала себя причастной к происходящим процессам всей своей органикой, всем своим существом.

Следующему своему очерку Сэда Константиновна даёт название «Загадки истории», называя в зачине побудительный импульс для создания текста: «В продолжение темы предыдущего номера журнала – причины и следствия демонтажа СССР». В последний год своей земной жизни, в 2019 году, Сэда Константиновна публикуется в журнале «Берега» из номера в номер, и все эти публикации говорят о высоком интеллектуальном и нравственно-этическом потенциале Сэды Вермишевой, которая свои последние жизненные силы отдаёт для осмысления настигшей народ геополитической трагедии, свидетельствуя хронологию событий, пытаясь уловить ключевые смысловые узлы неслыханных доселе исторических событий. Сэда Константиновна вводит читателя в проблемный круг с первых строчек текста: «Мне кажется, что тема, касающаяся демонтажа Советского Союза, в нашей прошлой беседе, в предыдущем номере журнала, не была исчерпана, так как мы практически не коснулись вопроса распада Советского Союза на территории суверенных независимых государств, а лишь затронули тему демонтажа социалистической экономической системы, переформатирования её в капитализм постсоветского образца».

Автор очерка погружается в глубины исторического развития России: «...начиная с Ивана Калиты собиране земель и централизация власти были ведущей государственной идеей России».

Ништадский мирный договор, Полтавская битва, Октябрьская революция, Сталинский период – вот основоположные вехи развития государства, определившие, согласно Сэде Константиновне, вызовы Беловежья: «...практика перестройки и постперестройки отбросила Россию вспять от её наиболее фундаментальных исторических достижений на 300 лет. И мне вспоминается Москва и теперь уже далёкий 1981 год». Так от исторического экскурса Сэда Вермишева подходит к жизненно важным, актуальнейшим вопросам современности, к незаживающим доселе историческим шрамам на теле страны в её материальном и духовном воплощениях. В этом очерке Сэда Константиновна подходит к вскрытию исторической подоплёки Беловежских решений. Так, говоря об Октябрьской революции, Сэда Вермишева утверждает, что именно в этом кроется причина «переформатизации территории Российской империи с её унитарным административным губернского-уездным территориальным делением в национальные территории СССР – сначала в составе Советского Союза, а в дальнейшем, после подписания Беловежских соглашений – уже в современных, независимых государствах».

Сэда Константиновна выявляет идеологические постулаты становления государственности после Октябрьских событий 1917 года, даёт представление о ленинском национальном либерализме, по её словам, «много объясняющем о состоянии дел в сегодняшней России»: «Интернационализм должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации большой то неравенство, которое складывалось в жизни практически».

В конце 2019 года, когда Сэде Константиновне оставалось совсем чуть-чуть земного пути, в шестом номере журнала «Берега» публикуется беседа «Бездны Беловежской пуши»: Поэт и публицист Сэда Вермишева и главный редактор журнала «Берега» беседуют о причинах и следствиях демонтажа СССР. И вновь – острые, сущностные вопросы главного редактора, и снова – глубокие, сущностные ответы Сэды Константиновны, только уже не по вопросам экзистенциального становления в канве её знаменитого княжеского рода, не по проблематике литературного творчества, но по судьбоносному развороту огромной страны на небывалых скоростях в совершенно другую систему экономических, политических, духовно-нравственных, эстетических координат. В зачине беседы Сэда Вермишева констатирует: «В прошлом разговоре мы остановились на сталинском периоде Советского Союза, включающем и Отечественную войну. Именно тогда удалось восстановить страну почти в тех границах, которые она занимала до 1917 года, и создать сбалансированную систему противостояния внешней угрозе. Но анализ ситуации в Российской империи как перед Октябрьской революцией, так и во время гражданской войны показал, что внутренние угрозы в случае их игнорирования или неприятия своевременных мер таят в себе не меньшие, если не большие угрозы, чем внешние...» Лидия Владимировна продолжает беседу: «И подтверждение тому – послесталинский период Советского Союза, ставший медленным сползанием в бездну Беловежской пуши». И Сэда Константиновна в ответ свидетельствует: «Произошло оно не сразу, а после подписания 1 августа 1975 года руководителями 33 европейских государств, включая

СССР, а также США, Канаду, Хельсинского заключительного акта о незыблемости государственных границ по итогам Второй мировой войны».

Далее речь идёт по ключевым для сегодняшнего исторического процесса датам – 03.04.1990, 17.03.1991.

И вновь острый вопрос главного редактора: «Но какая почва была для игнорирования результатов голосования в 1991 году?» И вновь аргументированный ответ поэта и публициста – свидетеля исторического процесса: «Дегероизировалось прошлое, духовные ценности трансформировались в материальные. Заслуженно нарастало плохо скрываемое негативно-насмешливое отношение в обществе к руководству страны. Вертикальная мобильность по отрицательному признаку при формировании кадров приносила свои печальные плоды, диссидентские же настроения в обществе росли, охватывая всё более широкие слои населения. <...> Менялось руководство страны, давали знать о себе прошлые ошибки, совершались новые, мельчал размах, исчез масштаб, достойная мотивация действий».

Неотступная мысль о геополитической катастрофе, разрушившей страну и подвергшей тяжелейшим испытаниям миллионы людей, соделав русский этнос чуть ли не чуждым собственной культуре, не оставляла Сэду Вермишеву до последнего земного мгновения.

В своей последней статье «Как мы дошли до такой жизни? Факты и только факты» воплощённая народная совесть водила рукой этой удивительной женщины, когда она, «держась на немислимых дозах лекарств» (Сурен Золян) выводила свои пламенеющие пафосом гражданского мужества строки: «Продолжая тему, начатую в журнале „Берега“ в его предыдущих четырёх номерах 2019 года, я хотела бы сегодня уточнить и дополнить важные стороны этого непростого направления для анализа, обращаясь к истории России, Советского Союза и периода так называемой перестройки».

О характере этих уточнений и дополнений можно судить по названиям разделов статьи: «Конструкция теорий многонационального государства», «Роль личности в истории», «Об эффективности экономики», «Планы глобалистских структур и фетишизация власти», «Кейнсианская модель и варианты в социалистической экономике», «О централизации власти», «Об автономии». Основываясь на «фактах и только фактах», Сэда Вермишева выступает как летописец-аналитик, вскрывающий суть исторических процессов, предоставляя канву событий в их синхронном и диахронном ракурсах.

О том, какое значение придавала Сэда Константиновна этой статье, свидетельствуют размышления над названием и смысловыми центрами текста – сведения об этом читатель может почерпнуть из представленной в книге переписке Сэды Константиновны и Лидии Довыденко:

06.12.2019 «Буду очень рада, если Вы поставите свои вопросы, – они очень помогают углубить материал, заострить его, нацелить на главное, не уведут в сторону».

«Буду рада в силу своих возможностей продолжить или дополнить тему под Вашим руководством. Это не слова. Мне с Вами легче работать, чем в одиночку. Такое со мной случилось впервые в моей жизни. Обнимаю Вас с любовью и признательностью, что Вы есть».

13.12.2019 «С нетерпением буду ждать первого номера „Берегов“ – там в беседе много переключек с днём сегодняшним, и, к названию, пока условному, „Перестройка“, хотела бы дать подзаголовок „Откуда ноги растут“, – это насчёт большинства правозащитников, вопивших по поводу и без повода и промолчавших при Беловежском сговоре и расстреле Белого дома, то есть социализма».

У Осипа Мандельштама есть строчка: «Я дружбой был как выстрелом разбужен». Благодарность Лидии Владимировне и журналу «Берега» за соратничество и сотрудничество звучит в письмах Сэды Константиновны в течение всей их переписки: в письме за 2017 год читаем: «Рада, что „Берега“ набирают силу, и восхищаюсь Вашим талантом вести журнал в наше время. Это – подвиг». В 2018 году Сэда Константиновна пишет: «Я очень обрадовалась, что по прочтении „Преодоления“ Вам захотелось об этой книге написать. И очень интересно Вы соединили строки об „угодности миру“ и „инкогнито“ пребывания в нём поэта».

В переписке этих замечательных женщин постоянно идёт взаимообмен творческими энергиями, кристаллизуются замыслы. Так, в том же 2018 году Сэда Константиновна восклицает: «Очень неординарная мысль насчёт интервью (лучше – беседа)...»

А прочитав в журнале «Берега» беседу «Для духа поражения нет», Сэда Константиновна отзывается так: «Обнимаю Вас, почему-то рада, что Вы дома, хотя понимаю, как было интересно в поездках и как много полезного».

И Лидия Владимировна отзывается на её строки: «У меня одна надежда – на женщины-мыслительниц, особенно поэтов, особенно таких, как Вы».

А вот строки Сэды Константиновны в ответ: «Спасибо, что Вы обо мне думаете. Наверное, потому, что я практически всё время думаю о вопросах, которые Вы мне прислали, и открываются новые видения давно прошедшего».

Пожелание, с которым обратилась к Лидии Владимировне Сэда Константиновна в первый день 2019 года, свидетельствует о той духовно-нравственной высоте и тех провидческих горизонтах, которые были доступны умному сердцу Сэды Вермишевой: она хочет «пожелать Вам и журналу быть творцами новой реальности, реальности, которая будет восприниматься людьми нашей ойкумены как долгожданная, желанная, своя... Соскучились по ней. Надоело ходить в чужих обносках».

А в письме от 24.01.2019 Сэда Константиновна обращается к Лидии со словами, которые можно доверить лишь человеку на метафизических уровнях бытия: «Буду всегда писать Вам, а Вы пошлёте тепло, и оно вылечит».

Письмо о журнале «Берега» и роли Лидии Владимировны в его становлении, написанное Сэдой Константиновной 26.04.2019, необходимо читать полностью, но пафос этого послания явствен в письме Сэды Вермишевой Лидии Довыденко 27.04.2019: «В Вас я увидела продолжение цивилизационного пути России, в который я верю».

Сотрудничество и соратничество этих выдающихся женщин было взаимообогащающим, и Сэда Константиновна в процессе переписки и поиске ответов на поставленные Лидией Владимировной вопросы многое уясняла для себя в настигшем выраже истории. Так, в письме от 15.09.2019 Сэда Константиновна признаётся: «Вышла на тему нелегитимности Беловежских соглашений», а в письме от 11.10.2019 говорит: «Благодарю за возможность осмысления, ибо спонтанно пришла к мысли, что перестройка – заказ». В тот же день Сэда Вермишева напишет: «Спасибо, что дарите свободу мысли».

Постоянная дума о стране и мире не оставляла её, так хотелось делиться своим выстрадавшим, наболевшим, благо в лице главного редактора журнала «Берега» и всех читателей этого журнала Сэда Константиновна обрела единомышленников. Ей осталось жить на земле менее месяца, и трудно читать её полные надежды строки от 20.01.2020: «С радостью готова вести продолжение наших бесед, если уровень моих знаний это позволяет».

И сколь глубока степень постижения ею происходивших исторических процессов, свидетельством чему являются строки, написанные в тот же день, 20.01.2020: «Трудно охватить короткой фразой и волюнтаризм Ленина, и его „либеральный национализм“, и сталинское хитроумие по конструированию автономий по принципу „разделяй и властвуй“, и интересы Запада, и холуйство Ельцина, и ненасытное властолюбие Горбачёва».

И всё-таки образ будущего являл себя: в этой связи знаковым является письмо от 14.12.2019 года: «А насчёт Хлебникова... глобализму финансового капитала может быть противопоставлен социально ориентированный, поэтический глобализм». Таким образом, поэт, экономист и аналитик были в лице Сэды Вермишевой триедины.

Не только постоянной думой о России в контексте мировых процессов новейшей истории было наполнено сердце Сэды Вермишевой – она непрестанно думала об Армении, и это отразилось в её стихах, статьях, письмах. То, что не удалось сказать о своём роде князей Аргутинских в беседах с главным редактором, Сэда Константиновна излагала в письмах к Лидии Владимировне. Так, она тревожилась о том, что и Калининград, и Армения являются анклавными, не имеющими границы с Россией. Её сердце принадлежало и Армении, и России, и в своём письме от 02.07.2018 Сэда Вермишева пишет Лидии о русском космосе своего рода: «Распечатываю, имея бумажный вариант, я смогу судить и об объёме материала, и насколько его можно, без ущерба для восприятия, дополнить. Здесь большая опасность перегрузить материал и уйти в сторону от заданных тем. И напрашивается вопрос о России как „тюрьме народов“ (из лексикона Советской власти). Если давать фото, то и писать можно о дедушках-бабушках со стороны отца и матери. А посмотрев на фото – можно задаться вопросом, – насколько они похожи на узников этой тюрьмы. Весь русский космос прошёл через них. Ведь бабушка, княжна Аргутинская, была фрейлиной императрицы. Обучалась ручному труду, из Петербурга уехала в Тифлис и открыла школу для слепых. А её оба родных брата – монархисты, полковники гвардейских полков Петербурга. О них писал Блок в своих дневниках, старший брат, полковник Преображенского полка, после крушения монархии, совсем молодой, сначала эмигрировал,

а потом, в эмиграции, застрелился. Среди Вермишевых были большевики-комиссары. Одних белые растерзали, других – Берия. Материал потянет на исторический роман... Поэтому надо мне подойти очень, очень избирательно к материалу. А я пока перечту его». Так Сэда Константиновна писала Лидии после получения бумажного номера с опубликованной беседой с Лидией Владимировной, где была затронута родословная поэта. О, Сэда Вермишева понимала, что значит элита для государства, иначе бы она не удостоила похвалы англосаксов, говоря об экономике России: в письме от 08.07.2019 она восклицает: «Англосаксы смотрят действительно на много шагов вперёд. У них получается в том числе и потому, что не перебили свою элиту и их лорды были одновременно агентами МИ-6».

Как аналитик и экономист, Сэда Константиновна предвидела, что произойдёт с Нагорным Карабахом, и об этом говорит в своём глубоком и проникновенном тексте о матери Сурен Золян. Свои мучительные предчувствия Сэда Константиновна выразила в дневниковых стихах, и её поэтический голос действительно звучит как набат:

Грядёт тяжёлый поворот,
Неумолимая расплата,
За всё, за всех.

И род – на род
Пойдёт,
Пойдёт
И брат – на брата,

И не осилить реки вброд,
И совесть на кресте распята,
И будет глад, и будет мор,
Жизнь проиграла жизни спор.

Померкло всё, что было свято, –
Над синью рек, над цепью гор...
Господь вершит свой приговор
И распахнул ворота ада.

И плакал шут,
Молился вор,
И пламя вспыхнуло
Заката...

И всё-таки книга завершается светлой нотой – светлые лики князей и княжон Аргутинских, волевые прекрасные лица рода Вермишевых смотрят на нас со страниц книги.

Чудесные космические строки своей матери сопровождаются достойными материнского поэтического дара графическими работами Нарине Золян. Перед читателем возникает зримое воплощение прекрасных строк Сэды Вермишевой, воистину свидетельствующих Русский Космизм: «Я тороплюсь – мне нужно стать Вселенной», «Я отдам тебе свет всех планет мироздания», «Моё Сверх-Я вобрало все наречья». Таким образом, Метафизика Вечной Женственности продолжается. От матери – к дочери. Из рода – в род. А это значит, что остаётся надежда: «Преображению – быть».

*Каунас
19.02.2025*

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – литературный критик, лауреат международных и всероссийских премий и наград: «Серебряное перо Руси», им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Н. Лескова «Левша», обладатель «Золотого диплома» Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и др.

ВОЛШЕБСТВО МГНОВЕНИЯ

О судьбе и творчестве Натальи Советной

Мгновения жизни. Сила момента. Вся наша жизнь состоит из мгновений и настоящих моментов. Это целый мир вокруг нас, раскрывающийся в повседневных мелочах: сияние облаков, шелест листьев, пение птиц, снегопад, ранняя капель, объятия любимых, лица прохожих, улыбки счастливых. Ты удивляешься каждому мигу и движению жизни, её наполненности, соединения в единую картину Мироздания с прошлым, настоящим и будущим. Таковую же вселенскую полифонию красок, звуков, запахов, ощущений наступающего нового дня дарит нам книга Натальи Советной «Солнечные грошики».

При всём при том, какие бы потери и печали не выпадали на долю автора, она убеждена: человек не может долго пребывать во мраке и горе. Блок писал о том, что великие художники всегда верили в лучшее, «они знали свет», и народ знает: «рано или поздно всё будет по-новому, потому что жизнь прекрасна». Русский гений говорил в данном случае о Пушкине, Гоголе, Толстом, Есенине. Вера в свет, в красоту мира и человека – главные духовные составляющие в судьбе и творчестве Натальи Советной. Её стихи и проза изобилуют самыми разнообразными смыслами. На красочной авторской палитре мы видим не только красивые слова, но и глубокие смыслы! Необъятный женский космос поэзии!

Взору читателя открывается земля с вековыми устоями предков. Во всём присутствует некая тайна – тайна хрупкости человеческого счастья:

На таинственном небе, безлуньем набухшим,
Словно искорка, так одиноко мала,
Засияла звезда над старинной избушкой,
Над прогнившей скамьёй, что травой поросла.

Ценность земного бытия бессмертна. Вариации подобных мотивов широки. Что примечательно: книга посвящается знаменательной дате – 90-летию Зои Егоровны Булаевой, матери автора этой книги. Надо сказать, Наталья Викторовна Советная сызмальства впитала славянские языки, русский и белорусский, жила в них, сроднилась с песней, поверьями, сказаниями, овладев неопределимым богатством – криницей поэтического вдохновения. В стихах поэтессы слышится мелодика народной песни, навеянной фольклорными реминисценциями:

Отразилось в тёмных водах
Перламутровое небушко,
Потекла, как мёд по сотам,
Сини звонкой ласка нежная.
.....
А для магушки родимой
Зачерпну лазурь вечернюю,
В ней неслышно и незримо
Растворю любовь дочернюю.

Заискрятся радость-звёзды
 На глубоком щедром небушке –
 Хватит всем водицы поздней
 С лунным ломтем чуда-хлебушка!

Светлый и радостный колорит, чистые и нежные тона кажутся преобладающими. Или ещё строки, тоже адресованные самому дорогому человеку на свете: «Души твоей колокола // Беседуют с водою талой... // И первоцветом шепчут в поле. // Всегда, хоть летом, хоть зимой, // Тебе дано по Божьей воле // Пылать таинственной зарёй – // Такая солнечная доля!» И в каждой из них – неповторимые чувства, истинность поэтических переживаний, величие и красота Божественной любви, ниспосланной свыше. Когда материнская и дочерняя любовь – это Солнце, которое светит вечно, согревая и спасая нас среди превратностей судьбы. Образ Матери поистине космически многомерен. Не зря русские духовные стихи гласят: «Первая мать – Пресвятая Богородица, // Вторая мать – сыра земля. // Третья мать – кая скорбь приняла».

Именно Мать, по мысли автора, олицетворяет само понятие семейного очага – нашего общего Дома, Земного и Небесного, – где все мы, несмотря на боль, потери, разочарования, когда-нибудь непременно встретимся. Цикл лирических произведений, проникнутых неразрывной связью с отчей обителью, вдохнёт и в нас забытое тепло. Простой дом – исконные белорусские просторы обретают почти сказочную красочность:

Вчера огонь в печи пылал,
 Теплом, как хмелем, опьяняя.
 И хоть очаг был стар и мал,
 Но всё же пламень обещал,
 Что в доме станет, словно в мае...

И недаром рядом другие стихи, продолжающие начатую тему о «мамином добром доме», что привлекает своим жарким теплом, исходящим от деревенской печи, своей фантастической песней огня, в какую вливается ласковое мурлыканье кота, своим ни с чем несравнимым вкусом детства, вкусом, пусть нехитрой, но изумительнейшей еды, тех испечённых «в жаре-угольках» картошин, он загадочно манит «стареньким альбомом», хранящим немало семейных секретов: «Здесь дух столетия прошлого, родного, // И со стены, как прежде, смотрит дед... // Но стал короче путь мой до порога, // И маленькой меня тут больше нет». Дом, край предков – родовые символы и знаки, в которых прочитываются христианские акценты взаимной гармонии человека, природы, земли и воды, – магическая точка притяжения: «Как безбрежное море влечёт и влечёт человека, // Так зовут нас просторы речные, пруды и озёра! // ...Притяженье воды так с любовью всесильною схоже!»

Жизнь – бесконечное движение по узорам сотканного ковра. Но как же трудно бывает взлететь, духовно подняться над нею ввысь, совсем не так, как в детстве, согретом неустанной маминой заботой и лаской. И всё же наша лирическая героиня, преодолевая себя и тяжесть прожитых лет, отправляется в свой «Полёт»:

Что с крылами вдруг стало
 На долго-коротком пути?
 Не хватает запала
 Лететь, а не просто – идти.
 Золотистой стружкой
 От маминых сказок в ночи
 Вновь наполню подушку...
 И небо во мне зазвучит!

Быть может, в усыпанном звёздами небе, от которых светло и ясно, ей посчастливится увидеть собственное отражение и что-то единственное, настоящее понять навсегда. Душевная наполненность летящих страниц словно открывает простор читательской воле и интуиции полёта. Задумчивая, радостная, грустная, тихая строка, в ней брезжит, мерцает и переливается синее, голубое, алое, зелёное, золотое.

Между тем Наталью Советную отличает постоянство, верность и преданность своим корням. В книге «Солнечные грошики» память об ушедших и живущих – спасительна. Собственно, память как раз и о возникающих необычных рифмах, какие вовсе не случайны, поскольку они выстраивают поэтический строй жизни. Так появляются сокровенные памятные произведения, посвящённые деду, бабуле Дусе, брату и мужу, внезапным и многочисленным жертвам пандемии. Причём везде ощущается материнское присутствие, «пока со мною ты», уверена автор-героиня, она по-прежнему остаётся ребёнком. Инна Лиснянская некогда точно заметила: «Наша память о жизни – мечта, наша память о смерти – раскаянье». Во многих стихах Натальи Советной память – главный герой – как постоянное движение из поколения в поколение, движение ко дню нынешнему, воскрешающему всё в событиях, судьбах, предметах, красках. «80 лет спустя» – пронзительное народное произведение, написанное к великой дате освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Сколько не дождалось истосковавшихся по рабочим рукам не пришедших героев с той страшной войны необъятные пространства нашей Родины, а сколько погибло мирных людей в чёрное время вражеской оккупации:

Позарастили те ямы,
Дружный занялся лесок
Там, где детишки и мамы
Падали в смертный песок.
Красные, жёлтые звёзды
Тысячами полегли...
В небо макушками – сосны,
Корни – до края земли.

Воочию предстаёт, звучит во весь голос и легендарная партизанская летопись борьбы и освобождения! Оказывается, всесильно и выразительное плакатное слово, достоверна и убедительна удалая частушка! Мажорная энергетика автора придаёт лаконичным стихам боевую и ликующую интонацию неотвратимо приближающейся Победы:

Запрягайте, хлопцы, коней!
Мы в болотах не утонем:
Знаем тропки, строим гати,
Сёстры, братья – в каждой хате...
Нас не сжечь, не погубить,
Мы – народ! Мы будем жить!
.....
Запрягать мы можем долго:
Широка душа, как Волга,
Но и глубока она –
Не достанешь тайны-дна.
.....
А поедем – так держись.
Встанем насмерть, но – за жизнь!
Запрягайте, хлопцы, коней,
Честь и знамя не уроним!

Очевидна наглядная простота, безыскусственностью которой стало исключительно повышенное эмоционально-образное содержание. Однако в войну не нарушается, а наоборот – сохраняет человеческая этика: врага умело громили хлестким, метким и острым словом! Отсюда сегодня предельно тревожно отзываются в наших сердцах современные военные события, о которых также не молчит поэт. В судьбе каждого человека и каждой страны бывают периоды тяжёлых потрясений, серьёзных нравственных кризисов, неразрешимых жизненных противоречий. Наталья Советная мучительно воспринимает это, глубоко внутри затаивая скрытую и невысказанную боль. Донбасс, Белгород... Переживая боль войны, она всё-таки остаётся романтиком-мечтателем. Ибо есть милосердие, гуманизм, сострадание и любовь ко всему живому. Автор верит в хорошее,

проникаясь этими вековечными чувствами. Но даже в самых грустных стихах мечты о счастье не покидают поэтессу. Её не покидает ощущение чего-то высокого и прекрасного, что создаёт остро-ту трагических контрастов – тот магический баланс между добром и злом, без чего невозможна человеческая жизнь:

Когда в туманной, мутно-стылой серости
Сквозь сизых туч сплошную пелену
Лазурь прольётся чистым светом нежности,
С надеждой взглядом к небу я прильну.

Весеннее настроение, восторг пробуждения жизни, возрождения всего. Знак весны, вдруг прилетевший со стылых полей... Пристальный лучистый взгляд автора устремляется к родимым и желанным просторам. Мечта – это подлинная свобода действий, когда «и – свет в душе! И тьмы как будто нет». Поразительная широта мысли, созвучная полёту души. У Натальи Советной, в совершенстве владеющей секретами психологии, существует собственная тесная связь с природой, свой непреходящий интерес к народной жизни, она с раннего детства вобрала в себя живительные соки белорусской земли. Сопереживая всему происходящему вокруг, поэтесса удивительным образом улавливает само дыхание и движение природных явлений: «За окном хрустальные деревья, // На тропинках – ледяная гладь... // В декабре народные поверья // Могут счастье марту предсказать». Любуясь картинами природы, деревенского бытия, Наталья Викторовна старается не только довести до читателя свою радость, но и передать накопленный опыт, поведать ему незамысловатые секреты простого крестьянского мира. «Ледяные, жёсткие ветра // Тонко пахнут мартовской зарёю, – // Будто сеять хлеб уже пора», – вот так и идёт Наталья Советная, как и её кровные предки, исконным и вечным путём зерна. К тому же 2024 год – год качества – автор встречает самобытным стихотворением «Забота», название которого уже говорит само за себя:

Пашня – всем на зависть, озимь – заглядение!
Значит, осень выдаст знатный урожай.
Ежели к земельке с лаской-уважением,
Будет славно-щедрым хлебный каравай!

Пахота, жатва – основные веками размеченные вехи крестьянского труда. Пожалуй, поиск слитности с народным бытом, органическое, природное, не книжное знание жизни – ключевые, определяющие черты в творчестве любого писателя. Мудрость народа, его терпение, труд, упорство, честность и преданность земле – качества, какие вырабатывались столетиями и передавались из поколения в поколение. Эта коренная слитность человека с природой, неотделимость от всего живого – суть, глубинная основа, составляющая талант поэта и прозаика Натальи Советной.

Стихи ее полны звуков, запахов, красок, оттенков. Полюбуйся, дорогой читатель: звенит хрустальная весенняя капель, раздаётся шорох берёз, ветра, ветвей, шелест листьев, вызывают ивы, шумят тростники, плывут облака, поднимается солнце, встаёт утренняя заря, разгорается рассвет, прозрачными цветами радуги играют апрельские лучи, оживает весенний лес, кружит голову сиреневый ливень, пахнут свежескошенные травы, наливаются золотом хлебный колос, пахнет Спас яблоком и мёдом, запахом ладана, где-то вдали слышится мамина песня детства... Кругом – зелень, полёт, свет бескрайнего пространства и голубой небесный купол, соединяющий воедино центр мироздания. Впечатляет метафорическое построение многих поэтических произведений, своеобразие их образного строя, ведь в подобной яркоокрашенной лирике каждый может отыскать нечто близкое, согласное душе, и в то же время нечто необычное.

Вместе с тем играет значительную, подчас ведущую роль язык поэзии, который неистощим в соединении слов. Язык не язык, если он не имеет тайн. Каким бы он ни был богатым и сложным, язык мёртв, будучи открыт лишь для ограниченного количества интерпретаций. Ему должна быть характерна определённая философия. Тогда совершается чудо осветить себя внутренним огнём этого языка. Слово ведь и возникло из пустоты, оживлённой пламенем огня и омытой потоком воды. «Апрельская пора – пора чудес! // Проснулся вдруг и ожил вешний лес. //... Нежнейшие соцветья распушились, // Пыльцою, словно дождиком, пролились. // ... И всюду радость – таин-

ство рожденья, // Как чудо Божье – Мира сотворенье!» – и выходит, что каждый из нас есть тайна прежде всего для самого себя. Всё в руке Божьей, и Наталья Советная – православный человек и писатель. Не зря образами и иносказаниями говорил Христос: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Евангелие от Матфея, 13:13).

Хотелось бы отметить, что в этой книге вырисовывается и новая грань творчества Натальи Советной – сплав живописи и литературы, искусства и его поэтического сопровождения. Открывается дар – повсюду находить поэзию. Мир поэта – действительно мир, пропущенный через личность художника. Итак, завершающая часть сборника «Солнечные грошки» – это лирические авторские зарисовки в сочетании с художественными работами маслом самобытного пейзажиста Владимира Саражи. Владимир Алексеевич был женат на родной сестре Зои Егоровны Булаевой, матери автора этой книги. Причём в оформлении её обложки тоже использована его работа «Рассвет». Вот такое знаковое единение судеб – перекрестие строк, образов.

Читая волшебные мгновения, не перестаёшь удивляться писательскому воображению, неистощимой фантазии Натальи Советной. Вот, к примеру, такой поэтический комментарий, исполненный к одной из картин художника и создающий некое светоносное мировосприятие стремительно уходящего лета и неспешно наступающей осени:

Вновь берёзы предстали осенними кралями –
Ярко-жёлтые гроздьи листвы средь зелёных ветвей...

Хочется взять кисть, окунуть её в щедрое и эффектное великолепие красок и скорее нарисовать всё, что только вы сможете. Насыщенный колорит, сочные цвета, густые мазки маслом на красочном словесном холсте. Зримо проступает цветовая символика – символика душевного состояния. Самое важное – умение поэтессы найти теснейший сердечный контакт с читателем, взволновать его, пробудить в нём самые чистые чувства. Ещё мгновение, и откроют свои тайны «сказочные ключики детства», да разве обо всём расскажешь, тут и малой толики из всего созданного тонким мастером пера не счесть... «Тишина благодати Божьей», мудрость, зоркость и пронизательность наблюдений за всем живым: «Величественно и задумчиво смотрит теперь могучий дуб на восходящее солнце, на суетливо-бегущую дорогу. И столько в нём силы, красоты и гармонии, столько мистического духа, словно не дерево это, а мудрый хранитель земных просторов и колосющихся полей», – прочувствованно и возвышенно пишет Наталья Советная о древнем хранителе нашей земли. Нет, ей никогда не бывает скучно, и никогда не теряется рифма, если на какое-то время улетают стихи, значит – приходит проза.

Успеть передать тепло души, прикоснуться друг к другу, что может быть более ценно?! Возрождение жизни, по мысли автора книги, – как «тёплое прикосновение Детства...». Созидание собственной судьбы. Она равно зависит от нас, как и мы от неё. Пусть всегда будет ставка на человека, вносящего свою, ничем не заменимую долю в безграничность бытия и мироздания. «Пока нам не хватает солнечных лучей, на земле вспыхивают маленькие жёлтые язычки цветочного пламени. Щедро разливается одуванчиковое тепло – грейтесь!!!!!» – искренне, трогательно говорит нам сама природа, и ей в унисон вторит оптимистическое, жизнеутверждающее начало книги «Солнечные грошки»!

Это именно тот счастливый случай, когда оправдан воодушевленный гуманистический пафос главных и вечных ценностей, олицетворяющих Великий круг времён: Мать-земля, Матушка-природа, Родина, Семья, Любовь...

В добрый и светлый путь солнечной книге, солнечному автору и читателю!

Берега прочтения

Виктор Гужов

Герман Генрихович Берг – независимый журналист, публицист, политический обозреватель и пресс-аналитик ряда российских и зарубежных средств массовой информации. Родился 23 апреля 1965 года в Минске (Белоруссия). Потомок германского лесовода, педагога-преподавателя профессора Тарандской лесной академии (в Саксонии) Карла Генриха Эдмунда фон Берга. Окончил факультет журналистики Белорусского госуниверситета. Работал в районных и областных газетах. В 1993 году эмигрировал в Германию, где продолжил свою журналистскую карьеру. Работает в Мюнхене, Минске, Москве. В настоящий момент сотрудничает с целым рядом СМИ, в том числе и ZEIT ONLINE, BBC News, News Media, CNews Media, RT.

Издано несколько публицистических книг как на немецком, так и на русском языках, в которых проводятся исследования протестных движений, влияние олигархов и бизнеса на политические процессы, даётся аналитический обзор прозы и драматургии европейских и российских авторов.

В этом номере агентство предоставляет читателю Виктора Гужова и его масштабную, всестороннюю аналитику трилогии и её последнего романа известного на материках писателя Евгения Чебалина «Ковчег для Третьей мировой», в которой дан захватывающий срез Российского и планетарного бытия на изломе космогонии – на смене Чертога Лисы Чертогом Волка в XXI веке.

Берг-пресс – Евразийское информагентство (публикуется в Риме, Лондоне, Берлине, Мюнхене, Астане, Минске, Москве).

Виктор Гужов

Создатель Фонда, региональный координатор общероссийского движения «Родина».

«БУЙВОЛ-НЕВИДИМКА»

Сага об «антиписателе и антисемите» Е. Чебалине, его трилогии, публицистике и новом конспирологическом романе «Ковчег для Третьей мировой»

Повод вернуться к «анфан-терриблю» русской литературы Евгению Чебалину достаточно весомый: выход в свет романа «Ковчег для Третьей мировой», который опубликовал в двух номерах болгарский международный альманах «Литературен Свят» – издание русофилов Болгарии.

По мере появления в СМИ и Интернете наших четырёх бесед с Евгением Васильевичем Чебалиным на меня, мою почту рушился шквал комментариев, обсуждений и вопросов об этом необычном, выпирающем из писательских стандартов субъекте русской литературы, который не существует для всяческих лит. конкурсов, Союзов, премий и для литературных чиновников. После обозлённого окрика из Госдеповского «паханата» США о «шовинизме и антисемитизме» романов этого автора, продающихся в Государственной Думе, после публично-истерической анафемы в адрес писателя от правозащитника из хасидского раввина Израила А. Брода Е. Чебалин стал для этих чиновников зыбким фантомом. Сквозь него предписано смотреть не замечая, во избежание незамедлительных санкций от международной литмафии – Европейского вассала. Что за этим запретом?

Ни один автор XX–XXI веков не отважился так хирургически бесстрастно, глубинно, добираясь до скелета, вскрывать, без анестезии, планетарный, так называемый «еврейский вопрос» в романах «Безымянный Зверь» и «СТАТУС-КВОта». **Но самое непредсказуемое и контрастное в прозаических работах Е. Чебалина: пожалуй, нигде в РУССКОЙ литературе не выписаны столь притягательные, пассионарные образы евреев, которых немало среди его друзей.**

Виктор Гужов

Вникая в недра навязшего в зубах клише от Ротшильдов и Сороса: «шовинизм и антисемитизм», просветив его аналитически, несложно обнаружить фарисейскую сущность этого ярлыка, который остервенело лепят на лоб любому, кто коснулся «еврейского вопроса». За этим – болезненная, патологическая страсть любого «малого народа» (по Шафаревичу), пробравшегося к финансовым и экономическим рычагам и паразитирующего на этом, оставаться в тени и шельмовать любого, кто извлекает из этой тени и высвечивает суть существования гельминтозной касты: жить за счёт эксплуатации чужого, «туземного» труда, творчества, таланта и энергии, которых так много накопили в веках славяне и мусульмане.

Эта тема неоднократно всплывает и в публицистике Е. В. Чебалина: статья «У ЗВЕРЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ ИМЯ. (Открытый ответ любителю кавычек.)» («День литературы»). Она настолько аргументирована и неопровержима при своей кровотокающей обнажённости, что у врагов писателя не нашлось фактологического предлога судить автора и «шить» ему любимую 282-ю статью... Не нашлось ещё и потому, что в этой статье хищный паразитизм и агрессию сионизма в веках фиксируют не только цитируемые историки Цицерон, Плиний, Сократ, но и «Талмуд», «Тора», «Шульхан-Арух», «Галахой». Плюс сами евреи, в том числе раввины.

По отношению к Чебалину была избрана другая тактика.

Его книги, орошённые водопадом рецензий и отзывов в российской, мировой прессе и Интернете, отзывы и рецензии, которые вот уже 15 лет отслеживает в мировой и российской прессе и публикует на своих страницах международный болгарский альманах «Литературен Свят», – эти книги ныне натываются на жёсткий, непреодолимый заслон во всех книжных сетях, замкнутых на бизнесе и, как правило, контролируемых либерал-западниками. Чем воспользовались интернет-сети, в частности OZON.ru, с пиратским напором торгуя без авторских отчислений романами Е. Чебалина. Но и к самому автору приходят многочисленные заказы прислать эти романы с автографом, не только из российских регионов, но и Америки, Канады, Финляндии, Австралии и т. д.

Но Е. В. Чебалина по-прежнему не существует для хозяев литературно-издательского «заказника». Там стригут с толерантного писательского «стада» «бабловую шерсть», умудряясь при этом держать писательство в роли услужливого Фигаро, в нищенском режиме выживания. Вследствие этого практически любой современный автор вынужден шарахаться от социально-воспалённой проблематики, плавать на поверхности, быть рукопожатным и смиренно получать для своего скудного бытия любые издевательски скудные гонораришки. Все эти страсти обтекают Е. В. Чебалина, никак его не касаясь. Ещё десятилетия назад он знал, какой гнойник взрезает своей прозой, что оттуда потечёт и что за этим последует. А потому, строя с другом-строителем один за другим три фундаментальных дома, насадив там деревья, кустарники и виноградник, он продавал их. И теперь не зависит ни от кого и ни от чего – кроме своего писательского долга.

Читательский интерес к Е. В. Чебалину стал закономерным продолжением комментариев и рецензий, появлявшихся в прессе после сенсационной защиты диссертации по его романам в Сорбонне, презентации его книг на международных книжных ярмарках во Франкфурте-на-Майне и в Красноярске. О них рассказал берлинский блогер и писатель Валерий Куклин, затем уже упомянутый болгарский литературный альманах «Литературен Свят», собрав отзывы и рецензии на романы Е. Чебалина с разных континентов, а также обширный интернет-блог Николая Истомина и **долговременный форум в Интернете о романах Чебалина, который недавно прикрыли.**

Форум был уникален не только своей долговременной протяжённостью (четыре года), жёсткими стычками мнений, но и запредельной безбрежностью всечеловеческого бытия, отражённого в книгах Чебалина, он препарат этого бытия. Эта безбрежность воспалена неистовой авторской страстью и буйволиным напором, исполнена в неповторимом авторском стиле. Об этом, по-моему,

лучше всех сказал президент Европейской ассоциации народов Кавказа из Ниццы чеченец Муса Темишев (цитата из «Литературен Свят»).

«Дорогой наш, бесценный Евгений Васильевич!

Сорок лет назад я залпом проглотил Ваш роман “Час Дзуликого” и с тех пор жду как желанную встречу любой Ваш новый роман. Я был убеждён, что после Чехова, Бунина, Булгакова, Солженицына из русского языка нечего “выжать”. В Ваших творениях русский язык засверкал новыми гранями. Неповторимая образность и бешеная экспрессия всего того, что выходит из-под Вашего пера, многократно умножается Гражданской ценностью, ибо всё Ваше творчество обличает ЗЛО, ПРЕДАТЕЛЬСТВО И СТЯЖАТЕЛЬСТВО, в которых мы тонем сегодня, зовут к борьбе и очищают душу. Недавно я прочёл в Интернете главу из Вашего романа “НАНО-SAPIENS «Агент и президент»”, которая потрясла меня бесстрашным пророчеством. Я горжусь дружбой с Вами...

...Последняя книга Е. Чебалина «Ковчег для Третьей мировой» фиксирует: эта вертикаль с её бывшим мощным катализатором процессов «КНУТ И ПРЯНИК» практически сгнила к XXI веку, а загнивание, которое активизировалось Западом, началось ещё тогда, сорок лет назад, на примере нижеколымского парткома, о чём автор поведал в статье «Фараон и Нифертита».

Но – вновь к «буйволиной» стратегии, или – таранному способу существования журналиста Е. Чебалина. Тему возрождения и сбережения «рыбьего народа» журналист и писатель хронически «тащил и тащит» до сих пор. Она, в конце концов, логически причудливо и феерично воплотилась в романе в одного из персонажей его писательской эпопеи: разумного рыбного субъекта Лобастую. Этот разумный гигант, обитающий в Волге, в дальнейшем развитии романа властно вмешивается в сюжетную канву, войдя в контакт с главным героем Евгеном-Ичкером. Тандем человека и рыбы поднимет не только проблему сытости на планете, но и морально-нравственную – о Матери-природе, которую мы сами загоняем в режим геноцида. В частности, вырубкой лесов, загрязнением водоёмов и ЕГО ПРЕПОХАБИЕМ ПЛУГОМ.

Плужная проблематика, как и рыбная, выпирает из писательства и трилогии Е. Чебалина монблановой вершиной. Безотвальное, экологически берегающее, исторически апробированное земледелие Ивана Эклебена, академика Мальцева, Моргуна, Сулейменова и Бараева, Прохорова, Шугурова – это земледелие с универсальной сеялкой АУП-18 изобретателя Прохорова (**которой нет равных в Европе и мире по эффективности и дешевизне до сих пор**), становится на долгие годы стержневой темой его романов.

Познакомившись в реальной жизни с изобретателем Прохоровым и его ошеломляющей конструкцией АУП-18, за которую отчаянно и, увы, безрезультатно почти два года боролся академик Мальцев, Е. Чебалин подключается к этой титанической борьбе. О том периоде жизни Е. Чебалина, когда он, встретившись с академиком, ввязался в драку за фантастическую сеялку, пожалуй, наиболее точно и ёмко рассказал коллега писателя, собкор «Советской культуры», затем главный редактор «Казачьего вестника» на Среднем Поволжье Анатолий Праздников.

«...И тогда Евгений Васильевич дал себе клятву: не отступлюсь, пока не пробью дорогу сеялке на поля. И вцепился в это дело мёртвой казацкой хваткой... на долгие шесть лет! За это время он сумел снять и показать на ЦТ фильм о сеялке и Прохорове “Миллиарды в чемоданчике”. Неоднократно тормозил Тимирязевскую академию. Несколько раз публиковал в центральной прессе и “Правде” статьи об АУП-18. Трижды был на встрече со своим старым знакомым по Якутии премьер-министром России А. Власовым.

Можно поражаться или не поражаться неукротимой энергии и целеустремлённости писателя и журналиста Е. Чебалина, принимать или отвергать жёсткий, хлещущий стиль его публикаций, но факт остаётся фактом: плотина сопротивления академических и партийных чинуш была прорвана. По решению ЦК и премьер-министра России выпуск фантастической сеялки с рассевком Прохорова был профинансирован и запущен на Куйбышевском агротехническом гиганте “Сызраньсельмаш”. Аналогов АУПу-18 нет в Европе и мире до сих пор. Поистине Всероссийское дело своротил наш Терский казак!

Анатолий Праздников, главный редактор “Казачьего вестника”».

Здесь необходимо добавить: таких, поистине всероссийских дел писатель Е. Чебалин, перебравшись по воле Сергея Михалкова в Куйбышев из Грозного, своротит ещё немало – в самых неожиданных и несопоставимых сферах, вплоть до патронажа некогда всемирно известного ансамбля «Классик-Домра», который Евгений Васильевич повёз на автобусе в европейское концертное турне и в Храм Вивальди в Италии.

Писатель Е. В. Чебалин оберегает, любит и заботится с сыновней теплотой о матери-природе, о её щедрых дарах человечеству. **Поэтому обобщить суждение о нём и его творчестве будет уместно природным сравнением: он буйвол-одинок в литературной саванне.** Давно уже отбившийся от стада, одетый в броню из буйволиной кожи, исполосованный шрамами, он бродит по ней один, налитый матерой, бесстрашной силой. От него шарахаются, злобно завывая, либершакалы и гиены, когда он бросается на защиту попавших в беду сородичей. Его обходят стороной хозяева литературной саванны – обронзовевшие в писательстве львы. Он чужой среди своих, пропитанных аурой зависти к всемирному эху от чебалинских романов.

У писателя роскошное, генетическое продолжение Орлово-Чесменской и казацкой породы: в двух дочерях – Илоне и Юлии, во внуках. Старший, Данила, окончил аспирантуру Академии МИДа, работает в Минфине. Средний, Георгий, окончив военное музучилище и блестяще владея фортепиано, трубой и волынкой, резко меняет профессию – он, окончив факультет военной журналистики при Академии Генерального штаба, ныне возглавляет пресс-службу в одной из мощных ракетных частей МО. Ещё один – Евгений, оканчивает в Москве балетную Академию при Большом театре и одновременно танцует в балете Большого театра. Четвёртый, Иван Изотов, оканчивает РАНХИГС, пишет дипломную работу: бывший хоккейный вратарь «Динамо», при пяти золотых и шести серебряных медалях, полученных на турнирных первенствах России. Он же – неоднократный призёр Всероссийских математических олимпиад. И наконец, самый младший, Василий – восьмиклассник, лидер-пловец в школе Олимпийского резерва.

Е. В. Чебалина уже не встретишь на литературных тусовках и междусобойчиках, на Всемирном Русском соборе, где он побывал дважды, на всемирных книжных ярмарках, выставивших на стендах его книги.

Он выбрался из этой говорливой, бурной стихии и отряхнулся давно, именуя её с усмешливым пиететом: «Трёподромы». Они не интересны романисту, который многие годы переписывается с президентом Ассамблеи кавказских народов в Европе Мусой Темишевым, блогером из Берлина Валерием Куклиным, монахами Иерусалима, аспиранткой Сорбонны, кубинским окружением Рауля Кастро, мэром Пицунды в Абхазии, беседует на страницах федеральной прессы с Юрием Соломиным, Русланом Хасбулатовым, главным редактором газеты «День литературы» В. Бондаренко.

По книгам Е. Чебалина защищали диссертации аспирантки Грозного и Сорбонны, его приглашал читать лекции о мировой литературе университет им. Гёте во Франкфурте-на-Майне, ему предлагал отравленную информацию о президенте России фонд Сороса. Его фортепианное сочинение «Сонатёныш», опубликованное в конце романа «СТАТУС-КВОта», играет в своём репертуаре австралийский и другие пианисты. Писатель давно уже негласный «гражданин мира», будучи неразрывно, кровно связанным со своим славянским этносом.

Время от времени Е. Чебалин встречается со студентами: он предпочитает эту среду любой другой, читательской. Причём встречи эти напрочь лишены традиционного бубнёжа о своём творчестве, взламывают его каким-то озорным, хулиганским эпатажем. В консерватории он поёт «Вдоль по Питерской», затем садится за рояль и, виртуозно сплавив «Патетическую» сонату Бетховена с «Прелюдом» и «Полишинелем» Рахманинова, предлагает отгадать ошарашенным «лабухам» – что и от кого в этом «винегрете».

На встрече с актёрской аудиторией он выдаёт загробные диалоги Сталина, Ленина, Брежнева и еврея Мони с Одесского привоза, блистательно имитируя всех четырёх.

Беседу с филологами начинает с анекдотов про чукчу, выпекает притчи из армянского радио, выдаёт на-гора под гомерический хохот шепелявые мудрости беззубого деда про «Два пути» и предлагает проголосовать за принятие в нынешний Союз писателей дагестанского табасаранца за его стихи: *«В горах рассеялся туман. Путь свэтэл впереди. // Своих баранов, о чабан! Ты в куммунизм види!»*

Его с супругой (не столь давно была их золотая свадьба) с нетерпением и гордостью ждут в абхазской Пицунде, куда они приезжают наплавать за сезон свои километры в ластах. И, выделив им свою четырёхкомнатную «Сталинку» на берегу моря, водят к ним вечерами хороводы своих родственников, писателей, музыкантов, филологов.

Его тепло и заботливо встречают в рыбацких бригадах на Волге, где он выволакивает на берег пудовых сомов. Его ждут в Москве – оперные солисты и актёры, некогда игравшие в его пьесах в театрах Сатиры и им. Вахтангова, актёры и сокурсники по ГИТИСу Борис Галкин и замечательный режиссёр и прозаик, вице-президент Петровской академии наук и искусств Иванов-Таганский, первый секретарь СП России Геннадий Иванов, директор Московского детского театра «От А до Я» Вячеслав Ерёменко и директор Центра СНГ при Академии МИДа А. Шутов.

Его предупредительно встречают в Александрийской библиотеке в Египте, где уже несколько лет он оплачивал переводчикам переводы наиболее интересных манускриптов с шумерского, аккадского и иврита. Затем, снабдив его джипом на прокат, договариваются с археологами об участии русского писателя в раскопках в долине фараонов.

Вернувшись в Самару, он ныряет в свою усадьбу – за фортепиано и письменный стол. Здесь висят на стенах его картины, склеенные из разноцветной соломы, фрески из древнего Египта и вьетнамские макраме. Здесь пчелиный гуд, трели соловьёв по весне и цвиканье синиц. Здесь столярная мастерская с профессиональным набором электроинструментов.

Здесь зреют в теплице роскошные помидоры, огурцы, перцы и метровые кабачки, выпирая из всяческих стандартов своим гигантизмом на изобретённом писателем органическом удобрении. Здесь с раннего лета и до снега полыхают сочной краснотой ремонтантные клубника и малина, давая за сезон по три урожая. Здесь виноградник, зимний сад, бассейн, баня и погреб, где вызревают, набирают букет игристый «Шампальзам» из меню графа Орлова-Чесменского и коньяк собственной, чебалинской конструкции под брендом «ИЧКЕРОСС». Здесь под навесом кирпичная печь-симфония с коптильней, которую сложил его друг-строитель и герой романа «Статус-КВОта» Виктор Тихоненко.

Сюда приезжают друзья, изобретатели, ноу-хау которых он пробивает в экономику, соратники по федеральной прессе, с жёстким, не зашоренным взглядом на власть и на жизнь, не подверженные плесени меркантилизма и слюнявой толерантности. Пройдя долговременный отбор, они никогда не предадут и не вильнут хребтом в навалах бытия.

Писатель давно уже отошёл от распространённого ныне способа общения в Телеграме, Фейсбуке, Твиттере – в Интернете лишь его сайт. У него и единомышленников в России, Европе и мире нет никакого желания выплёскивать на обозрение интернетных «бандарлогов» свои мысли, страсти и философскую аналитику бытия. Они переписываются в электронной почте.

По моему убеждению, время Чебалина в мировой литературе ещё не пришло. Оно впереди.

Александр Нестругин

Александр Гаврилович Нестругин – родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Подъём», «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» и др. Автор семи сборников стихов. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», им. С. Есенина. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

ВЫБОР

О книге Василия Килякова «Ищу следы невидимые»¹

Поневоле заставляющий задуматься литературный парадокс: интерес к художественной книге (всякого рода развесистую «клюкву» я в расчёт не беру) неуклонно падает, а к людям, эти самые книги написавшим, к их беллетризованным биографиям – растёт.

Почему?

Не потому ли, что жизнь всякого крупного художника слова полна того опаляющего сердце драматизма, который вымыслу, даже самому изошрённому, не под силу?

Писательские судьбы...

Какие трудные, какие горькие пути они, в большинстве своём, выбирают! Или это их выбирают – времена, крутые повороты, суровоглазые обстоятельства?

Вот и Василий Киляков... Его судьба, в чём-то типичнейшая до оскомины, во многом всё же выбивается из ряда, её «шершавинку» чувствуешь в строке едва ли не на ощупь. С молодых ногтей будущий писатель лепил себя сам: живя и в рязанской деревне, и городе, он жадно впитывал, запоминал и пытался осмыслить «жизнь изначальную» – лишённую даже признаков праздности и роскошества, неизящную, порой грубую, но по-своему мудрую, честную. К исходу советских времён, отслужив в армии и получив надёжную в житейском плане профессию, обрёл он уже вроде бы и влекущую писательскую стёжку: пошли первые журнальные публикации, случились премии-отличия. Но стёжка эта была ещё узенькой и короткой, полузрячей, а хотелось – простора, Пути. А на дворе год переломный, 1991-й. Вот как он выглядит в «оптике» самого В. Килякова: «Нищета, отчаяние. Безгонорарные публикации, пустая, нищая, голодная “читательская” публика в Москве... Даже в Москве: на улицах и рынках, на вокзалах и за лотками – мешочники да лавочники. Жизнь они полностью подмяли под себя, эти самые торгаши, – и взирали с лотков на прохожих, как пауки из щелей взирали бы, выслеживая мух. Палёной водки – море разлитое...»

В такое время – какая ж тут литература, выжить бы; а он поступает в Литинститут. И не просто поступает, а делает выбор: «...я прошёл творческие конкурсы по жанру “критика” к Е. А. Сидорову, будущему министру культуры, и по жанру “проза”, к М. П. Лобанову. Ни минуты не сомневался, на ком из преподавателей остановить свой выбор, если конечно, Михаил Петрович примет меня». Вот оно, пересечение писательских судеб: уже состоявшейся, мудрой и мужественной, – и «рассветной», только-только брезжащей. Пересечение знаковое или – не только в литературном плане – ничего не значащее, случайное?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно прочесть книгу, ставшую событием и смыслом этих отнюдь не бесспорных, но зато, надеюсь, не «сторонних», не теплохладных заметок. Уже

¹ Киляков В. В. Ищу следы невидимые: художественная публицистика. – М.: У Никитских ворот, 2024. 720 с. URL: <https://uniki.ru/2024/10/02/ishhu-sledy-nevidimye/>

само название её обращает на себя внимание: «Ищу следы невидимые: художественная публицистика». Вышла она в московском издательстве «У Никитских ворот» в 2024 году. Книга весомая: 720 страниц вовсе не склонного к пустопорожней болтовне, всегда заряженного на спор, порой по-мальчишески порывистого, но «зрячего» и вдумчивого текста. Предисловие, написанное председателем Совета по критике Союза писателей России Вячеславом Лютым, озаглавлено ёмко и определённо: «Красота и неподкупная правда». Давая высокую оценку отличающемуся «в первую очередь, своей интонацией» писательскому голосу, известный критик неслучайно отмечает, что в устах автора книги «часто звучит имя Михаила Петровича Лобанова, выдающегося критика и мыслителя, профессора Литературного института им. А. М. Горького. Семинар прозы Лобанова не раз называли «семьёй», потому что вот так, по-семейному, старший говорил с молодым поколением, которое взялся учить уму-разуму. Он обладал удивительным умением называть вещи своими именами и никогда не боялся этого. Неслучайно многие завидовали ученикам Михаила Петровича белой завистью: редкое счастье входить в «семейный круг» подобного уникального человека».

О нём, об этом редком счастье, поклонно-благодарное, сыновнее слово В. Килякова – и в открывающих книгу думах-воспоминаниях об Учителе, и далее по ходу многих других текстов. Имя «Лобанов» здесь – как камертон: не отступить, не отмолчаться, не сфальшивить. Более того, умело закольцованная книга обогащена материалами из литературного наследия Михаила Петровича, подготовленными к печати хранителем его рукописей Татьяной Николаевной Окуловой; ею же – в память о муже и наставнике – составлен очень важный заключительный раздел: «М. П. Лобанов: из размышлений о литературе и жизни». Именно в нём из первых рук дан ответ на вопрос, была ли та давняя, 1991 года, встреча учителя и ученика определяющей, судьбоносной. Но об этом потом. А пока... Завершая тему учительства, литературного и жизненного, приведу ещё два названных автором дорогих для него имени: Глеб Горышин и Николай Старшинов.

Первому, говорившему, по словам самого Килякова, о его повести на совещании молодых писателей во Владимире «даже более резко, чем следовало», посвящены «ознобные», благодарно-прощальные эссе «Возвращение снега» и «Птица небесная». «Резкий» Горышин одним из первых (за руководителем Литинститутского семинара Лобановым) поддержал тогда молодого прозаика, дал ему рекомендацию, открывшую дверь в Союз писателей России. И стал потом необходимым человеком, дорогим собеседником, старшим товарищем. Хотелось бы продолжить здесь – «на многие годы», но не получается: вскоре Глеба Александровича не стало. Осталась память – бередящая сердце, высокая, небесная: «В день его ухода из жизни, в апреле, в ночь с 10 апреля 1998 года, – на Москву и Санкт-Петербург опустился, обрушился свежий необычный снег, такой волшебный буран “забелит” Москву, закружил в белом вихре! Какой-то целебной, удивительной чистоты и силы. Снег... “Возвращение снега” – так называется последний сборник стихов Глеба Горышина...»

А вот со Старшиновым совсем другая история. Николай Константинович, который за время работы в альманахе «Поэзия» «поставил на крыло» не один десяток талантливых поэтических «слётков», приглашал к себе домой Василия Килякова – для чего бы вы думали? – о частушках поговорить! И говорил часами, и пел свои любимые под старенькую «венку»-двухрядку, да так увлечённо и самозабвенно, что супруга, открыв дверь в комнату, ласково его окорачивала: «Никола-ша!» Вроде и не было в тех встречах-посиделках (кстати, проходили они без спиртного) ничего специфически учительского, но это лишь на первый взгляд. Было, и на всю жизнь запомнилось: «Шёл я в одиночестве к метро от Безбожного переулка, от его дома – к метро “Проспект Мира”, вспоминал его стихотворения, особенно стихи военных лет...»

А ещё вспоминал молодой литератор Киляков, как сожалел поэт-фронтовик Старшинов, что позволил себе «сгоряча и наспех» напечатать собранные им частушки «с картинками»: «Морок какой-то, задурили “свободой”. Это хорошо, что в твоих папках, Василий, нет частушек и стихотворений похабных. Молодец, этого и держись».

Разумеется, книга «Ищу следы невидимые» – не только об учителях. Во введении-предисловии подчёркнуто, что автор выносит на суд читателей новый, независимый взгляд на творчество Чехова, Бунина, Набокова, Шукшина, Шергина, Мопассана, Моэма... Здесь всё сказано верно, разве что ряд имён значительно шире. Но я бы говорил прежде всего не о новизне и независимости взгляда, а о литературной и человеческой честности автора, честности перед читателем и перед самим собой. О той самой «неподкупной правде», которую отметил в предисловии В. Лютым. Так, на

страницах этой книги не раз упоминается мой любимый писатель И. А. Бунин. И контекст таков, что у меня, читателя, никаких сомнений нет: автор питает к этому русскому классику очень тёплые чувства. И тем неожиданной было для меня прочесть в «Записках пожившего человека» такие горькие, но неоспоримо-точные строки: «С какой яростью, живостью и с каким отвращением Иван Алексеевич Бунин писал книги о революционной и постреволюционной России – по беспощадному исповедальному тону, по пронзительности и остроте – равные им едва ли можно отыскать... Но вот что приходит на память: отчего же родного брата и своего учителя Юлия – отчего брата с теми же проклятиями И. А. Бунин не упрекает нигде? Он любил и уважал его безмерно. Глубоко переживал его безвременную кончину... А ведь именно Юлий, этот не последний в своём значении “чёрноперелец”, народник и революционер, подвергался аресту не раз и даже ссылался».

Господи, да ведь это же мои мысли! И не раз они приходили меня мучить. Разрываясь между Буниным «Жизни Арсеньева» и Буниным «Окаянных дней», я страдал, и сокрушался, и негодовал порой, а вот вынести эту свою «обиду» «на люди» не смог, не решился. А Киляков решился. Может, зря? Но ведь и хирург, спасая человека, по живому режет...

С болью непреходящей, как о родном человеке, написан очерк В. Килякова «Тайна В. П. Астафьева». «Писатель Астафьев – человек большого сердца, – убеждён и сегодня автор, – и всё же поражает бездна, разделяющая его творчество: “Зрячий посох”, переписка с писателями-друзьями – и по другую сторону: “Печальный детектив”, страницы повестей и рассказов последних лет». Отмечая предельную обнажённость чувств астафьевского «Последнего поклона», не может автор пройти мимо резких высказываний классика о русском народе, случившихся как раз перед президентскими выборами в нищей стране, мимо «обломившегося» вдруг писателю от благодарных властей пятнадцатитомника и прочего, хорошо известного. И приходит к выводу, с которым трудно спорить: «Думаю сегодня, что “Последний поклон” Виктора Петровича Астафьева в жизни – и тот подлинно так и не состоялся. Неискренны те светлые слова, которые вложил он в уста бабушки Екатерины Петровны. Тогда что же это было, если нет поклона, не состоялся он – а есть ненависть. Или случился поклон, но точно не в сторону народа, не бабушке своей, которая, конечно, тоже – народ и даже прежде всего народ. Не в сторону населения даже поклон, если сказать коротко. “Весёлым солдатом”, “Прокляты и убиты” – в угоду власти ельциных, горбачёвых (не зря посещали они его, ластились к нему), штрейкбрехера в писателе разглядели. И он старался в поте лица, строчил поспешно несосветимое, невероятное, здравому уму непостижимое...»

И всё же, при всём при том, – христианское слово прощания, горькое и милосердное: «Царства Божия Вам, великий, но “не несгибаемый” Виктор Петрович. А надломили-таки Вас, дорогой классик, – надломили власти пришлые, нерусские, как рябинку ельцинскую в саду библиотеки села Овсянка. Осушили на корню посулами лживыми да властью Тельца Золотого, заманного. Не Вы виноваты – а искушения. Царствия небесного, писатель, фронтовик, не успокаившийся на миру».

Василий Киляков, взыскуя красоты и правды, порой в слове своём категоричен и порывист, но при этом глубок и талантлив, искренен и по-христиански сострадателен. И – зорок, душевно зорок. «Мужичок с рюкзаком тяжело вышел на платформу, силясь, вскинул рюкзак на плечи. Дачник. Вскидывая тяжесть, от усилия и старания топнул ногой в резиновом сапоге прямо в лужу. Лужа расплескалась, и тут же голуби на платформе вспыхнули белым исподьем крыльев, захлопали, поднялись к небу. Три сизаря. Лужа пролилась в ручеёк, подхватила белое голубиное перо, потащила куда-то, как судьба тащит брентную жизнь человеческую».

Это что – публицистика? Взгляд? Зарисовка? Прочитаешь – и ноет сердечко, шемит. О чём это, о ком? Уж не о каждом ли из нас, читателей? Да и о самом авторе, пожалуй. «Расплёсканная» чёрными девяностыми, судьба долго тащила его, крутила и била. Не давала взлететь. И многие годы – да нет, десятилетия! – оставался он, писатель глубоко нравственный, духовно сильный, талантливый и яркий, в тени всякого рода литературных симулякров, не на виду, не на слуху. Пережил полунищету, безвременье, бескнижье своё долгое – семью нужно было кормить-поднимать, до книг ли тут, когда копейки лишней в доме нет?

Но – выстоял, не сломался. Работая на трёх работах, продолжал писать. И вот...

В 2018 году в издательстве «У Никитских ворот» выходит книга «Посылка из Америки: рассказы и повести», потом, в 2021 году в Воронеже – книга «От истока к устью: стихотворения разных лет». Книги эти были тепло встречены читателями и писательским сообществом, отмечены целым рядом

значительных критических отзывов и литературных премий. Наконец, в году минувшем, завершая давно задуманную личную творческую триаду, явлены «граду и миру» и «следы невидимые» – художественная публицистика, которая, сдаётся мне, с самыми заметными явлениями критической и философской мысли, с лучшими образцами современной русской прозы стоит вровень.

Прочтём ли, заметим, услышим – сегодня, сейчас? Или станем ждать, пока выйдет-таки, через годы, ещё одна книга – уже об авторе, в серии «ЖЗЛ»?

Сюжет, кстати, не такой уж фантастический, как то может показаться всякого рода ироникам-скептикам – самовлюблённым сорнякам, считающим лишь себя украшением русской литературной нивы. Особенно если учесть «выпускную оценку», которую поставил В. Килякову его Учитель – строгий, предельно скупой на похвалу: «Василий Киляков – современный коренной русский писатель среднего поколения – уже зрелый мастер, тончайший психолог, мощной изобразительности... Выдающийся писатель, который в наше смутное время ставит на место всех “умственников”, самодеятельных “гениев”, тех, у кого нет и намёка на серьёзную жизнь...»

Так решимся ли мы взять на себя этот труд души, сумеем ли услышать обращённый к нам взволнованный голос «по-лобановски» честного публициста, критика, эссеиста – коренного русского писателя Василия Килякова?

Теперь выбор за нами.

Вера Сытник

Вера Владимировна Сытник – окончила филологический факультет Омского государственного университета, работала в редакции районной газеты, преподавателем мировой художественной культуры в гимназиях Алматы и др. С 2007 года живёт в Китае, преподаёт русский язык. Писатель-прозаик, публикуется с 2008 года в журналах «Южная звезда» (Ставрополь), «Союз писателей» (Новокузнецк). Автор нескольких книг рассказов и романов. Пропагандирует отечественную литературу в Китае, сотрудничает с журналом «Русское искусство и литература». Лауреат программы «Новые имена современной литературы» (Союз писателей, Новокузнецк). Живёт в г. Янтai в Китае.

РЕЦЕНЗИЯ НА ПОВЕСТЬ ВИКТОРА КУСТОВА «ВЕСТНИК»

(Роман-газета № 2-2022)

Настоящая литература сегодня – для духовной элиты. Это познание непознанного. Каждый настоящий писатель, хоть на миллиметр, но пробивает туннель духовности, ведущий к Истине.

В. Кустов, из интервью 2006 г.

Повесть Виктора Кустова, на мой взгляд, – это удачный литературный портрет Даниила Андреева, создавшего «Розу Мира» – произведение, которое весьма будоражит умы наших современников. Виктор Кустов, прозаик, драматург, публицист, умеет выбрать животрепещущую тему, чтобы побудить читателя думать. Он – автор многих книг, в том числе повествования «Провинциалы», охватывающего в пяти романах пятидесятилетнюю историю России.

Родился будущий писатель в Смоленской области. Школу окончил в Красноярском крае. В 1974 году – геологоразведочный факультет Иркутского политехнического института. Работал литературным сотрудником институтской газеты «За кадры», в газете «Огни Саян» (Саяногорск), в «Красноярском комсомольце». В 1980-м переехал в Ставропольский край. Работал в газетах «Молодой ленинец» (Ставрополь), «Ленинское знамя» (Черкесск), «Ставропольская правда». В 1987 году – заместителем директора Центра творческой молодёжи в Черкесске. С 1989 года учредитель и руководитель ряда независимых организаций, в том числе газеты «Курьер», журнала «Сельское Ставрополье». С 1993 года живёт в Ставрополе. С 2001 года – главный редактор всероссийского литературного журнала «Южная звезда».

Сухие строчки биографии дают представление о географии жизни, но не об её содержании. О содержании можно узнать, почитав романы, рассказы, пьесы и очерки Кустова. В них – больше, чем просто описание человеческих судеб. В них – живой поток исторических событий, художественных образов, мыслей и поступков, которые представляют недавно ушедшую эпоху или современность. Историк, глубоко знающий, как развивалась Россия; публицист, умеющий остро поставить вопрос; мемуарист, способный поднять пласты ушедшего времени; мастер слова, могущий придать тексту красочность, – всё это Виктор Кустов. Его проза, будь то романы, повести или рассказы, имеет выраженную социальную окрашенность, говорящую о том, что автор обладает даром видеть проблемы, обозначать их и облекать в художественные формы.

Мои встречи с Виктором Кустовым – это всегда разговор о тенденциях в литературе, о том, чем живёт общество, и о путях развития нашей страны. Нет темы, в которой Кустов затруднился бы

с ответом. Инженер по образованию, гуманитарий по духу он отдал предпочтение не разведыванию богатств земли, а исследованию души человека, став писателем. Недра земли, таящие в себе материальные вещества, оказались для него менее заманчивыми, чем нематериальное, что тоже поддаётся изучению, но требует бóльшей внутренней зоркости и бóльшей глубины взгляда, направленного не вниз, а к небу, что существенно меняет и мироощущение, и мировоззрение человека вообще, а писателя в особенности. Взгляд Виктора Кустова постоянно ищет способ проникнуть в сакральное, что дало бы ответ на вопрос, что есть Истина.

Для меня неудивительно, что он обратился к теме, столь актуальной сейчас, что пройти мимо неё настоящему писателю невозможно, ибо касается она судьбы России, поиску общей идеи и цели. Об этом рассуждают многие, зачастую напрочь отстраняясь от уже имеющихся трудов, полагая, что главное здесь – не прошлое, а настоящее. Но идти в будущее и пытаться строить его невозможно без учёта и понимания максимально большого количества мнений на данную тему.

Виктор Кустов приступил к непростой задаче, сосредоточив своё внимание на одном из самых неизведанных миров под именем Даниил Андреев, на его религиозно-мистическом, метафилософском произведении «Роза Мира», которое впервые было издано в 1991 году, когда распался СССР и публике было явлено то, что старательно скрывалось при советской власти. Сей монументальный труд встал особняком среди других работ – по той, вероятно, причине, что слишком объёмен, насыщен придуманными Андреевым терминами и тем, что затрагивает вопросы, касающиеся индивидуальной мировоззренческой системы, в основу которой положен духовный опыт человека, никогда не имевшего наставника ни из какой религии. Андреев признавался: «Концепция, являющаяся каркасом этих книг, выведена целиком из этого (моего. – *Прим. автора*) опыта».

В наше время, когда общение сведено к минимуму, книги ограничены детективной и устрашающей душу тематикой, а эмоции заменены смайликами, читать Андреева трудно. Трудно, но возможно и интересно, когда понимаешь, что за кажущейся сложностью формы скрываются понятные всем истины: природа, культура, религия, история, Бог и другие вещи, которые при ближайшем рассмотрении оказываются тем, что тревожит из века в век человека, если, конечно, он не утратил способность тревожиться. Такую обеспокоенность о судьбе России и нравственном развитии её граждан проявил Виктор Кустов, написав художественно-публицистическую повесть «Вестник», героем которой является Даниил Андреев.

Даниил Леонидович Андреев (1906–1959) – сын писателя Леонида Андреева, яркого представителя Серебряного века, поэт, религиозный и социальный мыслитель. Эта фигура выпирает из русской литературы как мощный столб, одиноко стоящий посреди всевозможных её течений и направлений; стоит как гвоздь, прочно вбитый в русскую почву мифотворчества. На нём повисли попытки современных литературоведов разобраться в жанровой и философско-религиозных особенностях «Розы Мира». Кто-то из исследователей срывается вниз под грузом содержания романа; кто-то продолжает болтаться, не имея сил дотянуться, а Виктор Кустов уцепился и, хорошенько изучив, подарил нам превосходное описание судьбы Даниила Андреева, связав её с «Розой Мира». В определённом смысле сделал архиважное: приблизил к читателю и самого Андреева, и его величайшее творение, сделав их понятнее.

«Роза Мира», состоящая из двенадцати частей, каждая из которых может быть самостоятельной книгой, показана Виктором Кустовым как неотъемлемая часть судьбы Даниила Андреева, как полученная через откровение проповедь, которую Андреев собирал по крохам в течение жизни, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Такой взгляд свидетельствует о глубоком осмыслении Кустовым объективных и субъективных причин, приведших Андреева к написанию космического по объёму и мифологического по содержанию текста. Если учесть, что по большей части он написан в застенках Владимирской тюрьмы, то и вовсе труд по его созданию приближается к подвижническому – даже при том, если мы в чём-то с ним не согласны.

«Роза Мира» интересна, прежде всего, в качестве примера возможного мироустройства, вероятно, утопического, но стоящего на столпах общечеловеческих ценностей. Как это связать – утопию и реальность: вот вопрос, поставленный автором «Розы Мира». Фигура самого Даниила Андреева захватывает нас тем, что он, воплотив в себе историка, поэта и философа, продолжил традиции классической русской литературы, для которой на первом месте всегда стояло проповедничество и поиски Духа.

Виктор Кустов написал повесть, указав на важность если не изучения, то хотя бы знакомства с «Розой Мира» Андреева. В ней извечное стремление русской души к самопознанию соединилось со стремлением к саморазвитию – через Бога, что во все времена остаётся актуальным. А уж сегодня! Эта мысль, забытая в принципе, находящаяся на задворках общественного сознания, должна быть вызволена наружу для её осмысления. Несомненно, «Роза Мира» – тому в помощь, ибо всё, что там написано, было создано под влиянием божественных озарений, ниспосланных на Андреева в тюремных застенках.

Виктор Кустов за основу композиции взял принцип хронологии, что, как мне представляется, наиболее точно соответствует замыслу – показать череду жизненных моментов героя, влиявших на его духовное взросление. Всё в дальнейшем выстраивается по этому принципу, представляя читателю стройную картину последовательных событий и связанных с ними размышлений героя, что, в свою очередь, даёт понять, под влиянием каких обстоятельств складывалась мировоззренческая позиция Даниила Андреева.

Повесть начинается с полной духовного очарования сцены: шестилетний Даня проснулся, очнувшись от жара, вызванного дифтерией, и зовёт к себе любимую бабушку Бусеньку. Бабушка не идёт, а пока мальчика слушает с помощью «трубочки» дядя Филипп, врач, муж мамы Лилии. Далее следуют воспоминания Дани о папе, который живёт отдельно, и о старшем брате Вадиме, живущем с папой. В памяти Дани, навещавшего отца зимой, запечатлелись радостные картины, как они вдвоём катались на лыжах и санках. Детские воспоминания прозрачны и легки, светлы и наивны, а оттого особенно прелестны и навеивают атмосферу любви и нежности.

Первая глава – самая лирическая. В ней писателю удалось создать неповторимую атмосферу детства, переданную через восприятие Дани окружающего мира. Здесь и любопытство к городу, по которому «его водили в награду за хорошее поведение и успехи в течение недели», и восхитительные поездки на трамвае – каждый раз по новому маршруту, и существование волнительных тайн между ним и его двоюродной сестрой Шурочкой, дочерью мамы Лизы и дяди Филиппа, у которых Данечка живёт.

Здесь и непонятные разговоры взрослых о папе, о том, как папу чуть не убил Абрам, беглый преступник. Данечка Абрама никогда не видел и «представлял его то с чёрной повязкой на глазу, то со злым, как рисуют преступников, лицом и обязательно с огромным револьвером в руке...» Надо всем витает образ Бусеньки, о которой мальчику, наконец, говорят, что её не стало, пока он лежал в бреду. Даня пишет ей письмо, «разрешая... отправиться в рай и обязательно передать маме, что придёт время, как сказала Шурочка, и он с ней встретится...»

Постепенно мы узнаём, что после кончины матери, во младенчестве, Даня был увезён бабушкой по материнской линии Евфросиньей Варфоломеевной Велигорской в Москву, в семью другой своей дочери, Елизаветы Михайловны Добровой (урождённой Велигорской), жены известного московского врача Филиппа Александровича Доброва. Виктор Кустов исподволь, незаметно вводит читателя в мир Данечиного детства, где любимый праздник – Пасха, где пишутся два первых рассказа «Путешествие насекомых» и «Жизнь допотопных животных», где сначала слышны отголоски войны, а затем революции, где присутствуют Иван Алексеевич Бунин, Александр Николаевич Скрябин и Фёдор Иванович Шаляпин, вхожие в дом Добровых, и где-то вдали существует Алексей Максимович Пешков, записанный в церковной книге крестным отцом Данечки. Обстановка, в которой звучали художественные тексты и музыка, не могла не оказывать на подрастающего мальчика влияние. В ответ он начал задумываться об отце, о том, что это известный писатель, и – много рисовал, взяв от отца талант к живописи.

Внимательнейшим образом следит автор повести за «восходом души» своего героя, отмечая, как в одиннадцатилетнем возрасте Даниил чувствовал настроение взрослых и тревожился, ожидая грядущих после произошедшей революции перемен. Они не заставили себя ждать: отец, принявший большевиков за губителей России, поссорился с Горьким; на Пасху верующих не пустили в церковь в Кремле; расстреляли царя... В это смутное время, пишет Виктор Кустов, Даниил углубился в себя. У него появился свой мир, где жила придуманная им планета Юнона, о которой он мечтал написать книгу: «Все события должны были завершиться по Вселенной с посещением Луны, Марса... Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна... звезды Альфа... Нисколько не сомневаясь, он предположил, что там его путешественники увидят рай, в котором теперь мама и Бусенька...» После была гимназия,

переезд отца со всем его большим семейством в Финляндию, первая романтическая влюблённость, новые Шурочкины друзья, из которых «иногда заходили Владимир Маяковский, Лиля Брик, Марина Цветаева». И был мистический момент, поразивший пятнадцатилетнего Даниила силой откровения.

Виктор Кустов максимально выделяет этот момент из вереницы других событий в жизни молодого Андреева, предугадывая в Данииле будущего писателя-мистика и обращая наше внимание на его возвышенные чувства, которые нередко бывают предтечей встречи с Богом. Для ощущения необычности происходящего помещает своего героя на некоторую возвышенность, откуда открываются великолепные виды, и переносит действие на вечер, когда всё кажется немного иным, незнакомым...

Герой Виктора Кустова оказывается возле храма Христа Спасителя и вдруг, «очарованный видом» реки, Кремля и Замоскворечья «с его десятками колоколен и разноцветных куполов», чувствует, что «над ним и над всем окружающим миром есть другой, бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий всю историческую действительность России в странном и пока непонятном ему единстве с чем-то неизмеримо большим над ней...»

Автор повести подхватывает настроение, окутавшее Даниила у храма, и уже не отпускает его на протяжении дальнейшего повествования. Виктор Кустов нащупывает судьбоносную нить, которая протянется по всей жизни Даниила Андреева и приведёт к «Розе Мира». С этого эпизода начинается и копится томление духа в Андрееве, страдание, незаметное окружающим, но не способное ускользнуть от пронизательного взгляда Кустова. Писатель следит за поступками героя и сопереживает его будущему одиночеству, которое Андреев, может быть, и не ощущал, но увидел Виктор Кустов, когда, описывая творческую деятельность Андреева, не упомянул ни об одном из его учителей или предшественников, ни об одном из объединений, куда бы он входил. Вся повесть – подтверждение того, что появление Даниила Андреева в мире литературы – это нечто необъяснимое, мистическое.

Потом будет ещё несколько таких поворотных моментов: в 1928 году в Покровской церкви, когда, стоя на литургии, Андреев преисполнился видения, «в котором вся планета и есть единый великий Храм, в котором происходит вечное богослужение просветлённого человечества. И вся история человечества есть не что иное, как мистический поток... А значит, смысл жизни каждого человека – служить свою службу в великом Храме». Это откровение сопровождало Андреева всю жизнь. Можно сказать, что он служил службу, когда, озарённый видением, писал «Розу Мира».

Затем в 1933 году в случайной церкви, где читался акафист преподобному Серафиму Саровскому, Даниил впервые опустился на колени, почувствовав «блаженный восторг», а душою «поднялся туда, в Небесную Россию, к просветлённым». В «Розе Мира» он пишет: «В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму – и – удивительно! – переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой».

Такое длительное, стойкое чувство можно назвать сошествием Святого Духа через Серафима Саровского, что даётся в редчайших случаях. На самом деле, кто мы такие, чтобы судить, что произошло тогда с Даниилом Андреевым, но всем известно описание встречи Серафима Саровского с помещиком, где святой показал, что такое сошествие полноты Святого духа на человека. Это весьма похоже на случай с Андреевым, в чём можно усмотреть прямое благословение Серафимом Саровским Даниила Андреева на его литературные труды посредством познания Бога.

Акцентируя наше внимание на подобных мгновениях в судьбе Андреева, Виктор Кустов с величайшей деликатностью и уважением говорит о них. Через описание чувств героя подчёркивает: на Даниила нисходило нечто таинственное, для восприятия чего Андреев уже был открыт в силу дарованной ему Богом способности ощущать тонкие материи природы, красоту мира и откликаться на это порывами души. Такие минуты пробуждали в нём скрытый потенциал, который рос и ширился: проявлялся в ранних стихах, рассказах и пьесах, развился в романах «Грешники», «Странники ночи» и привёл к написанию «Розы Мира», где сосредоточились космические по значимости для человечества вопросы, связанные с историческими событиями, с проблемами веры, с темой личной свободы, с вопросами национального характера, с задачами «русской метакультуры» и высшим предназначением человека. Всё это начиналось именно при посещении храмов в детстве и юности.

Развивая тему духовного взросления, Виктор Кустов делает уточнение о своём герое: в неполных двадцать два года «Он особенно остро почувствовал потребность ходить в храмы. Там не было... влияния извне». Это «влияние» Даниил видел в том давлении, которое оказывали на него издатели и редакторы, не принимая тексты, в неудачной женитьбе, продлившейся год, и в ощущении своей

греховности. В храме всё отступало. В храме он отдыхал душой и восстанавливался. Здесь он искал и находил подпитку своим желаниям всё-таки написать о придуманной в детстве планете Юноне, которая с возрастом трансформировалась в идею о «Розе Мира», где «старые религии – лепестки...». Роза Мира – цветок: с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков...». Затем удивительные моменты случались уже в камере Владимирской тюрьмы, когда, чтобы скрыть слёзы восторга от охватившего его озарения, Даниил отворачивался лицом к стенке и плакал. Утром записывал то, что привиделось ночью.

Кустов рисует Андрея Данилова одиноким человеком. Не в том смысле, что не было с кем общаться, а в том, что минуты мистических откровений он всегда переживал один. Ни с кем не делился мыслями и чувствами. В полном одиночестве, без духовного руководства, проходит его христианское взросление и осмысление иных религий, его возвышение над обыденным. Детская открытость, отсутствие зашоренности и закомплексованности, доверие пережитым откровениям, острый ум, глубокое знание истории, философских систем прошлого и мировой литературы, пылкая душа, тонкое чувство всего потустороннего, мечта о всеобщем братстве – всё перечисленное сделало из Андреева мистика. В нём, как в огромном котле, варились сразу несколько религий, а жару поддавало желание указать человечеству путь спасения от зла.

Виктор Кустов раскрывает психологический портрет героя, значительно усиливая его поэтические стороны, с помощью пейзажа, имевшего мощное влияние на состояние духа Андреева. Для подтверждения своих выводов Кустов приводит слова Андреева: «ужасно мучаюсь без природы... люблю – до самозабвения – зной, бродяжничанье по лесам, лесные реки и вечера, ночи у костров, холмистые горизонты, даль... без этого совсем не могу жить». Рассказывая о необычной, с внешней точки зрения, привычке Андреева ходить босиком до холодов, а иногда в мороз по снегу и по московскому асфальту, Виктор Кустов призывает читателя быть снисходительнее к тем проявлениям человеческой природы, которые обывателю видятся странными. На самом деле Андреев таким образом соединялся с природой, чувствуя её силу. А неприязнь прохожих умирал тем, что вырезал у тапочек подошвы. Со сторон казалось, что он в обуви, но на самом деле подошвы ног оставались голыми.

Иногда автору помогает сам Андреев. Описывая его отношение к природе, Кустов не скупится на вставки из «Розы Мира», такие, где Андреев говорит о природе. Говорит языком художника и человека, глубоко чувствующего силу и красоту слова: «Хотя солнца не виделось, было так, словно и оно тоже текло где-то вблизи от моего кругозора, но не его сиянием, а светом иным, никогда мною не виданным, пронизано было всё это – всё, плывшее сквозь меня и в то же время баюкавшее меня, как дитя в колыбели, со всеутоляющей любовью».

Виктор Кустов дарит читателю возможность насладиться сочностью и раздольностью поэтического языка Даниила Андреева, показывая, что Андреев-прозаик вырос из Андреева-поэта, что метафоричность его прозаической речи превращает «Розу Мира» в высокохудожественное произведение. То, что он прежде всего поэт, утверждал сам Андреев и после его кончины и его жена. Алла Александровна писала (журнал «Социум» № 12-1991): «Поэт Даниил Андреев уникален. Я повторяю – поэт. Ни в коем случае не философ, не пророк (о богословии было бы кощунственно и говорить). Поэт в том смысле слова – древнем, забытом и измельчённом сейчас, – которое было когда-то цельным и обобщающим многие стороны человеческого дарования. Поэт – это совершенно особое восприятие мира не в виде идей или совершающихся перед глазами событий, но в образах. Философское мышление расчленяет жизнь, пытаясь постичь её в истоках и элементах. Поэтическое, образное восприятие мира вбирает этот мир в себя целиком и передаёт своё видение сущего нам, пользуясь даром владения словом, рифмой, ритмом».

Виктор Кустов приводит в повести фрагменты стихотворений и даёт понять: да, Даниил Андреев прежде всего поэт, и мистические, мифотворческие, пророческие, философские стороны его творчества вытекают из его поэтического мировоззрения. О том, что поэтическое творчество – это особый жанр философии, писали многие русские философы. Так, Владимир Соловьёв, давая характеристику творчеству Тютчева, заметил: «Дело поэзии, как и искусства вообще... в том, чтобы воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни, которому философ даёт определение в разумных понятиях».

Рисую образ будущего писателя, Виктор Кустов не отрывает его от той исторической обстановки, в которой Андрееву суждено было родиться, взрослеть и приобщаться к сочинительству. Герой по-

казан на фоне и в тесной связи с событиями начала и середины прошлого века. Родился он в первом его десятилетии, через год после «кровавого воскресенья». Напряжённость социальной обстановки, отражавшаяся во взрослых разговорах, сам воздух, которым дышал маленький Данечка, – всё было полно тревоги. Должно быть, не случайно, отмечает Кустов, в тетради мальчика появилось четверостишие:

*Буду Богу я молиться,
Людям помогать,
А чудесная Жар-птица
Мне тоску свивать.*

Учиться Даниил пошёл ещё в гимназию, а оканчивал уже советскую школу. Из программы исчезли закон божий, латынь и греческий, был сделан упор на коммунистическую идеологию. Переход из одной системы образования в другую, несомненно, внёс сумятицу в душу подростка, но духовная закваска, полученная в раннем детстве, оградила его от принятия кодекса строителей коммунизма. В декабре 1931 года Даниил стал свидетелем того, как взорвали храм Христа Спасителя, что укрепило его в мысли об агрессивной сущности большевизма.

Находясь в потоке нового времени, работал в многотиражке завода, но сбежал, не выдержав и двух месяцев: для него оказалось невозможным писать атеистические материалы. Грезя о высоком, трудился художником-оформителем. И всё это – на фоне разговоров о смерти Ленина, голодоморе на Украине, осуждении Зиновьева и Каменева, коллективизации и индустриализации, первого съезда советских писателей, идейные расхождения с Горьким, ставшим «апологетом новой власти». На происходящее Андреев имеет собственный взгляд, который сводился к тому, что всё «является закономерным итогом предшествующих лет в истории России».

Создавая портрет Андреева, Виктор Кустов делает акцент на совокупности множества внутренних свойств его характера, как то: темперамент, особенности личности, мотивация поступков, способности, эмоциональность, уровень интеллекта. Перечисленное показывается автором повести опосредованно, а иногда и прямо, когда приводятся слова самого Андреева о себе. Так, находясь в тридцатилетнем возрасте, Андреев пишет, рассуждая о своих нередких депрессивных состояниях: «...здесь дело заключается в том, что я по своим интеллектуальным, волевым и прочим данным – только поэт, и вместе с тем, с детских лет не смолкает голос, требующий ДЕЛАНИЯ... Не хватает религиозно-волевых сил, да и просто нервных и физических сил...»

Волею автора, основываясь на реальных фактах биографии главного персонажа, Виктор Кустов проводит своего героя по фронтам Великой Отечественной войны, рассказывает, как Андреев служил сначала писарем, затем санитаром в похоронной команде; как в октябре 1944-го его командировали в Москву работать в Музее связи Красной армии; как повстречал художницу Аллу Бружес и женился на ней; как решил выразить свои пацифистские взгляды в романе «Странники ночи»; как в 1947-м был арестован за этот роман и приговорён к двадцати пяти годам тюрьмы; как, находясь в заключении, не переставал работать над главным произведением своей жизни – «Розой Мира»; как был освобождён, досрочно, в 1957-м и – вплоть до кончины писателя в 1959 году.

Вторую часть повести Виктор Кустов полностью посвятил тюрьме, письмам Даниила и Аллы (отбывавшей заключение в Мордовии) друг другу и «Розе Мира». Здесь мало событий, но те, что описываются, имеют грандиозное звучание – в политическом и религиозном смысле. Писатель сделал вторую часть сюжета наивысшей по степени напряжения действия, растянув кульминацию на полкниги. Это вполне соразмерно с патетикой звучания «Розы Мира», представленной здесь отрывками и размышлениями автора повести, и вполне сочетается с трогательной теплотой и духовным единством, которыми были полны письма супругов. В них – разговоры о литературе, о высоком, о стране и том, как добиться сокращения срока Даниилу. Виктор Кустов составил такую подборку писем, из которой очевидно: Даниил и Алла, оказавшись в застенках, не предались унынию, а наоборот, с ещё большей твёрдостью духа продолжили работу: Алла рисование, Даниил сочинительство. Это спасло обоих от тоски.

Виктор Кустов показал потрясающую динамику образа Даниила Андреева, показав его детские, отроческие и юношеские грёзы и мысли и приведя к глубокому пониманию греховной сути чело-

века и противоречивости социальных, политических и религиозных процессов в России и в мире. В тюрьме и после тюрьмы перед нами предстаёт надмирный философ, человек, отягощённый тяжёлым опытом, писатель невиданного размаха мысли. В письмах к жене (1956 год) он обозначил, если не кредо, то свою позицию в понимании основополагающих вопросов нравственности и творчества.

В одном из них писал: «В числе моих выводов, сделанных из наблюдений за людьми, есть один, говорящий о невероятной сложности и противоречивости человеческой психики, характера, поведения. В одном и том же человеке уживаются такие, казалось бы, взаимоисключающие черты, сочетание которых не снилось и Достоевскому. Поэтому я могу вынести... нравственное “осуждение” кому-либо лишь в очень нечастых случаях». В другом письме добавляет: «Для меня красивое, музыкальное слово даже само по себе, вне зависимости от обозначаемого им предмета или понятия, становится источником эстетического наслаждения и своеобразной к нему привязанности».

В конце повести перед нами трагическая личность, одинокая, никем не понятая, но, как и в юности, страстная и дерзновенная. Это больной, истерзанный тюремными застенками пятидесятидвухлетний мужчина, который думает о том, чтобы предостеречь человечество от всемирной тирании, жертвой которой он себя считает. По его мнению, существуют «... две главные опасности для человечества – это физическое уничтожение вследствие войны и опасность его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании». Выдохшийся от неустанных видений, открывающих ему суть существования тонких миров, уставший от неустанного сочинительского труда писатель из последних сил дорабатывает «Розу Мира».

О застенках, между тем, Андреев писал, что они «послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа». Если вспомнить, как святые угодники земли русской уходили в пустыни и скалы, подальше от людей, чтобы соединиться с Богом, то можно сказать, что тюрьма для Андреева послужила в некотором смысле пещерой, где он уединился и отдался потоку озарений, приходивших к нему по ночам. Он утверждал: «... именно в тюрьме начался для меня этап метаисторического и трансфизического познания». Долго помнил он многочисленные ночи, когда, лёжа в карцере, испытывал озарения, в которых видел скрытые иные миры, видел силы и причины, по которым эти силы проявляют себя в мире видимом.

Слово за слово – творя портрет Даниила Андреева, автор повести любит своего героя, сопереживает ему и сочувствует. Особенно это заметно на конечных страницах, посвящённых двум последним годам жизни Даниила Андреева. Это время пронизано ощущением тревоги, пустоты... Тональность повествования незаметно меняется, становясь монументально-суровой, даже патетически-возвышенной. Возвышенной – в соответствии с «Розой Мира», которая звучит завершающим аккордом в повествовании. По сравнению с первыми страницами повести, светлыми, с лёгкой грустинкой по поводу кончины бабушки Бусеньки, последние воспринимаются как жёсткие порывы ветра, обжигающие душу.

Завершающие повесть страницы обнаруживают глубокие знания Виктора Кустова «Розы Мира». И не просто знания, а прочувствование всего текста, что неизбежно отражается на доступности изложения взглядов Даниила Андреева. Читателю предлагается задуматься над понятием многослойности Вселенной, которая лежит в основе концепции «Розы Мира». Под каждым слоем понимается мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Существуют миры восходящего ряда (миры просветления), миры нисходящего ряда (миры возмездия или демонические миры), а также Высшие миры нашей планеты.

Осмыслить это непросто, однако возможно, если набраться терпения. Главное – понять, что Даниил Андреев хотел донести до нас идею о появлении новой религии, которая будет признавать все старые, что неизбежно повлечёт за собой возрождение духовности общества. Созданный Даниилом Андреевым образ цветка, объединяющего все религии, ещё долго будет будоражить наши умы. В «Розе Мира», по Андрееву, будут отсутствовать претензии на исключительность той или иной религии, а будет только желание понять друг друга и вывести общечеловеческие суждения и принципы (догматы), которые были бы понятны и близки всему человечеству.

Выше я уже указывала на одну из сторон актуальности «Розы Мира». Актуальность заключается в возврате к мысли о самопознании и саморазвитии человека через познание им Бога. Сейчас скажу о другой стороне, на которую, как и в первом случае, обращает наше внимание Виктор Кустов. Параллель между тем, что происходит в мире, и тем, о чём писал Даниил Андреев, предвидя сегодняшние

проблемы, напрашивается сама собой. Виктор Кустов осмысливает написанное Андреевым и говорит: «Он предсказывает столкновение в борьбе за всемирное господство, отмечая “космополитический американизм”, неизбежность глобальной войны, после чего над уцелевшей частью человечества установится единая диктатура, прежде олигархическая, а затем единоличная. И это будет всечеловеческая тирания». Не то ли самое, не попытку ли установить мировое господство одного государства, Америки, над всем миром мы видим сегодня?

По суждению Андреева, как указывает на то Виктор Кустов, «именно его книга «Роза Мира» отвечает на вопросы, какая идея, какое учение помогут создать братство всех, которое сменит бездушный аппарат государственного насилия. И основу этих перемен видит в том, «что соцветие религий... под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религию вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком – Розою Мира». «Но когда и где затеплится первый огонь Розы Мира, кроме Господа Бога, не знает никто. Правда, “страна – Россия – преуказана”...»

В этой связи вновь вспоминается преподобный Серафим Саровский, который, кроме чудес, прославился своим пророчеством. Видится промысел Божий в том, что святой, проживший в уединении, и мирской человек, многожды освящённый Святым Духом, говорят об одном и том же, но разными словами. Саровский уверял: перемены начнутся тогда, когда Россия останется совсем одна. Обещал ей сохранение благочестия и защиту Бога, если народ сможет встать под православным знаменем. Считал, что в XXI веке странами, где не будет православия, станет править антихрист, что приведёт к началу междоусобных войн, которые продлятся 10 лет. Упомянул о конце мира, но не называл дат, уверяя, что они не известны даже «ангелам небесным». При этом верил, что Россия будет стоять долгие века, если русские возлюбят православную церковь.

Серафим Саровский не оставил после себя письменных свидетельств. Мы знаем об его высказываниях из слов близких к нему людей. Даниил же Андреев собственноручно написал огромный трактат, где (такое впечатление!) многие мысли Серафима Саровского были преумножены и развиты в духе научного, философского, религиозного, культурного и технического прогресса. Может быть, это не настолько явственно, чтобы говорить об этом конкретно, но то, что мысли обоих созвучны, – это бесспорно.

История жизни Даниила Андреева завершена. Но автор повести продолжает держать судьбоносную нить, пойманную им, когда его пятнадцатилетний тогда герой стоял возле храма Христа Спасителя и прислушивался к своей душе. Эта нить, с нанизанными на ней этапами жизненного пути Даниила Андреева, отныне вплетена в сноп творчества ставропольского писателя, любящего бродить по полям милого его сердцу Ставрополя. Вплетена, чтобы каждый желающий мог за неё уцепиться и познакомиться с Даниилом Андреевым.

«На мой взгляд, – как-то сказал Виктор Кустов, – настоящая литература – это для автора путешествие в неведомое с незнакомыми людьми, которые, по мере написания и знакомства с ними, становятся ближе и роднее. Если это не так, если твои герои не начинают жить собственной жизнью, значит ничего не получилось». У него получилось. Даниил Андреев живёт в повести самостоятельной жизнью, которая выходит за рамки произведения. Его жизнеописание захватывает, оставляет след в душах читателей, а личность Андреева вызывает изумление и неподдельный интерес. Автор отодвигается в сторону, о нём будто бы забываешь. Не знаю, насколько «ближе и роднее» стал Даниил Андреев для Кустова, – подозреваю, что много ближе и много роднее, – но для меня этот писатель с русской душой явился откровением, а его «Роза Мира» заставила о многом задуматься. Это ли не доказательство того, что герой стал выше автора?

Виктор Кустов назвал повесть «Вестник». Красивое, многообещающее слово. В данном случае, очевидно, имеются в виду духоносные наклонности Даниила Андреева, которые способствовали формированию в нём провидца. Насколько этот провидец прав, покажет время. И только Бог, Которого Андреев ставил превыше всего земного, опротестует или поддержит идеи писателя, ставшего героем повести Виктора Кустова.

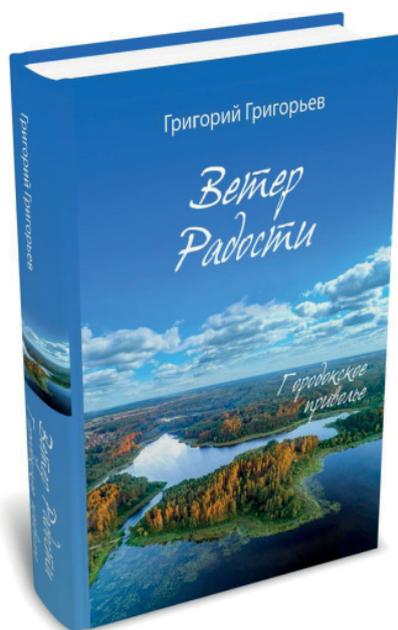
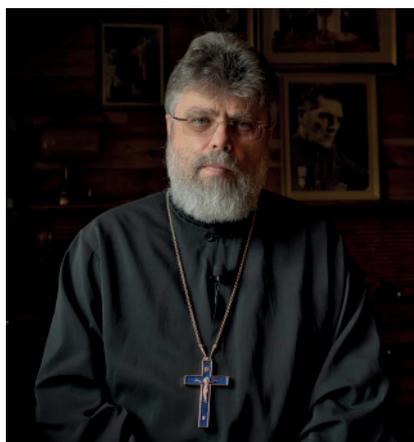
19.11–25.11.2024,

Ессентуки

Ирина Казанцева

Ирина Александровна Казанцева – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, e-mail: irina10768@mail.ru.

ДЕТСТВО КАК ОСНОВА РОМАНТИЧЕСКОЙ СКАЗКИ В «ГОРОДОКСКОМ ПРИВОЛЬЕ» Г. И. ГРИГОРЬЕВА

Направления деятельности Г. И. Григорьева, врача, священника, настолько разнообразны и одновременно органичны его неутомимой натуре исследователя и целителя душ, что его писательская ипостась настраивает читателя на приобщение к многомерному художественному миру и на удивление перед чудом образа Божьего в каждом человеке. Обратившись к прозе Г. И. Григорьева, мы обнаруживаем самобытную художественную систему, основание которой заложено в детстве, поскольку воспитателями и учителями автора были его творчески одарённые дедушки и бабушки, отец И. Н. Григорьев был талантливым поэтом военного поколения, а мама – учителем литературы и руководителем созданного ей в Санкт-Петербурге «Пушкинского лицея». Его литературный стиль и метод корнями связаны с ранними детскими впечатлениями от встреч с писателями, в особенности с Ф. А. Абрамовым. В воспоминаниях об отце Г. И. Григорьева можно прочитать о том, что в его доме «перебывало столько знаменитостей, что, соберись они все вместе, быть может, славой своей затмили бы даже славу Пскова. Фёдор Абрамов и Валентин Распутин, Виктор Астафьев и Василий Белов, Михаил Дудин и Ираклий Андроников, Юрий Бондарев и Михаил Алексеев, Глеб Горбовский и Константин Воробьёв не раз были здесь желанными гостями»¹.

Согласно замыслу автора, цикл «Ветер радости» должен был включать семь частей. Чудесным образом содержание стало подсказывать писателю наиболее гармоничную форму, как бывает во время кропотливой и любимой работы, ставшей частью большого не только литературного, но и жизненного труда. О. Григорий пишет: «Но в процессе работы части приняли вид отдельных томов. Тогда я наметил для себя структуру каждого тома – 5 частей по 13 глав. И даже анонсировал названия. Однако, не советуясь со мной, книги стали менять свои порядковые номера и имена, а новые имена повлияли и на содержание. И я понял, что “Ветер радости” чутко реагирует на изменения современного

мира и устремляется на помощь опустошённым душам»².

Камертоном, настраивающим на весь «личный эпос» (как называет автор свой литературный опыт) стала первая книга, оригинальность которой во многом определяется модификацией жанра

¹ Андреева С. Коль выпало стать поэтом... URL: https://igor-grigoriev.ru/kol_vypalo_statisya_poetom.html (дата обращения: 10.09.2023).

² Григорьев Г. И. Призрак звезды Полены. СПб.: Изд-во РХГА им. Ф. М. Достоевского, 2025. С. 6.

романтической сказки. «Городокское приволье» посвящено воспоминаниям о детстве писателя, но её специфику не опишешь через особенности нон-фикш, это понятие включает в себя предельно широкий круг явлений современной литературы. В случае с произведением Г. И. Григорьева перед читателем – развитие традиции русской классики, заложенной Л. Н. Толстым, и одновременно во многом иное по творческим принципам повествование. Оно выделяется из ряда сегодняшней литературы нон-фикш благодаря претворению в ней традиции романтической сказки в постромантическую эпоху. По сути, перед нами не документальное повествование. Во время одной из презентаций первых двух книг в Отраденской библиотеке Ленинградской области Г. И. Григорьев предпринял попытку определения направления, в котором написаны книги, точнее, обозначение культурной ситуации, называемой современными исследователями «метамодернизмом»¹. Думается, что подобный вопрос нуждается в серьёзном исследовании. Учтём важнейшее для проблематики данной статьи замечание автора о своей книге: «*Это повествование в жанре личного эпоса, где факты биографии сочетаются с достоверно домысленными историями. Во время работы над “Городокским привольем” некоторые воспоминания перемешались с вымыслом и превратились в автобиографические фантазии*»², специфика которых, на наш взгляд, определяется трансформацией традиции романтической сказки. Обратим внимание на любопытную деталь, дающую повод для размышлений об этом источнике. Автор манифеста метамодернизма (2011) художник Люк Тёрнер, пунктирно прослеживая связи направления с предшествующими, заявлял: «*Мы предлагаем прагматический романтизм...*»³. 9-я глава 4-й части книги Г. И. Григорьева озаглавлена «Баллада о рогатке», хотя она в силу объективных причин не была написана, указание на романтический жанр в сильной позиции текста может служить своеобразной подсказкой о роли романтической поэтики в творчестве современного писателя. Очевидно, что переключка терминов не простая случайность.

Первая книга носит название «Городокское приволье». В ней содержатся преобразованные фантазией автора детские воспоминания, реальные факты, погружённые в плотный слой воспоминаний о детстве-рае зрелого человека и заключённые в сказочную форму, концептуально близкую именно романтическим образцам данного жанра, но в эпоху метамодерна. Г. И. Григорьев воссоздаёт образ мира, в котором сделана попытка из самого светлого и чистого периода своей жизни создать фундамент для преодоления скорбей и трудностей взрослой жизни. Борьба с хаосом (греч. «адом») в пространстве отдельной души и мира происходит с помощью средства, данного писателю, – слова. Для точки, в которой находится священник о. Григорий сегодня, важно очистить искажаемый самим человеком мир, реставрировать образ Божий и радость, изначально заложенные Творцом в свои творения.

Форма книги гармонична замыслу. Пять частей, которые символически связываются с пятиглавием храмов, наиболее распространённых на Руси: «*В христианстве число 5 воспринималось также и как знак мистического единения земной церкви со Спасителем, что осмыслялось как брак Церкви и Христа (в чём также проявляется идея дуализма женского и мужского), евхаристического пресуществления всех христиан в жизнь вечную (евангельская легенда о пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек, притчи о пяти мудрых и пяти неразумных девах, о рабе, умножившем данные ему пять талантов на другие пять, ритуал благословения пяти хлебов на литии во время всенощного бдения и употребление на проскомидии во время литургии пяти просфор, иконостасы в пять рядов)*»⁴.

Каждая из частей включает 13 глав, что символически претворяет идею, заключённую в тринадцатиглавии древних русских храмов и мистическом числе учителя Христа с учениками-апостолами⁵. Книга включает короткие рассказы, каждый из которых содержит яркую, афористично и наглядно (через художественную деталь) представленную динамичную историю из детских воспоминаний,

¹ Ван Ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: Рипол-Классик, 2019. 494 с.

² Григорьев Г. И. Ветер радости. Городокское приволье. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 11. – Далее ссылки на текст даны по этому изданию с указанием страниц.

³ Turner L. Metamodernism. Manifesto. Available from: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 2.09.2023).

⁴ Иванов И. О. О значении храма и обряда в области веры и религии Христовой. Воронеж, 1894. Цит. по: Майничева А. Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 40.

⁵ Мокеев Г. Я. Многоглавые храмы Древней Руси // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1978. № 26. С. 44.

определяемых как особенностями психологии ребенка, так и спецификой восприятия художественного текста читателем. Например, динамика главы «Ты на небе, а не на земле» вводит тему отношения ребёнка с миром православия. Лирический герой, воссозданный в данной и последующих трёх книгах, ещё не крещён, но шаги на пути к обретению веры в дошкольном детстве послевоенного поколения, к которому принадлежит автор, проиллюстрированы взрослым человеком, видящим промыслительную связь событий. Через образ заброшенного Троицкого собора Измайловского полка, вокруг которого маленький герой часто гулял с мамой, восстанавливается преемственность времён, когда в «его (храма. – Прим. И. К.) тёмной таинственной глубине» (с. 36) он припоминает детское впечатление-видение «косых лучей солнца» (с. 37). Преобразование пространства фантазией ребёнка органично романтическому типу осмысления реальности в топосе сказки, фантазия отражает содержащуюся в самой реальности тайну, но открывается она чистому взгляду в результате творческого прорыва. Ранние романтики не отрицают сопряжения в сказке реального и фантастического, а самое важное, что именно сказка в их представлении способна воздействовать на душу. Как писал Н. Я. Берковский: «Романтики любили описывать превращения, разрушающие вещи и обнажающие жизнь»¹. Так, в сознании ребёнка на наших глазах произошёл творческий переворот, после которого он «нетвёрдой детской рукой... написал на листочке в клеточку: мир, мир, мир золотой – ты на небе, а не на земле» (с. 37).

Свойственное поэтической логике романтической сказки открытие того, что лежит за пределами видимости, является основанием авторского взгляда на мир и в «Городокском приволье». Обратим внимание на эпиграф, взятый Г. И. Григорьевым из стихотворения Вяч. Иванова «Русский ум»:

*Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле... (с. 5).*

Универсализм романтического сказочного образа, возвращающего к целостности восприятия мира, реализован в синтезе реального и мистического. Когда священник о. Григорий создаёт свою книгу о детстве-рае, он воплощает чудесную мечту, которую романтики манифестировали как воплощение «невидимого глазом, но осязаемое душой» (Новалис). Воспоминания дарят читателю картину реальности, одухотворённую воображением. А. В. Шлегель писал: «...поэзия древних была поэзией обладания, наша поэзия – это поэзия томления. Первая прочно стоит на почве действительности, вторая колеблется между воспоминанием и предчувствием»². Конечно, принцип субъективизма, свойственный поэтике романтизма, не характерен для произведений Г. И. Григорьева, но результат преобразования мира в форме сказки как идеального изображения, подлинного, но невидимого глазу, вполне соответствует природе символизма писателя. Само заглавие цикла и первой книги («приволье») и образный ряд вместе с переводом с греческого слова «ветер» («дух») создают поле притяжения-отталкивания между религиозной традицией и романтической поэтизацией вольности. Обратимся к характерному для стиля автора юмористическому детскому воспоминанию из первой части книги «Сом Егорка». В рассказе происходит визуализация чудесного образа мира через бытовые реалистические события: розыгрыш отцом героя «папой Игорем» писателя Фёдора Абрамова. Заядлый рыбак Игорь Григорьев убеждает писателя в необходимости особой подкормки (жаренного с чесноком гуся) для ловли гигантской рыбы. Интересно, что описание глазами ребёнка борьбы по поимке ложной рыбы, оказавшейся валуном, в комически сниженном виде напоминает иную по пафосу драматическую историю ловли Игнатичем огромного осетра, едва не закончившуюся гибелью героя («Царь-рыба», 1976). Аллюзии на текст «Царь-рыбы» столь прозрачны, что, благодаря мастерству писателя, читатель погружается в творческую стихию преобразования реальности, вступая в плоскость игры воспоминаний детства (1962 года) и читательского опыта взрослого автора (2019 года), когда-то читавшего «Царь-рыбу» В. П. Астафьева.

Писателю удаётся задать аксиологические основания мира, воспринимаемого как «ветер радости» и символизирующего его смысловую ценность через изображение природы, преобразованной творческим сознанием художника слова. Картина соединяет в себе реальное и фантастическое, порывы души и ветра («духа») радости рождаются из сцен детства в главе «Остров солнечных

¹ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. С. 32.

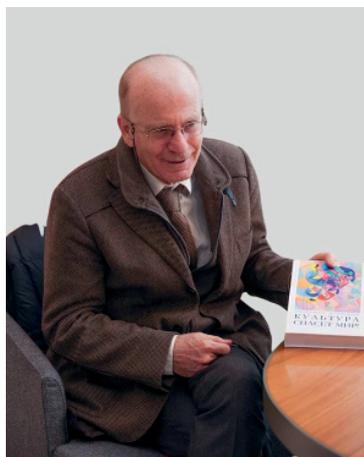
² Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 124.

воспоминаний» (гл. 13, ч. 3) из центральной части книги: *«Мир рождался на моих глазах. Небо поднималось над водой. И вода собиралась в реки и озёра. И открывались отроги Воробьёвых гор. И Бас-остров, словно гигантский корабль, причаливал к берегу. Всё было, как в Бытии: “И собралась вода пол небом в свои места, и явилась суша” (Быт.: 1–9)»* (с. 299). Смыслорождающая роль интертекстуальных связей с Библией позволяет воплотить динамику чувства героя и размытость хронотопа, свойственную поэтике романтической сказки. Данная особенность проявляется в роли снов, играющих особую роль в ценностном аспекте образа мира. У Г. И. Григорьева три вида сна. Сон-морок, генетически связанный через романтическую поэтику с более поздними экспериментами с ним в эпоху русского Серебряного века (главы «Обещание завтра», «Журавли»), сон-пророчество (глава «Майский жук»), сон-колыбель радостных воспоминаний и предчувствий (главы «С Новым годом!», «Накануне чуда»).

Таким образом, романтическая сказка трансформируется в книге воспоминаний о детстве Г. И. Григорьева. Наследуя преображающую мир энергию художника-романтика, заключающего в сказке гармонию реального и фантастического в идеальном, приоритет духовного над материальным, пафос возвышенного одухотворения природы, используя сон как средство стирания грани между временами и пространствами пребывания героя, движущегося к совершенному из настоящего как по тропе прошлого, так и по тропе будущего, стремясь подобно автору романтической сказки к мистическому постижению «невидимого глазом», современный писатель в создаваемой им картине мира существенно преобразует традицию данного жанра. Главные причины, вероятно, заключены в специфике этапа метамодерна и мировоззренческих основаниях художественного метода врача, священника, писателя. Аксиология автора подразумевает исцеление словом, поэтому в его преображённой действительности поэтизация природы без пантеизма, а личность художника, стремящегося к радости и её передаче читателю, дисциплинируется православно-христианским служением, строгая иерархичность которого выражена в теоцентрической картине мира. Значимым фактором в своеобразии книги стали источники её жанрового своеобразия, роль романтической сказки в воссозданных памятью повзрослевшего героя воспоминаниях о детстве позволяет художественно воздействовать на читателя, передавая ценностные основания и эстетические впечатления, поскольку *«Самым существенным в их (романтиков. – Прим. И. К.) исканиях является стремление заключить в сказку некий трансцендентальный смысл, передать его в фантастической форме»*¹.

¹ Ботникова А. Б. Немецкая романтическая сказка: герой, жанр, хронотоп // Мир романтизма: к 40-летию науч.-пед. деятельности И. В. Карташовой: сб. ст. Тверь, 2001. Вып. 5. С. 129.

Сухейль Фарах

Сухейль Фарах – российский учёный ливанского происхождения, философ, академик РАО и ведущий редактор арабской версии сайта Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», в рамках форума «Айтматовские чтения: диалог культур», размышляет о роли личности в развитии диалога цивилизаций.

ГЕНИЙ ЛИЧНОСТИ ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

У каждого народа есть гении, обладающие пламенным творческим сознанием. Их произведения во многом отражают сам исторический дух народа в его динамике и основах, способности к созданию материальных и культурных ценностей. Чингиз Айтматов – один из величайших гениев Кыргызстана и всего советского пространства, благодарные читатели возвысили его в ранг главы литераторов и философов, сумевших блистательным образом воплотить евразийский и планетарный дух... Кажется, он воплотил в себе и мгновение истины, и её континуум, красоту и силу, историю и вечность киргизской и евразийской души, так чутко откликающейся на эстетические откровения и литературу, на культуру диалога между Востоком и Западом. Создаётся впечатление, что любовь киргизов и русских к Айтматову равнозначна их любви к самой киргизской и русской природе и истории этих народов...

Роль личности в развитии диалога между евразийскими народами ярко выражена в его творчестве, а талант Айтматова показал себя в сближении духа культуры западных и восточных культур, в тайне бытия его народа, в глубинных особенностях самой его творческой сущности... Именно о природе этого творчества пойдёт речь в данном выступлении. Существуют разные подходы к роли личности в истории, в развитии или разрушении отношений между индивидом, обществом и природой, во взаимоотношении между разными культурами, религиями и народами. Личность всегда занимала особое место в разнообразных философских и политических школах. Трудно охватить все точки зрения, поэтому очень коротко напомним некоторые из них. В истории стран, где укоренилась демократическая культура и демократический институт, мы наблюдаем, что присутствие и роль личности в истории является отдельным случаем в конкретном периоде и событии. Хотя мы отчётливо наблюдаем роль личности в тех странах, где нет такой традиции и такого исторического демократического института: там роль личности играет решающую роль в развитии того или иного пути народа, или наоборот, оказывает препятствие прогрессу. Умеренные мыслители постоянно отходят от крайних подходов и выводов. По моему мнению, личность – это не только причина и мотив прогресса и творчества, но также продукт исторического развития. Чингиз Айтматов в этом контексте является причиной и продуктом исторического творчества киргизского и советского народа. Он – личность высокого ранга. Он сын бескрайних просторов евразийской земли. Этот человек-мудрец в течение почти восьми десятков лет жизни словно бы воплотил в своём слове всю киргизскую природу с её нежным дуновением весеннего ветра с гор и ослепительной белизной снегов, сочащимися мёдом фруктами и стройными сосновыми деревьями, дарящими киргизскому человеку тепло и надежду.

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Кто внимательно читал его труды, такие как повести: «Джамиля» (1958), «Верблюжий глаз» (1961), «Первый учитель» (1962), «Материнское поле» (1963), «Ранние журавли» (1975); романы: «И дольше века длится день» (1980), «Плаха» (1986), «Тавро Кассандры» (1994), «Когда падают горы» (2006)

и другие произведения, не может не ценить его яркую личность, его творчество, которое впитало суть евразийского духа. Его произведения отражают жажду человека к вечным человеческим и вселенным ценностям. Он был личностью планетарного масштаба, которая достойно воспринята в потоке истории человечества. Его творчество продолжает жить глубоко в сердцах и умах литераторов, философов, культурологов, дипломатов. Его повести и романы – эта мощь культурного наследия писателя – продолжают наполнять умы и сердца широкого круга читателей во всём мире. В чём секрет творчества этого выдающегося человека? Во-первых, Айтматов, как никто другой, смог прославить красоту земли и духовные ценности своего народа. Во-вторых, он смог войти в эстетику зрительного и душевного мира любого читателя, чтобы тот с радостью воспринимал особенности людей, животных и растений своего края. В-третьих, он прекрасно сочетал в своём творчестве достижения киргизской, русской, турецкой и мировой культуры. В-четвёртых, Айтматов был этичным человеком самой высокой пробы. Совесть для него – это точка Омега морального долга на земле: «совесть – это великое достояние, великое наследие человеческого рода, человеческого сознания, человеческого духа. Благодаря совести человек становится человеком». Эти слова принадлежат совести киргизского народа, эти слова принадлежат великому Айтматову. В-пятых, он воплощал в своём творчестве таланты и великого литератора-фантазёра, и рационального, мудрого философа, и яркого дипломата, и универсального интеллектуала. В-шестых, он был универсально духовный человек, который нашёл себя не внутри узкой религии или конфессии, а мечтал о единой человеческой и божественной религии. В-седьмых, он был ярким противником любой агрессивной политики, фанатичной религиозности и военной доктрины, которые разрушительны и злобно разделяют людей, разжигают все виды конфликтов между носителями разных культур, рас. Поэтому Айтматов был активным участником и ярким творцом за развитие культуры диалога между разными цивилизациями, религиями и сферами знания. В-восьмых, он был одним из великих инициаторов, которые вели тесные интеллектуальные контакты с представителями разных школ культуры Запада и Востока, поэтому он был и остаётся открытым человеком диалога и достойным гражданином мира. В-девятых, для него жизнь на земле – это планетарная лаборатория, которая тесно связана с космической лабораторией, поэтому он вошёл в список выдающихся литераторов-космистов двадцатого века. В-десятых, Чингиз Айтматов – это человек будущего, это интеллектуал будущей гуманистически-ноосферной цивилизации. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что яркая личность определяет векторы развития и суть такого творчества, для которого ключевыми словами являются красота, высокая культура, совесть, диалог и партнёрство между цивилизациями, универсальный ноосферный и космический разум. Безусловно, эти прекрасные человеческие и божественные характеристики принадлежат творчеству и образу великого Чингиза Айтматова.

Берега переводов

Ахмет Мурат

Ахмет Мурат – турецкий поэт, автор опубликованных сборников стихов: «Голова и цвет», «Знание зимы», «Поэт на велосипеде», «Решение сердца», «Прервать песню». В 2014 году Союз писателей Турции наградил его премией «Поэт года». В 2017 году он был удостоен «Поэтической премии Наджипа Фазыля». Автор переводов арабской литературы, сборников эссе и сборников научных работ. Поэт, получивший докторскую степень по философии и суфизму, в настоящее время является преподавателем Стамбульского университета Меджлиса.

Перевод стихов с турецкого Елены Родченковой

ПЕРВЫЙ ПОСТ

Выпей глоток призыва к вечерней молитве
И ощути путь молитвы в морях сердечных:
«Прими, пожалуйста, первое благо и вечное».
Выпей глоток призыва к вечерней молитве.
Месяц родился, земля появилась из тьмы,
Мы спасены.
С первым постом моя дочь в зеркалах хорошеет.
Община стала согласной со скоростью света.
Месяц родился, земля появилась из тьмы,
Мы спасены.
Хлеб наш горячий, Бог справедливый,
ты в полном порядке.
Пусть быстрее движется трафик e-5¹ с этим маршем.
Папа ваш снова приедет домой чуть пораньше,
Чтобы зажечь очаг и прочитать в ваших лицах:
Хлеб наш горячий, Бог справедливый, ты в полном порядке.

ЛЮБИТЬ СИНДБАДА

Ты не народный герой и не лидер студентов,
Не гордость великих учёных, не принц поэтов.
Ты не был им близок, несмотря на то что
Прошёл семь морей,
Как лучший географ и лучший рыбак планеты.

Не героическим был твой арабский меч, а игривым.
Щедро одаривал водного монстра, стриг его неустанно.
Сколько же плачущих женщин ты бросил в портах блудливых,
Но ты не оставил дебатов о трактате имл-и-бурхане.

¹ – e-5 trafıge (Kartaltepe) – дорога к Стамбулу.

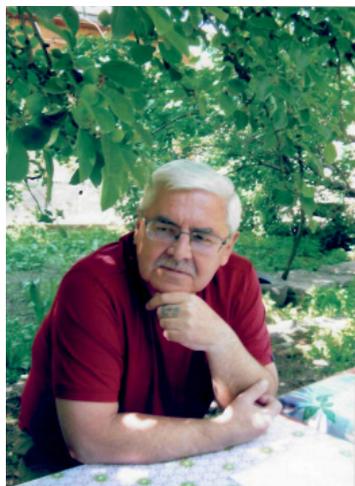
Ароматом специй Востока сказки благоухают.
Не одинаково память рисует Цейлон, Серендиб.
Ни капли крови с твоей бороды не упало,
И масло розы не капало с бороды.
Какие искал ты подводные в юности камни,
Кто знает,
Какой призыв миру в короткую зрелость дарил.
Твой слух был надмирным, ты выдумал воспоминания.
Я не искал высочайших причин для любви,
Я просто тебя любил.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

– Что такое любовь? Как сказать о любви?
– Ты как тигр скажи. Тигр любви не таит,
И в глубоких следах на холодном снегу
Слышен голос его в сочетании букв:
«Ask» – любовь, и звучит в отпечатках следов «А» «Se» «Ke».
Звук любви – это знак на снегу, на песке...
– Я услышал. Откуда приходит она?
– Может, с неба, как дни... Из пустыни, из сна...
– Кто достоин любви? Как она выбирает?
– Как сцепляют кольцо за кольцо, наблюдает
Острым взглядом могучего ястреба, ждёт..
– Как понять мне, когда будет сладкий черёд?
– Мы не знаем, мы можем лишь верить и ждать.
А увидеть её нам глазами нельзя.
И смешно бесконечно твердить: «Я люблю!»
Громких слов барабаны стучат, гремят, бьют...
А любовь, как орешек, – растёт и цветёт,
Созревают в скорлупке два сердца, как плод.
Если рано найдёшь, скорлупу разобьёшь, –
Разобьёшь и любовь.
И быть может, поймёшь,
Что внутри скорлупы жизнь два сердца таит
От того, кто внимательно смотрит с земли.

Бережок

Николай Зайцев

Николай Петрович Зайцев – член Союза писателей Казахстана и России. Почётный гражданин Талгарского района. Печатался в областных, республиканских газетах, журналах «Берега» (Калининград), «Простор», «Нива», альманахе «Литературная Алма-Ата», московских: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Голос эпохи», альманахе «ЛитЭра», «Автограф» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), «Подъём» (Воронеж), «Бийский вестник» (Алтай), «Алтай хрустальный» (Усть-Каменогорск), «Венский литератор» (Австрия), сетевых журналах «Камертон», «Молоко», «Великороссь», «Ковчег», «Лексикон» (Чикаго). Автор книг: «Талгар», «Через Прочее», «Вершины Талгара», «Грешен...», «Цветы для Мари», «Во Имя Твое», «Голуби и другие рассказы», «Тайна Утреннего Света», «Преображение смысла».

МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

Рассказ

Колька жил на белом свете уже десятый год, но про эту жизнь и о себе в этом пространстве, необходимом любому человеку, ещё мало чего знал. Он заканчивал третий класс, умел читать и писать, жил в доме с отцом и мамой, ещё была бабушка и старшие сёстры, которые звали его «толстиком», потому что был он крупным мальчиком. Папа называл его Колян, а мама и бабушка – Коляша. В школе и дома про него чего-то там знали, иногда шептались за спиной, но сам он про себя ничего рассказать не мог, а потому молчал, когда его спрашивали о делах, не относящихся к учёбе и дому.

Колька очень любил читать и рисовать, но не знал, зачем это делает. Просто нравилось. Одноклассники, кроме друга Мишки, его сторонились, девчонки обзывали «жирным» и спешили дружить с шустрými, стройными ребятами. И лишь когда играли в футбол, Кольку неизменно ставили охранять ворота. И он научился это делать здорово, не мечтая о забитых мячах в ворота противника, а стараясь спасти от гола свои. Он уже играл за младшую школьную команду, но опять же не понимал – почему берут играть именно его, но желал этого и потому сражался самоотверженно, бросался на мяч и часто отражал пенальти. И всё же Колька не считал себя великим спортсменом, лишь частью своей команды, потому что он присутствовал в мире вместе со всеми и не знал о себе ничего, отличного от других ребят.

Но однажды осенью, когда Колька пришёл учиться уже в четвёртый класс, с ним произошёл случай непредвиденный и совершенно необъяснимый. Он вышел на большую перемену в школьный двор, отдельный для учащихся младших классов, и присел на скамейку, поболтать с единственным другом – одноклассником Мишкой. Вдруг через забор, на автономную детскую территорию, перелез худосочный, неряшливо одетый и вызывающе наглый мальчишка из 6 «Б». Он стал распихивать, толкать малышкой. Девчонки, что весело играли на дорожке в классики, его не заметили. Подбежав к ним, он толкнул одну девочку, ударил другую. По всей площадке уже слышался девичий визг и плач. И тогда, неизвестно почему, Колька поднялся, подошёл к хулигану сзади и, обхватив его тощее, как жердь, тело, поднял и понёс к забору. Шестиклассник пытался вырваться, угрожал, ругался, но хватка мстителя не ослабевала. Поднеся драчуна к месту, откуда тот появился, Колька со всего маху припечатал его лицом в крепкий опорный столб дощатого забора. Тот взвыл, упал на колени, вскочил и, обернувшись окровавленным лицом к удивлённым малолеткам, прокричал что-то наподобие: «Я вам ещё покажу». Потом полез на забор, сорвался, но, получив ускорение от Кольки мощным футбольным пинком под зад, быстро вскарабкался наверх и исчез за оградой. Все, видевшие этот смелый Колькин

поступок, будто онемели, и только друг Мишка, хлопнув его по плечу, сказал: «Ну ты даёшь, Колян! Он же никому прохода не даёт, а ты ему всю морду расквасил. Молоток!»

Колькин подвиг на этом не закончился и имел для героя печальные последствия. После уроков его вызвали в учительскую, потому что драчун пошёл зализывать раны в медпункт и там пожаловался на ученика младшего класса как на агрессора. Ему поверили, хотя раньше Колька не слыл забиякой и не был замечен в плохой успеваемости. Директор школы тоже особо не разбирался – сработал эффект первенства жалобы. Поставили нашему герою двойку по поведению в дневник и вызвали родителей в школу. Дома состоялся неприятный разговор с отцом, но Колька молчал, как воды в рот набрал. Да и что ему было рассказывать – взрослые верят учителям, а не детям. Так он стал героем в глазах одноклассников, а у руководства школы и своих родителей – нарушителем дисциплины. Ему сочувствовали в классе, девчонки называли его теперь только по имени, а ребята старались с ним подружиться.

Вскоре несурзаица оценки в отношении Колькиного поступка прояснилась. Оказалось, некоторые учителя видели, что произошло на самом деле под окнами школы, и сообщили об этом директору. А девчонки, ходившие лечить синяки и ссадины, полученные от драчуна, в медпункт, рассказали обо всём без прикрас. Кольку снова вызвали к директору, и, когда он туда явился, там его уже ждал отец и учителя. Поглядывали на него с явным интересом. Такая нынче редкость, чтобы ученик начальных классов не побоялся дать отпор старшему хулигану. Только Колька ничего хорошего не ожидал от нового вызова на педсовет. Просто пришёл, встал в центр кабинета, опустив голову: «Пусть ругают. Это ничего, пройдёт». Но директор ругать его не стал. Вместо этого начал говорить об ошибке, несправедливости, скоропалительном решении. «Теперь всё прояснилось», – подытожил он и попросил у Кольки прощения. Двойку в дневнике тоже исправили, написав, что оценка действиям ученика была дана неверно. На прощание директор пожал Кольке руку и сказал: «Знаешь, не каждый сможет встать на защиту слабых. Это настоящий мужской поступок». Потом все поблагодарили главу семьи за верное воспитание сына, и Колька с отцом отправились домой. По дороге заглянули в книжный магазин, и отец купил ему книгу «Детям о космосе и Юрии Гагарине – первом космонавте Земли» и фотографией космонавта в скафандре на обложке, а ещё краски и кисточки для рисования, о которых Колька давно мечтал.

Дома отец рассказал о Колькином подвиге, несколько раз назвав сына настоящим мужчиной. Сёстры потом неделю не отставали от брата, требуя заново поведать о происшествии на школьном дворе. Но Колька уже увлёкся чтением и мелкий свой поступок не считал геройством в сравнении с подвигом первого в мире космонавта. Но одно он уяснил навсегда, что он – Колька – мужчина и это звание, а тем более знание этого земного назначения, даёт ему право совершать только благородные, достойные поступки.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.